ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2006 Том 12

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 3

Главный редактор
Н.М. РАССАДИН

Редакционная коллегия:

О.П. Акаев, Н.Ф. Басов, П.Н. Белкин, А.М. Белов, С.К. Булдаков, Н.П. Гибало, И.А. Едошина, А.Г. Кирпичник (зам. главного редактора), **А.Н. Коврижных** (отв. секретарь), **В.П. Лебедев, Ю.В. Лебедев, В.Н. Маин, В.Л. Миловидов, М.И. Скаржинский, А.И. Субетто, А.И. Тимонин, Г.М. Травин, Н.П. Фетискин, В.В. Чекмарев, М.С. Шалумов**

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

4 **Наумов А.Р.**
Вузы и регионы. Опыт исследования взаимодействия вузов с местными сообществами в области образования, науки и культуры

11 **Ваулина Л.Н.**
Межкультурная коммуникация в социальной сфере

15 **Бухмастова Г.А.**
Современные тенденции интеграции и маркетизации в европейском высшем образовании

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

19 **Барышев А.А., Братчиков А.Н.**
Гематологические и биохимические показатели крови бобров

22 **Кривошеин В.В., Дайлиденок А.А.**
Рост и развитие стерляди в условиях тепловодной аквакультуры

23 **Сиротина М.В., Мурадова Л.В.**
Морфологическое типирование, адаптивная норма и продуктивность крупного рогатого скота

25 **Луткова Л.А.**
Влияние гомеопатических препаратов «Травматин» и «Травма-гель» (ООО «Хелвет») на некоторые гематологические показатели у норок при заболеваниях молочной железы

29 **Рябуха Л.А.**
Распространенность акушерско-гинекологических патологий у норок в зверохозяйстве ЗАО «Судиславль» Костромской области

32 **Матвеева Г.С.**
Генетический потенциал голштинской породы по продуктивным качествам в сравнении со стандартом породы

34 **Панкратова А.А., Пискунова Х.А., Николаев А.В.**
Хозяйственно-экологические аспекты возделывания льна-долгунца на подсеве многолетних трав

38 **Лаврова Н.В.**
Практические аспекты андрогенеза in vitro озимой мягкой пшеницы

40 **Певзнер А.А., Певзнер Л.А.**
Особенности возбуждения высокочастотных вибросейсмических сигналов

43 **Шевченко К.В.**
Современные тенденции развития в системах управляемых автоматизированных электроприводов

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

48 **Беляева Ю.В.**
Экономическое содержание категории «инновации»

51 **Гусева А.В.**
Проблема выбора отечественными коммерческими банками стратегических целей функционирования

53 **Зыков А.А.**
Проблемы развития материальной базы строительства на современном этапе

59 **Назаров П.В.**
Особенности развития национальной экономики России

67 **Штефан О.А.**
Эволюция концепции управления

69 **Малоземова Л.Ю.**
Лояльность как долгосрочный актив компании

70 **Кочурова Л.И., Сабецкая Г.Р.**
Появление маркетинга в мировой экономике

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

73 **Приступа Е.Н.**
Социально-педагогическая модель формирования здоровой личности ребенка

78 **Крылова О.Ю.**
Влияние произведений искусства на развитие речевого творчества учащихся

81 **Лоцман Е.С.**
К вопросу об отношении учителей музыки к проблеме становления личностно-гуманистической ориентации младших подростков

83 **Неробеев А.Б.**
Особенности религиозного самосознания курсантов

85 **Афанасьев В.В., Сафонова С.В.**
Педагогическая диагностика как ведущий компонент системы профессиональной подготовки студентов в вузе

89 **Ярошенко О.Н.**
Проектирование содержания перцептивно-коммуникативной подготовки будущего переводчика на основе идей межкультурной коммуникации

ФИЛОЛОГИЯ

92 **Морозов Н.Г.**
Актуализация старых литературных форм: феномен реализма конца XIX – начала XX вв.

99 **Радомская Т.И.**
Образ Дома в художественном восприятии Лермонтова: феномен «срединности» и диалектика земного и небесного

103 **Быкова И.И.**
Изучение имен прилагательных в диалектных системах

107 **Морозова Н.Ю.**
Диалогические и монологические отношения в художественной системе Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского («Выбранные места из переписки с друзьями», «Село Степанчиково и его обитатели»)

111 **Тарасова О.М.**
Возрождение жанра средневековой баллады в поэзии В. Гюго

114 **Иванов Н.Н., Волкова С.Н.**
Языческий миф в прозе русского неореализма

116 **Тюрин А.В.**
Когнитивный диссонанс в восприятии текста уникального торгового предложения

119 **Юсова О.Б.**
Виноградная лоза или розга? (историко-лингвистический комментарий)

121 **Кимов Р.С.**
Реляционные конструкции в языках

126 **Шакирова Н.Х.**
Структурные особенности некоторых видов многочленных смешанных сложных предложений в татарском языке

129 **Емельянова А.В.**
Прагматическое воздействие темпоральных частиц в рекламном дискурсе (на материале немецкого языка)

ИСТОРИЯ

132 **Чудакова М.С.**
Органы политического сыска накануне и в период Февральской революции

137 **Амосова О.С.**
Из истории Московской мещанской слободы XVII века

141 **Калинин А.А.**
Англо-американские разногласия по греческому вопросу в январе–октябре 1943 года

145 **Новоторцева А.М.**
Микроисторический угол зрения на условия эффективности работы податных инспекторов в России в конце XIX – начале XX в.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

149 **Виноградова И.Е.**
Мораль. Нравственность. Духовность. В поисках смысла…

153 **Снежкова Е.А.**
Творчество Такэмицу Тору: о диалектике национального и интернационального

158 **Домахина Н.М.**
«Демониана» М. Врубеля как воплощение идеи человекобога

163 **Колобова Ю.И.**
Культурология личности как научно-исследовательский подход

167 **Лысяк В.Л.**
Многомерная природа отношений собственности

171 **Кузицын Г.М.**
Критерии культурного прогресса человечества (вопросы методологии)

184 **Яковлев В.Ю.**
Культурно-мировоззренческая рефлексия научного познания

188 **Думаревский Д.Б.**
К вопросу о значении категории деятельности в социальной онтологии

192 **Чернавский М.Ю.**
Религиозно-философские обоснования принципа монархии в русском консерватизме второй половины XIX – начала XX веков

197 **Комаров А.С.**
Моральное начало свободы в философии поздней античности и раннего средневековья на примере Эпикура, Сенеки, Эпиктета и Боэция

200 **Гусева С.Г.**
Национальное понимание достатка во времени и пространстве

206 **Крутецкий В.Ю.**
О попытках осмысления судьбы Максима Грека в конце XVI в.

210 **Медвидь В.В.**
Абсолютные ценности в религиозно-философской антропологии Ф.М. Достоевского

215 **Седова Н.В.**
Сократ – величайший дохристианский учитель человечества и его идеи для русской педагогики

219 **Раева Д.М.**
Советская мода 20–30-х гг. XX века как феномен культуры и предмет научного изучения

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

222 **Абидова Ю.М.**
К вопросу об определении места и роли муниципальной собственности в системе форм собственности Российской Федерации

225 **Береговой В.В.**
Правовая дефиниция приватизации: основные подходы к пониманию

228 **Дятлов Ю.А.**
К вопросу о соотношении правореализующего и правоприменительного риска

232 **Кулакова А.А.**
Роль жертвы в возникновении и развитии предпреступной ситуации в исправительных учреждениях

237 **Сучков Р.Н.**
История борьбы со взяточничеством. Ответственность по УК РСФСР 1922 года

242 **Федоров В.В.**
Общественная палата Российской Федерации в системе субъектов общественного (гражданского) контроля

244 **Шерменёв М.А.**
Методологические проблемы исследования деформации правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы

ЧТО. ГДЕ. КОГДА.

247 **Белов А.М.**
К выходу в свет избранных сочинений В.Л. Миловидова

249 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

А.Р. Наумов

ВУЗЫ И РЕГИОНЫ. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВУЗОВ С МЕСТНЫМИ СООБЩЕСТВАМИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Реализация национального проекта «Образование», предполагаемые направления образовательных реформ ставят перед системой образования весьма сложные и неоднозначно сформулированные задачи[1]. При этом развитие самой системы образования осложнено противоречивостью процессов, институционализируемых программой реформ. Укрепление российской государственности, формирование реального федерализма объективно ведет к повышению роли национально-государственных и административно-территориальных субъектов Федерации во многих сферах общественной жизни, в том числе и в сфере высшего профессионального образования, бывшего на протяжении десятилетий заботой, в основном, федерального центра. Сущность новой государственной политики в области высшего профессионального образования заключается в постепенном переходе от отраслевого к региональному управлению.

Реформирование образовательной системы России происходит на фоне общих тенденций перераспределения функций управления и усиления роли органов местного самоуправления, которые в наибольшей степени приближены к проблемам местного сообщества и призваны их решать. Забота о высшем профессиональном образовании дает субъектам Федерации, муниципальным образованиям серьезный выигрыш в научно-техническом, социально-экономическом и культурном развитии, повышает их конкурентоспособность на рынках труда и инвестиций.

Логика эволюции позволяет ставить вопрос о необходимости формирования социально целесообразных систем образования в регионах. Размещение вузов на территории России исторически обусловило их концентрацию в городах, являющихся крупными промышленными, транспортными и культурными центрами своих регионов. Высшие учебные заведения являются необходимым элементом инфраструктуры современного крупного города, любого сколько-нибудь серьезного регионально-административного образования. Количество и развитость высших учебных заведений является индикатором научно-технического, социально-культурного развития урбанизированной среды, ее миграционной привлекательности для населения, одним из основных показателей качества жизни населения. Города и регионы, имеющие развитые высшие учебные заведения, всегда были и будут более конкурентоспособными, притягивая к себе новые инвестиции, производства, предприимчивых людей, одаренную молодежь. Без сомнения, чем выше развитие высшей школы в регионе, тем большие возможности при прочих равных условиях они имеют для своего ускоренного демографического, социально-экономического и культурного развития.

Вузы имеют возможность в больших масштабах вести переподготовку и повышение квалификации специалистов, что позволяет снизить структурную безработицу. Ведущие вузы создают бизнес-инкубаторы наукоемких технологий, обеспечивают хорошие стартовые возможности для внедрения современных, в первую очередь информационно-насыщенных, технологий, научного и кадрового обеспечения инвестиционных проектов. Темпы проведения экономических реформ по регионам страны коррелируют с показателями развития в них высшей школы, удельным весом лиц с высшим профессиональным образованием и количеством студентов.

Все эти тенденции приводят к тому, что власти регионов, муниципальных образований уделяют все большее внимание развитию высшего образования, идут на разграничение полномочий по управлению высшим профессиональным образованием с федеральным центром, создают специальные органы управления, обеспечивают серьезную финансовую поддержку вузам[2].

Отмеченное позволяет ставить вопрос о вариативности модели университетов как элемен-

© А.Р. Наумов, 2006

те структурной перестройки системы образования. Вариативность является существенным внутренним ресурсом и одновременно фактором развития, обеспечивающим динамизм системы образования, формирующим способность удовлетворять меняющиеся потребности личности, общества, производственных структур и государства в продуктах и услугах образования.

Общие направления организационной перестройки университетов в региональных центрах выражаются в переходе к многоступенчатой, гибкой, открытой, территориально рассредоточенной и самодостаточной модели высшего учебного заведения. В первую очередь это касается классических университетов, как признанных центров образования, науки и культуры региональных сообществ. В результате, оценивая тенденции модернизации сферы образования, полагаем, что одним из немногих принципиальных достижений является осуществление процесса (при всех его издержках) «регионализации» профессионального образования. Все это объективно ведет к формированию модели регионального университета[3].

Реформа высшей школы, направленная на повышение роли вузов как ресурсных центров в регионах страны, несомненно, актуализирует развитие профессиональных исследований формирования и осуществления региональной социально-целесообразной образовательной политики. «Выполнение проектов в интересах местных сообществ входит в заявленную миссию университетов. Это поможет, с одной стороны, университетской общественности осознать свою роль и возможности в обеспечении и поддержании программ социально-экономического и культурного развития регионов, а с другой – будет способствовать росту востребованности экспертного потенциала вузовских специалистов местным сообществом», — отмечает И.С. Гудович, президент ассоциации «Женщины-математики».

Имеющийся потенциал университетов может быть в значительной мере усилен за счет создания и развития реального социального партнерства с местными органами власти, бизнесом и институтами гражданского общества в целях их взаимной интеграции и наращивания ресурсной базы, что, несомненно, окажет положительное влияние на процесс «выравнивания» развития регионов. Последнее, в свою очередь, невозможно без развития горизонтальных связей между университетами России и без активизации обмена опытом проектной деятельности университетов. Это, в свою очередь, может инициировать другие более широкие и содержательно наполненные проекты для университетов России. Подобный механизм отвечает современным интеграционным подходам, направлениям национальных проектов и многих федеральных целевых программ.

Отправной точкой для развития профессиональных исследований формирования и осуществления социально-целесообразной образовательной политики могли бы стать сбор, систематизация и анализ структурированной информации о реализованных проектах региональных университетов по взаимодействию с региональными и местными органами власти, бизнесом и институтами гражданского общества. Важным условием успешного сетевого сотрудничества является формирование открытой базы данных реализованных проектов и свободное распространение информации об опыте взаимодействия. Поскольку многие проекты университетов в той или иной мере являются объектами интеллектуальной и хозяйственной собственности, а в некоторых случаях серьезными источниками финансовых средств, необходимо отметить, что развитие горизонтальных связей и обмена опытом между университетами должно строиться на серьезной мотивационной основе с обязательным соблюдением авторских прав. Известным средством решения таких задач является создание базы метаданных, то есть структурированной и сжатой информации о том, где и у кого содержится полная информация об интересующих пользователя проблемах, каковы условия ее предоставления, персонифицированная информация об исполнителях проектов и об экспертах в данной области.

Вышеуказанными соображениями руководствовался коллектив АНО «Сетевой институт общественных инноваций» (http://www.cioi.ru), включаясь осенью 2004 года в работу над проектом «Исследование опыта региональных университетов по взаимодействию с местными сообществами в области образования, науки и культуры». Основной целью проекта, выполненного при поддержке фонда «Евразия», являлась систематизация проектного опыта российских региональных университетов по обозначенной проблеме и содействие реализации миссии университета как центра социального партнерства и системы научной поддержки решения социально-экономических проблем региона.

Большинство координаторов СИОИ работают в классических университетах страны, поэтому коллектив проекта хорошо понимает, что создание и введение в оборот такого информационного ресурса послужит развитию горизонтальных межуниверситетских связей, обмену успешными технологиями и распространению имеющегося практического опыта среди российских университетов.

В соответствии с обозначенными задачами проекта коллектив СИОИ осуществлял работу по следующим направлениям:

– сбор, систематизация, анализ структурированной информации о реализованных проектах региональных университетов по взаимодействию с местными сообществами для решения проблем регионального развития и формирование открытой базы данных о таких проектах;

– содействие распространению информации об инновационных моделях управления образованием, ориентированных на потребности рынка, экономический рост и социальное обновление;

– выявление круга проблем, связанных с взаимодействием университетов с региональными и местными органами власти, бизнесом и институтами гражданского общества.

В ходе реализации проекта были последовательно решены задачи, связанные с подготовкой соответствующего инструментария сбора информации, систематизацией и анализом собранной информации, размещением базы метаданных в Интернете. Единовременное выполнение сетевого проекта на территории всей страны в семи часовых поясах, от Владивостока до Калининграда и от Мурманска до Северного Кавказа, потребовало создания понятной и четкой системы управления.

В течение сентября–декабря 2004 года в 123 классических университетах, государственных и негосударственных вузах гуманитарного, педагогического, технического профиля, выступивших в качестве рабочих площадок проекта, прошли встречи и круглые столы. Их участниками стали представители администраций вузов, региональных органов всех ветвей власти, муниципалитетов, общественных организаций и политических партий, местных бизнес-сообществ, преподаватели, аспиранты, студенты. В ходе подробного обсуждения роли университетов в решении социальных, культурных и экономических проблем местного сообщества обсуждались вопросы развития партнерств между региональными университетами, местными органами власти, бизнесом и институтами гражданского общества в целях их взаимной интеграции и наращивания ресурсной базы.

Круглые столы являли собой оживленную и плотную дискуссию профессионалов в виде серии выступлений нескольких участников-экспертов по заранее заявленным темам, основные тезисы которых подвергались затем обсуждению в рабочих группах. Мнение участников дискуссий отражает изменение взгляда многих вузов на свою миссию, которая не сводится к воспроизведению кадров, но подразумевает воспроизводство культурно-социального пространства качества жизни, поддержание необходимого потенциала репродуктивных потоков, гармонизацию соотношения возрастных групп сельских районов, оздоровление в них культурной жизни через активизацию деятельности обучающейся молодежи. Невозможно, проектируя развитие системы высшего образования, игнорировать эту исторически сложившуюся «сверхнормативную» активность просоциального вектора.

Главный результат проекта: сформирована общедоступная интерактивная база реализованных проектов по взаимодействию университетов с местными сообществами, содержащая описание каждого проекта в форме кейса. База данных размещена на сайте СИОИ по адресу http://www.cioi.ru/unicom/ и на начало 2006 года содержит подробное описание 463 проектов (заметим, что проект изначально предполагал размещение описания примерно 150 проектов). В конце ноября 2004 года основные результаты проекта были представлены на «Ярмарке социальных проектов», посвященной открытию Фонда «Новая Евразия».

Разработка, создание и размещение на сервере программного обеспечения для работы с базой данных было выполнено силами специалистов Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Созданы программные модули и Web-интерфейс управления базой данных, поисковая система, механизмы интерактивного пополнения ресурса новой информацией и актуализации данных. Пользователи исключительно положительно оценивают функциональность, графическое решение, дружелюбность пользовательского интерфейса, удобство пользования и т.д. Распределение информации систематизировано по регионам, вузам, руководителям вузов, названиям проектов и т.д. Предусмотрена идентификация пользова-

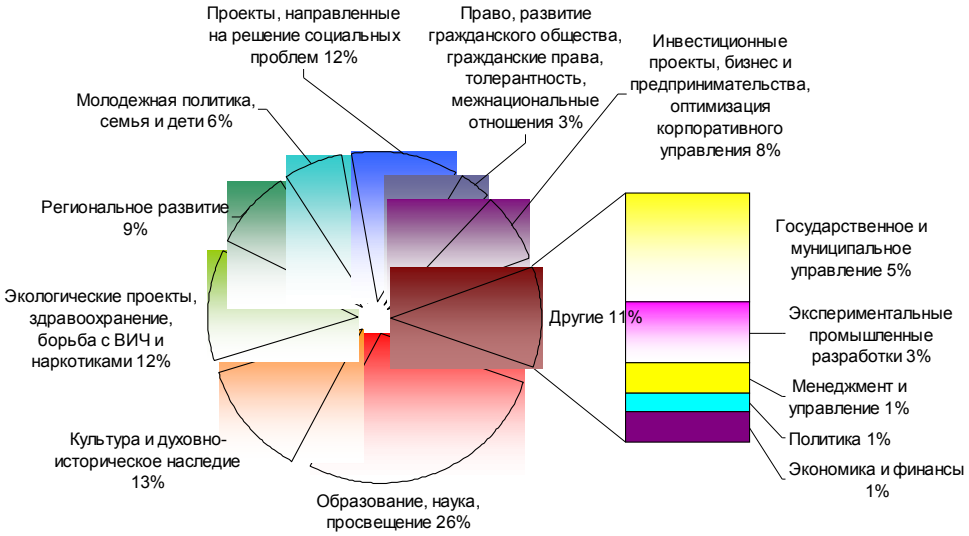

Рис. Распределение проектов вузов по направлениям деятельности

теля, таким образом, обеспечивается безопасность доступа. Работа с электронными формами на сайте сопровождается четкими инструкциями, что позволяет быстро понять принцип работы. Разработка в целом характеризуется цельностью, функциональностью и стилистической выдержанностью.

Распределение представленных проектов по тематической локализации позволяет оценить приоритеты региональных университетов. Тематика и тип проектов обусловлены «специализацией» вузов и, соответственно, его приоритетами. Просматривается зависимость между миссией и позиционированием вуза в регионе и реализованными проектами. Когда вуз эффективно и целенаправленно позиционирует себя в роли важного агента развития региона, создает распределенные, четко ориентированные реальные и виртуальные структуры, заметно приращение сферы взаимодействия вуза с местными сообществами и роли университета в развитии региона.

По мнению участников проекта и экспертов, собранный материал представляет большую ценность, фактически являясь первым исследованием подобного рода, охватившим большую часть регионов России. «…Для вузов региона важно, чтобы были услышаны результаты социально значимых проектов. Установление связей между представителями вузов и местными сообществами – это проблема из проблем. В ходе этого взаимодействия могли бы родится еще ряд проектных тем…» – отмечает проректор по научной работе Калининградского ГТУ проф. В.В. Брюханов.

В базу данных вошли сведения как о «модельных» проекты, которые могут быть воспроизведены в других регионах и учебных заведениях, так и об уникальных проектах, определяющих лицо и позицию университета в данном регионе. Контактная информация о руководителях и основных участниках проектов может стать основой для создания базы данных экспертов в области образования, региональной политики, социальной сферы.

Разнообразие представленных проектов свидетельствует об устойчивости университетов. Ведь, говоря о взаимодействии университетов с местным сообществом в области образования, науки и культуры, необходимо учитывать не только проекты в сфере образования и науки. Издание книг или повышение квалификации не единственный способ стать центром сообщества: решение реальных социальных проблем путем создания новых технологий и механизмов для технического университета в определенном смысле приоритетно – это и есть его реальное и полезное взаимодействие с местным сообществом. Именно многообразие решаемых задач превращает университет из рафинированного академического центра в действительный центр местного сообщества.

Кроме того, в ходе встреч, обсуждений и первичной обработки результатов анкетирования выявились некоторые особенности. Конечно, надо помнить, что это не закономерности, поскольку есть количественные, региональные и организационные ограничения массива инфор-

мации. Однако же имеющаяся информация позволяет отметить, что вузы в состоянии достаточно разнообразно выстраивать отношения с региональной и муниципальной властью, другими государственными организациями и учреждениями, местным бизнесом (в том числе – выполняя по заказу социально значимые проекты).

Современная ситуация, типичная для практически всех регионов РФ, характеризуется высокой замкнутостью и закрытостью всех уровней власти, организаций, фирм, объединений. Исключение, пожалуй, в силу своей специфики и назначения, представляют институты гражданского общества. Однако и они, получив достаточную базу и поддержку определенной целевой группы населения, стремятся (осознанно или нет) к камуфлированию собственных интересов и возможностей.

Вузы достаточно мало и однообразно взаимодействуют с организациями третьего сектора, вяло и неактивно участвуют в межсекторном взаимодействии, большинство проектов финансируется из государственного и регионального бюджетов (иногда с привлечением собственных средств), лишь немногие – из средств местного бизнеса, фондов и благотворительных организаций. Даже активная ориентация на местный бизнес ограничивается решением отдельных конкретных задач (достаточно мало проектов связано с бизнес-планированием, оптимизацией корпоративного управления и т.п.), крайне редко в целевую группу проекта попадают средства массовой информации и общественные организации.

Представляется, что весьма важной, наряду с успешными проектами, является информация о проектах, которые самими авторами не могут быть признаны удачными по тем или иным причинам. Для обмена информацией между университетами и продвижения их в решении проблем местных сообществ и такой критический ресурс может стать полезным.

Проекты, социально направленные, ориентированные на местное сообщество, «размыты» по вузу, начиная от индивидуальных исполнителей или проектных групп и заканчивая какой-то программной вузовской деятельностью или деятельностью в рамках региональной программы. В любом случае, проект предложил вузам выйти за рамки привычной оценки своей деятельности (образование, наука и связанные с ними инновации).

С другой стороны, структура проектов позволяет предположить, что и региональные и местные власти не всегда рассматривают вузы как партнеров, потенциал которых может быть реально востребован в выполнении многих региональных программ. На наш взгляд, это связано и с жесткими ведомственными вертикалями финансирования. В тех программах, где есть деньги, их отдают своим подведомственным структурам, а программы без финансирования неинтересны вузу. Не случайно большинство описываемых проектов имели грантовое или иное привлеченное финансирование из федерального центра.

Подразумевается, что в основу социально-экономического развития региона положен принцип использования и развития возможностей участников партнерства и совокупного потенциала всего региона. Без соблюдения вышеуказанного принципа невозможно эффективное развитие дотационных регионов, типичным представителем которых является Костромская область. Углубление и расширение социального партнерства здесь является необходимым условием полноценного функционирования и лекарством от стагнации. В свою очередь подобное социальное партнерство невозможно без транспарентности, «прозрачности» интересов, проблем, ресурсов всех субъектов, взаимораскрытия и сотрудничества.

В качестве примера успешного взаимодействия вуза и местного сообщества обратимся к опыту Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Исследования, проводимые под руководством ректора университета профессора Н.М. Рассадина, направлены на глубокую структурную и программную интеграцию образования и науки, на реализацию инновационной функции университета, на интеграцию университета в жизнь региона, на возникновение социального партнерства в регионе. Только в 2004–2005 гг. достижению вышеуказанной цели были подчинены проекты, разные по целям, механизмам и источникам финансирования, но объединенные общей идеей и преемственностью.

Так, в ходе реализации проекта «Формирование основ социального партнерства в региональной сфере образования» выявляются проблемное, правовое и организационное поля социального партнерства в сфере развития региональной системы образования; развивается профессиональное сетевое взаимодействие в системе образования, реализуется транслируемая модель университета как центра регионального социального партнерства в области образования.

Ученые университета осуществили разработку программы социального партнерства университета в воспитательном пространстве региона через разворачивание мониторинга процесса формирования воспитательного пространства; переподготовку управленческих кадров; социально-педагогическое стимулирование процесса оформления в регионе групп носителей социокультурных инноваций. Научная и практическая ценность результатов состоит в выработке научно обоснованной общественно-государственной политики в сфере социального воспитания и создании экспериментальных площадок в муниципальных образованиях.

Развитие университета как комплекса, реализующего не только цель подготовки высококвалифицированных специалистов для различных отраслей национального хозяйства, но и миссию формирования гражданского общества, основывается на фундаментальном значении отечественной культуры в жизни государства и общества как главного регулятора поведения, деятельности, жизненной позиции человека, влияющей на все сферы государственного и гражданского бытия. Разработанная концепция областной целевой программы «Историко-культурное, природное и духовное наследие Костромской области (до 2015 года)» направлена на сохранение и развитие, изучение и использование традиционной народной культуры, памятников истории и культуры, библиотек, музеев, природных памятников Костромской области; образование, просвещение, патриотическое воспитание учащихся и молодежи и развитие туризма.

Одним из важных результатов работы участников костромского проекта в 2002–2004 гг. явился выход в свет монографий, авторами которых выступили ведущие ученые и руководители университетов России, имеющие научные разработки и большой практический опыт в области высшего образования и управления[4]. В них отражены точки зрения руководителей системы образования и ученых, в которых в той или иной мере звучат ответы на вопросы: во имя чего проводятся или предполагаются к проведению те или иные преобразования, какие ценности и цели при этом предполагается реализовать, каким путем сфера образования сможет влиять на нравственные и трудовые параметры жизнедеятельности человека в регионах, а значит, и в государстве.

Многие руководители образования и эксперты отмечают, что представленная информация отражает реальное, а не декларируемое состояние высшего образования в регионах. Вузовские проекты выступает в качестве своеобразного «сколка» системы высшего образования, позволяя увидеть картину, обычно скрытую от посторонних глаз. Даже непристальный взгляд на перечень проектов и их краткое описание открывает как огромный потенциал наших вузов, так и наши «мыльные пузыри»… Надеемся, что аналитический материал по проекту поможет и нашему обществу, и нашим государственным органам управления выбрать нужный вектор развития. Кроме того, это колоссальный информационный ресурс для вузовских администраторов, позволяющий узнать, какие источники для внебюджетного финансирования используют коллеги, предложить сотрудничество в новых областях и т. п.

Можно указать на высокую теоретическую и практическую значимость собранной социальной информации. Думается, стоит озаботиться формированием своего рода «деловой площадки» или «информационного стенда», а для этого необходимы интеграция полученной социально значимой информации университетов с информационными ресурсами региональных и муниципальных властей, а также сетевых ресурсов НКО.

Оценивая перспективы развития проекта с точки зрения расширения ее целевой аудитории и направлений работы, стоит указать, что такого рода работа, безусловно, необходима, и востребована, как университетами, и местными сообществами. Представляется, что информация о реализованных проектах университетов интересна как раз с точки зрения ее социальной актуальности и работы по формированию регионального комьюнити. В большинстве городов России местное сообщество не сформировано и на сегодняшний день существует в виде разрозненных объединений вокруг качественно различных центров. Особенно хотелось бы отметить необходимость сотрудничества университетов и НКО в части реализации социальных проектов, поскольку данный аспект межсекторного взаимодействия достаточно слабо развит.

Оценивая ситуацию с активностью вузов, участники проекта отмечают, что, чем старше и известнее вуз, тем больше он погряз в рутине, тем труднее ему предъявить на уровне проектов что-то действительно нестандартное и тем меньше он открыт для сотрудничества. Те же вузы, которые давно и активно работают с фондами, получая финансирование на свои разработки, адекватно воспринимали участие в настоящем

проекте. Эти «пассионарные» (по Л.Н. Гумилеву) вузы быстро откликнулись на предложение представить проекты для базы данных, с интересом работали над обсуждением наиболее достойных из них и представили много разнообразных тематик. Очевидно, что возможность размещения информации о своих проектах рассматривается руководством вуза как дополнительная возможность укрепления своего положительного имиджа. В ряде случаев реальное взаимодействие по проектам осуществлялось с руководителями более низкого уровня (факультеты, кафедры и т. п.), что в целом оказалось менее продуктивным в качестве полученных результатов.

Наконец, несколько вузов, в основном технического профиля, отказались от предоставления информации, что, по нашему мнению, связано с ложной боязнью потерять потенциальную интеллектуальную собственность. При этом общеизвестный принцип эффективного сотрудничества, связанный с обязательностью предъявления своих целей и возможностей, соблюдается вплоть до наоборот. «Открыться – значит стать слабее» – таково субъективное восприятие существующей ситуации у руководителей большинства институций.

Из особенностей реализации проекта, сопряженных с проблемами и трудностями, следует отметить следующие:

– отсутствие прямой заинтересованности вузов в предоставлении адекватной информации по проектам проявляется в настороженном отношении к сотрудничеству, часто отказ сопровождается встречным предложением «заплатить»;

– руководители структурных подразделений высказывают общее настроение «усталости» от бесчисленного количества программ и проектов, участие в которых, как правило, не приносит никаких дивидендов и сопряжено с большим количеством проектно-бумажной работы;

– в 2004–2005 гг. продолжилось свертывание деятельности в России многих зарубежных доноров и инвесторов, оставшиеся существенно изменили вектор сотрудничества с российскими организациями (так произошел фактический отказ фонда «Новая Евразия» от работы с российскими вузами в области социального партнерства) или переориентировались на инновационное предпринимательство.

Не ограничиваясь какой-то общей оценкой опыта участия вузов в социально-экономическом развитии регионов, следует определить, что он является важным индикатором «колебания линии» модернизации сферы образования России. В рамках настоящей публикации отметим лишь, что современный российский вуз по рукам и ногам связан несчетным количеством нормативных актов, инструкций, проводимых проверок, что обрекает его на поведение «ленивца на ветке» в принятии и осуществлении решений всех уровней (от повседневных дел до разработки и реализации стратегии). Подобная ситуация не только не способствует эффективному управлению и развитию вузов, но и отвлекает из социального бюджета страны и без того ограниченные ресурсы.

Для многих вузов характерно отсутствие систематического электронного учета проектной деятельности, связанное с недостаточным вниманием со стороны руководства вуза к данному виду работы. В вузах практически не ведётся централизованный сбор и систематизация материалов, поэтому работы архивного характера по поиску необходимой информации объективно способствовали формированию учета проектной деятельности.

Руководство далеко не всех вузов на деле считает задачу развития местного сообщества приоритетной и имеет программу действий в данном направлении. Ситуация осложняется соперничеством вузов за финансирование со стороны государства и благотворительных фондов. В частности, поэтому открытый диалог по развитию местного сообщества находится в «зачаточном» состоянии.

В заключение отметим, что согласованное регулярное проведение исследований и мероприятий, посвященных особенностям функционирования университетов в регионах России, может стать важным этапом в процессе создания оптимальных моделей устойчивого и эффективного развития российского образования и межрегиональных научных исследований. Диапазон задач дальнейшего научного поиска широк, реализация их будет направлена на модернизацию российского образования и обеспечение устойчивого социально-экономического развития нашей страны.

Примечания

[1] См. выступление Президента России В.В. Путина на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета 5 сентября 2005 г. http://www.mon.gov.ru/main/1636/

[2] См. выступление губернатора Красноярского края А. Хлопонина на коллегии Минобрнау-

ки: «Национальные образовательные проекты: заказ общества и экономики» http://www.mon.gov.ru/news/announce/1726/

[3] *Шафранов-Куцев Г.Ф.* Университет и регион. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1997. – 222 с.

[4] Управление социально-экономическими процессами в регионах: роль университетов / Под общ. ред. В.В. Чекмарева. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. – 425 с.; Университеты как фактор формирования человеческого капитала / Под общ. ред. В.В. Чекмарева, А.Р. Наумова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – 452 с.; Университеты в трансформирующемся обществе / Под общ. ред. В.В. Чекмарева. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – 882 с.

Л.Н. Ваулина

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

XXI век объявлен ЮНЕСКО «веком образования». Приоритетными становятся знания, интеллект, всесторонняя образованность. В значительной степени этому способствует межкультурная коммуникация между представителями разных культур, государств. Свободное перемещение людей, идей и информации через границы государств способствует взаимному обогащению. У каждой страны есть свои богатые образовательные традиции. Специалистам разных стран есть чему учиться друг у друга.

Первый серьезный опыт международного сотрудничества и понимания важности их поддержания КГУ им. Н.А. Некрасова получил в партнерстве с коллегами из земли Северный Рейн-Вестфалия. Контакты расширялись, вовлекая в международную деятельность широкий круг преподавателей, студентов, учителей, учащихся школ, работников сферы социальной защиты г. Костромы и Костромской области. Реализуемые проекты всегда имели практико-ориентированный характер.

Одним из значимых проектов стало создание в 2000 году *Российско-германского Центра культурно-образовательных связей и программ* при КГУ им. Н.А. Некрасова.

В соответствии с возложенными на него задачами Центр:

– изучает и обобщает опыт сотрудничества учебных заведений региона с немецкими коллегами и его влияние на учебный процесс, проводимые научные исследования, на качество подготовки специалистов и степень практического использования возможностей сотрудничества в практике обучения студентов;

– разрабатывает предложения и рекомендации по расширению и систематизации международных контактов учреждений и организаций;

– способствует распространению немецкого языка и культуры;

– обеспечивает содействие в улучшении методики преподавания иностранных языков;

– обеспечивает всем желающим доступ к информации через создание информационного центра;

– организует обмен опытом работы специалистов в области образования и культуры России и Германии.

Приобретенный ранее опыт сотрудничества позволил оптимизировать международное взаимодействие и сетевое взаимодействие участников реализуемых проектов и положительно сказался на их работе.

РГЦ с момента создания реализуется широкий спектр программ, охватывающих почти все этапы получения образования: *школа → вуз → переподготовка и повышение квалификации.*

Многие проекты имели инновационный характер. В частности, на уровне школьного образования, РГЦ было инициировано создание школы европейского образца. Идея была поддержана Госканцелярией земли Северный Рейн-Вестфалия и администрацией г. Костромы. Официальное открытие *проекта «Еврошкола»* состоялось 1 сентября 2001 г. на базе школы №3 г. Костромы.

Проект «Еврошкола» имел своей целью создание еще одного варианта альтернативной школы, адекватной требованиям современной ситуации.

Актуальность создания «Еврошколы» вызвана:

а) процессом глобализации, ведущим к возникновению новых форм культуры и образа жизни;

б) необходимостью организации учебно-воспитательного процесса в международном контексте;

в) необходимостью создания системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации, обеспечивающей экономику, науку, культуру высококвалифицированными кадрами,

© Л.Н. Ваулина, 2006

способными обеспечить реализацию инвестиционных программ;

г) созданием условий для самореализации индивида, расширения потенциала получения образования за счет включения в число студентов виртуальных университетов Европы, обеспечение равенства шансов на получение информации, образования.

Одно из основных направлений в работе «Еврошколы» – формирование у учащихся способности межкультурной коммуникации, т.е. адекватного восприятия и взаимопонимания, что обусловливается знанием норм и традиций общения народа, принадлежащего к другой национальной культуре, что достигается через:

1) обучение:

– традиционным предметам государственных образовательных стандартов, таких как иностранные языки, история, география, литература, родной язык;

– предметам культурологического цикла;

2) развитие междисциплинарных связей;

3) создание единой информационно-образовательной среды;

4) ориентацией всего содержания обучения не только на российские, но и международные образовательные стандарты;

5) обеспечение тесной взаимосвязи обучения и воспитания через создание единого учебно-воспитательного комплекса.

В школе созданы условия для воплощения в жизнь поставленных целей и задач:

– улучшена материально-техническая база за счет ремонта аудиторного и внеаудиторного фонда, приобретения мебели, аудио-, видеотехники и материалов, компьютерного класса, спутниковой антенны, аутентичных учебно-методических пособий;

– повысилось качество преподавания: в школу пришли лучшие учителя немецкого языка, организовано внутришкольное повышение квалификации учителей с учетом специфики школы;

– в школе постоянно работает учитель из Германии. Учащиеся школы, успешно справляющиеся с программой углубленного изучения немецкого языка, готовятся к сдаче экзамена по немецкому языку на диплом конференции министров образования и культуры ФРГ «Немецкий язык как иностранный» 2-й ступени;

– проведен цикл воспитательных мероприятий по ознакомлению учащихся со страноведением Германии в течение учебного года; установлены контакты с гимназией Карла Великого г. Аахен; состоялись первые обмены преподавателями и учащимися.

Вторым школьным проектом, инициированным Российско-германским Центром культурно-образовательных связей и программ, стало *внедрение идей реформаторской педагогики в начальной школе*. Проект начат в 2004 г. со знакомства костромских специалистов с реализацией идей Марии Монтессори в детских садах и школах разного типа в Германии. В январе 2004 г. 5 специалистов из КГУ им. Н. А. Некрасова и представители школы №29 г. Костромы прошли повышение квалификации в г. Мюнстере (Северный Рейн-Вестфалия). Затем последовал этап знакомства с воплощением идей М. Монтессори в России.

В феврале 2005 г. состоялась вторая поездка костромских специалистов в Германию. В Институте школы и переподготовки кадров повысили квалификацию специалисты КГУ им. Н.А. Некрасова, Управления образования г. Костромы, школы №29 г. Костромы. В сентябре 2005 г. германские педагоги провели семинары по Монтессори-технологиям для преподавателей и студентов университета и учителей школ города.

В России Монтессори-педагогика долгое время считалась предназначенной исключительно для умственно отсталых детей, в то время как в Европе и США она распространялась преимущественно как система воспитания здоровых детей. Педагогика Монтессори позволяет воспитывать самостоятельных, инициативных, творческих, ответственных людей. «Космическое» воспитание Марии Монтессори, по ее мнению, формирует людей, которые смогут жить в гармонии с собой и друг с другом, без войн и социальных кризисов.

Идеи педагогики Марии Монтессори, таким образом, становятся особенно актуальными в условиях глобализации.

Важным этапом международного сотрудничества явилась *реализация Программы им. Александра Герцена в области социальной работы и социальной педагогики* совместно с Вологодским ГПУ, Специальными Евангелическими институтами г. Бохум, г. Дармштадт и г. Ганновер (Германия). Сотрудничество было направлено на взаимную поддержку в организации учебного процесса по всем специальностям социальной работы, установление связи между теоретическим и ориентированным на практическую деятельность обучением через стажировки преподавателей, студентов, аспирантов, а также через

проведение учебных занятий преподавателями в партнерских вузах, участие в международных конференциях, издательскую деятельность.

Основными проектами были:

– межкультурная социальная работа;

– профилактика наркозависимости;

– мониторинг социального развития;

– лечебная педагогика;

– супервизия;

– мобильность практиков, преподавателей, аспирантов и студентов (КГУ и социальную сферу в вузах-партнерах представляли 30 человек, Кострому посетили 29 человек);

– издание учебно-методической литературы («Лексикон социальной работы» (1999), «Анализ социально-экономической ситуации в регионе» (2001), «Путь к социальной работе» (2001), «Социальная работа в современных условиях (2002), «Социальная ответственность в Европе» (2003), «Место встречи – социальная работа» (2003)).

Плодотворное сотрудничество в рамках Программы им. Александра Герцена было обеспечено тесным взаимодействием всех вузов-партнеров и представителей социальных учреждений г. Костромы и Костромской области. В программе были задействованы: Департамент социальной защиты Администрации Костромской области, административно-правовое управление г. Костромы, Центр социальной работы с несовершеннолетними, Центр психотерапии и практической психологии, Центр социальной реабилитации несовершеннолетних, молодежный центр «Пале», общество «Виктория», Областной реабилитационный Центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Лесная сказка» и другие.

В рамках программы на базе РГЦ проводились семинары по межкультурной социальной работе для специалистов всех типов социальных учреждений, служб, общеобразовательных школ, занятых в этой сфере. Студенты Евангелического специального института г. Дармштадт прошли практику в страноведческом лагере «Планета людей» Нерехтского района.

Программа им. Александра Герцена впервые позволила организовать в регионе переподготовку и повышение квалификации социальных работников в области социальных методов с наркозависимыми и профилактики наркозависимости. В феврале 2001 г. впервые за круглым столом вели диалог представители разных учреждений, заинтересованные в оказании помощи подросткам-наркоманам; участниками курсов стали преподаватели и аспиранты КГУ им. Н.А. Некрасова, социальные работники, психологи, врачи, социальные педагоги школ. Курс переподготовки в объеме 150 часов состоял из двух информационных блоков и проводился в два этапа. По окончании семинара три костромских специалиста выезжали в г. Ганновер для знакомства с организацией работы социальных учреждений для наркозависимых. Впоследствии они выступили мультипликаторами: полученные знания и опыт были переданы на курсах повышения квалификации социальным педагогам школ г. Костромы и Костромской области. Таким образом, программа им. А. Герцена явилась первым шагом в подготовке специалистов по социально-педагогической и социально-психологической работе с наркозависимыми.

Следует отметить плодотворность стажировок и практик преподавателей и студентов в вузах-партнерах. Этот академический обмен обеспечил:

– знакомство с особенностями социальной работы в Германии, способствовал дальнейшей разработке, углублению и уточнению понятийного аппарата социальной работы, без чего невозможно формирование самой концепции социальной защиты нуждающихся граждан;

– поиск путей совершенствования социальной помощи населению России через сравнение содержания, форм и методов социальной работы;

– знакомство с опытом и методиками подготовки специалистов по социальной работе в высших учебных заведениях Германии;

– использование богатого фактического материала в учебном процессе.

РГЦ проводит большую работу по распространению немецкого языка и культуры. Пятый год организуются *олимпиады по немецкому языку и страноведению Германии для учащихся школ и студентов вузов г. Костромы и Костромской области* на призы Госканцелярии земли Северный Рейн-Вестфалия. В 2005 г. олимпиада была поддержана Германской Службой Академических Обменов, которая предоставила победителю студенческой олимпиады поездку на языковые курсы в Германию. Интерес к олимпиадам возрастает. В 2005 г. в ней приняли участие около 80 человек. Олимпиады повышают мотивацию познавательной деятельности детей, подростков и молодежи, а подготовка к участию в олимпиадах помогает заполнить досуг полезным содержанием.

В 2003 и 2004 годах РГЦ проводились *Дни немецкого языка*, объединившие комплекс ме-

роприятий: курсы повышения квалификации учителей немецкого языка школ г. Костромы и Костромской области под руководством специалистов из Германии, олимпиады и международные научно-практические конференции.

РГЦ стал региональным центром *апробации новых технологий в преподавании иностранных языков* в соответствии с требованиями практики обучения языку в различных типах учебных заведений и социальным заказом общества.

Наряду с Центром модераторов РГЦ включился в работу по повышению квалификации в области немецкого языка и культуры на факультете иностранных языков КГУ. Открытие специальности «Межкультурная коммуникация» вызвало необходимость организации курсовой подготовки преподавателей. В 2004 г. на базе РГЦ и Центра модераторов были проведены краткосрочные курсы по теме «Межкультурный аспект в преподавании немецкого языка в вузе» для преподавателей кафедры немецкого языка КГУ и преподавателей Костромского технологического университета. По окончании курсов участники получили удостоверение Министерства образования РФ.

РГЦ способствует обмену опытом между специалистами России и Германии в социальной сфере. Так, в 2002 г. РГЦ стал соорганизатором *научно-практической конференции «Организация социальной помощи для населения»*. Эта международная конференция, проведенная совместно с Евангелической церковью Рейнланда, позволила обсудить вопросы подготовки и повышения квалификации специалистов для социальной сферы в Германии и России, работы с пожилыми людьми, ухода за престарелыми, больными и инвалидами, работы социальных станций, социальной работы по месту жительства.

Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в вузе и школе рассматривались на международных научно-практических конференциях: в 2003 г. – «*Реальность и перспективы преподавания иностранных языков в вузе и школе»*; в 2004 г. – *«Язык и культура в курсе обучения иностранному языку в вузе и школе»*.

Большой интерес и широкую поддержку российской и германской сторон вызвали конференции 2005 года.

В сентябре 2005 г. состоялась международная научно-практическая конференция *«Диалог культур – культура диалога»*, в которой приняли участие 180 человек, среди них 18 представителей из 14 регионов России и 29 специалистов из Германии. Целью конференции было обобщение опыта организации и проведения международного сотрудничества между КГУ им. Н.А. Некрасова и образовательными учреждениями России и Германии, которое осуществляется для распространения передовых образовательных технологий, обмена опытом в экономической, социальной и других областях.

Впервые была предпринята попытка анализа и обобщения международных образовательных проектов на региональном уровне с целью выявления перспектив дальнейшего сотрудничества, определения путей повышения эффективности реализации проектов через включение участников в сетевое взаимодействие.

В презентации проектов, обусловленных, в первую очередь, договором о сотрудничестве между Администрацией Костромской области и Госканцелярией земли Северный Рейн-Вестфалия, участвовали вузы г. Костромы, РГЦ, школа №3 (проект «Еврошкола»), Управление образования г. Костромы (проект по созданию групп кратковременного пребывания из социально трудных семей), школа №22 (проект «Евросверстник»), школа №29 (проект «Внедрение идей реформаторской педагогики в начальной школе»), областная библиотека им. Н.К. Крупской (проект «Создание информационно-культурного Центра»), студия «Молодежная мода», Женский клуб.

С германской стороны участниками конференции стали: Посольство Германии в Москве, Госканцелярия земли Северный Рейн-Вестфалия, Германская Служба Академических обменов, Культурный Центр им. Гете, Центральное Управление зарубежных школ при посольстве Германии в Москве, преподаватели и студенты Высшей школы Циттау/Герлитц.

Вторая международная научно-практическая конференция, состоявшаяся в октябре 2005 г., называлась *«Региональные особенности социальной адаптации мигрантов»*. Целями данной конференции явились выявление наиболее важных проблем адаптации, нуждающихся в обосновании и анализе; обмен опытом их исследования и решения с другими регионами и государствами; обоснование необходимости интеграции усилий различных организаций и служб при оказании социальной помощи мигрантам. Конференция явилась первым опытом комплексного обсуждения проблем мигрантов в нашем регионе на теоретико-прикладном уровне, с привлечением специалистов разного профиля.

В конференции приняли участие 76 человек из 5 регионов России (Кострома, Ярославль, Владимир, Москва, Ставрополь) и делегация из г. Дармштадт (Германия).

Участниками обеих конференций 2005 г. было высказано мнение о целесообразности проведения в 2006 году международной недели науки, посвященной проблемам и перспективам развития межкультурного взаимодействия в образовании, профессиональной деятельности, культуре, межличностном общении. Проведение недели запланировано на начало сентября 2006 г.

Таким образом, за 5 лет существования Российско-германского Центра культурно-образовательных связей и программ удалось совместно с германскими и российскими коллегами разработать и реализовать несколько перспективных направлений деятельности.

Участники всех проектов отмечают положительное влияние возможностей международного сотрудничества как на развитие профессионализма, так и на личностный рост в целом. Международные контакты позволяют приобрести новый опыт, познакомиться с иными подходами к решению проблем.

Г.А. Бухмастова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ И МАРКЕТИЗАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

В июне 1999 г. в Болонье (Италия) министры образования двадцати девяти Европейских стран подписали Декларацию о Европейском регионе высшего образования, цель которой – формирование единого Европейского пространства высшего образования, активизация Европейской системы высшего образования на мировом уровне.

Основные принципы Болонской Декларации сводятся к созданию системы сопоставимых уровней (ступеней образования) с целью содействия как росту занятости европейских граждан, так и обеспечения международной конкурентоспособности Европейского высшего образования в целом, переходу на двухуровневую систему подготовки: бакалавр и магистр; определению системы зачетных единиц (кредитов), включающей зачетные единицы в довузовском и экспериментальном обучении, при условии признания университетами организаций, которые проводят такое обучение, с целью обеспечения мобильности студентов; введению такого важного понятия как Европейское пространство высшего образования, распространяющегося на содержание учебных курсов, сотрудничество учебных заведений, схем мобильности интегрированных образовательных программ и.т.д.

Проблемы выработки стратегии высшего образования в Европе стали предметом обсуждения на самых различных уровнях. В частности, министры образования европейских стран, рассмотрев эту проблему, признали, что новые информационные технологии, а также средства массовой информации и коммуникации представляют огромные возможности по повышению эффективности обучения и преподавания, обеспечению открытости образования для внешнего мира.

Согласно Болонскому соглашению Европейское международное сообщество полагает, что право на образование является первостепенным правом личности, а доступность и эгалитарность образования важнейшими критериями развития стран, на которые решающее влияние оказывают интеграционные процессы, происходящие во многих областях образования, поэтому рассмотрение этих интеграционных процессов и их тенденций в Европейском пространстве высшего образования представляет определенный интерес.

Исходя из основных положений Болонского соглашения, слово «интеграция» следует понимать как объединение ресурсов вузов, расположенных в различных странах и регионах, с целью совместной реализации отдельных программ как, например, консорциум «Открытое образование», созданный на базе Международной академии открытого образования в 2001 году или как объединение средней и высшей школы на уровне конкретных учебных заведений как, например, образовательные комплексы, имеющие статус государственного или негосударственного учебного заведения, обеспечивающие взаимодействие учебных заведений, реализующих различные формы и методы обучения, научной основой взаимодействия которых является непрерывное образование.

Следует отметить, что в настоящее время процесс интеграции тесно связан с таким явле-

© Г.А. Бухмастова, 2006

нием как маркетизация, а именно, с выстраиванием взаимовыгодных отношений с бизнесом на том или ином рынке, в данном случае – на рынке образовательных услуг. В результате таких взаимовыгодных отношений создаются и реализуются программы корпоративного обучения, организующие трудоустройство выпускников вуза, привлекаются к учебному процессу специалисты-практики, внедряются в образовательный процесс новейшие программные продукты.

Основными направлениями процесса маркетизации являются исследования рынка образовательных услуг и продвижение на рынке как самого высшего учебного заведения, так и его образовательного продукта. Такой подход к процессу интеграции в высшем образовании и к процессу маркетизации как к его неотъемлемой части, может показаться спорным, так как одни ученые рассматривают высшее образование как рынок, а другие как общественное благо. Так, например, К. Хюфнер, пытаясь определить, чем является высшее образование – общественным благом или рынком, исходит из трех точек зрения: экономической, правовой и нормативно-политической, и выделяет две тенденции в интегрированном высшем образовании – «снижение роли государства и укрепление роли рынка» и считает высшее образование рынком [5, p. 339–348]. По его мнению, рыночная модель образования предполагает множественность и дифференцированность учебных заведений различных форм собственности, их экономическую самостоятельность и свободу в планировании и распределении заработанных средств; многоканальность финансирования и возможность привлечения инвестиций (в том числе иностранных); а также спрос и предложение как фактор ее определяющий. Вместе с тем, рыночная модель в высшем образовании в Европейском образовательном пространстве не исключает, а, напротив, предполагает государственное финансирование, так как большая часть затрат на обучение до сих пор покрывается правительствами, поддерживающимися за идею образования как общественного блага. К примеру, основы систем высшего образования Великобритании, Шотландии, Франции, Нидерландов составляют как государственный сектор, так и негосударственный, коммерческий, функционирующий с целью получения прибыли.

Другой исследователь С. Туражлич, рассматривая высшее образование с правовой точки зрения, считает его «общественным благом, так как равный доступ к высшему образованию исключительно в зависимости от способностей был продекларирован в различных международных документах по правам человека» [9, p. 349–352]. Примером высшего образования как общественного блага может служить нерыночная модель высшего образования, которая существовала в СССР и ряде стран Восточной Европы. Так, например, в СССР государство являлось единственным непосредственным заказчиком образовательных услуг, оплачивающим их через бюджетное финансирование. В стране существовало всеобщее среднее образование, отсутствовала дискриминация доступа к высшему образованию. Специалисты в СССР всегда характеризовались более высоким уровнем подготовки в ряде наук, особенно естественных, по сравнению даже с развитыми странами, поэтому неслучайно многие являются сторонниками нерыночного образования. Таким образом прежде высшее образование являлось общественным благом, а сейчас оно представляет рынок, появление которого было вызвано процессом маркетизации.

Наличие маркетизационных процессов и тенденций в высшем образовании единодушно признается всеми современными исследователями (Bologna Declaration, 1999; Melton, 1996; Hartly, 1995; Kohler, 2003; Verri, 2003; Scott, 2003). В настоящее время европейское образование можно считать рынком, так как во многих странах имеет место торговля образовательными услугами, от которых государство имеет непосредственную выгоду, т.е. высшее образование приобретает все более выраженный рыночный характер.

Анализируя сказанное выше нельзя не учесть обе точки зрения на проблему маркетизации высшего образования и согласиться с компромиссом, который предлагает K. Hufner: считать образование «благом смешанного характера» [5, p. 341–346]. Подобное высказывание означает, что общество получает выгоду от образования как общественного блага и выгоду от торговли образовательными услугами как таковыми. Последнее в высшем образовании приобретает все более отчетливый характер.

Компромиссное решение проблемы маркетизации высшего образования тесно связано с одним из наиболее актуальных аспектов высшего образование в Европейском образовательном пространстве, а именно, с проблемой обеспечения качества образования. При тщательном рассмотрении проблемы качества высшего образо-

вания мы обнаруживаем еще один компромисс, который заключается в том, что все правительства, поставившие свою подпись под Болонским соглашением, уверены в важности академической свободы и университетской автономии, но хотят иметь возможность сравнивать вузы с помощью показателей качества.

Не вызывает сомнений то, что борьба за качество образования в высшей школе, обусловленная маркетизацией образования, предполагает прежде всего повышение конкурентоспособности высших учебных заведений и построение наукоемкой экономики, что требует повышения интереса к области «прикладного» высшего образования и признания точки зрения в соответствии с которой прикладное высшее образование важнее и нужнее традиционного. «Прикладное» высшее образование – это образование, которое осуществляется по программам, содержание которых узко специализированно и ориентированно на потребности студентов, связанных с их работой на производстве. Так, например, в Дании разработаны так называемые программы «объединенного обучения», в которых значительный объем часов отводится на получение практических знаний и навыков необходимых при устройстве на ту или иную работу.

Анализ процессов интеграции и маркетизации в высшем образовании показал, что существуют четыре подхода к решению проблем, связанных с этими процессами, отличающиеся креативностью и новизной. Так, в частности, Д. Хартли выражает озабоченность «макдонализацией высшего образования из-за упора на результативность, эффективность и оценку, которые можно измерить как некую инертную материальную сущность, как будто процессы «производства» образовательных услуг можно разбить на ряд определенных процедур, которые можно измерить и оценить как хорошие или лучшие, как будто бы эта продукция является предсказуемой, стандартной, поддающейся количественному учету» [4, p. 419].

Не менее известный исследователь Г. Верри отмечает, что приоритет прикладного образования не представляется оправданным и утверждает, цитируя А. Эйнштейна, что «человек, умеющий мыслить и работать независимо, легче приспосабливается к переменам, чем обладатель определенных навыков» [10, p. 307].

Другой точки зрения по проблеме качества образования придерживается Р. Мелтон, который признает, что, хотя обеспечение качества в высшем образовании и создает угрозу «независимости, креативности и энтузиазму» академической деятельности, но одновременно считает, что эту проблему можно решить, если не рассматривать «нормы как догму, целиком и полностью определяющую содержание учебного курса, а скорее как контрольный перечень, обеспечивающий соблюдение основных фундаментальных стандартов» [7, p. 417]. Фактически Р. Мелтон предлагает выработать и утвердить минимальные стандарты, которые, предположительно, обеспечат академическую независимость высших учебных заведений. Однако, такое использование «минимальных» стандартов может показаться неприемлемым с точки зрения маркетизации высшего образования. Если критерий обеспечения качества будет исходить из минимальных стандартов, то университеты не смогут конкурировать.

Излагая свою, несколько иную от предыдущих исследователей точку зрения по вопросу качества образования в высшей школе, Дж. Келлер полагает, что дебаты о качестве высшего образования не должны вестись вокруг понятия «обеспечение качества». Он предлагает другой термин «культура качества». Подобная культура подразумевает «…стремление к качеству, желание обеспечить качество, выработку концепций, ее реализацию, контроль результатов. Эта последовательность повторяется снова и снова с учетом накопленного опыта. В результате с каждой следующей итерацией уровень качества повышается» [6, p. 322]. Таким образом, оценка не просто часть вопроса, о качестве, но его «большая и худшая часть» [6, p. 322]. Дж. Келлер утверждает, что из-за большого разнообразия вузов процедуры обеспечения качества должны разрабатываться для каждого вуза индивидуально [6, p. 323]. Дж. Келлер, считая обеспечение качества лишь одним из элементов его общей культуры, тем не менее отчетливо понимает положительный эффект от контроля качества в высшем образовании. Он верит, что применение на международном уровне методов обеспечения качества будет происходить параллельно с созданием его культуры. Такая убежденность Дж. Келлера представляется излишне оптимистичной. Общие процессы обеспечения качества могут подтолкнуть деятельность академического персонала к получению результатов, которые хотели бы видеть органы оценки, что, разумеется, отрицательно скажется на академическом качестве. Предлагаемая Дж. Келлером индивидуаль-

ная разработка процедур обеспечения качества, несомненно возможна, но она затруднит сравнение отдельных вузов, которые и являются конечной целью международного обеспечения качества (Bologna Declaration, 1999).

Хотелось бы отметить, что проблемы качества образования в высшей школе, обусловленные его маркетизацией, беспокоят не только отдельных ученых, но и крупнейшие международные организации – ЮНЕСКО, ООН, Всемирный Банк, Совет Европы и т.д., которые способствуют интенсификации интеграционных процессов в сфере образования. Их усилия направлены на обеспечение качества и доступности образования, обеспечение признания эквивалентности дипломов, преодоление национальных барьеров, эффективности образования. Это вызывает интерес к процедуре аккредитации высшего учебного заведения, которая впервые была предложена США в 1905 г. [1, с. 119–129].

Аккредитация высших учебных заведений получила широкое распространение во многих странах: Англии, Шотландии, Германии, России и др. Следует отметить, что аккредитационные органы могут быть как государственными, так и независимыми некоммерческими организациями, а сама процедура аккредитации является сугубо добровольной: от учебного заведения юридически не требуется ее прохождения. Однако, получение статуса аккредитованного учебного заведения позволяет: приобрести доверие и признание как со стороны государства, так и со стороны общественности, претендовать на государственное финансирование, рассчитывать на поддержку различных филантропических обществ и фондов, привлекать большее количество потенциальных студентов, а также пользоваться приоритетным вниманием работодателей к выпускникам.

Для обеспечения качества образования как результата, т.е. образованности индивида, вузу необходимо гарантировать ему получение тех знаний, которые смогут обеспечить его востребованность на соответствующем рынке, поэтому важным представляется то, что конкурентоспособность вуза на рынке образовательных услуг во многом определяется его способностью обеспечить качество образования как процесса и как результата. Качественное образование должно означать не только (и не столько) соответствие образовательным стандартам, сколько соответствие потребностям общества и обеспечение конкурентоспособности ученика на рынке труда. Абстрактная образованность, непривязанная к рынку труда, конечно, способна удовлетворить потребность личности в образовании как таковом, но неспособна обеспечить его личное финансовое благосостояние, поэтому именно рынок труда (маркетизация) в рыночных условиях диктует, определяет критерии и оценивает качество образования.

В завершении хотелось бы отметить, что в настоящее время европейское высшее образование, находящееся в процессе свободно-координируемой интеграции и маркетизации, рассматривается как общественное благо и как рынок. Правительство и ученые не могут достичь договоренности по данному вопросу – одни настаивают на понимании образования как общественного блага, другие считают высшее образование рынком, третьи разделяют обе точки зрения и пытаются воспользоваться преимуществами обеих.

Библиографический список

1. *Вольф Р.А.* Аккредитация высших учебных заведений в Соединенных штатах // Высшее образование в Европе. – 1993. – №3. – С. 119–129.

2. *Cowen R.* Performativity, Post – Modernity and University// Comparative Education. – 1996. – №2. – P. 245–247.

3. The European Higher Education Area // Joint Declaration of the European Ministers of Education. Bologna: 19th June, 1999. – P. 1–3.

4. *Hartley D.* The McDonaldization of Higher Education: Food for Thought // Oxford Review of Education. – 1996. – №4 – P. 409–421.

5. *Hufner K.* Higher Education as a Public Good // Higher Education in Europe. – 2003. – №3. – P. 339–348.

6. *Kohler J.* Quality Assurance, Accreditation and Recognition of Qualifications as Regulatory Mechanisms in the European Higher Education Area // Higher Education in Europe. – 2003. – №3. – P. 317–330.

7. *Melton R.* Learning Outcomes for Higher Education: Some Key Issues// British Journal of Educational Studies. – 1996. – №4. – P. 409–423.

8. *Scott P.* Challenges to Academic Values and the Organization of Academic Work in a Time of Globalization // Higher Education in Europe. – 2003.– №3. – P. 295–306.

9. *Turajlicr S.* Is Higher Education a Public Good? A View from a Serbian Perspective // Higher Education in Europe. – 2003. – №3. – P. 349–352.

10. *Verri G.* Challenges to Academe in a Time of Globalization // Higher Education in Europe. – 2003.– №3. – P. 307–310.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

А.А. Барышев, А.Н. Братчиков

ГЕМАТОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОХИМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРОВИ БОБРОВ

Преамбула. *Приводятся результаты гематологических и биохимических показателей крови у бобров в возрастном и сезонном аспектах.*

Существенное значение для интерьерной характеристики бобров имеет картина крови, так как она носит первостепенное значение в обеспечении всех процессов, протекающих в организме. Исходя из этого, особый интерес представляет изучение её состава, связанного с сезонными, возрастными и экологическими особенностями. Из биохимических и гематологических показателей нами были изучены: содержание общего белка, холестерина, креатинина, мочевины, щелочной фосфатазы, триглицеридов, аспарагиновой трансаминазы (АСТ), аланиновой трансаминазы (АЛТ), гаммаглютаминовой трансаминазы (ГГТ), лейкоцитов, лимфоцитов, моноцитов, гранулоцитов, эритроцитов, гемоглобина. Нами определены: гематокрит, тромбокрит, тромбоциты и их объём, объём эритроцитов, содержание гемоглобина в эритроцитах, коэффициент вариабельности эритроцитов и коэффициент вариабельности белка. Все эти показатели были рассмотрены нами в возрастном (табл. 1) и сезонном аспектах (табл. 2).

Из таблицы 1 следует, что все биохимические показатели крови бобра с возрастом изменяются. Так общее содержание белка в крови увеличивается с 62,4±0,3 г\л у молодых особей до 68,2±0,4 г\л (P<0,095) у взрослых. Содержание кальция, напротив, с возрастом уменьшается. Так у молодых бобров этот показатель выявлен на уровне 3,14±0,12 ммоль, у годовиков 3,08±0,14 ммоль, у двухлетних особей 2,95±0,11 ммоль, а у взрослых – 3,06±0,13 ммоль соответственно. Резкое снижение содержания кальция происходит у двухгодовалых животных.

Количество мочевины в крови бобров с возрастом увеличивается. У молодых особей её содержание равно 5,75±0,14 ммоль\л, у годовалых – 5,81±0,15 ммоль\л, у двухгодовиков – 6,03±0,15 ммоль\л и у взрослых – 6,77±0,19 ммоль\л. Содержание креатинина с возрастом остаётся на уровне 0,07±0,01 – 0,08±0,01 ммоль\л.

Количество трансаминаз с возрастом у бобров увеличивается. Так, аспарагиновая трансаминаза у молодых составляет 83,4±0,41 мк/моль, а у взрослых эта цифра уже 87,4±0,61 мк/моль. Аланиновая трансаминаза увеличивается с 19,7±0,21 мк/моль у молодых животных до 23,3±0,17 мк/моль у взрослых. Гаммаглютаминовая трансаминаза увеличивается с 14,2±0,12 мк/моль у молодых бобров до 16,1±0,15 мк/моль

Таблица 1

Биохимические показатели крови у бобров разного возраста (X±m)

Показатель	Молодые (n=11)	Годовики (n=13)	Двух-годовики (n=9)	3 года и старше (n=32)
Общий белок, г/л	62,4±0,3	63,1±0,2	64,8±0,3	68,2±0,4
Кальций, моль/л	3,14±0,12	3,08±0,14	2,95±0,11	3,06±0,13
Мочевина, ммоль/л	5,75±0,14	5,81±0,15	6,03±0,15	6,77±0,19
Креатинин, ммоль/л	0,08±0,01	0,08±0,01	0,07±0,01	0,08±0,01
Трансаминазы мк/моль АСТ	83,4±0,41	80,8±0,37	84,3±0,46	87,4±0,61
АЛТ	19,7±0,21	17,3±0,19	18,5±0,20	23,3±0,17
ГГТ	14,2±0,12	11,4±0,11	15,6±0Д2	16,1±0,15
Щелочная Фосфатаза ммоль/(ч-л)	426,8±2,1	441,3±3,2	455,8±2,8	457,4±2,4
Триглицериды ммоль/л	0,48±0,02	0,53±0,02	0,49±0,02	0,56±0,02
Холестерин, ммоль/л	3,43±0,И	4,03±0,16	4,11±0,13	4,55±0,18

© А.А. Барышев, А.Н. Братчиков, 2006

Таблица 2

Сезонные изменения биохимических показателей крови у половозрелых бобров (X±m)

Показатель	Летний период (июнь–июль) (n=11)	Осенний период (сентябрь–октябрь) (n=12)	Зимний период (декабрь–январь) (n=9)
Общий белок, г/л	66,5±0,2	65,8±0,3	68,1±0,3
Кальций, ммоль/л	3,12±0,11	2,95±0,14	3,02±0,12
Мочевина, ммоль/л	5,87±0,13	6,53±0,13	6,79±0,14
Креатинин, ммоль/л	0,11 ±0,01	0,11 ±0,01	0,9±0,01
Трансаминазы, мк/моль АСТ	87,8±0,4	88,5±0,5	87,4±0,3
АЛТ	23,5±0,1	24,1 ±0,3	23,4±0,3
ГГТ	13,9±0,2	14,8±0,2	16,3±0,3
Щелочная фосфатаза, ммоль/(ч-л)	455,8±0,7	460,2±0,9	457,6±0,6
Триглицериды, ммоль/л	0,57±0,01	0,59±0,02	0,56±0,01
Холестерин, ммоль/л	4,11±0,11	4,28±0,13	4,62±0,12

у взрослых. Содержание щелочной фосфатазы также увеличивается с возрастом от 426,8±2,1 ммоль/(ч-л) у молодых особей до 457,4±2,4 ммоль/(ч-л) у взрослых (P<0,001). Содержание триглицеридов в крови бобров в разные возрастные периоды неодинаково. Так, у молодых животных этот показатель выявлен на уровне 0,48±0,02 ммоль/л, у годовалых 0,53±0,02 ммоль\л, у двухгодовиков 0,49±0,02 и 0,56±0,02 у взрослых соответственно. Количество холестерина в крови возрастает с 3,43±0,1 ммоль/л у молодых бобров до 4,55±0,18 ммоль/л у половозрелых (P>0,099).

Таким образом, можно констатировать, что среднее содержание всех биохимических элементов крови бобров, за исключением кальция, с возрастом увеличивается.

С точки зрения сезонных изменений биохимического состава крови целесообразно их рассмотреть на примере взрослых особей (табл. 2).

Анализируя биохимические показатели крови бобра по сезонам года можно отметить, что показатели крови не одинаковы. Так общее содержание белка в летний период составило 66,5±0,2 г/л, в осенний 65,8±0,3 г/л, и 68,1±0,3 г/л в зимний. Среднее количество кальция в летний период составило 3,12±0,11 ммоль/л, в осенний 2,95±0,14 ммоль/л, в зимний 3,02±0,12 ммоль/л. По содержанию мочевины самый низкий показатель наблюдается в летний период 5,87±0,13 ммоль/л, самый высокий в зимний период 6,79±0,14 ммоль/л. В осенний период он равен 6,53±0,13 ммоль/л. Количество креатинина в крови по сезонам года значительно не изменяется и составляет 0,11±0,01 ммоль/л в летний и осенний периоды. В зимний этот показатель уменьшается в среднем на 0,2 ммоль/л и составляет 0,9±0,01 ммоль/л. Содержание трансаминаз в зависимости от сезона года различно. Так, аспарагиновая трансаминаза имеет максимальное значение в осенний период – 88,5±0,5 мк/моль, в летний оно составляет 87,8±0,4 мк/моль, в зимний – 87,4±0,3 мк/моль. Аланиновая трансаминаза также максимальное значение имеет в осенний период – 24,1±0,3 мк/моль, и на 0,6 мк/моль меньше в летний и зимний периоды. Гаммаглютаминовая трансаминаза напротив своё максимальное значение имеет в зимний период 16,3±0,3 мк/моль, а минимальное в летний – 13,9±0,2 мк/моль. В осенний период это значение выявлено на уровне 14,8±0,2 мк/моль. Содержание щелочной фосфатазы максимально отмечается в осенний период – 460,2±0,9 ммоль/(ч-л), а минимально в летний – 455,8±0,7 ммоль/(ч-л). В зимний же период это значение составляет 457,6±0,6 ммоль/(ч-л). Триглицериды достигают своего максимума осенью – 0,59±0,02 ммоль/л, минимальное значение они имеют зимой – 0,56±0,01 ммоль/л. Летом этот показатель составляет 0,57±0,01 ммоль\л. Холестерин имеет свойство накапливаться по сезонам года. Так в летний период его значение составляет 4,11±0,11 ммоль/л, в осенний – 4,28±0,13 ммоль/л, а уже в зимний период этот показатель достигает максимума и составляет 4,62±0,12 ммоль/л.

Исходя из сказанного, можно заключить, что биохимические показатели крови бобров имеют свойство изменяться в зависимости от сезона

Таблица 3

Гематологические показатели у бобров с возрастом (X±m)

Показатель	Годовики (n=13)	Двухгодовики (n=9)	3 года и старше (n=32)
Лимфоциты, %	23,2%	24,3%	20,6%
Гранулоциты, %	62,1%	65%	72,5%
Моноциты, %	14,7%	10,7%	6,9%
Лейкоциты(WBC)	7,3 x 10^9/L	5,8 x 10^9/L	4,9 x 10^9/L
Эритроциты(RBC)	2,67 x 10^{12}/L	2,55 x 10^{12}/L	2,43 x 10^{12}/L
Тромбоциты(PLT)	377 x 10^9/L	382 x 10^9/L	440 x 10^9/L
Тромбокрит(PCT),%	0,287%	0,297%	0,665%
Гематокрит(HCT),%	26%	27,2%	27,5%
Гемоглобин(HGB)	102g/L	108g/L	112g/L
Объём эритроцитов (MCV)	98,7fL	101,4fL	101,6fL
Объём тромбоцитов (MPV)	7,5fL	7,9fL	10,4fL
Коэффициент вариации эритроцитов (RDW-CV), %	15,8%	16,3%	21,1%
Коэффициент вариации белка (RDW), %	18,2%	18,1%	18,7%
Содержание гемоглобина в эритроцитах (MCH)	39,8pg	40,4pg	42,9pg

года. Часть показателей имеет своё максимальное значение в осенний период (триглицериды, щелочная фосфатаза, АСТ, АЛТ), другая часть в зимний период (белок, мочевина, холестерин, ГТТ). Летом своего максимального значения достигает содержание кальция. Эти факты можно объяснить сезонными изменениями в питании речных бобров.

На основании полученных нами гематологических показателей бобров разного возраста составлена таблица 3.

Из таблицы 3 следует, что процентное соотношение различных видов лейкоцитов (лимфоцитов, гранулоцитов и моноцитов) в лейкоцитарной формуле с возрастом изменяется. Содержание гранулоцитов в крови речного бобра с возрастом имеет свойство увеличиваться. Так, у особей первого года жизни этот показатель составляет 62,1%, у двухгодовалых 65%, а у половозрелых животных 72,5%. Содержание моноцитов, напротив, с возрастом снижается. У годовалых особей данный показатель на уровне 14,7%, у двухгодовалых 10,7%, а у взрослых животных лишь 6,9%. Количество лимфоцитов у годовалых бобров составляет 23,2%. В двухгодовалом возрасте данный показатель увеличивается до 24,3%, а у половозрелых особей, напротив, снижается до 20,6%.

Количество лейкоцитов в крови бобров с возрастом снижается. Так, у бобров первого года жизни данный показатель на уровне 7,3x10^9/L. У двухгодовалых животных снижается до 5,8x10^9/L, а у взрослых особей 4,3x10^9/L.

Количество эритроцитов в крови речных бобров с возрастом снижается. Так, у годовалых бобров этот показатель составляет 2,67x10^{12}/L, у двухгодовалых животных 2,55x10^{12}/L, а у взрослых особей на уровне 2,43x10^{12}/L.

Содержание тромбоцитов в крови бобров с возрастом имеет свойство увеличиваться. У годовалых особей данный показатель на уровне 377x10^9/L. В двухлетнем возрасте он увеличивается до 382x10^9/L, а уже у половозрелых бобров он составляет 440x10^9/L.

Количество гемоглобина в крови бобров увеличивается в возрастном аспекте. Так, у годовалых бобров этот показатель составляет 102 g/L, у двухгодовалых 108 g/L, а у взрослых животных он на уровне 112 g/L.

Содержание гематокрита увеличивается с возрастом. У бобров первого года жизни данный показатель составляет 26%, у двухгодовиков он увеличивается до 27,2%, а у половозрелых особей на уровне 27,5%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гематологическая картина крови с возрастом изменяется. Так, содержание одних элементов в возрастном аспекте увеличивается (тромбоциты, гемоглобин, гематокрит), других, напротив, уменьшается (лейкоциты, эритроциты).

В.В. Кривошеин, А.А. Дайлиденок

РОСТ И РАЗВИТИЕ СТЕРЛЯДИ В УСЛОВИЯХ ТЕПЛОВОДНОЙ АКВАКУЛЬТУРЫ

Преамбула. *Приводятся данные, характеризующие рост и развитие стерляди при выращивании на теплой сбросной воде Костромской ГРЭС.*

На эффективность разведения осетровых рыб в условиях тепловодной аквакультуры одним из факторов который необходимо учитывать, является температура воды в бассейнах в течение вегетационного периода и всего года. Интенсивность роста осетровых взаимосвязана с температурным и гидрохимическими режимами, а также с уровнем потребления корма, скоростью его переваривания.

На Волгореченском рыбоводном хозяйстве волжская стерлядь выращивается на теплой сбросной воде Костромской ГРЭС в открытых бетонных бассейнах на протяжении последних 20 лет с полным циклом воспроизводства. В хозяйстве ежегодно выращивалось и выпускалось в Горьковское водохранилище 1,0–1,5 млн. молодняка стерляди в целях пополнения ее популяции в бассейне реки Волги, так же как основной объект для производства осетровых и для получения гибридов скрещивания с производителями других видов осетровых в качестве материнской основы. Стерлядь из всех осетровых видов рыб характеризуется самой минимальной массой тела, так в естественных условиях в возрасте 1 года она достигает массы 80–90 г., а к трем годам масса возрастает до 0,5 кг.

При снижении температуры воды в водоеме до 5–6º С рыба перестает питаться и скапливается в зимовальных ямах, где и остается до конца марта. Таким образом, в условиях Горьковского водохранилища, активное питание и рост стерляди в естественных условиях происходит на протяжении 6–7 месяцев с последней декады марта – начала апреля по первую–вторую декаду октября.

Учитывая, что температурный режим воды на рыбоводном участке рыбного хозяйства зависит от работы энергоблоков тепловой станции и превосходит фоновую температуру в зимний период на 5–8º С, активный рост стерляди более продолжительный, что обеспечивает активным питанием, а также более быстрым половым созреванием.

Установлено, что стерлядь при выращивании на тёплой воде в условиях Волгореченского рыбхоза превосходит по интенсивности роста особей стерляди в естественных условиях в 2–3 раза. Так, в возрасте 2 года стерлядь достигает массы 709–1230 г, а к трём годам 2–2,2 кг (табл. 1). Половое созревание самцов выявляется в возрасте 2-х лет, а самок стерляди – в три года, в то время как в естественных условиях в 4–5 лет у самцов и в 6–8 лет у самок соответственно.

Стерлядь относится к пресноводным видам, существующие популяции: енисейская, обская, иртышская, волжская, окская, камская, балтийская, дунайская – обеспечивают формирование маточных селекционных стад в рыбхозах, характеризующихся повышенной гетерогенностью.

По спектру питания стерлядь отличается пластичностью – в естественных условиях бенто-

Таблица 1

Рост стерляди на теплой воде

Возраст, лет	n	Масса тела, г				Выживаемость, %
		M±м	Lim	δ	Cv,%	
0+	736	76,8±3,6	40–115	13,4	17,45	76,5
1	472	235,4±4,8	117–276	27,2	11,5	75,4
1+	357	421,6±5,2	234–460	38,5	9,13	81,3
2	310	709,8±6,3	610–745	22,5	3,17	89,6
2+	276	1039,5±5,1	910–1230	53,3	5,13	93,3
3	250	2115,7±4,9	1620–2310	115,0	5,43	94,9
3+	243	2305,6±12,5	1750–2580	138,0	5,98	98,5
4	197	2655,4±20,3	2230–2856	104,2	3,88	95,6
4+	186	3028,6±31,4	2650–3258	101,2	3,34	96,3

© В.В. Кривошеин, А.А. Дайлиденок, 2006

Таблица 2

Возрастной период, лет	Сезон года	Прирост		Увеличение живой массы, раз
		г	К массе на начало периода, %	
0+1	зимний	158	205,7	3,05
1–1+	летний	187	79,4	1,79
1+ – 2	зимний	288	68,3	1,68
2–2+	летний	330	46,5	1,46
2+ – 3	зимний	1076	103,5	2,03
3 – 3+	летний	190	8,9	1,08
3+ – 4	зимний	350	15,2	1,15
4–4+	летний	374	14,1	1,14

соядная, а в аквакультуре выращивается на различных типах гранулированных кормов.

Более значимой изменчивость массы тела стерляди отмечается у особей в возрасте до 1 года, так коэффициент вариации по этой возрастной группе достигает 17,45%. В то время, как с 2-х лет у стерляди в условиях тепловодной аквакультуры отмечается снижение этого показателя до 3,17–5,13%.

С увеличением возраста стерляди наблюдается стабилизация её роста – масса тела достигает 2305,61±12,5 – 3028,6±31,4 г, при вариации на уровне 3,34–5,98%.

Сохранность стерляди за первый год выращивания в условиях данного рыбхоза достигает 76,5%, а в более старшем возрасте до 95,6–98,5% исследуя интенсивность прироста стерляди по возрастным периодам нами выявлено, что в условиях тепловодной технологии её выращивания рост продолжается и в зимние периоды (табл. 2).

В последующие периоды прирост стабилизируется на уровне 190–374 г, а живая масса достигает 2116–302,8 г, которая и остаётся на этом уровне в более старшем возрасте. Увеличение массы тела по периодам роста достигает от 3,05 раз за первый год до 2,03 за 3-й год жизни, а последующем возрасте жизни снижается до уровня 1,08–1,14.

М.В. Сиротина, Л.В. Мурадова

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ТИПИРОВАНИЕ, АДАПТИВНАЯ НОРМА И ПРОДУКТИВНОСТЬ КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА

Преамбула. *В популяции крупного рогатого скота костромской породы проведено морфологическое типирование, выделен средний фенотип как «адаптивная норма», проанализированы его продуктивные показатели.*

Каждый организм практически с момента зачатия обладает определённым спектром адаптивных свойств, которые помогают ему выжить и определённым способом войти в окружающий мир. Этот спектр индивидуальной адаптивной изменчивости детерминирован генетически и известен как понятие «нормы реакции». Это понятие введено Р. Вольтерек в 1909 году и давно стало классическим в генетике и теории эволюции [1]. Позднее И.И. Шмальгаузен, объединив генетико-экологический и эволюционный подходы, показал, что норма реакции в своей основе адаптивна [2; 3]. В этой связи Шмальгаузен вводит понятие «адаптивная норма реакции», означающее всю совокупность адаптивных модификаций данного генотипа или вида в целом.

В 1938 году Н.Н. Вавилов писал: «Изучая породы и экотипы в их эволюции, можно констатировать выработку целых конструкций и сложной связанности органов, их взаимоотношений. Эволюция пород животных и растений ясно показывает взаимосвязи в комплексе, а не простой набор признаков, не зависящих друг от друга» [4]. Таким образом, Вавилов чётко сформулировал проблему изучения генетики цельных

© М.В. Сиротина, Л.В. Мурадова, 2006

Таблица 1

Основные характеристики модельной коровы

Промеры, см	Лактации	
	первая	третья и старше
– высота в холке	132–134	134–136
– ширина груди	43–45	45–46
– глубина груди	68–70	71 и больше
– ширина в маклоках	50–52	55–57
– косая длина туловища	154–156	160–163
– обхват груди за лопатками	194–197	160–163
– обхват пясти	20–21	20–21

конструкций живых организмов, то есть фактически проблему генетики конституций или генетики индивидуальных адаптивных норм реакции.

Понятие оптимум (норма) имеет фундаментальное значение в биологии, медицине, ветеринарии и селекции. Особенно в тех случаях, когда требуются оценки состояния популяции или тех изменений, которые в ней произошли. Очевидно, что такие оценки невозможны без точки отсчёта или эталона сравнения.

Проблеме генетического мониторинга и, в частности проблеме оптимального фенотипа (генотипа) большое значение уделено в исследованиях Ю.П. Алтухова (1982, 1983, 1989). Он предложил принять за адаптивную норму (оптимальный фенотип) – морфологически «средний» фенотип [5].

Термин морфологически «средний» фенотип появился и получил обоснование в классической работе Корн и Пенроуз (Carn, Penros, 1951), где на большом фактическом материале авторы показали, что смертность среди новорожденных находится в зависимости от массы тела. При этом наибольшей жизнеспособностью обладают новорожденные с живой массой близкой к средней популяционной. Выявленная зависимость подтверждена более поздними работами Сангсанг и др. (Sansing et al., 1976), Торренато и др. (Terrenato et al.) и в ряде других исследований [6].

В селекционной работе с современным отечественным бурым скотом на период до 2010 года важнейшей задачей является постепенная типизация культивируемых стад и популяций. Наиболее объективными характеристиками протекания этого процесса служат показатели изменения промеров тела животных новых поколений и степень их соответствия оптимальным параметрам особей желательного (молочного) типа [7]. В связи с этим было разработано модельное животное и в «Программе совершенствования бурых пород скота России на период до 2010 года» приведены его основные характеристики.

Данные промеры были приняты нами за границы оптимального фенотипа (адаптивной нормы).

В работе мы использовали данные по молочной продуктивности коров костромской породы ведущего племенного стада ГПЗ «Караваево».

Исследуемые животные были разбиты на 3 группы по промеру «глубина груди»:

Таблица 2

Показатели продуктивности животных разных фенотипических групп

Показатели	M^-			M^0			M^+		
	$M \pm m_x$	σ	C_v	$M \pm m_x$	σ	C_v	$M \pm m_x$	σ	C_v
Удой 1 лакт. 305 дн., кг	4194,50± 110,71	899,42	21,44	4458,98± 113,65	984,26	22,07	4172,78± 113,70	1016,5	24,36
Содержание жира, %	4,00± 0,04	0,35	8,84	4,05± 0,04	0,34	8,36	4,06± 0,04	0,324	7,97
Молочный жир, кг	166,8± 4,05	33,14	19,87	180,12± 4,61	39,94	22,18	168,95± 4,52	40,39	23,909
Содержание белка, %	3,60± 0,02	0,19	5,38	3,65± 0,03	0,24	6,72	3,64± 0,02	0,23	6,31
Пожизненный удой, кг	28845,33± 1761,6	14418,6	49,98	31225,72± 1554,99	13466,2	43,12	29475,21 ±1795,17	16048,8	
Продолжительность использования лакт.	4,70± 0,20	1,68	35,89	5,00± 0,16	1,40	28,77	4,8± 0,21	1,94	38,59

M^o – соответствующие параметрам модельной коровы (адаптивная норма);

M^- – промеры животного ниже параметров модельной коровы;

M^+ – промеры животного выше параметров модельной коровы.

По каждой группе проанализированы показатели продуктивности.

Из таблицы 2 видно, что коровы средней фенотипической группы имеют наилучшие показатели продуктивности, что говорит о более высокой адаптированности этих животных к условиям окружающей среды. Также средняя группа показала несколько более высокую продолжительность использования (5 лактаций).

Таким образом, морфологические показатели, наиболее близкие к адаптивной норме фенотипа, являются важным дополнением к отбору по признакам продуктивности в селекции молочного скота костромской породы.

Библиографический список

1. *Делоне Н.Л., Солониченко В.Г.* Адаптивные фенотипы человека в физиологии и медицине // Успехи физиологических наук. – 1999. – Т. 30. – №2. – С. 50–62.

2. *Шмальгаузен И.И.* Пути и закономерности эволюционного процесса. – М.; Л., 1939.

3. *Шмальгаузен И.И.* Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). 2-е изд. – М., 1968.

4. *Вавилов Н.И.* Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. – Л., 1987. – С. 224–246.

5. *Алтухов Ю.П.* Генетические процессы в популяциях. – М., 1983.

6. *Матюков В.С., Шульга Л.П.* Генетический мониторинг популяций мало плодных бисексуальных видов животных // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. – 2000. – №1.

7. Программа совершенствования бурых пород скота России на период до 2010 года. – М., ВНИИплем, 2003.

Л.А. Луткова

ВЛИЯНИЕ ГОМЕОПАТИЧЕСКИХ ПРЕПАРАТОВ «ТРАВМАТИН» И «ТРАВМА-ГЕЛЬ» (ООО «ХЕЛВЕТ») НА НЕКОТОРЫЕ ГЕМАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ У НОРОК ПРИ ЗАБОЛЕВАНИЯХ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ

Несмотря на то, что в звероводческих хозяйствах борьба со многими заболеваниями идёт успешно, всё же встречаются отдельные болезни, которые причиняют значительный ущерб. К таким болезням относится мастит (воспаление молочной железы).

Применение новых лечебных и диагностических препаратов пока не дают желательных результатов в борьбе с маститом. Мастит продолжает оставаться широко распространённым заболеванием и наносит ощутимый экономический ущерб за счет снижения молочной продуктивности, преждевременной выбраковки животных, заболеваемости и падежа молодняка и т.д.

Необходимо помнить, что при мастите поражена не только молочная железа, но и весь организм в целом является больным [1; 2].

Поэтому лечение животных, больных маститом, направленное только на ликвидацию инфекционного процесса с помощью антимикробных средств, когда игнорируется роль организма животного, не может быть признано научно обоснованным. И с этой точки зрения приемлемой является терапия, направленная на восстановление нормального физиологического состояния как молочной железы, так и всего организма в целом.

В связи с этим, является актуальной проблема поиска эффективных средств лечения и профилактики заболеваний молочной железы.

В настоящее время отмечается значительное повышение интереса к гомеопатическому методу лечения и профилактики в ветеринарии. Применение гомеопатических средств позволяет получать максимальный терапевтический эффект при различных заболеваниях животных.

В ветеринарной практике широко применяемыми средствами являются Травматин и Травма-гель. Основное их применение – лечение различных травм: вывихов, ушибов, растяжений, переломов костей, кровоизлияний в сустав, отёков после травм и операций, воспалительных и дегенеративных процессов в различных органах и тканях. При травматическом процессе Травматин оказывает обезболивающее, кровоостанавливающее, противовоспалительное действие. В результате его применения быстрее идут процессы ре-

© Л.А. Луткова, 2006

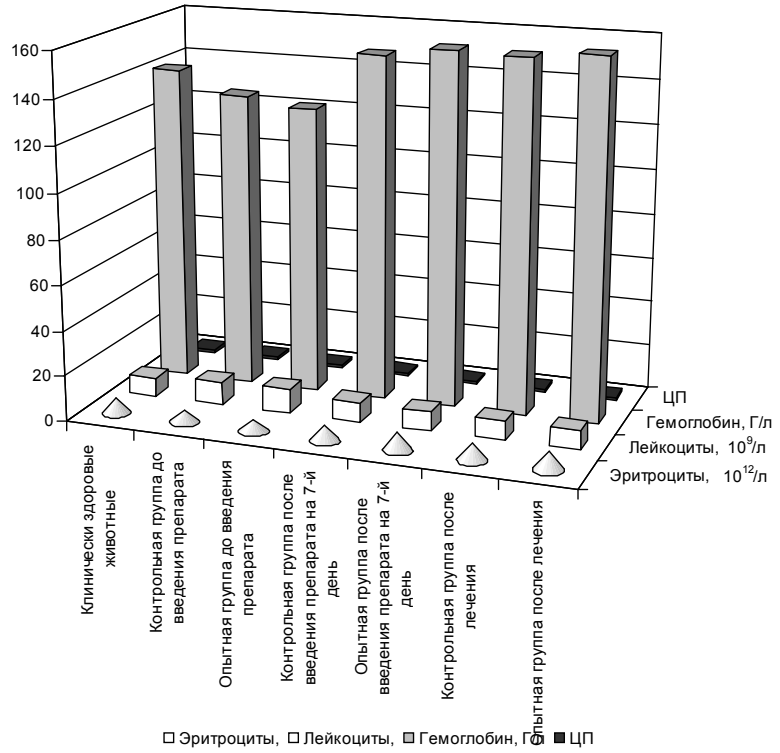

Рис. 1. Морфологические показатели крови норок применении препаратов «Травматин» и «Травма-гель»

генерации. Травматин широко применяется при воспалениях в сочетании с нагноением (абсцессы, фурункулы, карбункулы, флегмоны и др.), поскольку является регулятором оксилительно-восстановительных процессов в организме. В большинстве случаев применение различных противомикробных химиопрепаратов не требуется.

Травма-гель имеет тот же состав, что и Травматин. Поэтому область их применения в основном одна и та же – травмы различного генеза, воспалительные и дегенеративные процессы.

В состав Травматина и Травма-геля входят семь компонентов, каждый из которых имеет широкое применение в гомеопатической практике: Echinacea purpurea, Chamomilla, Calendula, Arnica, Hypericum, Hepar sulfuris, Belladonna а также широко известный препарат АСД-2. Echinacea purpurea является сильным антисептиком и назначается при септических заболеваниях. Chamomilla обладает седативным, противовоспалительным, кровоостанавливающим, антисептическим и противосудорожным действием. Calendula – ценный антисептик, применяется как кровоостанавливающее, противовоспалительное средство, способствует регенерации повреждённых тканей. Назначается при повреждениях кожи для предупреждения нагноения и для заживления ран первичным натяжением. Arnica является антисептическим, кровоостанавливающим, противовоспалительным средством. Hypericum используется как легкое вяжущее, кровоостанавливающее средство. Как и арника применяется при травмах, однако арника дается при любых травмах, а Hypericum – при травмах с нарушением целостности нервов. Hepar sulfuris обладает противовоспалительным, противомикробным действием, способствует регенерации тканей. Belladonna является обезболивающим, спазмолитическим, успокаивающим средством. Она показана при любых воспалительных реакциях, локализованных и сопровождающихся опуханием и покраснением. АСД-2 (гомеопатезированный) оказывает противовоспалительное действие, положительно влияет на репаративные процессы, активизирует тканевый иммунитет, повышает резистентность организма, оказывает стимулирующее действие на слизистую оболочку при функциональном расстройстве [3].

Таблица

Морфологические показатели крови больных маститом норок при применении препаратов «Травматин» и «Травма-гель», M±m

Показатели	Группы животных (n=10)						
	Клинически здоровые	До введения		На 7-й день после лечения		После окончания лечения	
		контрольная	опытная	контрольная	опытная	контрольная	опытная
эритроциты, 10^{12}/л	7,023±0,25	5,367±0,28	5,349±0,06	7,06±0,35^{1x}	7,890±0,18^{1x}	7,202±0,35^{1x}	7,917±0,18^{1x}
лейкоциты, 10^{9}/л	8,224±0,19	10,08±0,52	10,739±0,56	8,536±0,22^{1x}	8,616±0,27^{1x}	8,638±0,19^{1x}	8,467±0,28^{1x}
гемоглобин, Г/л	140,5±2,56	131,00±5,65	127,5±4,62	153,00±5,14^{1x}	157,00±3,08^{1x}	156,1±3,90^{1x}	158,8±3,29^{1x}
ЦП	1,037±0,04	1,238±0,04	1,246±0,10	1,09±0,03^{1x}	1,02±0,03^{1xx}	1,087±0,04^{1x}	1,01±0,02^{1xx}
базофилы, %	0,1±0,1	0,3±0,1	0,1±0,1	0,1±0,1^{1xxx}	0,1±0,1^{1xxx}	0,1±0,1^{1xxx}	0,3±0,1^{1xxx}
эозинофилы, %	1,5±0,31	1,6±0,72	2,5±0,62	1,5±0,1^{1xxx}	2,0±0,21^{1xxx}	1,5±0,31^{1xxx}	2,0±0,31^{1xxx}
нейтрофилы, %: юные	0	0,6±0,21	0,2±0,1	0,4±0,1^{1xxx}	0,1±0,1^{1xxx}	0,2±0,1^{1xxx}	0
палочкоядерные	2,9±0,21	6,1±0,72	5,8±0,41	3,3±0,41^{1x}	4,4±0,31^{1x}	3,2±0,41^{1x}	3,9±0,21^{1x}
сегментоядерные	46,7±0,31	38,5±1,54	38,8±0,72	43,7±1,13^{1x}	42,8±0,92^{1x}	46,2±1,54^{1x}	45,8±1,23^{1x}
лимфоциты, %	48,0±0,92	49,4±2,16	48,8±1,03	48,8±1,75^{1xxx}	47,6±1,34^{1xxx}	47,7±1,23^{1xxx}	47,1±1,34^{1xxx}
моноциты, %	0,8±0,1	3,5±0,72	3,8±0,51	2,2±0,41^{1xxx}	3,00±0,21^{1xxx}	1,1±0,41^{1x}	0,9±0,1^{1x}

Примечание. Достоверность различий приведена в сравнении с началом опыта:
1x) $p<0,01$;
1xx) $p<0,02$;
1xxx) $p>0,1$

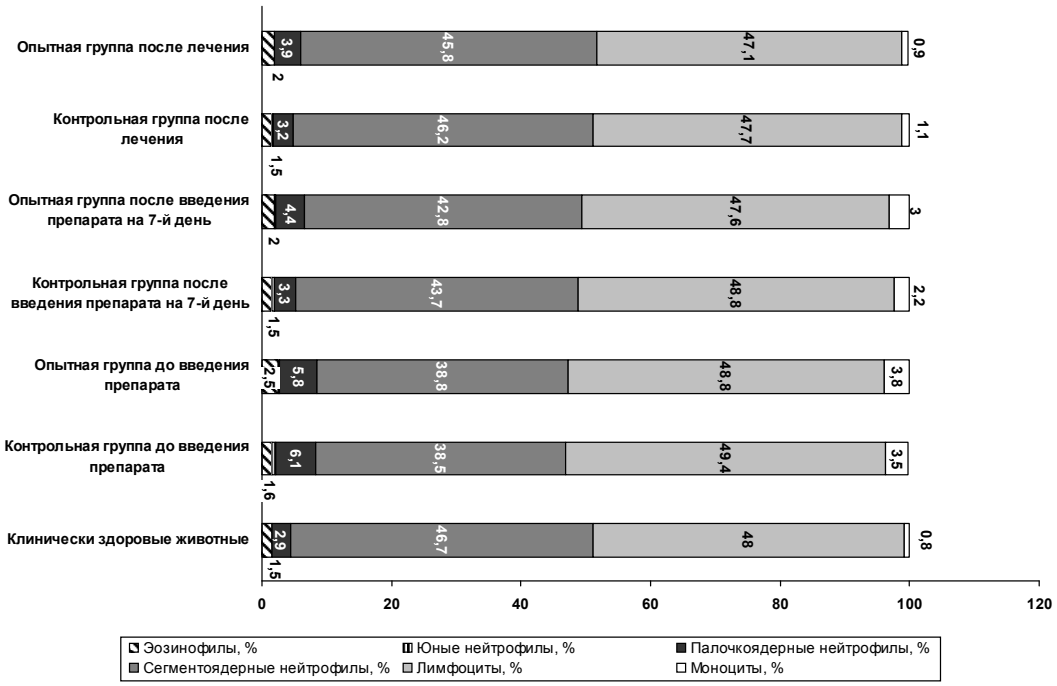

Рис. 2. Изменение лейкограммы при применении препаратов «Травматин» и «Травма-гель»

Целью настоящей работы явилось изучение влияния гомеопатических препаратов «Травматин» и «Травма-гель» на организм больных маститом норок.

Опыт проводили в ЗАО «Судиславль» Костромской области на двух группах взрослых самок с клиническими признаками мастита и группе клинически здоровых самок в период лактации.

1-я – опытная группа, вводили внутримышечно препарат «Травматин» в дозе 0,5 мл на голову ежедневно 1 раз в сутки и обрабатывали Травма-гелем пораженные доли молочной железы два раза в день.

2-я – контрольная группа, лечение по схеме хозяйства: внутримышечно – бициллин-3 1 раз в 3–4 дня, местно – камфорное масло.

3-я – клинически здоровые норки.

Кровь для исследования в 1-й и 2-й группах брали перед введением препарата, на 7-й и 21-й день исследования.

В полученной крови определяли по общепринятым методикам содержание эритроцитов, лейкоцитов, гемоглобина, ЦП (цветной показатель), лейкоцитарную формулу.

В результате исследований установлено, что в начале опыта количество эритроцитов у всех норок было ниже физиологической нормы (7,7–13,1·10^{12}/л). После лечения значение данного показателя увеличилось в опытной группе на 48,01% и достигло нормативных значений, в контрольной группе – на 34,19%, оставаясь ниже нормы.

В начале опыта содержание лейкоцитов в крови животных контрольной группы находилось на верхних границах физиологической нормы (2,5–10,5 10^9/л) и несколько более высокие значения данного показателя отмечались у животных опытной группы, то же можно было наблюдать и в сравнении с показателями группы клинически здоровых животных (табл.). Выраженных различий в количестве лейкоцитов между опытной и контрольной группами выявлено не было. К концу опыта количество лейкоцитов снизилось на 21,16% в опытной группе и на 14,31% в контрольной группе.

Из анализа полученных данных видно, что в начале опыта во всех группах уровень гемоглобина был ниже нормы установленной для данного вида животных (150–175 Г/л). После лечения его количество в опытной группе увеличилось на 24,5%, в то время как в контрольной – на 19,6%, достигнув нормативных значений (рис. 1).

Данные, полученные в результате опыта позволили вычислить цветной показатель (ЦП), и таким образом выяснить степень и характер анемии у исследуемых животных. В начале лечения в контрольной и опытной группах индекс красной крови

был выше единицы. Увеличение цветного показателя (гиперхромия) как известно, может быть связано с недостатком цианкобаламина и фолиевой кислоты. Однако, следует отметить, что в ходе опыта у животных обеих групп отмечалась тенденция приближения значения ЦП к единице (табл.).

Анализируя показатели лейкоцитарной формулы, можно отметить, что выраженной динамики концентрации базофилов в течение опыта не наблюдалось, в то же время отмечалась тенденция к увеличению количества сегментоядерных и снижению палочкоядерных нейтрофилов (табл.). Количество эозинофилов понизилось в опытной группе с 2,5±0,62 до 2,0±0,31, в контрольной группе изменения данного показателя также не значительны. Из анализа полученных данных видно, что количество лимфоцитов уменьшилось в опытной группе на 3,48%, в контрольной – на 3,44%. Аналогичную тенденцию можно было наблюдать и в отношении моноцитов. После лечения содержание данных клеток в крови норок опытной группы снизилось на 76,32%, контрольной – на 68,57% в сравнении с началом опыта (рис. 2).

Проведённые исследования показали, что применение гомеопатических препаратов «Травматин» и «Травма-гель» в указанных дозах оказывают положительное влияние на кровеносную систему и нормализируют обменные процессы в организме. Причём у зверей опытной группы изменения в морфофункциональном составе крови носили более выраженный характер и достигли значений физиологической нормы. Отсутствие побочных эффектов, безопасность применения, положительное влияние на организм больных животных позволяют рекомендовать «Травматин» и «Травма-гель» для лечения заболеваний молочной железы у норок.

Библиографический список

1. Экологически безопасная система профилактики и терапии акушерско-гинекологических заболеваний животных: методические рекомендации / Сост. В.Н. Бочкарёв, В.В. Пеньков, И.И. Кузьменков, А.Г. Кухарская, С.Л. Смирнов, Л.А. Рябуха, К.В. Бочкарёв, Л.А. Луткова, Д.Н. Золотов. – Кострома: КГСХА, 2006. – 35 с.

2. *Карташова В.М., Ивашура А.И.* Маститы коров. – М.: Агропромиздат, 1988. – 256 с.

3. *Стоукс Дж.* Гомеопатия: пер. с англ. О. Максименко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 272 с.

Л.А. Рябуха

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКИХ ПАТОЛОГИЙ У НОРОК В ЗВЕРОХОЗЯЙСТВЕ ЗАО «СУДИСЛАВЛЬ» КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Звероводство, а в частности норководство, как перспективная отрасль животноводства, играет значительную роль в обеспечении населения отечественной пушниной. К сожалению, его успешному развитию во многом препятствуют заболевания животных, как инфекционного, так и неинфекционного генеза.

В ходе наших исследований было проведено изучение заболеваемости норок болезнями акушерско-гинекологической этиологии в ЗАО «Судиславль» Костромской области.

В зверохозяйствах количество пришедших в охоту самок может составлять всего 5–45% (Л.В. Сидорова, 2003). Причины различны: хронические болезни (эндометриты и т.д.), авитаминозы, гиподинамия, эндокринные расстройства, стерильность самцов и пр.

Нашими исследованиями установлено (табл. 1, рис. 1), что в ЗАО «Судиславль» с апреля месяца 2002–2005 гг., из числа заболеваний самок норок имеют наибольшее распространение акушерско-гинекологические болезни – 27%, которые прямо пропорционально зависят от сезона года. Так, в апреле 2002–2005 гг. зарегистрировано – 13,7% случаев.

С мая по июнь наблюдается снижение заболеваемости – соответственно с 7,44 до 5,32%.

Из акушерско-гинекологических заболеваний (табл. 1–2, рис. 2) в апреле 2002–2005 гг. у самок норок преобладают токсикоз беременных – 7,70%, патологические роды – 0,68% и прочие патологии – 3,2% (бесплодие, задержание последа и т.д.).

В мае наблюдается увеличение процента заболеваемости среди самок эндометритом до 4,09%, маститом до 0,82%, более редко отмечают токсикоз беременных (1,23%).

Среди самок норок в июне регистрируются в большей степени маститы – 4,84% и эндометриты – 0,48%.

© Л.А. Рябуха, 2006

Таблица 1

Сезонная распространённость акушерско-гинекологических заболеваний самок норок в ЗАО «Судиславль» за 2002–2005 гг.

Заболевания	Месяц												Итого
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	
эндометриты	–	–	–	–	1,84	4,09	0,48	–	–	–	–	–	6,41
токсикозы беременных	– –	– –	– –	– –	7,70	1,23	–	– –	– –	– –	– –	– –	8,93
аборты					0,41	0,07	–						0,48
маститы	– –	– –	– –	– –	0,20	0,82	4,84	– –	– –	– –	– –	– –	5,86
патологические роды	–	–	–	–	0,68	0,20	–	–	–	–	–	–	0,89
агалактия	–	–	–	–	0,14	0,20	–	–	–	–	–	–	0,34
бесплодие	–	–	–	–	1,50	0,41	–	–	–	–	–	–	1,91
задержание последа	– –	– –	– –	– –	1,70	0,41	– –	– –	– –	– –	– –	– –	2,11
незаразные	2,45	5,18	11,80	23,85	5,66	0,68	0,21	1,70	0,41	6,13	7,23	7,77	73,07
Итого	2,45	5,18	11,80	38,02	13,10	6,00	0,21	1,70	0,41	6,13	7,23	7,77	∑100

Таблица 2

Динамика акушерско-гинекологических заболеваний норок в ЗАО «Судиславль» за период 2002–2005 гг.

Акушерско-гинекологические заболевания, %	Год				Средний % за 4 года
	2002	2003	2004	2005	
эндометриты	7,85	6,84	4,30	4,81	23,80
токсикозы беременных	22,79	1,01	4,81	4,56	33,17
аборты	0,76	0,25	0,25	0,51	1,77
маститы	0,25	2,53	18,48	0,51	21,77
патологические роды	1,27	1,01	0,76	0,25	3,29
агалактия	0,51	0,25	0,25	0,25	1,26
прочие патологии	3,54	5,06	6,08	0,25	14,93
ИТОГО	36,97	16,96	34,93	11,14	100

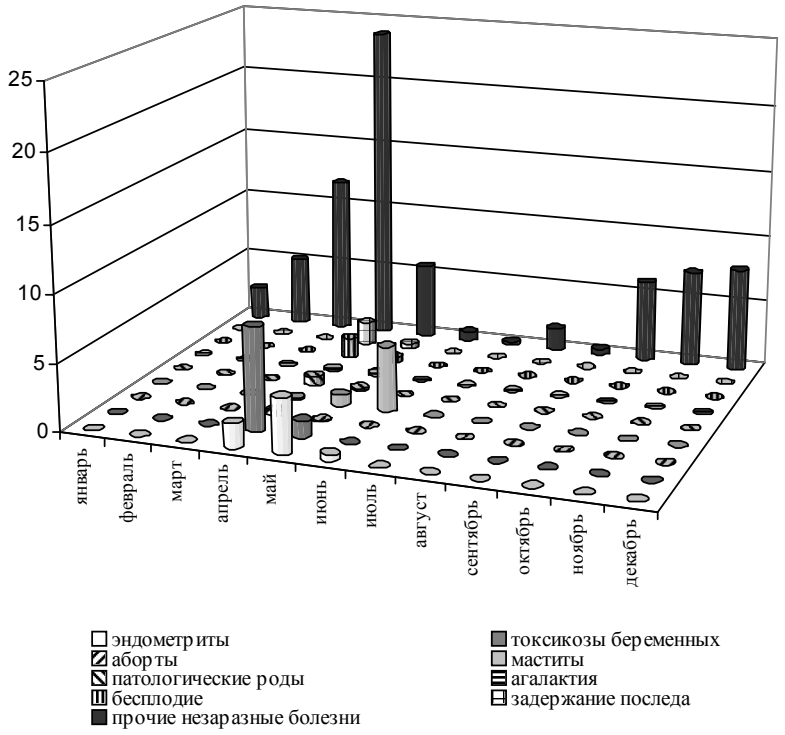

Рис. 1. Сезонная динамика заболеваний темно-коричневой норки в ЗАО «Судиславль» за период 2002–2005 гг.

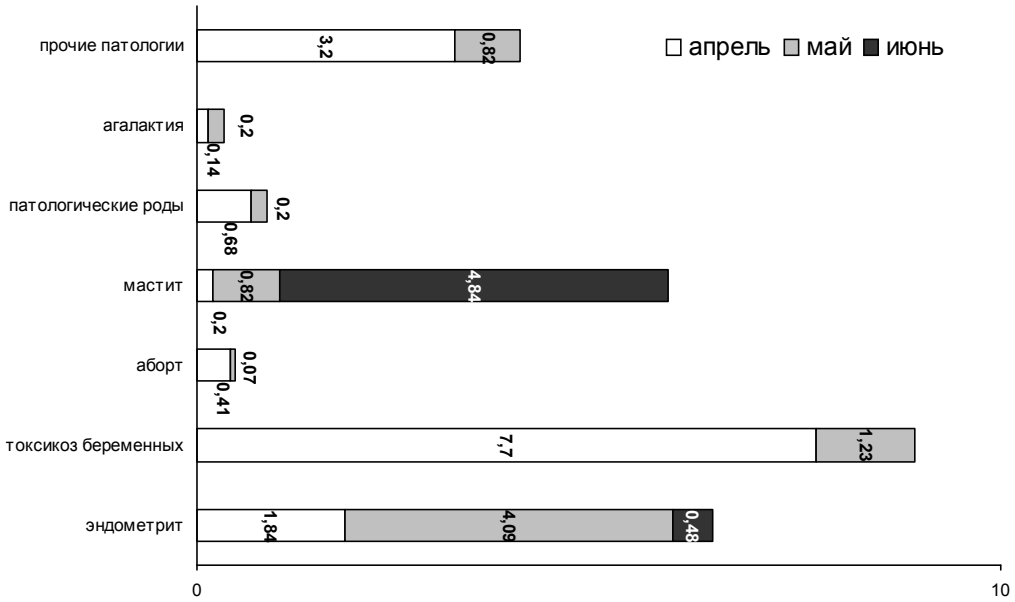

Рис. 2. Сезонная динамика акушерско-гинекологических заболеваний норок в ЗАО «Судиславль» за апрель–июнь 2002–2005 гг.

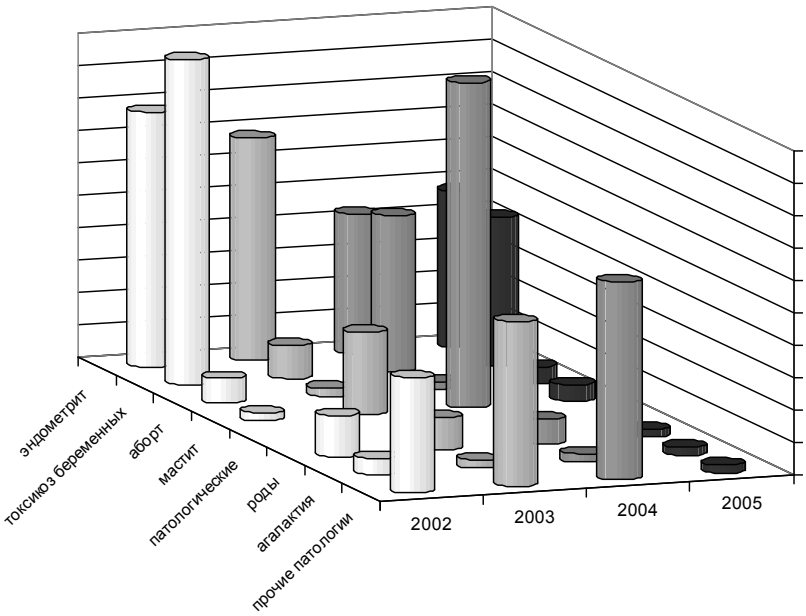

Рис. 3. Частота акушерско-гинекологических заболеваний норок в ЗАО «Судиславль» за период 2002–2005 гг.

Акушерские и гинекологические заболевания – токсикозы беременных, эндометриты, патологические роды, аборты, маститы, агалактии и прочие патологии по данным амбулаторных журналов наблюдаются в весенние месяцы – с апреля по июнь. Сезонность этих патологий напрямую связана с биологическими особенностями самок норок – беременностью, щенением, вскармливанием молодняка.

Анализ частоты акушерско-гинекологических патологий относительно 2002–2005 гг. позволил нам установить, что наибольшее количество самок норок с диагнозом «эндометрит», «токсикоз беременных», «аборт», «патологические роды», «агалактия» регистрировалось в 2002 году, наибольший процент заболевания – «мастит» в хозяйстве отмечали в 2004 году (табл. 2, рис. 3).

Таким образом, акушерско-гинекологические заболевания у норок имеют широкое распространение, и пик заболеваемости приходиться на послеродовой и лактационный периоды, что соответствует определённым месяцам года.

Г.С. Матвеева

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОЛШТИНСКОЙ ПОРОДЫ ПО ПРОДУКТИВНЫМ КАЧЕСТВАМ В СРАВНЕНИИ СО СТАНДАРТОМ ПОРОДЫ

Цель. Определить генетический потенциал голштинской породы по уровню молочной продуктивности со стандартом породы.

Актуальность. Исследования были направлены на изучение генетического потенциала голштинской породы по надою и сравнительной характеристики отдельных линий по селекционируемым признакам.

Реализация генетического потенциала голштинской породы по продуктивным качествам предопределяет эффективность селекционно-племенной работы в стадах, где используются голштинские быки-производители. Для определения генетического потенциала голштинской породы нами были проанализированы результаты уровня молочной продуктивности в исследуемых стадах со стандартом породы в зависимости от генотипа животного и линейного использования. Генетический потенциал голштинской породы по продуктивным качествам в сравнении со стандартом породы представлен в таблице 1.

 © Г.С. Матвеева, 2006

Таблица 1

Генетический потенциал по молочной продуктивности в разных стадах в сравнении со стандартом по породе

Хозяйство	Надой		МДЖ	
	кг	+ к стандарту	%	+ к стандарту
ЗАО ПЗ «Рабитицы»	8464	4864	3,74	+0,16
ЗАО ПЗ «Рапти»	7705	4105	3,55	–0,05
ЗАО ПЗ «Гражданский»	9144	5544	3,66	+0,06
ЗАО ПР «Котельский»	6415	2815	3,53	–0,07
ОПХ «Каложицы»	7382	4182	3,58	–0,02

Таблица 2

Характеристика отдельных линий по основным селекционируемым признакам (X±m)

Линия	Признак				
	n	надой за 1-ю лактацию, кг	МДЖ, %	молочный жир, кг	коэффициент молочности, кг
В.Б. Айдиала 933122	256	5519±75	3,75±0,01	206,2±3	1083±16
Р. Соверинга 198998	176	5378±94	3,74±0,02	199,9±4	1052±25
С.Т. Рокита 252803	49	5205±153	3,75±0,04	195,3±4	981±47
М. Чифтейна 95679	75	5285109	3,74±0,04	199,8±4	1057±36

Анализ данных таблицы 1 показал, что по надою, все изучаемые популяции имели преимущество в сравнении со стандартом по породе на уровне 2815…5544 кг молока, а по содержанию МДЖ в молоке только две популяции («Рабитицы» и «Гражданский») имели преимущество в сравнении со стандартом, а в остальных популяциях этот показатель находится на отрицательном уровне от 0,02 до 0,07%.

На современном этапе развитии крупномасштабной селекции в молочном скотоводстве большое внимание уделяется совершенствованию системы разведения по линиям.

Анализ генетического потенциала подопытного поголовья показал, что 40,4% животных были представителями линии В.Б. Айдиал 933122; 27,9% – Р. Соверинг 198998; 11,2% – С.Т. Рокита 252803 и 8,8% – М. Чифтейна 95679.

Результаты исследований линейного разведения по основным селекционируемым признакам представлены в таблице 2.

При проведении сравнительного анализа данных (табл. 2) по основным селекционным признакам между коровами линии В.Б. Айдиал 933122, как самой многочисленной, и коровами других линий данной породы выявлены различия с животными линии М. Чифтейна 95679 в 314 кг молока (P>0,90) и 10,9 кг молочного жира (P>0,90) и животными линии С.Т. Рокита 252803 – в 234 кг молока (P>0,90) и 7,5 кг молочного жира (P>0,90) в пользу представительниц.

Выводы. 1. Исследования показали, что генетический потенциал голштинской породы по надою в различных стадах находился на уровне 2805…5544 кг.

2. Сравнительная характеристика линий по продуктивности потомства показала, что лучшей оказалась линия В.Б. Айдиал по надою, молочному жиру и коэффициенту молочности.

А.А. Панкратова, Х.А. Пискунова, А.В. Николаев

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗДЕЛЫВАНИЯ ЛЬНА-ДОЛГУНЦА НА ПОДСЕВЕ МНОГОЛЕТНИХ ТРАВ

Костромская область входит в число основных льносеющих областей РФ. Некогда славившаяся богатым льном, в настоящее время она переживает не лучшие времена. В условиях нерегулируемой рыночной экономики сложился крайне высокий диспаритет цен между стоимостью материально-технических ресурсов, необходимых для производства льна, и стоимостью льносырья, и это только одна из множества причин упадка льняного комплекса.

Решение проблемы повышения урожайности, качества льнопродукции, а главное, получения продукции при минимальных затратах проводится во многих направлениях. Одним из перспективных мероприятий является подсев под лен-долгунец многолетних трав. Прием, ранее широко практикуемый не только научными учреждениями, но и льносеющими хозяйствами, забытый в последние десятилетия, в настоящее время вновь заслуживает пристального внимания. Применение данного агроприема практиковалось и практикуется в Тверской (М.М. Боярченкова, 1976), Кировской (В.Е. Иванов, 1984, С.В. Доронин, С.Ф. Тихвинский, 2003), Псковской (М.Г. Объедков, В.Е. Тимофеева, 1976) и других областях.

Введение в технологию возделывания льна этого мероприятия преследует сразу несколько целей: 1) улучшение условий вылежки тресты; 2) повышение продуктивности последующих культур в звене севооборота; 3) благотворное влияние на состояние почвы.

Необходимость в периодическом обращении к этому агроприему связана, прежде всего, со сложившейся экономической ситуацией. При увеличении числа фермерских хозяйств часто не представляется возможным придерживаться полной ротации севооборота при ограниченном количестве пашни (Н.П. Гудкова, 1998, 2003). В данном случае, при укороченных севооборотах использование подсеянных под лен-долгунец многолетних трав в качестве зеленого удобрения может быть наилучшим способом решения проблемы сохранения почвенного плодородия и снижения токсичности почвы.

Исследователями установлено, что лен – долгунец является хорошей покровной культурой для многих растений. Он мало затеняет почву, рано созревает, в конце вегетации экономно расходует влагу и питательные вещества из почвы, слабо угнетает подсеянную под него культуру. Подсеваемые многолетние травы озимого типа, в свою очередь, препятствуют распространению в посевах сорной растительности.

Изучение возможностей подсева под лен-долгунец многолетних злаковых и бобовых трав проводилось в Костромской области в пятидесятых годах прошлого века и возобновлено в Костромской ГСХА в 2000 году на мелкоделяночных опытных участках. С 2003 года исследования проводятся комплексно на базе ГНУ Костромского НИИСХ.

Объектом исследований служил лен-долгунец сорта Томский-17, выведен на Томской Государственной сельскохозяйственной опытной станции. Подсеваемые травы – клевер белый сорта Парус, райграс пастбищный сорта ВИК – 66. Норма высева льна-долгунца 105 кг/га, райграса пастбищного – 20 кг/га, клевера белого – 4 кг/га. Подсев трав под лен проводился в день посева льна вторым проходом посевного агрегата поперек посева.

В опыте изучали влияние подсева клевера белого и райграса пастбищного на формирование урожая льна, качество льнопродукции, а также на состояние почвы и суммарную урожайность культур по звену севооборота.

Площадь опытного участка составляет 1500 м^2. Повторность в опыте 4-х кратная. Учетная площадь делянок составляет 50 м^2. Наблюдения проводились с 2003 по 2006 годы с помощью общепринятых методов.

Климат области умеренно континентальный, с коротким сравнительно теплым летом и продолжительной холодной и многоснежной зимой. Годовой приход суммарной солнечной радиации составляет примерно 87 ккал/см^2, из этого количества 42 ккал/см^2 – в виде рассеянной радиации. Костромская область относится к зоне достаточного увлажнения. Атмосферных осадков за год выпадает от 560 до 700 мм с колебаниями в отдельные годы примерно от 270 до 900 мм. Гидротермический коэффициент, характеризующий соотношение показателей тепла и влаги колеблется от 1,4 до 1,7. В последние годы отмечалось резкое колебание режимов тепло- и влагообеспеченности, что негативно отражалось на развитии культур.

© А.А. Панкратова, Х.А. Пискунова, А.В. Николаев, 2006

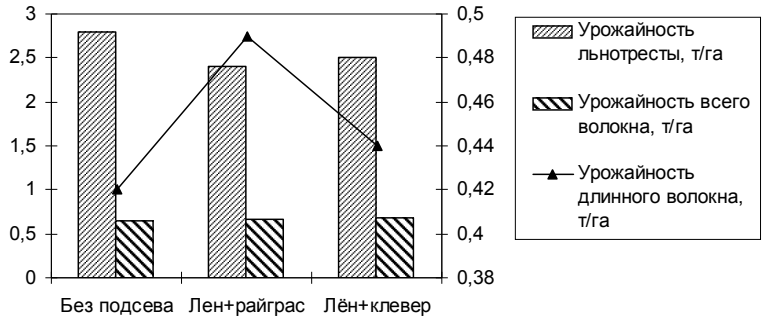

Рис. 1. Урожайные характеристики льносырья за 2003–2005 гг.

На основании трехлетних наблюдений (2003–2005 гг.) за ростом и развитием льна-долгунца можно заключить, что рост растений в высоту имел отличия по вариантам опыта. Так, в среднем, растения льна-долгунца, выращенные на подсеве райграса пастбищного, в фазу ранней желтой спелости имели длину стебля: общую – 84,7 см, техническую – 74,3 см; на подсеве клевера белого – общую 85,2 см, техническую – 70,1 см, на контрольном варианте – общую 83,8 см, техническую – 69,9 см. Таким образом, подсевные культуры не оказали негативного влияния на рост стебля растений льна-долгунца в высоту, на данных вариантах общая и техническая длина стебля была несколько выше, чем на контроле.

Урожайные характеристики льносырья представлены на рисунке 1.

Наиболее высокий урожай льнотресты был получен на контрольном варианте – без подсевных культур, выход льнотресты составил 2,8 т/га в среднем за три года.

На вариантах с применением подсева многолетних трав урожай льнотресты в варианте с подсевом райграса пастбищного составил 2,4 т/га, в варианте с подсевом клевера белого – 2,5 т/га. Недобор в урожае льняной тресты на опытных вариантах стал следствием снижения густоты стеблестоя льна-долгунца. Количество растений льна-долгунца на 1 м^2 в среднем за годы исследований при подсеве райграса пастбищного находилась на уровне 1337,5 растений/м^2, а при подсеве клевера белого – 1411,3 растений/м^2, на контрольном варианте – 1424,3 растений/м^2.

Негативный эффект оказанный подсевом трав под лен-долгунец на урожайные характеристики культуры покрывается качественными характеристиками полученного льносырья (табл. 1).

В среднем за годы исследований на опытных вариантах с подсевом райграса пастбищного и клевера белого льнопродукция характеризовалась лучшими качественными характеристиками, что говорит о положительном влиянии подсевных культур на выход и качество льноволокна.

Таким образом, установлено, что подсев многолетних злаковых и бобовых трав под лен-долгунец, снижая густоту стеблестоя и, как следствие, объем собранной льнотресты, позволяет получить большее количество волокна наиболее высокого качества. Учитывая положительное влияние трав на качественные показатели, данное мероприятие можно признать перспективным.

Подсев многолетних трав под лен-долгунец несет за собой определенные затраты, удорожая

Таблица 1

Качественные характеристики льнопродукции в среднем за годы исследований (2003–2005 гг.)

Вариант	Выход волокна, %	Выход длинного волокна, %	Гибкость, мм	Крепость, кгс/см^2	Номер волокна
Лен без подсева	33,7	24,8	40,7	6,2	1,15
Лен + райграс пастбищный	36,1	27,5	44,9	6,9	1,25
Лен + клевер белый	34,0	26,7	44,7	6,6	1,15

Таблица 2

Продуктивность звена севооборота со льном-долгунцом с использованием подсевных культур

Годы исследований					
2004		2005		2006	
Чередование культур в звене севооборота	Урожайность культур (льнотресты, т/га)	Чередование культур в звене севооборота	Урожайность культур (зеленой массы, т/га)	Чередование культур в звене севооборота	Урожайность культур (зеленой массы, т/га)
Лен-долгунец	2,8	Вико-овес	10,8	Овсяно-бобовая травосмесь	9,6
Лен-долгунец + райграс пастбищный	2,4	Райграс пастбищный	10,1	Овсяно-бобовая травосмесь	5,7
Лен-долгунец + клевер белый	2,5	Клевер белый	21,4	Овсяно-бобовая травосмесь	11,0

тем самым себестоимость получаемой льнопродукции. В данном случае применение подсева многолетних трав под лен долгунец, было направлено на дальнейшее использование многолетних трав, как самостоятельных культур в звене севооборота и затраты могут быть отнесены к дополнительному виду продукции.

Так, в наших исследованиях многолетние травы в полях, следующих за льном-долгунцом, давали урожай зеленой массы в среднем за годы исследований в первом укосе клевера белого – 21,4 т/га, райграса пастбищного – 10,1 т/га. Осенью отава этих культур была использована в качестве сидератного удобрения в объеме: клевера – 4,6 т/га, райграса – 3,4 т/га.

Применение сидератных удобрений позволяет повысить уровень плодородия, улучшить структуру почвы, что положительно отражается на урожайности последующих культур (табл. 2).

Сидерация является эффективным способом решения проблемы стабилизации почвенного плодородия. Об уровне влияния этого мероприятия можно судить по динамике содержания органического вещества в почве, которое определялось 2 раза – весной и осенью.

В среднем за сезон 2004 года этот показатель характеризовался следующими величинами на контроле – 2,57%, в варианте с райграсом пастбищным – 2,66%, в варианте с клевером белым – 1,65% (рис. 2).

На следующий год, при возделывании подсевных культур в качестве самостоятельных, среднее содержание органического вещества на варианте с райграсом пастбищным понизилось и составило 2,09%, на варианте с клевером белым было отмечено накопление органического вещества до 2,18%. Это, очевидно, явилось следствием большего поступления отмерших органических остатков, чем на варианте с райграсом пастбищным. Относительно контрольного варианта, то здесь содержание органического вещества в почве составило 1,95%.

После запашки трав первым эффектом от внесения сидератных удобрений в виде отавы и корневых остатков клевера белого и райграса пастбищного было существенное усиление минера-

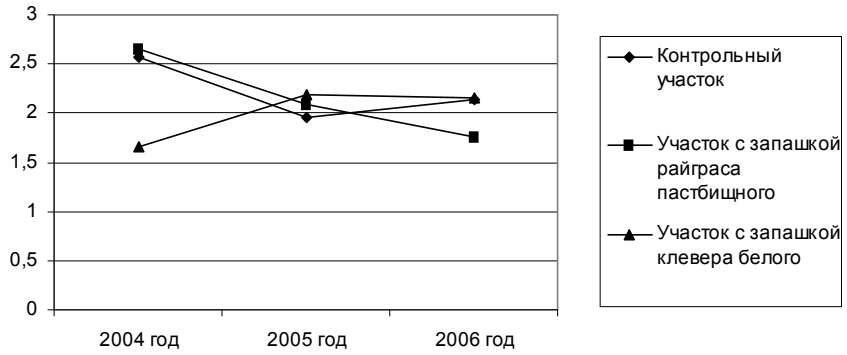

Рис. 2. Содержание органического вещества в почве, %

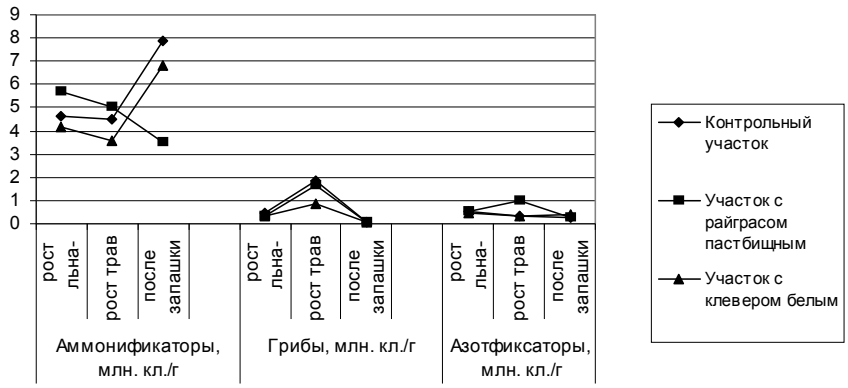

Рис. 3. Микробиологическая активность почвы в почве участка опыта в среднем за период 2004–2006 гг.

лизационных процессов. Это привело к повышению урожая последующей культуры, но вызвало некоторое снижение фонового содержания запасов органического вещества на варианте с запашкой клевера белого на 0,03%, на варианте с райграсом пастбищным на 0,33%. Общее содержание органического вещества на варианте с запашкой клевера белого составило 2,15%, райграса пастбищного 1,76%, на контроле – 2,13%.

Таким образом, можно отметить, что заметного увеличения запасов органического вещества в почве от возделывания подсевных культур не наблюдалось, но налицо положительное влияние их на биогенные показатели.

Доказательством усиления минерализации органического вещества в почве могут служить показатели микробиологической активности (рис. 3).

Анализ результатов (рис. 3.) показывает, что на протяжении трех лет исследований (2003–2005 гг.) многолетние травы при выращивании подпокровно со льном-долгунцом, самостоятельно на следующий год и при запашке их на зеленое удобрение (2004–2006 гг.) способствовали снижению грибной микрофлоры в почве. За три года наибольшее количество грибов отмечалось в варианте без подсева многолетних трав. Возделывание райграса пастбищного в первые два года исследований способствовало увеличению численности аммонифицирующих и азотфиксирующих микроорганизмов. На участке опыта, после запашки трав численность этих групп микроорганизмов была снижена – аммонификаторов в 1,5 раза, азотфиксаторов в 4 раза. При возделывании клевера белого ситуация складывалась иначе. В первый и второй год его выращивания наблюдалось снижение почвенных микроорганизмов аммонификаторов и азотфиксаторов в 0,5 раза. На третий год исследований запаханная масса клевера белого способствовала увеличению численности аммонифицирующих микроорганизмов в 2 раза, азотфиксирующих микроорганизмов в 0,5 раза.

Можно заключить что, данный агроприем имеет определенные положительные моменты для развития льноводства и является дополнительным источником сырья для кормовой базы и, кроме того, запахиваемые сидератные удобрения, оказывают положительное влияние на плодородие почвы.

Библиографический список

1. *Боярченкова М.М.* Изменение качества тресты в зависимости от продолжительности нахождения и способов содержания ее в поле: отчет о НИР / Всерос. науч.-исслед. ин-т льна; рук. М.М. Боярченкова. – Торжок, 1977–1979.

2. *Боярченкова М.М.* Влияние подсева трав под лен – долгунец на урожай и качество волокнистой продукции и последующей культуры / Научные труды ВНИИЛ. – Торжок, 2002. – Вып. 30. – Т. 2.

3. *Гудкова Н.П.* Лен-долгунец в севооборотах южной части Северо-Западного региона России. Земледелие на рубеже 21 века // Сб. докладов Международной научной конференции. – М.: Изд. МСХА, 2003. – С. 264–267.

4. *Гудкова Н.П.* Использование севооборотов для преодоления «льноутомления» почвы // Материалы 21-й научно-практической конференции «Актуальные проблемы аграрной науки в современных условиях». – Тверь, 1998. – С. 172–173.

5. *Доронин С.В.* Лен-долгунец. – Киров: ВГСХА, 2003. – 112 с.

6. *Иванов В.Е.* Лен и корма с одного поля. – М., 1984. – 47 с.

7. *Объедков М.Г.* Лен-долгунец. – М.: Россельхозиздат, 1979. – 223 с.

Н.В. Лаврова

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНДРОГЕНЕЗА IN VITRO ОЗИМОЙ МЯГКОЙ ПШЕНИЦЫ

Введение

Важнейшей задачей селекции по-прежнему остается сокращение сроков создания новых сортов. Создание сортов озимой пшеницы традиционными методами требует длительного времени и огромных масштабов работы. Так, для получения одного районированного сорта озимой пшеницы необходимо проработать сотни гибридных комбинаций и изучить десятки тысяч селекционных номеров, что требует от селекционера обычно не менее 10 лет работы [5]. Внедрение новых клеточных технологий в сочетании с методами классической генетики и селекции открывает большие перспективы как для использования, так и для решения фундаментальных проблем генетики, биотехнологии, физиологии и биохимии злаковых растений.

Из сем. Мятликовые (Poaceae) в структуре зерновых площадей России наиболее распространена мягкая пшеница (Triticum L.). Большой теоретический и практический интерес для селекции этой культуры представляет использование гаплоидии. Гаплоиды используются для получения стабильных гомозиготных линий. В традиционной селекции гомозиготность может быть достигнута с помощью нескольких схем инбридинга, однако по времени этот процесс достаточно длительный. Самым быстрым путем к достижению гомозиготности является удвоенная гаплоидия, и поэтому гаплоиды очень привлекательны для многих ученых и селекционеров. Быстрое достижение гомозиготных линий особенно важно при работе с озимыми культурами. Применение гаплоидной биотехнологии в селекции пшеницы, особенно озимого типа, позволяет быстрее найти нужную комбинацию скрещивания и сократить время на создание сортов до 1–2 лет [1].

Целью нашей работы было разработать систему получения гаплоидов с помощью культуры изолированных микроспор для ряда сортов озимой пшеницы селекции НИИСХ ЦРНЗ (п. Немчиновка, Московская обл.).

Объекты и методы исследований

Растительный материал. Растения-доноры пяти сортов озимой пшеницы: Немчиновская 24, Галина, Инна, Московская 39 и Памяти Федина выращивали в поле на экспериментальных делянках НИИСХ ЦРНЗ. Коллекция изучаемых сортов озимой пшеницы в течение ряда лет исследовалась на скороспелость и приспособляемость к условиям Нечерноземной зоны России, а также на устойчивость к грибным болезням, продуктивность, качество зерна и наследование количества белка [3], т.е. оценивались те признаки, которые в условиях Центрального Нечерноземья являются лимитирующими и представляют интерес для селекции этой культуры.

Отбор колосьев. Колосья с сортов-доноров первоначально отбирали в различных фазах онтогенеза растений по морфологическим признакам: размеру и цвету пыльника, степени плотности чешуй колоса. В этом случае микроспоры в пыльниках находились на оптимальной для индукции андрогенеза in vitro стадии развития пшеницы – фазе сильновакуолизированной микроспоры. Необходимо отметить, что указанные морфологические критерии часто различаются в зависимости от сорта и климатических условий года выращивания растений, поэтому детально стадию развития микроспор в нашем эксперименте анализировали под микроскопом на давленых препаратах по методу З.П. Паушевой [4].

Культура пыльников. Колосья обрабатывали 70% этанолом, стерилизовали в растворе гипохлорита натрия. Подбор условий стерилизации колосьев-доноров в нашем эксперименте позволил получить 97–100% неинфицированных эксплантов, что обеспечило нам возможность культивирования как пыльников, так и целых цветков in vitro на жидких и агаризованных питательных средах.

Извлечение цветков (вместе с пыльниками) проводили в стерильных условиях ламинарного бокса. В одну биологическую пробирку (или чашку Петри) помещали до 30 эксплантов, размещая их равномерно по всей поверхности среды. Штативы с пробирками и чашки Петри на 4–7 суток помещали в темноту при температуре 32–33°С, затем культивирование продолжали при температуре 27°С до образования эмбриоидов и каллусов.

Культура микроспор. В плавающих пыльниках, помещенных на жидкую среду, происходил спонтанный выход микроспор в среду для культивирования. Микроскопические исследования,

© Н.В. Лаврова, 2006

проведенные нами, показали, что в самые первые дни культивирования стенки гнезда пыльника открываются из-за повышения тургора и старения эндотеция, что способствует «высыпанию» микроспор на поверхность питательной среды.

Образование эмбриоидов. Андрогенные образования появлялись через 28–30 дней с момента инокуляции пыльников и имели сферическую форму.

Регенерация растений. Эмбриоиды культивировали при температуре 9–11°С, 16-часовом фотопериоде и освещенности 20 тыс. лкс на средах Potato 11 до образования растений-регенерантов. Развившиеся растения (гаплоиды) укореняли на жидкой среде до образования хорошей корневой системы. Растения-регенеранты, достигшие фазы 3-х листьев, яровизировали не менее 60 дней, затем колхицинировали в течение 5 часов на свету в растворе, содержащем 0,2% колхицина и 0,03% папаина. Диплоидизированные растения-регенеранты озимой пшеницы высаживали в почву, а затем в условия подогреваемой теплицы НИИСХ ЦРНЗ для получения колосьев.

Результаты исследований

Результаты проведенных нами экспериментов свидетельствуют, что деление ядер микроспор происходит только в тех из них, которые отрываются от орбикул и «выпадают» в полость гнезда пыльника, а те микроспоры, которые остаются прикрепленными к орбикулам и через них – к стенке гнезда пыльника, к делению не приступают. Особенностью микроспорогенеза поздней сильновакуолизированной стадии развития является появление делящихся клеток, в основном двуядерных, с равными и неравными ядрами. Та часть микроспор, у которых не наступила синтетическая фаза клеточного цикла перед первым митозом, и реализует программу спорофитного пути развития – равное деление. У пыльников, микроспоры которых находятся на ранних фазах микрогаметогенеза, отсутствуют фиброзные утолщения, поэтому они как бы «застывают» в своем развитии. Кроме того, в культуре «самопроизвольно» вышедших микроспор деление и развитие их начинается еще до выхода их из полости камер пыльника.

Большинство исследователей придерживается мнения о том, что культивирование инокулированных на питательные среды пыльников необходимо проводить в темноте [2; 6]. Проведенный нами анализ влияния света и его качества на продуктивность морфогенеза в культуре изолированных пыльников и микроспор озимой мягкой пшеницы показал, что *при культивировании на свету* большинство микроспор не приступает к равному спорофитному делению, а продолжает выполнение гаметофитной программы развития, что выражается также в прорастании пыльцевых трубок у микроспор и образовании спермиев. В результате такого неравного митоза появляется множество трехклеточных пыльцевых зерен, а случаи, когда образуются многоклеточные образования или эмбриоиды – единичны (0,04% к общему числу культивируемых пыльников). Поэтому пыльники и микроспоры всех исследуемых сортов озимой мягкой пшеницы до образования эмбриоидов культивировали в темноте.

Заключение

В результате проведенных исследований показано, что частота формирования андроклинных структур в культуре in vitro зависит от комплекса взаимосвязанных факторов: условий стерилизации донорных растений, от стадии развития микроспор и состояния стенок гнезда пыльника в момент инокуляции микроспор на индукционные среды.

Библиографический список

1. *Лаврова Н.В.* Технологические аспекты создания андрогенных гаплоидов озимой мягкой пшеницы. – М.: ФГОУ ВПО РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, 2006.

2. *Lavrova N.V.* The working out biotechnology receiving haploided plants of winter wheat (Triticum aestivum L.) // Third Moskow international Congress: «Biotechnology: state of the art and prospects of development», March, 14–18, 2005. – P. 264–265.

3. *Марченкова Л.А., Сандухадзе Б.И., Чавдарь Р.Ф.* Источники устойчивости к мучнистой росе для селекции озимой пшеницы. Принципы и методы селекции и семеноводства зерновых и зернобобовых культур в Нечерноземье // Сб. 25 лет Московскому селекцентру. – М., 1996. – С. 81–90.

4. *Паушева З.П.* Практикум по цитологии растений. – М.: Колос, 1974. – С. 66–102.

5. *Сандухадзе Б.И., Рыбакова М.И., Морозова З.А.* Научные основы селекции озимой пшеницы в Нечерноземной зоне России. – М.: МГИУ, 2003.

6. *Эльконин Л.А.* Морфогенез и стабильная регенерация растений в каллусных культурах // Ботанич. журнал. – 1989. – №74.

А.А. Певзнер, Л.А. Певзнер

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ ВИБРОСЕЙСМИЧЕСКИХ СИГНАЛОВ

В последние годы сейсмические методы все в больших объемах начинают применяться на крупномасштабных стадиях изучения месторождений твердых полезных ископаемых. При этом объектом сейсморазведки становится непосредственно рудное тело или локальные структурно-вещественные неоднородности, контролирующие рудные тела и месторождения (узлы пересечения разрывных нарушений, зоны гидротермальноизмененных пород или повышенной проницаемости и т.д.).

Большая часть рудных месторождений связана с открытыми или полузакрытыми (мощность наносов не превышает десятков – сотни метров) территориями складчатых областей сложенных сильнодислоцированными с интенсивной тектономагматической проработкой, комплексами осадочных или изверженных пород, отличающихся сложной формой и изменчивыми физическими свойствами литолого-стратиграфических и тектонических границ. Вмещающая среда, так же как и сами рудные тела отличается высокими (5000–6000 м/с) значениями скорости упругих колебаний и добротности среды (400–600). Относительно слабая скоростная дифференциация на границах раздела сочетается с высокой степенью неоднородности всей среды в целом. Низкоскоростная изменчивая по мощности и свойствам покрывающая толща обуславливает образование интенсивных низкочастотных волн-помех в широком диапазоне частот и скоростей.

Задача детального изучения значительного интервала малых глубин (от десятков до сотен метров) приводит к потребности разрешения волнового поля в очень небольшом временном интервале (0,2–0,4 с) малые размеры (от первых метров до первых сотен метров) целевых объектов и их сложная форма также требует повышения разрешающей способности метода.

Таким образом, с одной стороны, высокие значения скорости упругих колебаний и изменчивое строение ВЧР снижает разрешающую способность метода, а с другой стороны, поставленные геологические задачи заставляют искать пути её весьма существенного повышения.

Факторами, благоприятными для достижения этой цели, являются малые глубины целевых объектов и высокая добротность среды, позволяющая использовать высокочастотные компоненты волнового поля. Наличие значительных площадей с маломощной зоной малых скоростей позволяет рассчитывать на успешное применение невзрывных источников сейсмических волн.

Требуемое уменьшение шага сейсмоприемников для изучения целевых объектов малых размеров удачно согласуется с требованиями регистрации высокочастотных компонент волнового поля.

Наметившаяся тенденция к увеличению глубинности поисков при одновременном уменьшении размеров целевых объектов и ухудшении разрешающей способности традиционного комплекса геофизических методов делает еще более актуальной проблему повышения разрешающей способности сейсморазведки и в первую очередь за счет повышения частотного диапазона волнового поля. Г.А. Гамбурцев еще в 1952 году отметил, что «разработка метода ВЧС открыла перед сейсмической разведкой новые области исследования – область рудной и инженерной геофизики»* [1]. Главными проблемами, определяющими развитие этого актуального направления, являются задачи повышения и оценки разрешающей способности волнового поля и оценка частотно-зависимого затухания.

Горизонтальная (пространственная) разрешающая способность позволяет оценить разрешение геологических неоднородностей. В этом случае в оценке участвуют частота, скорость упругих колебаний и расстояние до изучаемого объекта.

Таким образом, повышение разрешающей способности сейсморазведки может быть достигнуто за счет повышения частоты (при достаточно большем октавном числе), понижения скорости или сокращения расстояния до отражающего объекта. В этой связи можно было бы рассчитывать на повышение разрешающей способности за счет использования поперечных отраженных волн с пониженными скоростями, если бы удалось сохранить их период равным периоду продольных волн, что в принципе возможно при вибрационных источниках. Можно пытать-

© А.А. Певзнер, Л.А. Певзнер, 2006

ся сократить расстояние до исследуемого объекта за счет наблюдений ВСП в скважинах, но в этом случае возможности метода будут полностью определяться взаимным расположением объекта и скважины.

Наиболее реальным путем повышения разрешающей способности является расширение частотного диапазона используемых сигналов. При этом, наряду с достижением основной цели, могут быть получены дополнительные преимущества, заключающиеся в увеличении диапазона изучаемых глубин, улучшения соотношения сигнал/помеха и сокращение диапазона волнового поля на входе сейсмоприемника и в конечном итоге в вовлечении в число объектов прогнозирования непосредственно рудных тел и других структурно-вещественных неоднородностей малого размера. Появляется возможность включить в число изучаемых параметров так называемые «собственные частоты колебаний» геологических неоднородностей.

Активное развитие высокочастотных модификаций сейсморазведки сдерживается в первую очередь проблемой частотно-зависимого затухания волнового поля. Отсутствие теоретической базы и необходимого объема экспериментальных данных привело к существованию достаточно разноречивой оценки характера поглощения высокочастотных компонент. В настоящее время большинством исследователей принято считать его пропорциональным первой степени частоты. В числе основных причин частотно-зависимых потерь рассматриваются диссипация, связанная с внутренним трением и процессы затухания, связанные с рассеянием на всех типах неоднородностей среды, включая и тонкую слоистость.

Интегральная характеристика всех факторов частотно-зависимого затухания выражается коэффициентом затухания α [2]

$$\alpha = \frac{\pi \cdot f}{Q \cdot v}, \qquad (1)$$

где f и v соответственно частота и скорость упругих колебаний; 1/Q – удельная диссипативная постоянная (величина, обратная добротности среды Q).

Для оценки потерь (в децибеллах) на некотором расстоянии Z может быть использовано выражение:

$$\alpha_Z = 8{,}6\frac{\pi \cdot f \cdot Z}{Q \cdot v}. \qquad (2)$$

Из (2) видно, что потери растут с увеличением частоты и уменьшаются с увеличением добротности и скорости. Для сейсмогеологических условий рудных районов значение скорости почти в два раза превышает скорость в осадочных разрезах, а добротность в пять-десять раз и, следовательно, потери при равных значениях частот в рудных районах, по крайней мере, на порядок ниже частотно-зависимых потерь в осадочных разрезах. Поэтому при равных с осадочными разрезами потерях, для рудных районов может быть на порядок повышена частота используемых сигналов. Последнее обстоятельство позволяет компенсировать снижение разрешающей способности метода в рудных районах, связанное с высокими значениями скорости. Меньшие глубины целевых объектов рудных районов позволяют еще более повысить частотный диапазон. Если принять меры, обеспечивающие исключение или компенсацию фильтрующих свойств составляющих сейсмического канала (контакт источник-среда и среда-приемник, методические приемы и процедуры обработки и т.д.) и в первую очередь возникает проблема высокочастотного источника.

В отличие от импульсных источников вибрационные источники могут обеспечить достаточно широкий спектр частот.

Из наиболее важных характеристик высокочастотных вибросейсмических источников следует в первую очередь оценить необходимый частотный диапазон и энергетические параметры.

Выбор частотного диапазона определяется требованиями разрешающей способности относительно целевых объектов и фильтрующими свойствами среды и должен учитывать частотную структуру волнового поля. Для обеспечения необходимого разрешения по вертикали, мощность изучаемого объекта не должны превышать четверть длины волны, для условий, когда требуются только обнаружение объекта, его мощность может быть уменьшена еще в четыре-восемь раз. Предельная горизонтальная разрешающая способность оценивается одной четвертью или половиной главной зоны Френеля. В реальных условиях рудных районов ($h_{змс}$=5 м, H=1000 м и У=5000–6000 м/с) для достижения сформулированных требований к длине волны максимум спектра сигнала с точки зрения вертикальной разрешенности должен соответствовать 250–300 Гц. Аналогичное значение получаем для го-

ризонтальной разрешенности при соответствующих размерах объекта равных 40–50 м. И с точки зрения указанных размеров целевых объектов нет необходимости увеличивать частоту в источнике больше, чем до 500 Гц.

Учитывая отмеченный выше диапазон волн помех можно рекомендовать нижнее значение частот равным 60–70 Гц и, тогда с учетом требования октавного числа, равного 3, верхняя граничная частота также будет превышать 500 Гц и максимум частотного спектра окажется равным 280 Гц.

При оценке ожидаемых оптимальных энергетических параметров высокочастотных непрерывных источников некоторые исследователи считают необходимым компенсировать потери высокочастотных компонент резким увеличением мощности источника. Вместе с тем И.И. Гурвичем (1964) установлено, что в средах, где затухания сейсмических волн в верхней части разреза существенно выше затухания в коренных породах целесообразно применение источников слабых воздействий для улучшения соотношения сигнал/помеха [3].

Минимальная величина энергии возбуждения ограничивается относительным уровнем случайных (микросейсмических) помех и может быть дополнительно снижена при синхронном накапливании воздействий.

Для приближенной оценки энергии источника можно воспользоваться известной зависимостью частоты собственных колебаний источника (f_0) и энергии (Е):

$$f_0 = K \cdot E^{-\frac{1}{3}},$$

где К – коэффициент, учитывающий передаточную функцию источника и свойства среды на контакте.

Значение коэффициента «К», полученное из анализа параметров серийных вибрационных сейсмических источников равно 250. Тогда для источников с максимумом спектра на уровне 300 и 500 Гц величина усилия на грунт составит соответственно 0,1 и 0,5 кН. Следовательно, полученные оценки подтверждают высказанные предположения о сохранении общей зависимости частоты и энергии и для невзрывных сейсмических источников, при этом необходимый уровень сейсмического сигнала при использовании маломощного источника можно достигнут соответствующим накоплением (длительностью посылки) и комбисвипом.

Важным достоинством вибрационного источника по отношению к импульсному является его меньшая зависимость от условий установки и возможность ограничения спектра сигналов со стороны нижних частот.

Таким образом, вибрационные источники для высокоразрешающей сейсморазведки в рудных районах должны обладать следующими основными параметрами:

1) частотный диапазон возбуждаемых колебаний – 50–500 Гц;

2) усилие вибратора на грунт – 0,3–1,0 кН;

3) длительность посылки, не менее 30 с

4) источник должен быть смонтирован на транспортном средстве повышенной проходимости.

Большая часть изложенных выше предложений была реализована и подтверждена экспериментальными полевыми наблюдениями в реальных условиях рудных месторождений.

В экспериментальных работах использовался образец электродинамического источника с амплитудой усилия от 2 до 5 кН и частотным диапазоном от 40 до 600 Гц. В итоге работ показано, что в условиях высокоскоростных кристаллических пород, так и в осадочных низкоскоростных отложениях амплитуда сигнала на рабочем органе источника за областью естественного максимума от частоты меняется незначительно, что создает условия формирования достаточно равномерного спектра зондируемого сигнала в указанном диапазоне частот.

В точках приема на удалении нескольких сотен метров, как на поверхности, так и в скважинах (глубиной свыше 500 м) фактор частотно-избирательного поглощения незначителен. Амплитуда сигналов уменьшается с удалением от источника в основном за счет расхождения фронта волн, что не отражается на их спектральном составе. В результате в условиях кристаллических пород при наблюдениях в скважинах получена высокоразрешенная волновая картина проходящих продольных и поперечных волн, зарегистрированы и прослежены отраженные волны, прослеживание которых в низкочастотном диапазоне невозможно или сопряжено со значительными сложностями из-за неразрешенности и слабой динамической выразительности. При наблюдениях на поверхности в осадочном разрезе (скорости продольных волн 400–1800 м/с) уверенно зарегистрированы многочисленные отражения в диапазоне времен до 0,6 с с высоким разрешением. Их видимая частота при-

мерно соответствует средней частоте свипа, что свидетельствует об отсутствии заметного избирательного поглощения в диапазоне до 500 Гц. При этом в диапазоне частот 120–500 Гц, волны-помехи верхней части разреза существенно ослаблены по сравнению с низкочастотным диапазоном. В ходе названных работ были приняты меры ослабления сторонних помех.

При наблюдениях на поверхности ими в основном являлись: микросейсмические колебания ветрового и индустриального происхождения с максимумом энергии в области 40 Гц. Эти помехи ослаблялись применением в канале ФВЧ с соответствующей частотой левого среза.

Достигнуто существенное повышение эффективности метода при выявлении и оконтуривании целевых геологических неоднородностей с размерами от первых метров до первых десятков метров.

На основе большого объема наблюдений с высокочастотными невзрывными импульсными источниками в диапазоне частот 100–800 Гц оценены параметры затухания, свидетельствующие о высокой добротности пород разреза и отсутствии аномально высоких потерь энергии высокочастотных компонент волнового поля. Установлена реальная возможность повышения разрешающей способности сейсморазведки почти на порядок, за счет применения высокочастотного маломощного вибрационного источника с вертикальной направленностью в сочетании с трехкомпонентной регистрацией и накоплением.

Дальнейшее повышение эффективности сейсморазведки может быть достигнуто за счет согласования всех звеньев сейсмического канала с сейсмологическими особенностями изучаемого объекта и между собой.

Примечание

* Под ВЧС (высокочастотная сейсморазведка) Г.А. Гамбурцев предложил понимать сейсмические исследования в диапазоне частот 70–500 Гц.

Библиографический список

1. *Гамбурцев Г.А.* Основы сейсморазведки. – М., Гостоптехиздат, 1959.

2. *Уотерс К.* Отражательная сейсмология. – М.: Мир, 1981.

3. *Гурвич И.И.* Сейсморазведка. – М.: Недра 1964.

К.В. Шевченко

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СИСТЕМАХ УПРАВЛЯЕМЫХ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ЭЛЕКТРОПРИВОДОВ

Автоматизация – это внедрение в производство технических средств, которые управляют процессами без непосредственного участия человека. Автоматизация приводит к улучшению показателей эффективности производства, улучшению качества, увеличению количества и снижению себестоимости выпускаемой продукции. Высокие темпы развития промышленности неразрывно связанно с проведением автоматизации. Задачи, которые решаются при автоматизации современных производств, весьма сложны и требуют от специалистов знания не только устройства различных приборов, но и общих принципов составления систем автоматического управления [3]. Внедрение АСУ в производство обеспечивает: сокращение потерь от брака и отходов, уменьшение численности основных рабочих, увеличение межремонтных сроков работы оборудования. Энергетическую основу производства составляет электрический привод, технический уровень которого определяет эффективность функционирования технологического оборудования. Развитие электрического привода идет по пути повышения экономичности и надежности за счет дельнейшего совершенствования двигателей, аппаратов, преобразователей, аналоговых и цифровых средств управления. Прогрессивным явлением в этом процессе является применение микропроцессора и микроЭВМ, позволяющих существенно расширить функциональные возможности автоматизированного электропривода и улучшить его технические и экономические характеристики [2].

Значительное число объектов управления (до 20%) обладает непостоянными (дрейфующими) во времени параметрами. Дрейф параметров, как правило, вызывается рядом факторов:

1) сменой нагрузки на технологический агрегат;

© К.В. Шевченко, 2006

2) изменением состава или качества сырья, используемого в технологическом процессе;

3) старением оборудования;

4) влияние окружающей температуры и влажности, связанной со сменой времен года;

5) реконструкция или замена части оборудования, входящего в технологический комплекс и т. д.

Такие объекты требуют использования адаптивных регуляторов, позволяющих осуществлять непрерывную подстройку своих параметров под изменяющиеся характеристики объекта [5].

Таким образом, тема работы является актуальной и представляет интерес для специалистов в области управления и регулирования технологическими процессами и объектами

Успехи в развитии полупроводниковой техники позволили широко использовать в производстве регулируемые источники питания на базе тиристоров с бесконтактными системами автоматического управления. Мощность отдельных тиристорных преобразователей достигает десятков тысяч киловатт. Большая гибкость управления и широкие возможности в отношении полноты автоматизации обеспечиваются благодаря широкому применению интегральных аналоговых и дискретных устройств, вычислительной техники, унифицированных блочных систем регуляторов.

Электротехнические установки, машины, агрегаты, в частности дуговые, индукционные, плазменные, электронно-лучевые печи, автоматизированный электропривод, непосредственно участвуют в технологических процессах. От технического уровня, режима работы, условий эксплуатации электрооборудования зависит производительность, качество и себестоимость продукции, т.е. все основные показатели, характеризующие эффективность работы, как отдельных цехов, так и всего предприятия в целом [6].

На сегодняшний день наибольшее распространение получили следующие типы двигателей: АД с короткозамкнутым ротором, АД с фазным ротором, СД, ДПТ. На современном производстве существуют такие технологические процессы, которые требуют глубокого регулирования скорости, её постоянства в течение определенного времени и высокой перегрузочной способности электрической машины. ДПТ наиболее полно отвечает всем этим требованиям, но имеет существенный недостаток – коллектор. Коллекторные машины критичны к большим пусковым токам (круговой огонь) и их коллектор подвержен подгоранию, истиранию и загрязнению, в металлургических же цехах зачастую присутствует и металлическая и угольная пыль, что отрицательно влияет на срок службы двигателей. АД с фазным ротором имеет значительный диапазон регулирования скорости, но реализация её регулирования не отличается экономичностью – на активных сопротивлениях, вводимых в ротор, происходят ненужные потери энергии. Поддержание максимального момента при разгоне может быть реализовано путем плавного изменения частоты. Такой метод управления асинхронной машиной называется частотным управлением. Он реализуется методом широтно-импульсной модуляции напряжения цепи постоянного тока автономного инвертора. Одним из важных параметров инвертора является несущая частота ШИМ. От этой частоты зависит качество кривой тока двигателя, и чем выше синусоидальность, тем меньше помех в радиодиапазоне тем меньше потери на гистерезис и вихревые токи в магнитной системе машины. Для создания синусоидально-подобной кривой тока используется изменение ширины импульсов в сторону увеличения от начала до середины полупериода, затем следует уменьшение ширины каждого импульса, и, наконец, изменение полярности выходного напряжения. Для увеличения величины выходного напряжения происходит лишь пропорциональное увеличение ширины импульсов. Этот метод изменения выходного напряжения называется методом широтно-импульсного регулирования. Метод широтно-импульсной модуляции позволяет получить высокую синусоидальность. В дорогих моделях инверторов, предназначенных для использования с электродвигателями большой мощности используется также метод векторного управления. Суть этого метода состоит в том, что инвертор получает от двигателя четыре параметра:

1) на зажимах – напряжение;

2) выходной ток;

3) угловую частоту;

4) положение ротора.

На основании этих параметров происходит построение математической модели электрической машины в микропроцессорном блоке инвертора, определяется необходимый сдвиг между током и напряжением, что позволяет работать с $\cos \varphi = 1$ во всем диапазоне выходных частот инвертора. $\mathrm{Cos}\ \varphi = 1$ позволяет получить макси-

мальный момент даже на низких частотах, а при использовании инвертора для питания двигателя с вентиляторной нагрузкой инвертор выбирает минимально возможный рабочий момент путем снижения выходного напряжения, что позволяет экономить электроэнергию. В последних моделях инверторов возможен также режим, когда не используется ни тахогенератор, ни сельсин. Построение математической модели происходит по двум параметрам: по току и напряжению на выходных зажимах инвертора. Такой способ векторного управления требует высокого быстродействия процессорного блока инвертора. Инверторы также имеют преимущество перед тиристорными преобразователями, так как не потребляют реактивную мощность из питающей сети. В современных станках с числовым программным управлением (ЧПУ) функции, выполняемые электроприводом главного движения, значительно усложнены.

При работе от преобразователя частоты (ПЧ) в ряде случаев необходимо предусматривать защиту двигателя от перенапряжения (если это не предусмотрено в системе) путем усиления витковой и корпусной изоляции. Большинство выпускаемых и применяемых в настоящее время ПЧ, рассчитанных на среднюю мощность до 3000 кВт, по своей структуре являются инверторами. Выходное трехфазное напряжение в этих ПЧ формируется методом широтно-импульсной модуляции, что приводит к воздействию на изоляцию (витковую, межфазовую) электродвигателя напряжения импульсной формы, амплитуда которого значительно превышает амплитуду первой гармоники выходного напряжения. Это приводит к преждевременному старению изоляции и снижению срока службы обмотки и двигателя в целом. Увеличение срока службы асинхронного двигателя общепромышленного применения в составе регулируемого привода может и должно быть обеспечено схемотехническими решениями ПЧ или введением специальных фильтрующих устройств в цепь питания электродвигателя. При регулировании частоты вращения, превышающей синхронную, следует применять подшипники соответствующей быстроходности [1].

В основе частотного преобразователя лежит технология векторного управления без обратной связи, связанная с адаптивной моделью двигателя и специализированной интегральной схемой. Работа математической модели двигателя базируется на данных о величине тока, измеряемого в каждой фазе и уровня рабочего напряжения, выдаваемого цепями блока управления. В модели автоматически идентифицируются параметры электродвигателя, как для бездатчикового векторного режима, так и для скалярного управления, при этом отслеживаются текущие изменения параметров во времени. Векторное управление основывается на системе координат вектора потока статора, которая слабо восприимчива к небольшим отклонениям в измерениях показателей и параметров двигателя, что упрощает расчёты. Цепи блока управления также осуществляют контроль за обменом информацией по внутренним шинам и отдельными внешними функциями, тем самым высвобождая процессор для решения других задач. Принцип работы преобразователя заключается в следующем: трёхфазный дроссель переменного тока с конденсатором промежуточного звена постоянного тока образует индуктивно-ёмкостной фильтр, который совместно с диодным мостом обеспечивает постоянное напряжение на входе инвертора на транзисторах IGBT (биполярные транзисторы с изолированным затвором). Дроссель переменного тока фильтрует также высокочастотные помехи приходящие из сети в преобразователь и генерируемые преобразователем в сеть. Кроме того, он улучшает форму кривой тока, подаваемого на преобразователь. Инверторный мост на транзисторах формирует симметричное трёхфазное напряжение регулируемое методом широтно-импульсной модуляции, подаваемого на электродвигатель. Мощность, потребляемая из сети является практически активной. Блок прикладных функций и управления двигателем реализован с использованием микропроцессорных средств. Микропроцессор управляет двигателем в соответствии с замеренными значениями, установками соответствующих параметров, а также управляющими командами, формируемыми цепями платы ввода-вывода и панелью управления. Блок прикладных функций в свою очередь выдаёт команды на блок управления двигателем, который определяет параметры коммутации транзисторов. Драйверы усиливают управляющие сигналы, обеспечивая коммутацию модулей. Панель управления обеспечивает связь между оператором и преобразователем частоты. С помощью панели управления оператор может устанавливать параметры,

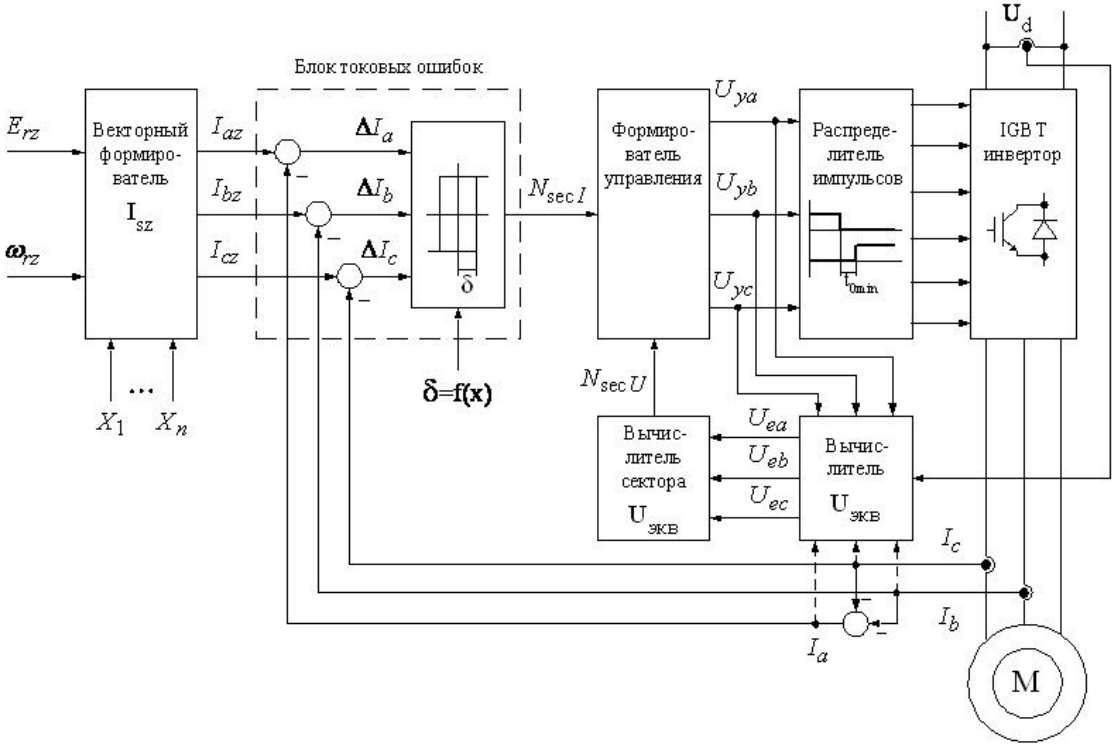

Рис. Структурная схема системы релейно-векторного управления

читать информацию о состоянии оборудования и формировать управляющие команды [8].

Если регулятор работает вблизи предела устойчивости, то даже незначительные отклонения в характеристике объекта регулирования могут вызвать снижение качества функционирования всей системы. Поэтому требуется автоматическая оптимизация регулятора в условиях функционирующего производства. Но адаптация или самонастройка (self-tuning) сопряжены с рядом дополнительных технических требований: разработчик должен хорошо владеть математическими методами и учитывать различные логические сопряжения. Структуры моделей регулирования и управления становятся более сложными. Пользователь вынужден будет при традиционно применяемых системах использовать дополнительные параметры, помимо параметров обычного ПИД-регулятора. Этот факт до настоящего времени затруднял широкое распространение математически высококачественных методов самонастройки [4].

Структурная схема системы релейно-векторного управления приводом представлена на рисунке. Контур тока статора входит в систему управления как автономный элемент, реализованный в естественной для трехфазной машины системе координат (A, B, C). Это позволяет применять его в различных структурах векторного управления асинхронным приводом, как с датчиком положения/скорости, так и без него, а также в системах управления вентильным, синхронным, синхронно-реактивным и другими типами двигателей с трехфазной симметричной обмоткой статора. Замечу, что структура контура тока не содержит координатных преобразований.

Синтез базовой структуры, параметров и алгоритмов работы регуляторов выполнен на основе принципов подчиненного регулирования с учетом дискретного характера процессов, с использованием методов компенсации влияния перекрестных связей и структурной линеаризации контуров регулирования. Базовыми именуются структуры, параметры и алгоритмы, которые получены в результате синтеза системы управления с некоторыми начальными значениями параметров силового канала привода, рассчитанными из каталожных данных, либо определенными в результате автонастройки или другим экспериментальным способом. Базовые алгоритмы дополняются элементами адаптации и авто-

настройки, входящими в состав системы управления в виде опций [7].

Таким образом, асинхронный двигатель, при его использовании с частотным преобразователем, является лучшей системой привода. Увеличение срока службы асинхронного двигателя общепромышленного применения в составе регулируемого привода может и должно быть обеспечено схемотехническими решениями ПЧ или введением специальных фильтрующих устройств в цепь питания электродвигателя

При проектировании и внедрении автоматизированных систем управления часто возникает задача настройки регуляторов, решение которой затрудняется как априорной неопределенностью характеристик объекта управления и, зачастую, невозможностью проведения достаточных исследований для их определения, так и не стационарностью этих характеристик. Развитие средств вычислительной техники даст возможность реализации на практике сложных адаптивных законов управления, что потребует дальнейшего развития теории управления и разработки новых алгоритмов. Разработка ПЧ и регулируемого электродвигателя в едином конструктивном исполнении позволит оптимизировать систему электропривода не только по массогабаритным показателям и удобству обслуживания, но и с позиций единой системы независимого теплоотвода решить вопрос охлаждения машины на малых частотах вращения.

Библиографический список

1. *Буйлов Г.П.* Методические указания для выполнения курсовой работы по курсу «Основы автоматики и автоматизации производственных процессов» ЛТИ ЦБП. – Л., 1974.

2. *Голубятников В.А., Шувалов В.В.* Автоматизация производственных процессов в химической промышленности. – М.: Химия, 1985.

3. Справочник по автоматизированному электроприводу / Под ред. В.А. Елисеева, А.В. Шинянского. – М.: Энергоатомиздат, 1983.

4. *Камразе А.И., Фитерман М.Я.* Контрольно-измерительные приборы и автоматика. – М.: Высшая школа, 1980.

5. *Клюев А.С., Глазов Б.В., Дубровский А.Х.* Проектирование систем автоматизации технологических процессов. – М.: Энергия, 1980.

6. *Кузьминов Г.П.* Основы автоматики и автоматизации производственных процессов. ЛТА им. С.М. Кирова. – Л., 1974.

7. Автоматические приборы, регуляторы и вычислительные системы / Под ред. Б.Д. Кошарского. – Л.: Машиностроение, 1976.

8. *Польке М., Бухнер Х., Лаубер Е.* Электропривод и силовая электроника // Электротехника. – 1997.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Ю.В. Беляева

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «ИННОВАЦИИ»

Одна из ключевых задач современного российского общества – переход к инновационному пути развития. Как показывает опыт развитых государств, инновации являются ключевым фактором долгосрочного устойчивого экономического роста и повышения благосостояния общества. В российской экономической литературе за последние годы все чаще поднимется вопрос об инновационной составляющей экономического роста, однако реально эта проблема остается не разрешенной. Не до конца ясным остается вопрос: что понимать под «инновациями»? В экономической литературе пока еще нет понимания сущности этой категории.

Бесспорно, что сущность инновационной деятельности как экономического явления должны определять экономисты, задача экономической науки в области теории инноваций состоит в формировании системы знаний по данному вопросу. Вклад юриспруденции состоит в осмыслении с позиций правоведения тех отношений, которые складываются в сфере инновационной деятельности и подлежат правовому регулированию. Право как юридическая надстройка предопределяется экономическим базисом общества.

Сегодня проблемами правового обеспечения инновационной деятельности в равной степени озабочены как экономисты, так и юристы. Привычными становятся утверждения о том, что все инновационные беды в России – из-за отсутствия того или ионного закона, регулирующего отношения, складывающиеся в научно-техническом секторе экономики. Однако не редко реальные предложения по правовому обеспечению этих процессов сужаются до нормативно-правовых документов, относящихся к финансированию и стимулированию развития научно-технического и инновационного секторов экономики, либо нормам, охраняющим права на тот или иной объект интеллектуальной собственности. Между тем, понятие «инновационное законодательство» более емкое. В идеале – это согласованный с другими частями действующего права и законодательства комплекс норм, регулирующих отношения между непосредственными участниками инновационной деятельности, а так же блок норм, определяющих роль государства в этом процессе.

В российском законодательстве определение термина «инновации» содержится в Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 гг., одобренной Постановлением Правительства РФ от 24 июля 1998 г. №832 и в «Основных направлениях политики РФ в области развития инновационной системы на период до 2010 г.», утвержденных постановлением Правительства РФ № 2473п-П7 5 августа 2005 года.

В первом документе дано следующее определение: «Инновация – это конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности». Во втором инновация определяется как нововведение.

Генезис рассмотрения экономического содержания термина «инновация» заставляет обратиться к работе Й. Шумпетера «Теория экономического развития». В ней он впервые вводит в оборот понятие «инновации», причем он установил принципиальную связь между теорией предпринимательства и инновационным развитием экономики. Форма и содержание развития задаются понятием «осуществление новых комбинаций», а это понятие охватывает пять случаев: 1) изготовление нового блага или создание нового качества блага; 2) внедрение нового метода (способа) производства, в основе которого лежит новое научное открытие или новый способ коммерческого использования соответствующего товара; 3) освоение нового рынка сбыта; 4) получение нового источника сырья или полуфабрикатов; 5) проведение реорганизации, например, создание монопольного положения [4, с. 159].

Совершенно противоположная ситуация складывается в современной России. Как справедливо замечает Л. Гохберг: «Усилия российских предприятий направлены не на реализацию

© Ю.В. Беляева, 2006

инновационных прорывов с перспективой создания новых рынков, а преимущественно на имитацию чужих инноваций и сохранение прежней ниши на локальных рынках» [1]. Действительно, большинство всех изобретений направлено на поддержание или усовершенствование существующих устаревших видов техники и технологий, такие изобретения внедряются достаточно быстро, но уже через два-три года перестают давать положительный экономический эффект.

Существуют и иные точки зрения. Так, например, П. Друкер утверждает, что «в задачу предпринимателей входит целенаправленный поиск источников нововведений, а также изменений и их признаков, указывающих на возможность достижения успеха» [3]. Нам представляется, что «поиск источников нововведений» – это ни что иное, как инновационная активность (о проблеме инновационной активности подробнее см. [5–7]).

Изучение трудов ученых, экономистов XIX–XX в. Позволяет сделать вывод о том, что наиболее близким по терминологической сущности к понятию «инновация» является термин «предпринимательство». Безусловно, эти экономические феномены не равнозначны по своему содержанию, но сравнительный анализ их экономической составляющей позволяет нам наполнить правовым содержанием термин «инновация». Предпринимательство как социально-экономическое явление представляет собой особую форму организации экономической деятельности. Несмотря на то, что человек осуществляет экономическую деятельность с глубокой древности, общепризнанным является убеждение в том, что предпринимательство в современном понимании этого слова основано на частной собственности, рыночной экономике и свободной конкуренции.

Как было отмечено выше, появление термина «инновации» связывается с именем Й. Шумпетера. В действительности он вывел теорию предпринимательства, первым определив предпринимательство в качестве основного фактора экономического развития. В чем же он установил принципиальную связь между теорией предпринимательства и инновационным развитием экономики, и почему сегодня мы рассматриваем эти экономические явления в неразрывной связи между собой?

Главным признаком предпринимателя он считал осуществление последним новых комбинаций или иное применение имеющихся в народном хозяйстве запасов средств производства. По утверждению Й. Шумпетера, обычный рост экономики, выражающийся в увеличении населения и богатства, не должен рассматриваться как процесс развития, поскольку он не порождает новые в качественном отношении явления, а всего-навсего дает толчок процессам их приспособления, подобно тому, как это происходит при изменении природных показателей.

Лиц, способных «осуществлять новую комбинацию», Шумпетер назвал предпринимателями. Таким образом, предложенная им теория предпринимательства – концепция предпринимательства, основанная на нововведениях. Почему же осуществление новых комбинаций по Шумпетеру – это специфический процесс и к тому же объект функции особого рода?

Осуществление новых комбинаций, отмечает Шумпетер [4, с. 176], представляет собой особую функцию и привилегию людей, которых гораздо меньше, чем тех, которые в принципе имели бы такую возможность, а часто тех людей, которые на первый взгляд лишены такой возможности. Именно поэтому предприниматели представляют собой особый тип. Как строительство дороги нельзя заменить постоянным хождением по ней, так и осуществление новых комбинаций нельзя считать простым повторением обычных процессов в иных масштабах. Сделать что-то иное, новое, не только объективно труднее, чем привычное и испытанное. Здесь важно учесть также и то обстоятельство, что хозяйственный субъект всячески противится этому и стал бы этому противиться, даже если бы это не вызывалось объективными трудностями. Аналогичным образом обстоит дело во всех областях человеческой деятельности.

По мнению Й. Шумпетера, новые комбинации возникают, как правило, рядом со старыми, а не на базе старых, трансформированных в новые. А это означает, что инноватором является тот предприниматель, который осуществляет «новые комбинации» первым, не используя при этом старую основу.

Говоря об инновациях как об «осуществлении новых комбинаций», мы не можем отрицать тот факт, что этот термин содержит в своей сути категорию «новое знание». Те, кто первыми использовали эти новые знания, оказывается в привилегированном положении. Именно о таком особом, монопольном положении предпринимателей и говорил Й. Шумпетер.

В течение многих веков результаты творчества, интеллектуальной деятельности не являлись объектом экономического оборота, рыночных отношений. Научно-техническая революция произвела переворот в уровне развития производительных сил. Знания стали объектом общественных отношений, а поэтому возникла проблема их правового регулирования. Постепенно наряду с традиционными объектами товарного оборота, представленными природными ресурсами и результатами материального производства, на рынке полноценно появился интеллектуальный продукт.

Первоначально сфера действия исключительных прав была достаточно узкой. В настоящее время стало трудно ограничить сферы жизнедеятельности человека, достижения в которых могут иметь или имеют коммерческую ценность, а соответственно, должны участвовать в экономическом обороте и поэтому подлежат правовой охране. «Возникла потребность в системе, которая позволила бы охранять достижения в заранее не определенных сферах, в неограниченном числе сфер, без определения признаков, необходимых для предоставления охраны» [2, с. 19].

Выбор правильных средств и способов охраны интеллектуального продукта, их дифференциация корректировка уже существующего правового регулирования, надлежащее применение действующего законодательства стали зависеть от правильного формулирования общих положений, относящихся к исключительным правам. Именно поэтому выработка понимания правовой сущности понятия «инновация» становится объективной необходимостью.

До возрождения рыночной экономики и предпринимательской деятельности предшествующая современному периоду эпоха прошла под девизом «внедрения науки в производство», в котором преобладали две категории, составляющие прогресс: наука и производство. В современный период в центре внимания находятся три составляющих: наука – производство – рынок. Сегодня деятельность абсолютного большинства хозяйствующих субъектов постиндустриального общества главным образом ориентирована на рынок.

Если исходить из распространенных в действующем законодательстве определений инновационной деятельности, то национальная инновационная система должна восприниматься не иначе, как совокупность отношений хозяйствующих субъектов, взаимодействующих в процессе производства, распространения и использования нового экономически выгодного знания. Эти отношения существуют не самим по себе, а в определенном организационно-правовом пространстве. Поэтому инновационная система это органичная часть системы экономической, и методы регулирования, используемые для управления экономической системой, аналогичны методам управления ее частью – инновационной. Отсюда, если говорить об инновационных отношениях как предмете регулирования, следует признать их экономический характер.

Библиографический список

1. *Гохберг Л.* Мы не догоним? // Бизнес журнал. – 2006. – № 16. – С. 10–11.

2. *Дозорцев В.А.* Интеллектуальные права. – М.: Статут, 2005.

3. *Друкер П.Ф.* Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы. – М., 1992. – С. 30.

4. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. – М., 1982. – С. 159.

5. *Волынкина М.В.* Правовая сущность термина «инновация» // Инновации. – 2006. – №1. – С. 64–69.

6. *Глисин Ф.Ф., Воронина Г.П., Лосева О.Н.* Рост инновационной активности промышленных предприятий России // Инновации. – 2004. – №7. – С. 51.

7. *Гохберг Л.М.* Новая инновационная система для «новой экономики». – М.: ГУ ВШЭ, 2002.

А.В. Гусева

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ КОММЕРЧЕСКИМИ БАНКАМИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

С точки зрения теории и практики значение стратегии в отношении экономических субъектов, к которым в том числе относятся коммерческие банки, невозможно переоценить, поскольку именно стратегия направлена на достижение и поддержание конкурентных преимуществ банка на целевом рынке, что представляется залогом его будущей эффективной деятельности. Кроме того, стратегические планы оказывают непосредственное и определяющее влияние на текущую деятельность кредитной организации, формируют будущий облик банка, его масштабы, операции и целевые рынки, а также дают возможность собственникам банка реализовать свои доходные цели, смягченные необходимостью учитывать интересы иных заинтересованных сторон – надзорных, фискальных органов, общественности, конкурентов и т.д. Подобные многосторонность и разнонаправленность стратегии заставляют взвешенно и осторожно подходить к выбору долгосрочных целей банка, что представляет, в таком случае, определенную проблему, усугубленную расслоением отечественных коммерческих организаций и недостаточным развитием банковского сектора.

С целью однозначной трактовки ключевых понятий, прежде всего, необходимо выбрать наиболее соответствующее контексту настоящей статьи определение стратегии. Классическим признается определение А.Д. Чандлера [1]: определение основных долгосрочных целей и задач, утверждение курса действий и распределения ресурсов, необходимых для достижения этих целей. С учетом современных тенденций можно сказать, что *стратегия* банка проявляется в программе действий, способствующих созданию и поддержанию его конкурентных преимуществ, устанавливает количественные цели развития и качественные изменения, которые должны быть достигнуты на определенном этапе жизни банка. В свою очередь, качественные и количественные цели банка, зафиксированные в его стратегических планах и означающие не что иное, как желаемые изменения в его деятельности, являются *стратегическими целями*.

В практической оценке весьма часто банковские эксперты определяют наличие стратегии у какой-либо кредитной организации, пользуясь такими критериями, как:

– планирование текущей деятельности банка на основе стратегических планов с учетом стратегических целей;

– принятие различного рода долгосрочных решений осуществляется только после соотнесения их ценности с абсолютной ценностью выбранной стратегии;

– осведомленность работников банка о наличии стратегии, более того, поддержка ими стратегических целей и соответствующая целенаправленная деятельность, подразумевающая оценку личного вклада и меру личной ответственности каждого;

– инновационная составляющая банковской деятельности или лидерство банка на определенном сегменте;

– использование системы сбалансированных показателей, дополненной системой мотивации.

Любая стратегия направлена на развитие банка, выражающееся в росте отдельных количественных и качественных показателей его деятельности, а также в росте рыночной стоимости банка. Однако в зависимости от того, что именно положено в основу стратегических планов, выделяют англо-американскую и германо-японскую модели. Принципиальная разница между указанными моделями заключается в выборе критерия эффективности управления банком – максимальное увеличение стоимости банка в интересах его собственников (позиция сторонников *англо-американской модели*) или увеличение рыночной стоимости банка в целом, привлекательное для всех заинтересованных сторон: собственников, государства, кредиторов, сотрудников и т.д. (убеждение последователей *германо-японской модели*). Англо-американская модель более популярна и имеет лучшие шансы на успех в условиях развитого фондового рынка, когда подавляющее большинство частных лиц осуществляет активные инвестиции в финансовые инструменты компаний и банков. Поскольку, инвестор преследует очевидную цель получения

© А.В. Гусева, 2006

дохода по приобретаемому финансовому инструменту, то увеличение стоимости банка в данном случае будет наиболее предпочтительным вариантом с точки зрения его акционеров, причем их доход будет включать прирост рыночной стоимости акции и дивиденды. Рыночная стоимость акций может объективно отразить рыночную стоимость банка только на действительно эффективном рынке. Таким образом, условие развитости фондового рынка является обязательным для применения данной модели. Если это требование не соблюдается достаточно жестко, а также если основным инструментом привлечения компаниями финансовых ресурсов являются банковские кредиты [2], то англо-американская модель уступает в своей эффективности германо-японской модели. С позиции сторонников этой модели рост рыночной стоимости банка вовсе не обязательно должен привести к росту рыночной стоимости его акционерного капитала. Тогда рыночная стоимость банка будет представлять собой сумму рыночной стоимости заемных и привлеченных ресурсов и рыночной стоимости собственного капитала банка. Элементом, объединяющим обе рассмотренные модели, безусловно, является одинаковое стремление к росту рыночной стоимости банка, независимо от ее составляющих и конечных выгодоприобретателей.

Для отечественных банков указанные модели до настоящего времени не стали тем руководством, которое позволило бы использовать более универсальные и эффективные критерии оценки эффективности управления, функционирования и стратегического развития – оценка рыночной стоимости банка, капитализация, рост рыночной стоимости и т.д. Основными критериями и стратегическими целями по-прежнему являются показатели прибыли и рентабельности и степень их достижения. Такое положение вещей, еще более подчеркивающее отставание российского банковского сектора в сравнении с развитыми странами, на наш взгляд, вызвано:

– преимущественным использованием долговых инструментов финансирования развития бизнеса;

– недостаточной степенью развития фондового рынка, его невысокой ликвидностью;

– продолжающимся формированием и внедрением принципов рыночной экономики;

– фактором нестабильности.

В случае благоприятного развития событий эволюция стратегических целей и критериев эффективности управления отечественных коммерческих банков, вероятно, претерпит цепь изменений: от популярных в настоящее время показателей прибыли и рентабельности, через критерий роста рыночной стоимости банка в целом по германо-японской модели к росту рыночной стоимости акций банка и его капитала по англо-американской модели. Однако для реализации этого необходимо выполнение определенных условий, связанных, прежде всего, с развитием фондового рынка, банковской сферы и улучшения макроэкономических показателей России. Реализация первого условия привлечет частных инвесторов, реализация второго условия повысит надежность инструментов банковского сектора во мнении инвесторов, следовательно, их привлекательность (ликвидность, надежность, доходность), реализация третьего условия будет содействовать развитию банков, формированию стратегий с более далеким горизонтом планирования, концентрации на достижении конкурентных преимуществ – с меньшим отвлечением различных ресурсов на поддержание банковского бизнеса, что жизненно необходимо в условиях нестабильной макроэкономики.

Библиографический список

1. *Чандлер А.Д.* Стратегия и структура // Главы истории промышленного предприятия. – Кэмбридж, 1965.

2. *Коупленд Т., Колер Т., Мурин Д.* Стоимость компаний: оценка и управление. – М.: Олимп-Бизнес, 1999.

А.А. Зыков

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ БАЗЫ СТРОИТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Строительство является самой материалоемкой отраслью народного хозяйства и в процессе комплектации потребляет более двухсот тысяч наименований материалов и изделий. Затраты на материалы, расходуемые непосредственно на возведение зданий и сооружений, составляют более половины себестоимости строительно-монтажных работ. В СССР на долю материальных ресурсов в общем объеме строительно-монтажных работ приходилось около 48,3%, в настоящее время до 54%, т.е. материалоемкость современного строительства заметно возросла.

Согласно классификации отраслей промышленности, утвержденной ЦСУ СССР, производство строительных материалов, деталей и конструкций, объемных элементов было сосредоточено в различных отраслях промышленности.

С 1.01.03 г. данный классификатор упразднен. В настоящее время действуют «Общероссийский классификатор продукции» и «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности», которые, фактически отменяя отраслевую классификацию, группируют виды продукции и виды экономической деятельности по отраслевому признаку.

Под материальной базой строительства в настоящее время следует понимать совокупность вещественных элементов производительных сил, технологических процессов и форм организации производства предприятий различных форм собственности и различных видов экономической деятельности, создающих материальные ресурсы, используемые в качестве предметов труда предприятиями, осуществляющими виды экономической деятельности, относящиеся к разделу «Строительство» ОКВЭД.

Анализ классификации ВЭД показывает, что все виды экономической деятельности, формирующие материальную базу строительства не выделены в отдельный класс, и фактически все отнесены в раздел D «Обрабатывающие производства» и в раздел С «Добыча полезных ископаемых», в то же время металлургическое производство, химическое производство, обработка древесины, производство пластмассовых и резиновых изделий и т.п. выделены в отдельный подраздел «Общероссийского классификатора видов экономической деятельности».

В настоящее время в состав промышленности строительных материалов входит 15 подотраслей, (25 видов производств) объединяющие около 9,5 тысяч предприятий, в том числе 2,2 тысяч крупных и средних предприятий с общей численностью работающих свыше 680 тыс. человек.

В общем объеме промышленной продукции около 7% продукции отрасли приходится на малые предприятия. В последние годы ежегодный рост производства основных видов строительных материалов в натуральном выражении составляет от 7 до 30 процентов. Больше стало производиться отечественной продукции, удовлетворяющей современным требованиям и соответствующей по качеству мировым аналогам.

Объем товарной продукции промышленности строительных материалов составляет около 3,0% от общего объема промышленной продукции России. Стоимость ее основных фондов составляет в среднем 2,8% стоимости основных производственных фондов страны.

Доля отечественной продукции на внутреннем рынке составляет около 93%. Однако по группе отдельных отделочных материалов и изделий, предметов домоустройства доля импортных материалов достигает 20%, и ближайшие годы вряд ли ее удастся существенно снизить. Объем экспорта отечественных материалов составляет всего 4–6% от общего объема отечественного производства. Таможенным кодексом РФ установлены ставки таможенных пошлин на продукцию материальной базы строительства в пределах 15–20%.

Промышленность строительных материалов является одной из наиболее топливо- и энергоемких (более 16% в структуре затрат), а также грузоемких отраслей народного хозяйства. В общем объеме грузоперевозок железнодорожным, автомобильным и водным транспортом перевозки строительных грузов составляют около 25%.

Промышленность потребляет 20 видов минерального сырья, используя при этом свыше 100 наименований горных пород, и относится к

© А.А. Зыков, 2006

крупнейшим горнодобывающим отраслям экономики России. Продукция отрасли потребляется в основном на внутреннем рынке.

В настоящее время организационно-экономическая структура предприятий и объектов производственно-технологической базы строительства претерпела значительные принципиальные изменения, связанные, прежде всего, с произошедшим процессом вертикальной и горизонтальной дезинтеграции.

Состав и структура предприятий и объектов производственно-технологической базы строительства в настоящее время практически остались на том же уровне. Одним из принципиальных отличий является отсутствие баз материально-технического снабжения в производственно-технической структуре строительства на современном этапе, что привело к децентрализации проблемы материально-технического обеспечения строительства.

Материальная база строительства вторична к виду экономической деятельности «Строительство» и третична к народному хозяйству РФ. Практика функционирования системы материально технического обеспечения строительства показывает, что ведущим звеном данной системы является уровень развития материальной базы строительства, ведомым – уровень развития технической базы, в отличие от промышленности, где роли распределяются наоборот.

Цены на отечественную продукцию постоянно растут, приближаясь к мировым, что является следствием высоких удельных расходов и затрат при ее производстве, особенно, на топливно-энергетические ресурсы.

Соотношение между ценами производства и потребления, в среднем по России достигает двухкратного значения, что обусловлено транспортными, снабженческо-сбытовыми, налоговыми и прочими начислениями. При этом по отдельным регионам цены потребления различаются значительно. Удельный вес транспортных расходов в цене потребления составляет в среднем около 10%, а при поставке на значительные расстояния – около 50%.

Инвестиционная привлекательность предприятий отрасли сдерживается высокой капиталоемкостью производственных мощностей, большой продолжительностью их создания, длительными сроками окупаемости. В результате резко стареют основные фонды, особенно их активная часть.

Научно-технический прогресс в отечественной промышленности строительных материалов и строительной индустрии во многом основываете на зарубежных научно-технических разработках и закупках импортного технологического оборудования.

Несмотря на тяжелое финансовое положение отдельных предприятий, существует объективная необходимость модернизации существующих производств с целью повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции за счет активизации инвестиционного процесса.

Однако привлеченные и собственные средства предприятий, при ежегодном выбытии 2% и обеспеченном вводе в действие основных фондов в пределах 1%, ведут к сокращению производственных возможностей предприятий и не обеспечивают создание производств на современном уровне.

Износ основных фондов в отрасли составляет 54%, а наибольшая изношенность оборудования (до 80%) – на добывающих предприятиях и карьерах предприятий. Средний возраст активной части основных производственных фондов составляет 17 лет, что приводит к отставанию от современных требований.

Сложившаяся ситуация обусловлена низким техническим уровнем предприятий промышленности строительных материалов, износом парка технологического оборудования и необеспеченностью необходимыми видами качественного сырья и исходных материалов.

Госстрой России в «Основных направлениях развития промышленности строительных материалов на период до 2010 г.» определил цели и задачи развития промышленности строительных материалов:

– обеспечить отечественный строительный рынок высококачественными строительными материалами, изделиями и конструкциями, способными конкурировать с импортной продукцией;

– снизить стоимость строительства и эксплуатационных затрат на содержание объектов;

– повысить комфортность проживания в жилых домах и безопасность нахождения людей в зданиях и сооружениях.

Для достижения к 2010 г. указанных целей в промышленности строительных материалов необходимо решить следующие задачи:

– провести обновление основных фондов предприятий промышленности строительных материалов с переходом на более высокий уровень их технического оснащения;

– обеспечить выпуск высококачественных конкурентоспособных материалов и изделий;

– добиться снижения ресурсоемкости, энергетических и трудовых затрат на изготовление продукции;

– привлечь необходимые инвестиции для модернизации действующих производств, введения новых мощностей и их эффективной эксплуатации;

– повысить производительность труда за счет максимальной механизации и автоматизации производственных процессов;

– предусмотреть рациональное использование минеральных природных ресурсов и вовлечение в производство техногенных отходов различных отраслей промышленности;

– организовать подготовку отраслевых специалистов всех уровней.

В целом цели и задачи развития материальной базы строительства можно свести к повышению конкурентоспособности последней за счет перехода к пятому технологическому укладу производства строительных материалов и изделий и смежных отраслей и подотраслей.

Проблема повышения конкурентоспособности материальной базы строительства можно разделить на две группы, оказывающих влияние на ее решение следующих факторов:

– внешние факторы, влияние которых зависит и обеспечивается в рамках общей экономической политики государства;

– внутренние факторы, влияние которых осуществляется непосредственно в рамках инвестиционно-строительной сферы.

Объективной причиной появления проблем является цикличность развития экономики. В масштабах мега- и макроэкономики причиной цикличности является смена технологических укладов в предпроизводственной и производственной сферах народного хозяйства. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что на появление короткого и среднего циклов основное влияние оказывает смена технологических укладов, характеризующиеся сменой поколений активной части основных производственных фондов, а на появление длинных волн существенное влияние оказывает смена поколений пассивной части.

Современная концепция бухгалтерского и налогового учета не дает полного представления о сроках полезного использования пассивной части основных производственных фондов. Одним из основных документов, определяющих процесс определения срока полезного использования зданий и сооружений является принятый постановлением Совета Министров СССР документ «О единых нормах амортизационных отчислений на полное восстановление основных фондов народного хозяйства» №1072 от 22.10.90 г. Данный документ определяет сроки полезного использования для различных групп основных фондов в зависимости от материала несущих конструкций. Для нежилых зданий срок полезного использования составляет: 250, 100, 85, 60, 40 и 20 лет. Для жилья: 145, 125, 100 и 50 лет. Приведенные данные сопоставимы с периодичностью длинных волн.

В то же время можно констатировать, что за период с момента начала строительства первых массовых серий жилья, т.е. с 1955 года по настоящее время строительство освоило 4–4,5 поколения жилых домов, т.е. в среднем цикл освоения одного поколения составляет 12,5 лет. Стадия развития материальной базы строительства в настоящее время находится на уровне 3–4 технологического уклада, как и вся экономика народного хозяйства. Данный факт свидетельствует о значительном отставании материальной базы строительства от необходимого уровня развития, что неизбежно должно привести и приводит к кризисной ситуации в процессе функционирования строительной сферы экономики и как следствие к кризису всего воспроизводственного процесса в стране.

На формирование коротких и средних циклов также существенное влияние оказывает «срок полезного использования» фундаментальных исследований, который составляет в среднем 10–15 лет, прикладных исследований – 8–10 лет и период смены технологий 5–8 лет.

Одной из основных специфических особенностей современной материальной базы строительства является исторически сложившаяся монопродуктовая ориентация предприятий промышленности строительных материалов и строительной индустрии, что было связано, прежде всего, с процессами углубления специализации и концентрации вместе с процессами социалистического разделения труда.

Одним из направлений развития отечественной промышленности является разумная интеграция в мировое производство строительных материалов при сохранении интересов страны

с использованием научно-технического потенциала и имеющихся ресурсов.

Так, например, определенное положительное влияние на развитие некоторых предприятий отрасли оказали ряд зарубежных компаний и фирм, которые пришли в реальный сектор экономики. В отрасли работают порядка 65 предприятий с участием иностранного капитала или 0,7 процента от общего числа предприятий. При этом на них выпускается 11,4 процента общего объема производства продукции и занято 2,7 процента общей численности промышленно-производственного персонала отрасли.

Немаловажное значение на процесс развития субъектов материальной базы строительства оказывают факторы государственного воздействия, основными из которых являются инвестиционная и инновационная политика, в том числе в субъекте Федерации, возможность программно-целевого подхода к решению данной проблемы.

Государственное регулирование в условиях рыночных отношений сводится преимущественно к двум направлениям: лицензирование вида экономической деятельности и применение налоговых рычагов. Рыночная экономика опирается на экономические способы, меры и средства возбуждения ответственности, используя принцип возмещения ущерба лицами и организациями, которые в нем повинны. Хозяйствующий субъект отвечает по своим обязательствам принадлежащим ему имуществом, денежными активами. Ответственность порождается и становится действенной в силу реальности и конкретности форм и отношений собственности. Действием Федерального закона №128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8.08.01 г. отменено лицензирование производства строительных материалов. В то же время данный нормативный документ не снимает ответственности за качество выпускаемой продукции, и не исключает экономической ответственности.

Налоговая система РФ за последние годы претерпела значительные положительные изменения, выражающиеся в систематизации в Налоговом Кодексе взаимоотношений всех участников налогового процесса, обеспечении больших прав налогоплательщикам и в переходе к преимущественно регрессивному принципу налогообложения. В то же время, одной из основных проблем является достаточно высокая шкала налогообложения, в частности НДС, базовая ставка которого с 2004 года установлена в размере 18% (в развитых странах базовая ставка на уровне 5–7%), налоговая система выполняет преимущественно фискальную функцию в ущерб стимулирующей и перераспределительной, отсутствие механизма корректировки регрессивной шкалы налогообложения, что приводит к прогрессивности налога по отношению к индексированным доходам.

Основным программным документом, определяющим инвестиционную политику РФ является Закон РФ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» №39-ФЗ от 25.02.99 г. в редакции Федерального Закона №122-ФЗ от 22.08.04 г., где определены формы государственной поддержки инвестиционной деятельности, права и обязанности субъектов инвестиционной деятельности.

На основании данного Федерального Закона были приняты соответствующие законы в субъектах Федерации. Практическая реализация данных нормативных документов предполагает формирование портфеля инвестиционных проектов, включаемых для программно-целевой разработки в список Федеральных целевых программ и региональных адресных целевых программ.

Несмотря на высокую значимость проблемы развития строительства и соответственно его материальной базы, за последние годы, начиная с 1990 г. была принята на федеральном уровне только одна подпрограмма ФЦП «Жилище» «Структурная перестройка производственной базы жилищного строительства» принятая Постановлением Правительства РФ от 19.06.94 г. №708, действовавшая в 1994–1995 гг.

На уровне субъектов РФ, в частности во Владимирской области принят Областной Закон «О государственной поддержке инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, на территории Владимирской области» принятый 02.09.02 г. №90-ОЗ, где также определены права и обязанности участников инвестиционного процесса, определен порядок принятия решения о государственной поддержке в зависимости от класса проекта (в законе предложено пять классов). До настоящего времени данный нормативный документ развития материальной базы строительства не применялся.

В данном случае можно сформулировать достаточно серьезную проблему межбюджетных

отношений, заключающуюся в том, что в 2005 году, в частности, из 89 субъектов РФ дотационными являются 68, т.е. фактически данные субъекты Федерации не имеют финансовой возможности самостоятельно без согласования с центральной властью формировать портфель региональных адресных целевых программ.

Немаловажная проблема современного функционирования материальной базы строительства заключается в катастрофически низком уровне инновационной активности. Основным программным документом, определяющим инновационную политику государства, является Федеральный Закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.96 г. №127-ФЗ (в редакции от 22.08.04 г.).

В настоящее время достаточно остро стоит проблема научно-технического обеспечения строительства в части создании собственных и трансферте уже существующих инновационных продуктов. На первом этапе перехода к рыночным отношениям практически полностью была ликвидирована сеть головных отраслевых научно-исследовательских институтов, которые занимались инновациями в строительстве, осуществляли координацию научной и исследовательской деятельности, контролировали кодификацию и трансферт научно-исследовательских разработок. Сейчас строительная отрасль представлена в большей степени малыми и средними конкурирующими между собой организациями, которые не в состоянии проводить «фундаментальные» научно-исследовательские работы в строительстве.

Существующая в настоящее время сеть научно-исследовательских институтов чаще всего обслуживает корпоративные интересы потенциальных инвесторов, действуют самостоятельно и часто ведут параллельные научные разработки, что в масштабах страны без должного информационного обеспечения фактически тормозит развитие научно-технического потенциала страны.

В соответствии с решениями Правительственной комиссии по научно-технической политике от 28 мая 1996 года по вопросу «О приоритетных направлениях развития науки и техники и критических технологиях федерального уровня», определены приоритетные направления развития науки, среди которых есть направление «разработка новых материалов».

В настоящее время фактически отсутствуют механизмы инвестирования инноваций на уровне субъектов экономической деятельности. На основании Федерального закона № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.96 г. во Владимирской области был принят Закон Владимирской области №17-ОЗ «О научно-технической политике и мерах государственной поддержке научной деятельности и инноваций во Владимирской области», где определено создание областного внебюджетного фонда научной и инновационной деятельности для финансирования научных исследований и экспериментальных разработок, формируемый на договорной основе за счет добровольных отчислений предприятий и организаций независимо от форм собственности в размере до 1,5 процентов себестоимости реализуемой продукции (работ, услуг).

С введением второй части НК РФ изменился порядок формирования средств данного фонда. В настоящее время «расходы налогоплательщика на научные исследования и (или) опытно-конструкторские разработки, осуществленные в форме отчислений на формирование Российского фонда технологического развития, а также иных отраслевых и межотраслевых фондов финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, зарегистрированных в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике», признаются для целей налогообложения в пределах 0,5 процента доходов (валовой выручки) налогоплательщика». Но, в связи с отсутствием механизмов формирования данных фондов практически во всех субъектах РФ они не созданы, в частности во Владимирской области. В это же время на каждый год резервируется 4% в расходной части Федерального бюджета на финансирование данных фондов, созданных в субъектах РФ, но с введением редакции данного Федерального закона от 29.12.00 г. данный пункт не обеспечивается финансированием из федерального бюджета и приостановлено с 1 января 2002 года по 31 декабря 2006 года Федеральными законами №194-ФЗ от 30.12.2001, №176-ФЗ от 24.12.2002 и №186-ФЗ от 23.12.2003.

Предприятия материальной базы строительства функционируют в условиях отсутствия достаточных внутренних источников развития, которые фактически не обеспечивают простое воспроизводство. К данным источникам можно отнести чистую прибыль после расчетов по диви-

дендам с учредителями и амортизацию внеоборотных активов предприятия. Проблемы низкой прибыльности предприятий материальной базы строительства были рассмотрены выше. Наибольший интерес в данной ситуации вызывает проблема использования амортизации в качестве внутреннего источника развития.

Согласно 25 главы НК РФ начисленная амортизация включается отдельной статьей в затраты предприятия на производство продукции (работ, услуг), что фактически является «льготой» по налогу на прибыль. Таким образом предприятие получает только 24% от суммы начисленной амортизации в качестве внутреннего источника развития. Также предприятие получает «льготу» по пассивному налогу на имущество в размере половины суммы начисленной амортизации за год. При ставке налога на имущество предприятий 2,2% субъекты материальной базы строительства получают «льготу» в размере 1,1% от среднегодовой стоимости имущества, и соответственно, на эту сумму увеличивается налогооблагаемая база по налогу на прибыль. В результате фактическая амортизация составляет незначительный денежный эквивалент. В условиях отсутствия механизмов сбережения и консолидации начисленной амортизации, и высокий уровень инфляции в РФ, который составляет свыше 10% в год, в то же время постоянные проблемы предприятий материальной базы строительства, связанные с пополнением оборотных средств приводят к «проеданию» данного внутреннего источника развития.

В условиях высокого физического износа основных производственных фондов предприятий материальной базы строительства; составляющего свыше 54%, даже вся сумма оставшейся начисленной амортизации не позволит сформировать полноценный источник простого воспроизводства производственного аппарата предприятий материальной базы строительства. В то же время современное налоговое законодательство не отражает механизмов учета морального износа технической базы строительства. Механизм «ускоренной амортизации» действовал в отношении высокотехнологичной части основных производственных фондов малых предприятий до введения второй части НК РФ.

Один из основных производственных факторов – труд находится в кризисном состоянии. Цена труда значительно занижена, причем для работодателя цена труда более, чем на одну треть выше ее фактической цены. С 2005 года снижена ставка Единого социального налога на 10%, но будет ли решена проблема в пользу работника, или предприятия будут покрывать тарифы монополистов, в том числе локальных, покажет время. В этих условиях легальное привлечение иностранной рабочей силы, размер которой на сегодняшний день, в абсолютном выражении, в полтора раза превышает официальный уровень безработицы в стране, значительно привлекательнее для работодателя, т.к. вся налоговая нагрузка в данном случае ложится на работника Единый социальный налог можно не платить, а ставка налога на доходы физических лиц для нерезидентов РФ составляет 30%. Даже условиях отсутствия фактически мотивации отмечается рост производительности труда в среднем на 8% в год. Изношенность основного капитала страны составляет в среднем 50–70%, пропущен как минимум один цикл обновления, по технологическому уровню производства Россия отстает примерно на двадцать лет от экономически развитых стран.

Для повышения «цены труда» на первом этапе необходимо пересмотреть принципы исчисления ЕСН, который, являясь социальной гарантией работникам работодателями, фактически не выполняет свою функцию, а скорее становится препятствием повышения заработной платы. Ни один из внебюджетных фондов не предоставляет в полном объеме гарантированный государством социальный пакет.

Изложенное выше показывает, что в настоящее время достаточно остро стоит проблема в научном обобщении и решении проблем методического обеспечения управления развитием и совершенствованием материальной базы строительства.

Объективно обоснована необходимость разработки: концепции инновационного развития материальной базы строительства; методологических принципов и методов стратегического планирования конкурентоспособности предприятий производящих строительные материалы и изделия; принципов формирования механизмов управления эффективностью инновационно-воспроизводственного процесса, теоретические и прикладные аспекты интеграции производства субъектов материальной базы строительства, в частности:

– раскрытие роли и места материальной базы строительства в общей системе функционирова-

ния строительной сферы экономики на современном этапе;

– принципы, положения и соответствующие им методические рекомендации по стратегическому планированию развития материальной базы строительства;

– принципы, положения и методы интегральной оценки конкурентоспособности и конкурентных преимуществ предприятий и организаций материальной базы строительства;

– методические положения и методы оценки потенциала повышения конкурентоспособности материальной базы строительства;

– положения по организации и управлению инвестиционной составляющей общей системы управления развитием материальной базы строительства;

– положения по построению системы и организационной структуры управления развитием материальной базы строительства в субъекте Федерации.

Данные положения, принципы и методические подходы могут быть использованы при формировании систем управления функционированием и развитием предприятий и организаций материальной базы строительства.

Библиографический список

1. *Зыков А.А.* Экономика и управление развитием материальной базы строительства на современном этапе. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2006.

2. *Генералов Б.В., Зыков А.А.* Принятие решений в инвестиционно-строительной сфере в условиях рыночной экономики / Под ред. Б.В. Генералова. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2001.

П.В. Назаров

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Преамбула. *Формирование импульса необходимого для дальнейшего экономического развития России может быть реализовано только с учетом национальных особенностей, которые проявляются в организации пространственного развития. В настоящее время не только в России, но и в мире происходит «региональная революция», выражающаяся в том, что внутренняя организация экономического пространства трансформируется. Данная статья посвящена анализу особенностей развития национальной экономики России в историко-экономическом процессе.*

Проблема обеспечения устойчивого развития национальной экономики актуальна для любого государства, особенно в условиях глобализации. Перед правительствами многих стран стоит задача обеспечить взаимовыгодную интеграцию национальной экономики в мировую. Для этого необходимо создать механизмы управления, позволяющие добиваться успехов в различных отраслях народного хозяйства. При этом мировой опыт свидетельствует, что только те страны достигают больших успехов в развитии народного хозяйства, где механизмы управления процессами конкуренции базируются на принципах справедливости, нацелены на создание условий для развития человека, его интеллектуальных и физических способностей, на повышение устойчивости и качества жизни общества в целом.

Управление национальной экономикой предполагает знание закономерностей ее развития. Национальная экономика имеет региональный характер, и категория «регион» является ключевой для ее описания. Причем, чтобы уловить общее и существенное в развитии национальной экономики, регион следует рассматривать как экономическую, а не экономико-географическую категорию. Рассматривая регион как экономическую категорию, надо абстрагироваться от природных условий жизнедеятельности, не входящих в предмет экономической науки, и отразить системные характеристики социума, связанные с экономикой. Страна представляет собой экономическую систему, когда население является экономической общностью людей. Поэтому регион можно определить следующим образом: это территориальная экономическая общность людей и социальные условия ее жизнедеятельности.

Нация выступает высшей формой территориальной экономической общности людей. Становление национальной экономики приводит к -

© П.В. Назаров, 2006

выделению территориальных экономических общностей внутри нации. Формирование общенационального рынка, главную роль на котором играют средства производства, сопровождается возрастанием значения местных рынков, осуществляющих взаимосвязи городского и сельского населения по обмену предметами потребления. Крупный индустриальный город не может существовать без деревни и является для нее емким, ненасыщаемым рынком сбыта продуктов питания. Проникновение товарно-денежных отношений в деревню ликвидирует домашнюю промышленность крестьян и создает рынок для промышленных товаров. Связи между крупным городом и прилегающей сельской местностью становятся постоянными и прочными. На их основе складывается территориальная общность городского и сельского населения в масштабе региона областного ранга. Этот уровень локализации хозяйственных связей находит отражение в административно-территориальном делении всех больших стран, где подобные области регионы носят название штатов, провинций, земель, кантонов, воеводств и т.п.

Преобразуются в территориальные экономические общности и общности по поселению. Концентрация населения в крупных городах вызывает необходимость его общественного обслуживания. Возникают отрасли сферы обслуживания населения. Городское население оказывается связанным обменом услуг. Аналогичный процесс по мере экономического развития идет в сельской местности, где выделяются центры сельского расселения, берущие на себя функции социально-культурного и бытового обслуживания прилегающих деревень. Поэтому во многих странах прижились понятия городской общины и сельской общины, отражающие явление местноограниченной общности экономической жизни людей.

Объектом экономических отношений населения выступают социальные условия жизнедеятельности. Поэтому территориальная экономическая общность людей – это население определенной территории, связанное отношениями воспроизводства социальных условий своей жизни. Социальные условия жизни являются, с одной стороны, конечным результатом совокупного труда предшествующих и ныне живущих поколений, с другой стороны, предметной средой, потребляемой всем населением, а в определенной части оставляемой и будущим поколениям. При этом необходимыми посредствующими звеньями являются процессы распределения и обмена.

Национальная экономика существует в двух взаимосвязанных формах: отраслевой и территориальной. Поэтому соответствующие стороны имеют и социальные условия жизнедеятельности. Отраслевая сторона социальных условий жизни воплощается в конечном продукте материального производства – средствах труда и предметах непроизводительного потребления. Территориальная сторона – в среде жизнедеятельности населения.

Среда жизнедеятельности – это освоенная человеком территория, в пределах которой происходит удовлетворение его потребностей. Удовлетворение потребностей социальной общности людей в применении и восстановлении жизненных сил предполагает создание определенного комплекса жизненных условий: мест проживания, приложения труда, обслуживания, отдыха и связывающих их коммуникаций. Тем самым среда жизнедеятельности включает территорию и размещенные на ней социальные объекты. Эти объекты представляют собой пассивную часть основных фондов и определяют степень освоенности территории. Будучи территориально закреплена пассивная часть основных фондов в своей пространственно-организованной совокупности формирует среду жизнедеятельности населения.

Развитие отраслевой стороны социальных условий жизни происходит на основе процесса территориально-экономического комплексообразования. Развитие территориальной стороны социальных условий жизни осуществляется на основе процесса расселения.

В устойчивом развитии национальной экономики важное значение имеет независимое от внешних факторов развитие отраслей производства. Экономическая зависимость от внешних факторов ведет к хаотическому формированию отдельных отраслей и серьезным диспропорциям. Одни отрасли получают гипертрофированное развитие, другие остаются в чахлом состоянии. Так, удельный вес добывающей промышленности в развивающихся странах искусственно завышается за счет сильной привязки добычи минерального сырья и топлива к воспроизводственному комплексу бывших метрополий. Это и поныне служит тормозом к завершению процесса формирования внутреннего национального рынка в молодых государствах. Следствием экономической зависимости и одновременно причиной ее устойчивости является монокультур-

ность производства и экспорта. Только встав на путь индустриализации, развивающиеся страны смогут использовать свои природные и трудовые ресурсы в собственных интересах. Причем от этого, в конечном счете, выиграют и развитые страны. Когда объединившиеся государства-экспортеры нефти подняли на нее цены, это стимулировало на Западе научно-техническую революцию и внедрение ресурсосберегающих технологий.

Таким образом, несмотря на расширение международных экономических связей и интеграционные процессы, идущие в мировой экономике, развитые страны представляют собой относительно автономные экономические образования, способные самостоятельно обеспечить удовлетворение основных потребностей своего населения. Напротив, к слаборазвитым в современном мире относят такие страны, где внешние экономические связи превалируют над внутренними, а формальная политическая независимость сочетается с реальной экономической зависимостью от других государств, транснациональных корпораций и международных банков. Даже эквивалентный обмен между развитыми и слаборазвитыми странами усиливает разницу в уровнях их развития. Поэтому единственное решение проблемы неоколониализма заключается в становлении в развивающихся странах национальной экономики. Для этого нужны национально ориентированное руководство и помощь других наций в кадрах и новейших эко-технологиях. Важную роль могут сыграть континентальные организации экономического сотрудничества, возникающие в Латинской Америке, Азии и Африке на базе общих интересов и культурного типа.

Сам термин «народное хозяйство» подразумевает экономику страны, ориентированную безотносительно от форм собственности на средства производства на удовлетворение потребностей народа. Народное хозяйство имеет ступенчатую организацию, в основе которой лежат разные уровни локализации хозяйственных связей. Поэтому административно-территориальное деление, как правило, отражает объективно происходящие процессы территориально-экономического комплексообразования. Сущность процесса территориально-экономического комплексообразования заключена в экономически целесообразном самообеспечении территориальными общностями на всех уровнях своих потребностей.

На уровне страны в результате индустриализации формируется единый народнохозяйственный комплекс, обеспечивающий ее экономическую независимость. Целесообразность экономической независимости в том, что ресурсный потенциал страны используется для развития сущностных сил ее народа, а это открывает ему дорогу в будущее. Самообеспечение выступает материальным фундаментом самостоятельного развития. Нация должна расширять и совершенствовать свою способность производить. Экономическая зависимость означает проедание ресурсов будущего или жизнь за счет собственных детей. В XXI веке, если осуществится модель устойчивого развития, главной областью конкуренции между государствами станет качество жизни, напрямую зависящее от социальных качеств наций, разнообразия их творческих возможностей. И здесь несомненные преимущества будут иметь крупные нации.

Единый народнохозяйственный комплекс больших стран можно разделить на хозяйство общегосударственного значения и хозяйство местного значения. Хозяйство общегосударственного значения складывается из следующих основных элементов: машиностроительный комплекс, ресурсный комплекс, сфера обращения. Состав ресурсного комплекса определяется природным потенциалом страны, но обязательно включает энергетическую, металлургическую, химическую, агропромышленную компоненты. Хозяйство общегосударственного значения охватывает производство средств производства и формирует условия трудовой деятельности всего народа. Поэтому регулирование развития такого хозяйства должно вестись на общегосударственном уровне.

Как показал опыт СССР, развитие всех отраслей научных знаний и повышение технической вооруженности народного хозяйства на базе отечественного машиностроения обеспечивают наиболее полное удовлетворение творческих потребностей и рост культурно-технического уровня работников. Напротив, всесторонняя зависимость от импорта техники сужает сферу применения творческих сил народа и обрекает на научно-техническое отставание в отраслях ее использования. Без производства конкурентоспособной техники за импорт машин и оборудования приходится расплачиваться природными ресурсами и снижением социального качества среды жизнедеятельности народа.

Местное хозяйство удовлетворяет комплекс потребительских потребностей населения в пище, одежде, жилище, домашней утвари, пер-

вичном обслуживании. Экономически целесообразна локализация местного хозяйства в масштабе региона областного уровня, поскольку основные потребительские потребности могут быть удовлетворены за счет повсеместно распространенных ресурсов. Формирование в каждом регионе областного ранга потребительного комплекса позволяет ликвидировать нерациональные перевозки массовых грузов, расширить сферу занятости и учитывать специфику потребностей местного населения, преодолевать межрегиональные различия внутри страны в уровнях жизни. Регулировать развитие местного хозяйства должны местные органы государственной власти.

Местное хозяйство охватывает производство предметов потребления и услуг населению. Производство основных видов услуг имеет тенденцию к локализации в масштабах каждого города и сельского района. Это объясняется экономическими особенностями услуги, которая не удовлетворяет потребности, а опосредует их удовлетворение. Так, пассажирский транспорт, осуществляя связь между жильем, работой, местами обслуживания и отдыха, опосредует удовлетворение творческих и потребительских потребностей населения. Медицинское обслуживание, восстанавливая здоровье и работоспособность человека, также опосредует удовлетворение его творческих и потребительских потребностей. Образование готовит молодежь к предстоящей трудовой деятельности, опосредуя тем самым удовлетворение творческих потребностей. Торговое обслуживание опосредует удовлетворение потребительских потребностей населения и т.д.

Услуга есть потребительная стоимость труда не как продукта – результата предыдущей деятельности, а как самой деятельности. В результате для основной массы населения производство и потребление большинства услуг не может быть территориально оторвано друг от друга. Формирование на низовом административно-территориальном уровне обслуживающего комплекса опосредует удовлетворение основных потребностей населения, способствуя экономически целесообразному перераспределению трудовых ресурсов из домашнего хозяйства в народное, увеличению свободного времени населения и его полезному использованию. Обслуживающий комплекс включает объект сферы обслуживания населения местного значения, определяющие повседневную жизнь людей.

Можно утверждать, что закономерностями развития отраслевой структуры национальной экономики являются формирование единого народнохозяйственного комплекса – на уровне страны, потребительных комплексов – на уровне регионов областного ранга, обслуживающих комплексов – на уровне городских и сельских регионов. Логика территориально-экономического комплекоообразования обеспечивает наиболее полное удовлетворение общественных потребностей при наименьших затратах ресурсов.

Территориальный аспект общественного воспроизводства находит выражение в расселении. Расселение представляет собой размещение населения и социальных условий его жизнедеятельности. В качество первичного элемента расселения выступает поселение. Переход от присвоения к производству средств существования предопределял тенденцию к оседлости. Появление земледелия привело к территориальному закреплению трудовой деятельности человека и возникновению поселений. Поселение – это территориально закрепленная форма расселения населения, основными элементами социальной среды которой являются места приложения труда и места проживания. Преобразование природной среды в социальную начинается с земледелия. Поэтому стоянка первобытных людей и стойбище кочевого племени – еще не поселение.

В ходе исторического процесса человек постепенно заселил всю планету и постоянно совершенствовал способность к перемещению в пространстве. Углубление общественного разделения труда вело к дифференциации функций поселений, что в свою очередь способствовало росту миграционной подвижности населения. По словам К. Маркса, «основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. – С. 365). Рост миграционной подвижности расширяет среду жизнедеятельности человека, а значит и горизонты его развития. Именно в расширении среды жизнедеятельности человека на основе углубления общественного разделения труда в его территориальной форме заключена сущность процесса расселения.

Поскольку каждый народ создает себе среду жизнедеятельности, развиваясь сопряженно с географической средой, его расселение отличает-

ся привязкой к местности и отсюда неповторимым своеобразием. В то же время освоение жизненного пространства имеет и общие для всех народов черты. Расширение среды жизнедеятельности происходит экстенсивным и интенсивным путями, которые тесно переплетены.

Экстенсивный характер процесс расселения имеет при возникновении новых поселений и расширении границ существующих. Экономическое развитие связано с постоянным вовлечением в производство новых природных ресурсов. Это ведет к освоению ранее неиспользовавшихся территорий. Экстенсивное расширение среды жизнедеятельности позволяет избегать превышения ее демографической емкости в связи с ростом народонаселения. Одновременно в результате нерационального природопользования из хозяйственного оборота выбывают значительные площади освоенных земель, сужая среду жизнедеятельности народа. Причем с увеличением масштабов производства растут и масштабы экологических кризисов.

Интенсивный аспект развития расселения характеризуется усилением межпоселенных связей на основе маятниковой миграции. Причем если экономические связи между городами способствуют росту миграционной подвижности относительно небольшой части населения, то связи между городом и деревней охватывают уже в индустриальном обществе практически всех. Интенсивный путь развития ведет к интеграции городского и сельского расселения. Расширение среды жизнедеятельности выступает условием повышения ее социального качества. Сельскому жителю становятся доступными городские объекты обслуживания, а городскому жителю – отдых в сельской местности.

Современный этап развития расселения в национальных государствах получил название урбанизации. Урбанизация представляет собой преимущественное развитие городской формы расселения на основе индустриализации. Поэтому исследование процессов урбанизации надо начинать с анализа отраслевой структуры занятости в народном хозяйстве страны. При этом решающее значение имеет динамика показателя занятости в машиностроении и науке.

Когда повышение удельного веса городского населения значительно опережает темпы индустриализации, имеет место «ложная урбанизация», характерная для многих слаборазвитых стран, где сельские жители выталкиваются в города вследствие аграрного перенаселения. Расселение слаборазвитых стран во многом до сих пор сохраняет рисунок, сложившийся в колониальные времена. Неразвитая тяжелая промышленность, слабые внутренние связи между отраслями, ориентация на экспорт способствуют гипертрофированному росту одного или нескольких центров, в основном столиц или портов, более тесно взаимодействующих с внешним миром, чем с экономикой собственных стран. Само местоположение многих столиц на побережье носит отпечаток торгового посредничества между колонией и метрополией. Такие столицы выступают в большей мере элементами экономики метрополий, поддерживая связь только с теми районами, где производится экспортная сельскохозяйственная или сырьевая продукция. Поэтому Бразилия перенесла столицу из Рио-де-Жанейро вглубь страны, и аналогичный проект разрабатывает Аргентина.

Анализ основных тенденций урбанизации позволяет выделить три этапа в ее развитии: полицентрический, пригородный и сельский.

Первый этап или процесс полицентрической урбанизации находит выражение в росте числа городов на базе машиностроения и связанного с ним научно-образовательного комплекса. Индустриализация ведет к распространению машиностроения по всей стране и увеличению числа крупных промышленных центров. По данным статистики, машиностроение является профильной отраслью в городах с населением свыше 100 тыс. жителей. Именно рост числа индустриальных центров, а не простое перераспределение населения в пользу больших городов, есть существенный признак урбанизации.

Крупные города представляют собой центры политической, экономической и духовной жизни народа и являются главными двигателями научно-технического прогресса. Они образуют опорный каркас расселения страны и играют исключительно важную районоорганизующую роль, структурируя прилегающие территории и преобразуя их в регионы областного уровня. Но эту роль могут играть только центры машиностроения, науки и высшего образования. Города на базе добывающей промышленности и первичной переработки сырья, хотя и достигают иногда больших размеров, без переориентации на наукоемкое производство и высокоспециализированные виды обслуживания населения лишены районоорганизующего значения цент-

ров областных регионов. Отработка месторождений сокращает потребность в трудовых ресурсах, а отсутствие в таких городах широкой сферы приложения труда обусловливает их упадок.

Поскольку отраслевая структура городов подвержена постоянной эволюции, ограничение нового промышленного строительства в крупнейших центрах в качестве меры сдерживания их роста нецелесообразно. Консервация народнохозяйственного профиля ведущих городских центров страны снижает эффективность использования их научно-производственного потенциала. Передавая часть своих внешних функций новым центрам расселения, они должны оставаться двигателями научно-технического прогресса, так как обладают самыми благоприятными условиями для развития новейших наукоемких производств.

В результате полицентрической урбанизации происходит более равномерное размещение крупных индустриальных центров по территории страны и улучшается их доступность для сельского населения. Одновременно идет развитие рекреационной функции сельской местности, связанное с возрастанием потребностей городского населения в загородном отдыхе. Тем самым возникают предпосылки преодоления существенных различий между городом и деревней в сфере потребительной деятельности на основе межпоселенных связей: маятниковой миграции городского и сельского населения в рамках недельного цикла жизнедеятельности (поездки на выходные).

Следующий этап или процесс пригородной урбанизации проявляется в преимущественном развитии пригородной зоны крупных индустриальных центров и формировании агломераций. Нарастание интенсивных связей центрального города с поселениями пригородной зоны приводит к образованию системы урбанизированного расселения. «Точечный» город расползается в рассредоточенное поселенческое образование, которое получило название агломерации. Массовые ежедневные поездки населения пригородов упраздняют их относительную автономность. Поскольку ежедневные перемещения населения осуществляют связи мест жительства с местами приложения труда, в качестве важнейшего критерия, определяющего территориальные параметры агломерации, выступают затраты времени населения на трудовые поездки, которые в принципе не должны превышать одного часа в один конец. Поэтому агломерация включает центральное ядро и зону его часовой доступности. Процесс пригородной урбанизации, как правило, развивается следующим образом. По мере роста городов экономический эффект совместного размещения предприятий начинает перекрываться резко возрастающими затратами на развитие городского хозяйства: возникает необходимость строительства метрополитена, изыскания дополнительных источников водо- и энергоснабжения, реконструкции исторического ядра. Условия размещения новых промышленных предприятий ухудшаются. В результате происходит замедление абсолютного прироста численности населения города-центра в связи с ограничениями, налагаемыми на развитие градообразующей базы. В то же время городское хозяйство продолжает расти. Это вызывает острый дефицит трудовых ресурсов, который начинает восполняться за счет населения пригородной зоны. В результате город-центр получает прирост трудовых ресурсов без дополнительных затрат на освоение новых территорий. Таким образом, на первой стадии пригородной урбанизации при продолжающейся централизации мест приложения труда в городе происходит децентрализация мест проживания на основе использования жилищного фонда пригородов.

Следующая стадия начинается с перераспределения населения из центрального ядра в пригородную зону. Уменьшение удельного веса населения центральных городов происходило прежде всего за счет повышения доли населения пригородной части агломераций. Это связано уже с децентрализацией мест приложения труда и преимущественным градостроительным развитием пригородной зоны. Происходит упорядочение трудовых поездок населения, что снижает нагрузку на транспортную систему и позволяет использовать ее более эффективно.

Смещение мест приложения труда в пригородную зону становится возможным вследствие процессов концентрации и специализации машиностроительного производства, составляющего градообразующую базу крупных индустриальных центров. Научно-производственное объединение как оптимальная форма организации машиностроения способствует переходу на предприятиях от предметной специализации к подетальной. В результате появляется возможность территориально расчленять единый производственный цикл. Если предметная специализация обусловливает концентрацию производства на комплексных универсальных пред-

приятиях-гигантах, то подетальная специализация ведет к созданию комплексов специализированных заводов, тесно связанных поставками продукции. По мнению специалистов, оптимальное расстояние специализированных производств от головных предприятий не более 40 км. При размещении таких комплексов заводы-филиалы лучше всего выносить в пригородную зону. Тем самым достигается более равномерное распределение производства и населения по территории агломерации.

Возникающая в ходе второго этапа урбанизации новая форма поселения – агломерация обязана своим появлением высокому уровню развития транспортных коммуникаций и средств и отличается от индустриального города более сложной экономической структурой, включающей отрасли пригородного сельского хозяйства, и относительно рассредоточенной планировочной структурой. Пригородная урбанизация приводит к повышению социального качества среды жизнедеятельности населения агломераций: расширяется сфера приложения труда, выделяются зоны отдыха, появляется возможность пространственной изоляции промышленных зон и зон внешнего транспорта. Притягательная сила крупных городов заключается не в их размерах, а в разнообразии сфер трудовой и потребительной деятельности. Формирование агломераций позволяет при сохранении и развитии этих преимуществ преодолевать недостатки крупных городов, связанные с чрезмерной плотностью населения и ухудшением экологических условий проживания.

Завершающий – сельский этап урбанизации проявляется в преимущественном развитии малых городов за пределами агломераций. В высокоурбанизированных странах наблюдается снижение доли населения больших городов в общей численности горожан страны. Падение удельного веса городского населения, проживающего в больших городах, косвенно свидетельствует о вступлении страны в заключительный этап урбанизации.

Некоторые исследователи рассматривают сельскую урбанизацию как процесс противоположный урбанизации, но с этим согласиться нельзя. По существу сельская урбанизация продолжает тенденции пригородной урбанизации и приводит к перераспределению городского населения между городами разных типов. Малые города, развивающиеся за пределами агломераций, имеют с ними тесные связи и получили название городов-спутников. Тем самым происходит дальнейшее территориальное расширение урбанизации, ее вторжение в сельскую местность.

Анализ миграционных процессов в США показал, что главным фактором развития внеагломерационных районов явились: 1) расширение сферы занятости и 2) формирование современной инфраструктуры. Поскольку агломерации концентрируют новые и новейшие отрасли производства, старые отрасли начинают вытесняться во внеагломерационные районы. Туда перемещаются предприятия массового производства, имеющие высокий уровень механизации и не предъявляющие высоких требований к квалификации работников. Одновременно в агломерациях сосредоточиваются наукоемкие, мелкосерийные производства, нуждающиеся в значительном количестве высококвалифицированных специалистов. Расширению сферы занятости в сельских районах способствует и агропромышленная интеграция. В результате по доле занятых в промышленности внеагломерационные районы США не уступают агломерациям. Густая сеть автодорог местного значения повысила для жителей глубинных районов транспортную доступность больших городов. Радио и телевидение устранили информационную изоляцию периферии, а телефон, водопровод и канализация позволили улучшить коммунально-бытовое обслуживание населения внеагломерационных районов США. Совокупность перечисленных факторов и обеспечила начавшийся тогда там процесс сельской урбанизации.

Экономической основой преимущественного развития малых городов за пределами агломераций являются процессы перемещения ресурсных отраслей из центра на периферию и агропромышленной интеграции. Такие отрасли ресурсного комплекса, как добывающая, химическая, металлургическая промышленность, не требуют центрального местоположения и противопоказаны среде крупного города из-за соображений безопасности. Поэтому формирование единой системы расселения страны предполагает разделение народнохозяйственных функций между областными и районными центрами. Отрасли машиностроения целесообразно размещать в областных центрах, ресурсные отрасли – в районных центрах.

Индустриализация земледелия и животноводства ведет к концентрации и специализации сельскохозяйственного производства, что создает возможность его непосредственного соединения

с промышленной переработкой. В результате существенно расширяется градообразующая база центров сельских административных районов, в которых сосредоточиваются предприятия пищевой и легкой промышленности. Территориальное сближение сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности выступает необходимым условием агропромышленной интеграции. Практика показала, что небольшие предприятия, максимально приближенные к сырьевым зонам, оказываются более эффективными (благодаря снижению потерь агропродукции), чем крупные, размещаемые, как правило, в областных центрах. Становление в регионах областного ранга потребительных комплексов потребует развития всей сети районных центров страны. Преимущественное развитие в перспективе районных центров предотвращает нерациональный отток населения из сельской местности и чрезмерную концентрацию производства в крупных городах.

Поскольку в развитых странах уже обозначились пределы индустриализации, можно сделать вывод, что развивающаяся на ее основе урбанизация также носит исторически преходящий характер. Информационная революция окажет существенное влияние на процесс расселения. Развитие связи и информатика, изменение отраслевой структуры производства и его автоматизация ведут к сокращению средней численности работников предприятий, что в плане их размещения уже не требует значительной территориальной концентрации населения и позволяет более полно использовать территориальные ресурсы страны. Исчерпание в перспективе невозобновляемых полезных ископаемых, вовлечение в производство всех видов вторичных ресурсов и расширение посредством мелиорации и выведения экологически устойчивых культур зоны земледелия будет способствовать более равномерному размещению предприятий ресурсного комплекса по территории. Территориальное разделение машиностроительного и ресурсного комплексов и тесная связь между ними обусловит интеграцию городского и сельского расселения в областных системах поселений.

Для того чтобы определить перспективы развития расселения за пределами урбанизации, надо уточнить содержание существенных различий между городом и деревней. В советском обществоведении сложилось представление, что преодоление этих различий связано в первую очередь с превращением сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Однако сводить различия между городом и деревней к межотраслевым различиям в технической вооруженности труда неправомерно. Не всякий труд на селе является сельскохозяйственным, и не всякий труд в городе выступает как промышленный и индустриальный (т.е. механизированный).

Решающее преимущество города как формы расселения заключается в разнообразии сфер трудовой и потребительной деятельности. В результате городское население имеет существенно большие возможности приложения своих способностей и удовлетворения творческих и потребительских потребностей, чем сельское. Причем узость сферы приложения труда характерна не только для села, но и для поселков городского тапа, малых и средних городов. Любые специализированные поселения – транспортные центры, города-курорты, города науки, города машиностроения имеют этот недостаток. Но в наибольшей степени он проявляется в сельской местности.

Высокий уровень механизации производственных процессов в сельском хозяйстве далеко не всегда решает проблему закрепления кадров на селе. Ограниченность сферы приложения труда приводит к деформации половозрастной структуры сельского населения (в русской деревне возникла «проблема невест»), что усиливает отток молодежи в города. Поэтому для преодоления существенных различий между городом и деревней необходимо качественное усложнение экономической структуры сельского поселения.

Соизмеримая с городской диверсификация народнохозяйственных функций в сельских поселениях может быть достигнута только в результате формирования сельских агломераций на базе районных центров. Процесс урбанизации получает завершение в преимущественном развитии удаленных от городских агломераций малых городов, которые благодаря этому становятся центрами притяжения сельских и иных населенных пунктов в своей округе. Развитие транспортных коммуникаций в сельской местности создает материальную основу для формирования сельских агломераций. В агломерация происходит слияние города и деревни, соединение населенных пунктов разной величины и народнохозяйственного профиля в единое поселение. Существенное расширение в этом случае возможностей населения в сферах трудовой и потребительной деятельности ведет к преодолению социальных различий между городом и деревней.

Новая региональная политика в странах Запада предусматривает перестройку сельской экономики путем строительства в сельской местности промышленных предприятий, развития инфраструктуры и туризма. В ЕЭС был даже выдвинут лозунг «каждой деревне – свою фабрику». Промышленность, осваивая сельское пространство, делает экономику деревни многоотраслевой при постоянном падении в ней доли сельского хозяйства. Интеграция сельского хозяйства и промышленности обусловливает интеграцию городских и сельских поселений. Развитие средств транспорта и коммуникаций ведет к выравниванию социального качества среди жизнедеятельности городского и сельского населения. В 70-е года прошлого века в Японии был принят «Третий всесторонний план развития», целью которого провозглашалось улучшение условий жизни населения. План основывался на стратегии интегрированного расселения. В частности, предполагалось создание конгломератов малых городов и аграрных районов, так называемых «тейдзи-кэн», их комплексное развитие.

Преодоление существенных различий между городом и деревней происходит в областных системах расселения при преобразовании областных центров в центральные агломерации, а районных центров в периферийные агломерации. При этом достигается равноценное качество повседневной среды жизнедеятельности во всех поселениях. Расширение среды жизнедеятельности населения на основе межпоселенных связей обеспечивает условия комплексного удовлетворения потребностей территориальной экономической общности людей.

Таким образом, общей закономерностью развития территориальной структуры национальной экономики выступает агломерирование поселений. Агломерирование поселений происходит в региональных системах расселения, которые объективно формируются на трех уровнях: 1) на уровне страны; 2) на уровне регионов областного ранга; 3) на уровне областных центров и областных административных районов. Развитию единого народнохозяйственного комплекса соответствует формирование единой системы расселения страны, развитию потребительных комплексов – формирование областных систем расселения, развитию обслуживающих комплексов – формирование городских и сельских агломераций.

Подводя итоги рассмотрения закономерных тенденций формирования национальных экономик, можно сделать вывод, что территориально-экономическое комплексообразование и агломерирование поселений представляют собой разные стороны единого процесса интеграции, сплачивающего нацию через улучшение и выравнивание социальных условий жизнедеятельности. Углубление разделения труда позволяет использовать расширяющийся спектр самых разнообразных способностей и наклонностей людей, увеличивая возможности реализации творческого потенциала нации.

О.А. Штефан

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

Центральное место в экономике уделяется рассмотрению проблем управления организацией. И это не случайно, ведь как только появляется государство, одновременно зарождается экономика, и появляются проблемы ее развития.

Основателем и основным разработчиком идей «научного управления» является Ф.У. Тейлор. Его учение базируется на механистическом понимании человека, его места в организации и сущности его деятельности.

Перенос центра тяжести с задач на человека породил развитие различных бихевиористских теорий менеджмента. Так, В.Д. Скотт выступал за то, что менеджеры должны смотреть на рабочих не только сквозь призму экономических интересов, но и с точки зрения социальных потребностей работников.

Конкретное противопоставление «научного управления» и бихевиористских концепций нашло отражение в теории «X и Y» Д. МакГрегора, согласно которой существуют два типа организаций: организации типа «X», в которых работа выполняется по принуждению, и организации типа «Y», в которых работа является самовыражением сотрудников.

А. Файоль выделил управление в особый вид деятельности любого предприятия, такой же вид деятельности, как техническая, коммерческая, финансовая деятельности.

© О.А. Штефан, 2006

Согласно М. Веберу, разработавшему теорию бюрократического построения организации, для того чтобы организация работала «как машина», необходима разработка правил и процедур поведения в любой ситуации, а также прав и обязанностей каждого работника.

Одним из самых выдающихся теоретиков управления является П. Друкер. Согласно его концепции, управление должно начинаться с выработки целей и потом переходить к формированию функций, системы взаимодействия и процесса.

В 80-е годы прошлого столетия была разработана теория «7С», которая утверждала, что эффективная организация формируется на базе семи взаимосвязанных составляющих, изменение каждой из которых требует соответствующего изменения остальных шести.

Дальнейшее развитие теория менеджмента получила в работах У. Огучи, который предложил так называемую теорию «Z», в основе которой лежит обращение к каждому работнику предприятия.

В середине XX века в управлении экономическими системами появляется эволюционный аспект. В 1966 г. А. Чандлером были впервые проанализированы принципы непрерывной адаптации предприятий к изменяющимся условиям хозяйственной деятельности.

На наш взгляд, объяснить логику развития предприятий в большей степени способна сравнительно новая научная парадигма, описывающая законы эволюции естественных сложных систем различной. В литературе чаще всего она упоминается как теория хаоса, или синергетика, которая представляет собой эвристический метод исследования открытых самоорганизующихся систем, подверженных кооперативному эффекту, который сопровождается образованием пространственных, временных или функциональных структур, или процессов самоорганизации систем различной природы.

Вуолдроп выделяет «сложные адаптивные системы». Они имеют несколько общих характеристик: являются самоуправляемыми, эти «агенты» могут объединяться и создавать кооперативный «рисунок» поведения. Этого не может сделать отдельный «агент». Самоуправление становится возможным благодаря определенному виду обратной связи.

П. Сэндж отмечает, что существует ограниченное число процессов обратной связи, которые действуют в любой организации. Он называет их «прототипами систем».

В современных организациях задача менеджеров состоит в том, чтобы понять систематические процессы, управляющие человеческим поведением, и использовать их. В соответствии с теорией эволюционной синергетики небольшие изменения могут оказывать значительное влияние на физические системы. Так, решающей концепцией в теории систем является система «рычагов», то есть идея о том, что небольшие, хорошо продуманные действия иногда могут вызвать значительные долгожданные улучшения.

Итак, нами установлено, что будущее закрепилось за самоорганизующимися системами и что основной движущей силой является кадровый потенциал системы (менеджеры), способные осмыслить сложившуюся ситуацию и принять решение, то есть определить системе цель, без которой движение вперед невозможно.

Библиографический список

1. *Милль Д.С.* Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. – М., 1980. – Т. 1–3.

2. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений: Учеб. – М., 2000.

3. *Chandler A.* Strategy and Structure: Chepters in the History of American Industrial Enterprise. Harvard University Press, Cambridge, Mass, 1962.

4. *Senge P.* The fifth discipline: the art and practice of the learning organization. – Doubleday Publishers, 1990.

5. *Taylor F.W.* The Principles of Scientific Management. – N.Y.: Harper & Row, 1911.

6. *Waldrop M.M.* Complexity Life of Chaos. – N.Y.: Simon and Schuster, 1992.

Л.Ю. Малоземова

ЛОЯЛЬНОСТЬ КАК ДОЛГОСРОЧНЫЙ АКТИВ КОМПАНИИ

В современных глобальных условиях развития экономики, открытости информации и границ, каждая компания должна выработать четкую стратегию поведения на изменившемся рынке. Переход на качественно новый уровень развития происходит лишь в том случае, если все сотрудники компании осознают, что ключевой фигурой на рынке становится клиент. Мы связываем это с развитием рынка, когда количество потребителей остается прежним, а компаний, готовых оказать услуги становится все больше. При этом если качество оказываемой услуги со временем становится все более стандартизированным, то на первое место выходит индивидуальное отношение к клиенту.

В связи с этим особо актуальной становится тема лояльности, и интерес к ней продолжает расти. Прогнозы рынка показывают, что эта тенденция сохранится ещё 10–20 лет, и при все возрастающей глобальности мирового бизнеса программы также станут глобальными.

Лояльность – это основной показатель, формирующий бизнес услуг. В услуговой организации лояльность – это ключевой фактор деятельности всей организации, потому что услуги, прежде всего, это взаимоотношения, невозможные без клиентов (высоко контактная сфера «человек – человек»).

Специфика маркетинга услуг заключается в понимании ограниченности рынка. Нельзя строить бизнес-систему, систему управления, структуру услуговой организации только на привлечении новых клиентов. Постоянная экспансия невозможна, нужно думать об удержании клиентов, создавать систему удержания клиентов в услуговой организации. Поэтому весь комплекс маркетинговых услуг должен быть ориентирован на многократное обращение клиента за услугой в компанию.

Удержание существующих потребителей в противовес привлечению новых является целью маркетинга отношений. В литературе (Ф. Котлер, Ж.-Ж. Ламбен) определяют маркетинг отношений (взаимоотношений) как совокупность практических приемов удержания потребителей. На базе этого подхода можно говорить и о формировании лояльности [1]. «Лояльный» от фр., англ. loyal – верный [2].

Широко признан тот факт, что лояльность является определяющим фактором долгосрочного финансового успеха организации, поэтому необходимо постоянно поддерживать обратную связь с клиентами, сохраняя уровень их лояльности. Опыт показывает, что сегодня наиболее развитые компании остро ощущают потребность в стратегии дифференциации – обеспечении лояльности за счет индивидуализации клиентских отношений. При этом главной проблемой остается понимание потребностей клиента, что требует обеспечения коллегиальной работы «на клиента» всех функциональных подразделений компании.

Возможными задачами по формированию лояльного клиента и внедрения программ лояльности, на наш взгляд, можно считать: закрепление постоянного клиента, материальное и психологическое поощрение клиента в зависимости от активности, персональное обращение к клиенту с учетом его характеристик, увеличение размера разовых покупок постоянного клиента, дополнительные продажи новых услуг.

Под «лояльностью» мы подразумеваем взаимодействие. Это долгосрочные отношения потребителей с компанией. Взаимоотношения существуют в том случае, когда потребитель нео-

Таблица

Результаты реализации клиенториентированных стратегий

Критерий	Результат, %
Увеличение количества повторных покупок	66%
Снижение затрат	81%
Снижение потерь клиентов вследствие неудовлетворенности	77%
Привлечение новых клиентов	51%
Повышение продуктивности	80%
Ускорение вывода новых продуктов и снижения рисков	46%
Снижение риска потери клиентов, связанного с уходом менеджера	76%

© Л.Ю. Малоземова, 2006

днократно вступает во взаимодействие с компанией, воспринимает наличие этих взаимоотношений, при этом обе стороны имеют обязательства друг перед другом, доверяют друг другу и нацелены на взаимовыгодное сотрудничество.

В рамках построения системы лояльности приоритетным становятся: интенсификация внутренней благожелательности клиента по отношению к услуге, увеличение полезности услуги, усиление интенсивности контактов. Лояльность выступает ключевым элементом бизнес-управления, бизнес-структуры.

Опыт западных организаций позволяет делать утверждение о лояльности как об активе компании. Базовым принципом построения взаимоотношений с микроокружением организаций, принятым на Западе, является принцип клиенториентированности, то есть соответствие ожиданиям микроокружения, основанный также на техниках формирования клиентской лояльности. Результаты реализации клиенториентированных стратегий представлены в таблице [3].

Таким образом, разработка системы лояльности выступает как механизм формирования устойчивого долгосрочного актива в каждой компании.

Библиографический список

1. *Kotler Ph.* Marketing Management: analysis, planning, implementation, and control, 8 the Edition, 1994.

2. Словарь иностранных слов. – М., 1985. – С. 285.

3. *Райкхельд*. Эффект Лояльности. – Harvard Bisiness Scholl Press, 1996.

Л.И. Кочурова, Г.Р. Сабецкая

ПОЯВЛЕНИЕ МАРКЕТИНГА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Колоссальная перестройка производственных отношений и всего хозяйственного механизма на Западе после Великой депрессии привела к тому, что рынок продавца стал постепенно трансформироваться в рынок покупателя. На первый план стали выдвигаться требования экономических законов. Именно в капиталистических странах сформировались первые принципы, провозгласившие приоритет законов рынка, которые нашли отражение в маркетинге.

Рождение маркетинга в эволюционном процессе есть не что иное, как выраженная обществом потребность в познании законов рынка и в согласованной с ними деятельности.

Серьезного внимания заслуживают 30-е годы XX столетия – тот период капиталистического развития, когда образовалась вынужденная ситуация, при которой зависимость от рынка перешла в потребность управлять им. Перед капитализмом встала дилемма: либо терпеть поражение, либо обновляться в новом качестве. Это был переломный исторический момент, с которого мировая экономика была вынуждена повернуться лицом к потребителю.

Этому историческому моменту обязан своим рождением маркетинг. Началась эпоха постепенного превращения производственных отношений в производительные силы, а это уже посткапитализм.

Идея маркетинга в мировой экономике возникла как объективная необходимость. Специфика рыночных отношений такова, что они рассчитаны на удовлетворение не всех человеческих потребностей, а лишь тех, которые подтверждены платежеспособным спросом. Маркетинг же предполагает производство товаров и услуг под платежеспособные потребности общества.

Маркетинг появился в конце XIX столетия, но только под влиянием мирового кризиса началась ускоренная эволюция рыночных отношений, в результате которой он начал формироваться в науку о рынке.

Маркетинг требует деятельности субъектов рынка в рамках его законов. Как только предприятия выходят за границы, обусловленные экономическими законами, начинает работать конкуренция.

Конкуренция – своеобразная власть рынка над его субъектами. Она возникла от неразвитости рынка и выполняет свою положительную историческую функцию – приводит экономические процессы к общественно пропорциональной мере.

Конкуренция – это экономический инструмент рынка, точнее инструмент самонастройки рыночного механизма. Пока общество не овладеет законами рынка и не сможет встать над экономической ситуацией, у него не будет другой власти, кроме конкуренции.

© Л.И. Кочурова, Г.Р. Сабецкая, 2006

В передовых странах конкуренция уже не двигатель экономики: «Классические утверждения о том, что прибыли компаний и богатство наций порождаются конкуренцией, сегодня нуждаются по меньшей мере в проверке, по большей – в пересмотре. Факты свидетельствуют о том, что в современном мире не конкуренция, а кооперация и сотрудничество компаний становится основой их делового успеха и процветания»[1]. «Существует растущая тенденция обращаться к правительству для преодоления сложностей конкуренции», – отмечает авторитетный специалист в области анатомии конкуренции М. Портер[2].

Маркетинг как система деятельности, направленной на рынок, не зависит от форм собственности. Он означает, что производство и обмен базируются на основе общественно необходимых затрат, а если продукт деятельности частной, корпоративной, индивидуальной или государственной собственности не попадает в орбиту общественно необходимого, то у такого деятеля рынка появляются серьезные проблемы со сбытом. При этом форма собственности здесь не имеет никакого значения.

Маркетинг – далеко не свободное предпринимательство, как его иногда истолковывают в экономической литературе. Свободное предпринимательство возможно до определенных пределов, пока объемы произведенной продукции и затраты на нее не вышли за границы общественно необходимых.

Если на продукт пошло общенациональных ресурсов больше, чем общественно необходимо, рынок их не возместит и может разрушить любое предприятие: будь то частное, корпоративное или государственное. Если меньше – будет процветать даже малопроизводительное хозяйство, потому как можно играть на повышении цен.

Маркетинг ориентирует субъектов производственно-торговой сферы на то, чтобы они изначально работали на рынок. Это своеобразная приспосабливаемость к рынку. Она означает, что деятельность на рынке согласовывается с экономическими законами до начала производственных и торговых процессов. Однако приспосабливаться можно эмпирическим и научным путями.

Эмпирический маркетинг – когда покупатели и продавцы сами ищут друг друга и сами определяют объем необходимых к производству и продаже товаров. Для эмпирической приспосабливаемости характерны: самостоятельные исследования рынка, самостоятельное планирование товара и продвижение его на рынок – такой фирменный характер носит маркетинг сегодня. Поэтому, чтобы привести предпринимательство к общественно пропорциональной мере, требуется конкуренция. Но работа конкуренции неминуемо сопровождается банкротствами, разрушениями, кризисами.

Если планом сознательно предусмотреть необходимую пропорциональность в производстве и согласовать деятельность предприятий с законами рынка до начала процессов производства и торговли, то будет научный способ приспособления к рынку в масштабах общенациональной' экономики – макромаркетинг. Таким маркетингу предстоит стать в будущем.

Маркетинг – наука, с помощью которой человечество сделает прорыв в будущее к научным основам регулирования национальных экономик. Маркетинг сыграет свою роль в избавлении общества от большого количества экономических посредников. По мере его совершенствования экономического механизма государства научатся согласовывать свои действия с законами рынка.

Пришло время, когда человечество стало испытывать потребность в силе, которая могла бы противостоять рыночной стихии и ею оказался маркетинг. Он нацеливает на производство «ради обмена», во главу угла ставит механизм управления. Эволюционный процесс, направленный самой жизнью на сознательное управление экономикой через согласование, деятельности субъектов рынка с его законами и этот процесс идет благодаря маркетингу.

С рождением маркетинга началась история преодоления господства закона спроса и предложения. Труд постепенно приобретает адресный характер.

Однако маркетинг еще не владеет необходимой методологией на макроуровне. Это пока еще проблема экономической науки и практики. В условиях развитого рынка решающее значение будет иметь не форма собственности, а механизм управления ею На макроуровне рыночные механизмы легче включать, если на их пути нет препятствий в виде многочисленных частнособственнических интересов. Проблему макромаркетинга в мировой экономике российская наука не сумела увидеть. К сожалению, она восприняла только то, что лежит на поверхности – организационный аспект маркетинга и отчасти управленческий, без глубо-

кого осмысления сути этого явления. Поэтому экономическая политика в России и не продвинулась вперед. Напротив – откатилась назад, к начальному этапу развития рыночной экономики, от которого передовые страны давно уже ушли.

Тем не менее, будущее за макромаркетингом. Общенациональные и региональные государственные органы управления экономикой на основе макромаркетинга будут осуществлять управление товаропотоками сырья, материалов, оборудования, а также потребительский товаров наиболее эффективным путем с оптимальными затратами общественных ресурсов с помощью информационных технологий.

Примечания

[1] *Ефремов В.С.* Новый мир менеджмента // Менеджмент в России и за рубежом. – 1998. – №2. – С. 8.

[2] *Портер М.* Международная конкуренция: Пер с англ. / Под ред. В.Д. Щетинина. – М.: Международные отношения, 1993. – С. 797.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Е.Н. Приступа

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Воспитание всесторонне развитой, гармоничной, здоровой личности остается главной целью современного исторического этапа социального развития.

Деятельность социального педагога (социального работника в сфере образования) направлена, в том числе, на формирование социального Здоровья личности ребенка. Представляемая модель (от латинского *modulus – мера, образец*) будет являться аналогом определенной социальной реальности. Модель будет носить описательно-функциональный характер, дающая представление о сути, структуре, основных элементах педагогической практики.

Под с*оциальным здоровьем личности ребенка* мы понимаем *такое* состояние человека, при котором его биопсихические возможности способствуют установлению равновесия с социальной средой путем адаптации и конструктивной активизации в ней, следуя нравственным социальным нормам.

Данная социально-педагогическая модель включает структурные элементы, которые носят универсальные характер, соответствующие компонентам педагогической системы.

Структура социально-педагогической модели по формированию социально-здоровой личности ребенка:

1. Целевой – определение цели формирования социально здоровой личности воспитанника. Включает в себя стратегические и тактические цели и задачи, которые реализуются в определенных социальных условиях.

2. Мотивационный – совокупность мотивов, потребностей, интересов, направленности личности воспитанника.

3. Содержательный – разработка содержания социально-психологической адаптации, социализации, социального воспитания и социального развития ребенка. Определяет всю совокупность формируемых социальных отношений, ценностных ориентаций человека, опыта деятельности и общения, социальных знаний, умений, навыков.

4. Операционно-деятельностный – процедуры по социальному воспитанию и взаимодействию участников педагогического процесса, характеризует формы, способы, средства организации и осуществления воспитательного взаимодействия, направленного на реализацию поставленных целей и задач.

5. Оценочно-результативный – проверка, оценка и анализ результатов формирования социально здоровой личности ребенка.

6. Ресурсный – отражает социально-экономические, нравственно-психологические, санитарно-гигиенические и другие условия протекания педагогического процесса, его нормативно-правовое, информационно-методическое, кадровое, материально-техническое, финансовое обеспечение.

Схематично представленная модель может иметь вид (см. рис.).

Поскольку системообразующим компонентом педагогической деятельности специалиста с клиентом является компонент цели, то необходимо правильно фиксировать информацию, получаемую в процессе обследования, профилактики и коррекции.

1. Информация, отражающая работу по изучению, анализу и диагностике каждого конкретного случая: база данных о клиенте, его семье, условиях жизни, перечень проблем. Эта информация направляется на индивидуализацию случая, составляется во время приема, посещения на дому, в результате предоставления определенной информации, обследования, заполнения бланков, форм. По мере выявления и решения новых задач и промежуточных действий в эти перечни заносится новая информация, заставляющая пересматривать исходные программы, модернизировать сведения, планировать новые мероприятия.

2. Информация, отражающая процесс обслуживания, организации помощи ребенку с деформациями социального здоровья, способствующая координации услуг профессионалов, направляющаяся на исполнителей различных уровней социального взаимодействия. Содержание дан-

© Е.Н. Приступа, 2006

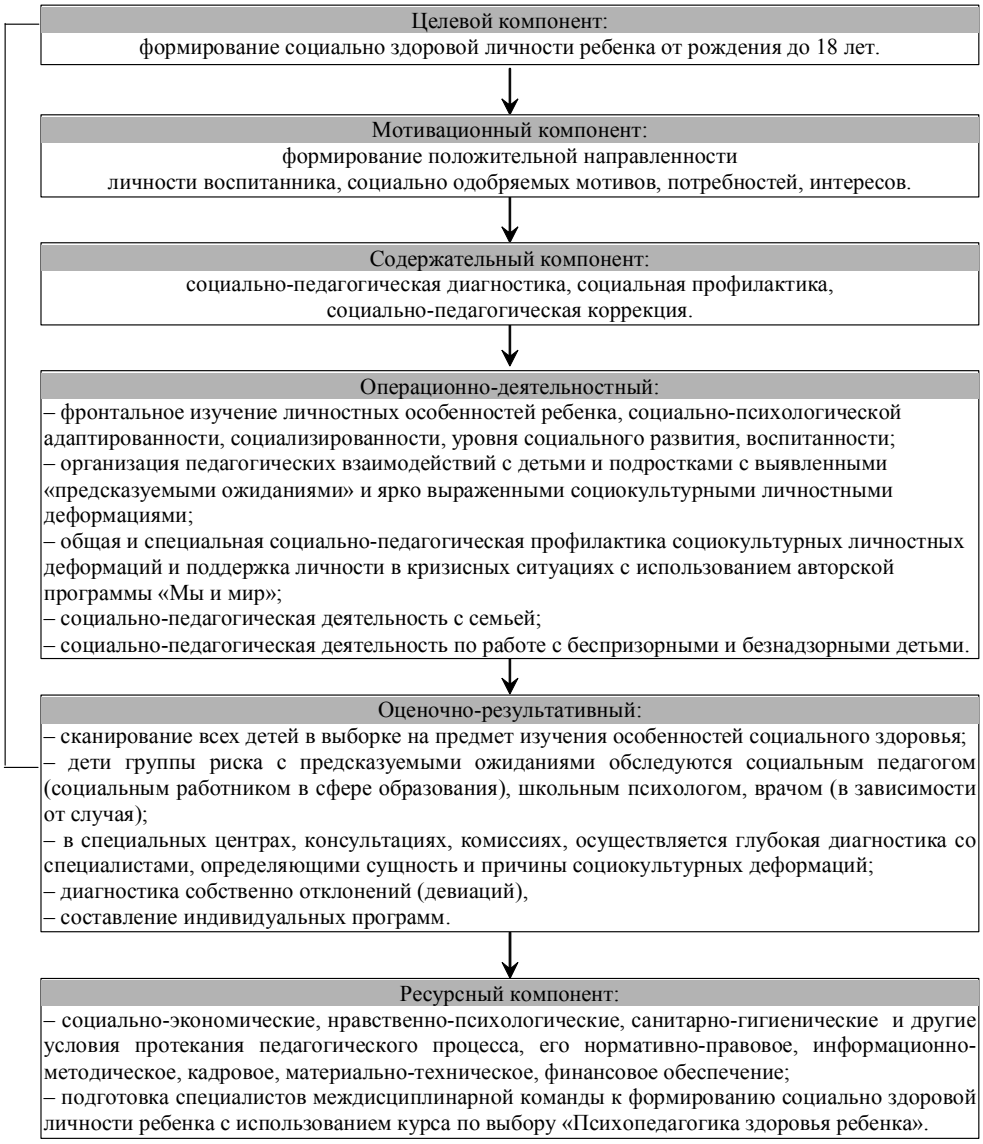

Рис. Социально-педагогическая модель формирования социально-здоровой личности воспитанника

ной части строится как определение стратегий формирования социального компонента здоровья, помощи и поддержки, фиксация процессов принятия решений, результатов обсуждений, включая официальные распоряжения, реализацию постановлений, осознание перспектив и систем совместных действий по формированию социально здоровой личности ребенка.

3. Заключительная запись о достигнутом процессе. Это – резюме, ставящее точку, содержащее основные выводы о результатах проведенной работы, которым закрывается дело.

Формами работы по воспитанию социально здоровой личности ребенка являются: социально-педагогические тренинги, социально-педагогические консультации, классные часы, уроки

Социально-педагогическая деятельность, направленная на формирование социально здоровой личности ребенка, включает несколько ступеней: социально-педагогическую диагностику, социальную профилактику, социально-педагогическую коррекцию.

Социально-педагогическая диагностика. Деятельность социального педагога направлена на

оказание ребенку всех видов помощи, в том числе социально-психологической и социально-педагогической помощи. Первый вид помощи направлен на создание благоприятного микроклимата в семье и микросоциуме, где развивается ребенок, устранение негативных воздействий дома, в школьном коллективе, затруднений во взаимоотношениях с окружающими, в профессиональном и личном самоопределении. Второй вид помощи заключается в создании необходимых условий для реализации права родителей на воспитание детей, преодоление педагогических ошибок и конфликт-

Таблица

Содержание профессиональной деятельности социального педагога в сфере личного социального здоровья ребенка

№	Направление деятельности социального педагога	Содержание	Категория детей
1.	Фронтальное изучение личностных особенностей ребенка, социально-психологической адаптированности, социализированности, уровня социального развития, воспитанности	Мониторинг социального здоровья ребенка (наблюдение, беседа, экспертная оценка, интервьюирование, анкетирование, изучение документов, контент-анализ, анализ продуктов деятельности, опрос экспертов, социальный анамнез и др.).	Все дети
2.	Организация педагогических взаимодействий с детьми и подростками с выявленными «предсказуемыми ожиданиями» и ярко выраженными социокультурными личностными деформациями.	Определение личностной перспективы ребенка.	– дети, посещающие общеобразовательные учреждения и воспитывающиеся в неблагополучных семьях, – дети, воспитывающиеся специалистами пенитенциарной системы, – беспризорные и безнадзорные дети.
		Демонстрация ребенку групповой поддержки.	
		Статусное перемещение.	
		Коррекция выявленных симптомокомплексов.	
		Разработка и реализация программ коррекции.	
		Анализ результатов коррекционной работы с ребенком[1].	
3.	Общая и специальная социально-педагогическая профилактика социокультурных личностных деформаций и поддержка личности в кризисных ситуациях.	Переориентация критериев результативности целостного педагогического процесса.	Все дети
		Создание психолого-педагогических, социально-педагогических, социально-гигиенических условий гуманизации педагогического процесса.	
		Освоение личностно-ориентированной модели взаимодействия с детьми.	
		Рациональная организация педагогического процесса.	
		Анализ педагогического взаимодействия дошкольного / школьного образовательного учреждения и семьи.	
		Разработка и реализация социально-педагогических программ «Сверстники», «Родители», «Адаптация» и др., программ по профилактике делинквентного и аддиктивного поведения, а также их координация.	
		Анализ эффективности программ.	

Окончание таблицы

4.	Социально-педагогическая деятельность с семьей	Социально-педагогическая диагностика семьи.	– дети, посещающие общеобразовательные учреждения и воспитывающиеся в гармоничных семьях, – дети, посещающие общеобразовательные учреждения и воспитывающиеся в неблагополучных семьях, – дети с недугами, ограниченными возможностями, инвалидностью, – семьи опекунов, патронажные семьи и т.д.
		Социально-педагогическое семейное консультирование.	
		Социально-педагогическая деятельность с неблагополучными семьями.	
		Социально-педагогическая деятельность с детьми, имеющими нарушения в физическом и / или психическом развитии, здоровье.	
		Социально-педагогическая деятельность с семьями со структурной или психологической деформациями.	
5.	Социально-педагогическая деятельность по работе с беспризорными и безнадзорными детьми	Социальная деятельность по выявлению беспризорных и безнадзорных детей и постановка их на учет в органы социальной защиты	беспризорные и безнадзорные дети
		Социально-педагогическая деятельность с девиантными детьми (с делинквентным, аддиктивным поведением)	
		Социально-педагогическая деятельность по социально-психологической реабилитации.	
		Социально-педагогическая деятельность по воспитанию, перевоспитанию, образованию детей и подростков.	

Примечание: [1] *Овчарова Р.В.* Справочная книга социального педагога. – М.: ТЦ «Сфера», 2001. – С. 247–248.

ных ситуаций, порождающих беспризорность и безнадзорность, на обеспечение развития и воспитания детей в семьях группы риска.

Социальная работа классных руководителей о детях осуществляется в рамках специальных программ социальной адаптации: «Здоровье и физическое развитие», «Трудный подросток», «Семья и дети». Формирование социально здоровой личности ребенка зависит от правильно организованных психолого-педагогических условий. Это, прежде всего, система семейного воспитания и характер педагогического процесса в дошкольных учреждениях и школах. Они могут, как способствовать, так и препятствовать полноценному развитию ребенка, его социальной адаптации. Оказывая социально-педагогическую поддержку ребенку, специалист параллельно работает с педагогами, группой сверстников и родителями ребенка. Особенности этой работы меняются в зависимости от возраста детей.

Социально-педагогическая диагностика предполагает отслеживание динамики социогенеза личности, определение причин его нарушений (изучение особенностей социальной адаптации воспитанников, изучение направленности личности ребенка, составление индивидуальных карт социального развития, диагностика социальных сетей и индивидуальной социальной ситуации развития детей, диагностика общения детей со взрослыми и сверстниками, диагностика отклонений в социальном поведении и их причин, диагностика причин неуспешности в овладении социально-бытовыми умениями и навыками).

Социальная профилактика заключается в предупреждении возможных нарушений в социальном развитии, социальной адаптации, воспитании детей, создание условий для полноценного личностного развития.

Социально-педагогическая коррекция решает задачу активного воздействия на процесс социализации личности, социального развития, адаптации; использования программ социального воспитания и социально-педагогической реабилитации.

На основании теоретического анализа проблемы формирования социально здоровой личности ребенка определим содержание профессиональной деятельности социального педагога в сфере личного социального здоровья.

При профессиональной подготовке будущих социальных педагогов, социальных работников, психологов предлагаем использовать разработанный нами курс по выбору «Психопедагогика здоровья ребенка».

Таким образом, при реализации данной социально-педагогической модели формирования социально здоровой личности ребенка, посещающего образовательные учреждения, необходимо учитывать следующие социально-педагогические и психолого-педагогические условия:

– специальная подготовка специалистов к формированию всесторонне развитой, гармоничной, здоровой личности ребенка от рождения с учетом возрастных и индивидуальных особенностей;

– психолого-педагогическое просвещение родителей в вопросах воспитания здорового ребенка;

– социально-педагогическая коррекция неконструктивных детско-родительских отношений;

– личностно-ориентированное обучение и воспитание в образовательных учреждениях;

– психолого-педагогическое сопровождение ребенка с предсказуемыми ожиданиями группы риска;

– междисциплинарное взаимодействие специалистов (социального педагога, классного руководителя, воспитателя, учителя-предметника, психолога, врача и других) по психолого-педагогической и социально-педагогической коррекции социокультурных личностных деформаций воспитанника;

– использование всех возможных социально-педагогических технологий по профилактике асоциального поведения;

– согласование действий всех социальных служб для помощи ребенку, попавшему в трудную жизненную ситуацию;

– использование всего спектра форм, методов, содержания социально-психологической адаптации ребенка, его социализации, социального воспитания и социального развития.

Библиографический список

1. *Алешкина Н.С.* Здоровье младшего школьника, пути и способы его сохранения: Метод. рекомендации. – Пенза: ПГПУ, 1999.

2. *Ананьев В.А.* Введение в психологию здоровья: Учеб. пособие. – СПб.: Балт. пед. акад., 1998.

3. *Ахмадеев А.А.* Социальная адаптация в контексте семьи: социально-философский анализ / А.А. Ахмадеев, А.А. Ширяева. – Уфа: Изд-во БГТУ, 2001.

4. *Белгарокова Н.М.* Социология девиации: проблемы становления. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2005.

5. *Богомолова Л.В.* Здоровьесохранные процессы в образовательном учреждении: содержание и перспективы. – М., 2004.

6. *Большова Т.Е.* Социальное здоровье населения как цепь функционирования института социальной работы: Автореф. дис. … канд. социол. наук. – Саратов, 1997.

7. *Овчарова Р.В.* Справочная книга социального педагога. – М.: ТЦ «Сфера», 2001.

8. *Овчинникова Г.Г.* Социально-психологическая адаптация как фактор становления Я-концепции подростков: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1997.

9. Школа социального успеха: Опыт разработки и реализации образоват. проекта / Н.В. Белобородов, Л.И. Клочкова, Л.П. Кузнецова и др. – М.: МГУП, 2002.

О.Ю. Крылова

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА НА РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОГО ТВОРЧЕСТВА УЧАЩИХСЯ

На пути модернизации российского образования в основе лежат идеи гуманистического воспитания направленные на развитие целостной личности, где на первый план выступает ценность человека, которая воплощена прежде всего в его индивидуальности, уникальности, неповторимости, что неразрывно связано с проблемой творчества.

Проблема развития речевого творчества детей средствами искусства является актуальной на протяжении многих лет, привлекая внимание многих исследователей и педагогов в этом направлении, так как речь играет уникальную роль в становлении и развитии личности человека, начиная с дошкольного детства, одновременно являясь важнейшим средством человеческого общения, познания действительности служащая основным каналом приобщения ребёнка к ценностям духовной культуры, выступая необходимым условием воспитания и обучения.

Как показали многолетние наблюдения за процессом речевого развития младших школьников, что у большинства детей не развита способность правильно воспринимать художественную информацию, адекватно выражать в слове эмоционально-чувственную отзывчивость, недостаточно сформированы умения связности речи на основе восприятия эмоциогенного и эстетически ценного объекта, а также недостаточно развита способность словесно описывать художественный образ, используя в речи изобразительно-выразительные средства языка; дети испытывают трудность в проявлении творческого воображения через речевое высказывание-это свидетельствует о том, что в последнее время не достаточно уделяется внимание роли искусства в речевом развитии детей.

По мнению многих исследователей в области педагогики, психологии, лингвистики (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Л.И. Божович, Д.Б. Богоявленская, Л.С. Выготский, Н.В. Гавриш, Л.Н. Колунова и др.) именно произведения искусства, в частности живопись, музыка и литература признано, как одно из действенных средств способствующее формированию и развитию целостной, активно-творческой личности, реализующей свои индивидуальные и интеллектуальные возможности в творческой деятельности – речи, при этом повышая духовную культуру человека.

Исследователи подтверждают и тот факт, что развитие речевого творчества необходимо осуществлять в период дошкольного и младшего школьного возраста, так как происходит активное становление и развитие таких психических процессов, как: мышление, воображение, речь, память, восприятие, эмоционально-чувственной сферы. Применение эффективных средств, в частности произведений искусства, как: живопись, музыка и литература в процессе обучения, оказывает позитивное влияние на проявление интеллектуальных напряжений при создании творческих продуктов.

Общаясь с педагогами начальных классов, мы пришли к выводу, что необходимо найти новые формы, методы и приёмы обеспечивающие речевое развитие, в т.ч. и творческое развитие эффективно используя средства искусства в учебном процессе. Данную работу в этом направлении необходимо начинать уже с дошкольного возраста, сохраняя принцип преемственности в обучении.

Подходя к этой проблеме, мы разработали технологию обучения, представляющую собой целенаправленный процесс способствующий эффективности развития речевого творчества детей средствами искусства, который в свою очередь является подготовительной ступенью в развитии устной и письменной речи (написание изложений, сочинений, рефератов, творческих работ) учащимися в средних и старших классах.

Целью содержания обучения являлось:

– вызвать интерес к художественному образованию;

– развитие эмоционально-волевой сферы;

– развитие познавательной активности;

– развитие творческой индивидуальности;

– воспитание эстетической культуры.

В процессе обучения решались следующие частные задачи:

1. Учить детей правильно воспринимать художественную информацию, адекватно выражая в слове эмоционально-чувственную отзывчивость.

© О.Ю. Крылова, 2006

2. Формировать умения связно создавать речевые высказывания на основе восприятия эмоциогенного и эстетически ценного объекта.

3. Развивать способность словесно описывать художественный образ, для чего уметь использовать экспрессивную лексику, эмоционально-выразительные слова, самому отбирать уникальные языковые средства для передачи собственных впечатлений.

4. Способствовать развитию творческого воображения через речевое высказывание детей.

Процесс обучения осуществлялся на уроках развития речи. Содержание включало разработанные тематические уроки, которые были разделены на 4 цикла имеющую свою определённую тематику: «Красота вокруг нас», «Природа и искусство», «Воспитываем искусством», «Волшебные узоры России».

Для достижения эффективности речевого развития, проявления творческой активности у учащихся, на уроках применялись такие художественные произведения, которые отвечали следующим критериям:

– высокохудожественная ценность произведения;

– доступность уровню восприятия детей;

– возможность в понимании средств художественной выразительности и использовании их в речи ребёнка;

– критерий эстетического предпочтения, который обеспечивал положительный настрой для полного проникновения в художественную реальность.

Уроки проводимые с учениками проходили не в обычном школьном классе, а в специальной созданной обстановке «Комната искусств», которая помогала ученику войти в мир художественных образов, увидеть и ощутить единство и гармонию окружающих его предметов.

«Комната искусства» оформлялась как по циклам, так и по темам уроков.

В качестве примера, проиллюстрируем урок с учениками 3 класса по теме «Вальс цветов».

Целью урока являлось создание речевого высказывания на основе проявления творческого воображения.

Для реализации данной цели ставились следующие задачи:

– развивать творческое воображение и образность мыслей;

– совершенствовать умение в построении связной речи;

– активизировать словарь учеников с помощью разнообразных лексических средств;

– воспитывать эстетическую культуру чувств.

В качестве дидактического материала были выбраны следующие художественные произведения:

– музыкальный фрагмент из балета «Спящая красавица» композитора П.И. Чайковского «Вальс цветов»;

– репродукция картины художника А. Пластова «Колокольчики и ромашки»;

– стихотворения русских поэтов о цветах.

В начале урока учитель проводит вступительную беседу:

Дети, природа удивительна и неповторима своим многообразием, своей красотой. Каждый день, каждый час, каждое мгновение мы наслаждаемся её волшебной силой, умением раскрывать тайны природы.

Посмотрите вокруг. Что необычного вы видите в нашей комнате? (много различных растений).

Где можно встретить эти растения? (в лесу, в саду, на лугу).

Назовите их (колокольчики, ромашки, гвоздики, васильки, луговая травка и т.д.).

Эти растения не похожи друг на друга, каждый цветок, каждая травинка красива по-своему. Растения могут разговаривать с нами на языке чувств. Посмотришь на ромашку или на белоствольную берёзку, или на золотой колосок качающийся в поле, так и охватывают тебя чувства радости, счастья, безграничной любви к этой красоте, поэтому необходимо её беречь.

Расскажите о том, какие цветы вам больше нравятся? Почему?

Приведём примеры некоторых высказываний учеников:

Мне нравятся весенние цветы-одуванчики. Их жёлтые головки похожи на маленькое солнышко. Смотришь на пушистый цветок, и сразу становится радостно. // Из всех цветов мне нравится белая луговая ромашка. Словно яркие звёздочки, рассыпались эти цветы по всему лугу. Этот цветок очень нежный и красивый. Я часто любуюсь этим цветком и т.д.

Дети, вы хотите побывать на летнем лугу и увидеть эти цветы? В этом нам поможет художник А. Пластов и его картина «Колокольчики и ромашки» (ученики самостоятельно рассматривают репродукцию картины).

Блок вопросов, задаваемых ученикам, отражал образное видение воспринимаемого объек-

та, эстетическое отношение к нему.

Что изобразил художник на своей картине? (Художник изобразил красивый летний луг. Белые, голубые, розовые, жёлтые цветы рассыпались по всему лугу. Зелёная, мягкая трава закрывает каждый цветок от яркого солнышка).

Каким увидел художник летним луг? (красивым / ярким / праздничным / сказочным / волшебным / он играл разными красками и т.д.).

Какое настроение чувствуется в картине? (эта картина наполнена радостным / весёлым / ликующим / бодрым настроением, чувством и т.д.)

Какие краски подчёркивают красоту этой картины? (ярко-розовые / нежно-красные / бело-голубые / зелёные / жёлтые краски говорят о красоте летнего луга).

Какие чувства вызывает у вас этот пейзаж? (этот пейзаж вызывает у меня радостные и светлые чувства / я чувствую нежный аромат летнего луга и т.д.).

Учитель предлагает ученикам выполнить задание творческого характера: придумайте название этой картине.

Ученики дали следующие названия картине: Красивый луг / Волшебный луг / Сказочный луг / Удивительные цветы / Очаровательные цветы / Луговая сказка и т.д.

Для обогащения образного видения воображаемого объекта и наблюдение над языковыми средствами ученикам предлагалось послушать стихотворения русских поэтов о цветах.

Какими словами описывают поэты цветы? Найдите их в тексте (одуванчик белоголовый / цветок пушистый / весёлых, голубых / колокольчики мои / цветики степные).

Придумайте образные слова для описания цветка. Как можно сказать про эти цветы? (серебристый колокольчик / Золотой одуванчик / Кудрявая ромашка / Весёлый василёк / Гордый одуванчик / и т.д.).

Подберите слова, которые передают красоту этих цветов? (изумительный / восхитительный / сказочный / великолепный и т.д.).

Для развития творческого воображения через речевое высказывание и проявление детьми творческой активности учитель предлагает творческую игру: «Составь рассказ-загадку». Игра проводится по подгруппам. Первая подгруппа учеников составляет рассказ-загадку, вторая подгруппа учеников отгадывает загадку. Затем подгруппы меняются заданиями. Выигравшая подгруппа считается та, которая более точно смогла составить рассказ-загадку и правильно отгадать. Приведём пример рассказа-загадки составленного учениками:

Этот цветок растёт на лугу, но его можно встретить и в лесу. Нежные, голубовато-синие лепестки цветка похожи на кудри. Часто лепестки цветка сравнивают с красивой голубой шапочкой. Когда дует лёгкий ветерок, то можно услышать, как он звенит. За его нежный звон этот цветок называют…как? (колокольчиком) и т.д.

Учитель предлагает послушать музыкальный фрагмент композитора П.И. Чайковского «Вальс цветов», который помогал ученикам проникнуться воображаемым образом и обогатить чувства и образные представления.

Закройте глаза, раскиньте руки и пусть звуки музыки, и аромат цветов понесут вас на летний луг. Создать настрой на активную, образно-мыслительную деятельность позволяла воображаемая ситуация: *Представьте, что вы попали на летний луг. …Пройдёшь босиком по такому лугу, почувствуешь великолепный аромат цветов, упадёшь на спину, закинешь голову, раскинешь руки и… понесут тебя звуки душистой травы в заколдованную сказку цветов…*

Вопросы после прослушивания музыкального фрагмента:

Какая музыка по своему характеру прозвучала? (нежная / немного игривая / ласковая / волнительная и т.д.).

Какие чувства испытывали вы когда слушали эту музыку? (нежности / трепета / волнения / очарования и т.д.).

Какую картину природы помогла вам изобразить музыка?

Учитель предлагает ученикам выполнить работу в творческих альбомах по теме урока: составить рассказ по своему рисунку, дать ему название.

Приведём примеры некоторых творческих рассказов учеников.

Сказочный луг

Однажды солнечным утром я оказалась на сказочном лугу. Чудесные, летние цветы уже раскрыли свои причудливые лепестки. Маленькие капельки росы, словно слёзки, поблёскивали на цветах. Дунул лёгкий ветерок и поплыл над лугом душистый аромат. Зазвенели голубые колокольчики, приветливо наклонили свои белые

головки ромашки. Игривые пчёлы кружились над каждым цветком.

Сколько радости и удовольствия дарят эти прекрасные цветы.

Иванова Н. (3 кл.)

Удивительный цветок

На сказочной летней поляне вырос удивительный цветок колокольчик. «Какой прекрасный день!», – сказал цветочек. Солнечный лучик нежно ласкал его лепестки. Подул нежный ветерок, и закачался, зазвенел голубой цветок. Своим хрустальным звоном разбудил все цветы на поляне. «Посмотрите, какой красивый наряд у нашего друга, словно кусочек синего неба», – весело говорили цветы. Обрадовались цветы новому другу и закружились в весёлом летнем танце.

Савельева И. (3 кл.)

Ученики с большим удовольствием выполняли различные творческие работы по темам уроков, например: создавали аппликацию из сухих листьев, делали поделки из природного материала, придумывали рассказы или сказки, сочиняли стихи.

Применение в процессе обучения разнообразных форм работы, таких как: экскурсии в музеи, на природу, уроки с элементами развлечения, литературные викторины, конкурсы-выставки детских творческих работ способствовали повышению мотивации у детей в проявлении творческой индивидуальности.

Итак, как показал опыт работы, что использование произведений искусства на уроках развития речи помогает ученику не только увидеть, услышать, понять и почувствовать богатство и разнообразие окружающего мира, познакомиться с культурным наследием России, с его народными обычаями и традициями, которые несут в себе эстетическую культуру, но и развивает умение находить и активно использовать в речи изобразительно-выразительные средства языка, красиво стилистически излагать свои мысли и чувства, при этом повышая речевую культуру детей.

Е.С. Лоцман

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ УЧИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

Современные тенденции общественного развития характеризуются обращением к общечеловеческим, гуманистическим ценностям и идеалам, реализация которых осуществляется в системе школьного образования. В современных условиях гуманизм как цель, содержание, результат образования приобретает особую актуальность. Гуманизация системы образования как тенденция развития общественного сознания продекларирована в Концепции модернизации российского образования до 2010 года.

Процесс гуманизации образования должен осуществляться в соответствии с изменениями, обусловленными возрастными и индивидуальными проявлениями школьника. На каждой ступени возрастного развития этот процесс имеет свои особенности [1]. В то же время он строится на общих основаниях, которые могут быть обозначены как идеи личностно-ориентированной гуманистической педагогики. Каждый учебный предмет, имеет в этом плане свои определенные возможности, обусловленные его содержанием.

В работах отечественных и зарубежных ученых представлены плодотворные идеи о влиянии музыкального искусства на развитие личности. Реализация этих возможностей в школе во многом определяется деятельностью учителя, его ориентацией на решение воспитательных задач средствами своего предмета, в данном случае – музыки. Насколько современно учитель музыки ориентирован на решение этих задач, озабочен поисками путей и способов использования в этом плане всего ее богатства, насколько он осведомлен о ценностных ориентирах своих учеников – школьников – подростков, верит ли он в возможности влияния на них средствами своего предмета и пытается ли эти возможности использовать – на все эти вопросы отвечает проведенное нами микроисследование.

© Е.С. Лоцман, 2006

Это был опрос 60 учителей музыки, работающих в школах г. Петрозаводска и республики Карелия [2]. Исследование дополняли наблюдения уроков музыки, всего 120 уроков в 5–6-х классах.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство учителей (80% участвующих в опросе) высоко оценивают возможности своего предмета для ориентации школьников на гуманистические ценности и считают, что эти возможности могут быть использованы на уроках музыки в зависимости от их содержания. Конкретизируя эти возможности, 70% учителей вычленяют особенности влияния музыки на эмоциональные состояния, обогащение эмоционально-нравственного опыта школьников. Однако при этом только 10% опрошенных видят в содержании музыкального искусства гражданскую направленность и стремятся ее реализовать на своих уроках.

Следующей из задач диагностирования мы считали оценку отношения учителей к ценностным ориентациям подростков. Результаты показали, что большинство учителей видят основные ценностные ориентации подростков, как направленные на собственную реализацию (40%), направленные на материальные ценности (95%), направленные на отношение к знаниям (60%), лишь 10% отметили ценности, направленные на отношение к Родине, и 5% ценности, направленные на отношение к людям, обществу. С целью уточнения полученных данных мы просили некоторых учителей прокомментировать данные, зафиксированные в ответах, и пришли к выводу, что учителя видят закономерные источники основных противоречий в данной проблеме в кризисе современного общества, в значимости в сознании людей материальных ценностей. Все это, по мнению учителей, определяет ценностное пространство современных школьников уже на этапе младшего подросткового возраста, создает значительные трудности воспитательной деятельности.

В процессе анкетирования нас интересовало, анализируют ли сами учителя музыкальные интересы подростков. 86% опрошенных – ответили положительно. Как известно, чаще всего современные подростки увлекаются так называемой поп-культурой (сленговое название массовой культуры), которая, как правило, обладает меньшей художественной ценностью, чем подлинная культура, то, что называется серьезной музыкой. Мы просили учителей оценить отношение современного учащегося к серьезной музыке. Было выявлено, что 70% учителей считают, что лишь небольшое количество учащихся способно оценить значение серьезной музыки, и лишь 10% учителей считает, что современные подростки увлечены серьезной музыкой. Важно при этом, что 20% учителей считают, что отношение подростка к серьезной музыке зависит от возможностей учебной деятельности по музыке, от настроя учителя, его умения создать определенную атмосферу на уроке. Однако таких учителей оказалось не так уж много.

Далее в ходе исследования мы выявляли отношение учителя музыки к существующим программам и оценку возможностей решения на их основе воспитательных целей. Оказалось, что абсолютное большинство опрошенных учителей (85%) работают по программе Д.Б. Кабалевского [3]. Они, эти учителя, ценят в ней основную направленность на реализацию воспитательных возможностей музыкального искусства, связи учебных и воспитательных целей. Но только 15% учителей полностью удовлетворены этой программой. 85% – воспринимают эту программу достаточно критично именно потому, что она затрудняет учителя в решении воспитательных задач – в ней много устаревшего материала, политизированного, неактуального в современных условиях. Поэтому педагоги вносят в программу такое содержание, которое, по их мнению, отражает современную ситуацию общественного развития, а главное, особенности современных школьников. Хотя достаточное количество учителей (58% опрошенных) считает, что субъектный план программы, ее направленность на особенности и интересы подросткового возраста в известной мере обозначены. Среди педагогов школ г. Петрозаводска и Карелии 20% учителей работают по другим программам. И опять таки отмечают, что воспитательная, гуманистическая направленность этих программ достаточно ограничена. В целом 90% учителей считают, что для учителя музыки необходима собственная, авторизированная программа, учитывающая возможности музыкального искусства для решения не только учебных, но и воспитательных проблем, и она в той или иной степени эту задачу решают. И лишь 10% учителей считают, что и существующие программы в целом достаточно приемлемы.

Данные проведенной работы позволяют сделать следующие выводы, существенны для на-

шего исследования проблемы становления личностно-гуманистической ориентации младших подростков в учебной деятельности.

Прежде всего, отметим, что большинство учителей музыки понимают возможности влияния личности учителя на становление личностно-гуманистической ориентации учащихся, на их эмоционально-нравственное развитие. В большинстве своем они положительно оценивают возможности учебной деятельности, в частности по музыке, в ее содержательном и процессуальном плане в достижении этой цели. Учителя музыки достаточно критично фиксируют особенности своих учащихся в их отношении к личностно-значимым гуманистическим ценностям, в том числе и в пространстве музыкального искусства, соотносят это отношение с современной ситуацией общественного развития, сидят противоречия этого процесса. Они понимают значимость направленности собственной учебной деятельности на решение этих проблем и видят одну из возможностей реализации этих задач в содержании музыкального образования. Поэтому педагоги опять таки достаточно критичны в этом плане к программам по музыке, не отказываются от собственной работы над ними.

Вместе с тем, в полной мере понимая и принимая значимость личностно-гуманистической ориентации школьников, в частности на этапе младшего подросткового возраста, и возможности музыки в этом плане, значительное большинство учителей не ориентированы в практических способах организации учебной работы, остаются на уровне понимания этих проблем.

Отсюда, значимость научных поисков в полной мере обозначающих систему воспитательных средств, способов, приемов, реализуемых в учебной деятельности, решающих задачи становления личностно-гуманистической ориентации учащихся и вооружение этими результатами практики обучения и воспитания, что и составляет содержание нашего исследования.

Библиографический список

1. *Зосимовский А.В.* Формирование общественной направленности личности в школьном возрасте. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1981.

2. *Лоцман Е.С.* Гуманистическая ориентация личности учащихся средствами музыкального образования // Университеты в начале XXI века: актуальные вопросы научных исследований: сборник научных трудов преподавателей и аспирантов КГПУ/ ГОУВПО «КГПУ». Вып. 1 / Под. ред. Е.А. Сергиной. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2005. – С. 95–101.

3. Программы средней общеобразовательной школы. Музыка. V–VIII класс / Под науч. рук. Д.Б. Кабалевского. – М.: Просвещение, 2004.

А.Б. Неробеев

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО САМОСОЗНАНИЯ КУРСАНТОВ

Религия традиционно играла значительную роль в жизни различных обществ и социализации подрастающих поколений. На разных этапах развития человеческой цивилизации влияние религии на формирование социальной позиции людей, их мироощущения менялось. Оно снижалось под воздействием процесса секуляризации или возрастало в условиях нестабильности в политике, идеологии, экономике, при всевозможных технологических или экологических катастрофах.

В последние десятилетия отмечается усиление влияния всех конфессий на молодежь, что находит свое выражение в увеличении численности учащихся воскресных школ, крещений новорожденных, посещения религиозных праздников, соблюдении ритуалов и следовании догматам веры. Это влияние на подрастающее поколение осуществляется, как показано в исследованиях А.В. Мудрика, Т.В. Скляровой и др. через ряд функций:

а) *ценностно-ориентационную*, которая проявляется в том, что религиозные организации предлагают своим членам объяснение смысла и значения догматов веры, стремятся сформировать у них определенную систему верований, уважение и благоговение к святыням, позитивное отношение к религиозным ценностям и нормам;

б) *сакрально-мистическую,* которая формирует отношение к некоторым вещам и событиям как к ценностям, имеющим свешенное значение,

© А.Б. Неробеев, 2006

признаваемого божественным, наделенным божественной благодатью, силой;

в) *регулятивную*, которая проявляется в том, что религиозные организации культивируют среди своих членов поведение, соответствующее религиозным нормам;

г) *коммуникативную,* которая реализуется в создании условий для общения верующих, в определенных формах его организации, а также в культивировании норм общения, соответствующих, догмам и вероучительным принципам конкретной религии;

д) *милосердную,* которая реализуется в многообразных сферах и формах благотворительности, как в рамках самих организаций, так и за их пределами, благодаря чему члены организации приобретают специфический опыт;

е) *компенсаторную (утешительную),* которая проявляется в гармонизации духовного мира верующих, в помощи им в осознании своих проблем и в духовной защите от мирских потрясений и неприятностей;

ж) *воспитательную,* которая осуществляется под воздействием практически всех механизмов социализации.

В этой связи несомненный интерес для исследователей представляет изучение степени влияния религиозных организаций на самосознание молодых людей и, в частности, церкви на религиозное самосознание курсантов. Используя различные варианты опроса абитуриентов, курсантов первого и четвертого курсов мы установили, что, во-первых, примерно треть из числа всех опрошенных затруднились в оценке, веруют они или нет. Более половины курсантов отнесли себя к верующим, основанием для чего они посчитали наличие у себя некоторых культовых предметов (иконок, лампадок, священных книг), посещение церковных служб, знание молитв и стремление в жизни руководствоваться православными заповедями.

Во-вторых, мотивы религиозности курсантов связаны с ощущением необходимости в защищенности, «потому, что так сейчас делают все», это модно среди молодежи, повышает статус в глазах окружающих, внушает большее доверие сверстников и вообще других людей.

В-третьих, относя себя к разряду религиозных, две трети курсантов на первом году обучения демонстрируют поверхностное знакомство с религиозной литературой, плохо ориентируются в религиозных обрядах, не соблюдают посты, причащения, не испытывают необходимости в исповеди.

В-четвертых, среди начинающих курсантов, как свидетельствуют материалы исследования, достаточно высок процент тех, кто верит в гадания (17%), магию (19%), гороскопы (27%), зомбирование (11%), перерождение (13%), хиромантию и другие оккультные учения (9%).

Все вышесказанное позволяет сделать выводы о том, что религиозное самосознание курсантов к началу их обучения в военном вузе характеризуется поверхностностью, непоследовательностью, противоречивостью. Оно – синкретично и во многом зависит от моды, конъюнктурно.

Библиографический список

1. *Бочарова И.М.* Церковь как институт духовного образования и воспитания: Дис. … канд. философ. наук. – Воронеж, 1998.

2. *Мудрик А.В.* Социализация человека. – М., 2004.

3. Православие и проблемы воспитания / Под ред. Л.Е. Шапошникова. – Н. Новгород, 2000.

В.В. Афанасьев, С.В. Сафонова

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА КАК ВЕДУЩИЙ КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

Когда поднимаются вопросы о диагностике качества образования в целом, всегда пытаются понять: зачем это нужно, что конкретно измеряется – диагностируется и как это делается? Необходимость педагогической диагностики возникает в связи со следующими обстоятельствами. Во-первых, качество образования (и обучения) необходимо диагностировать в целях сохранения российского этноса[1]; во-вторых, качество образования и обучения является важнейшим критерием достижений в научной и практической сферах, поэтому необходимо уметь его диагностировать; в-третьих, педагогическая диагностика необходима для осмысления и формулирования направлений, путей и целей развития, создания «идеальных» моделей обучения и для принятия грамотных управленческих решений в образовательной сфере; в-четвертых, ценна сама система, методика диагностики, прежде всего тем, что позволяет выявить условия, темп собственного развития, определить на каком этапе (уровне) мы находимся по сравнению с другими; в-пятых, диагностика качества важна для адекватных экономических вливаний в образование, как со стороны государства, так и коммерческих организаций (потенциальных заказчиков).

Качество образования и обучения – многомерные понятия и лучше, продуктивнее всего говорить не о качестве вообще, а о разных качествах по отдельно взятым позициям[2]. Именно поэтому в данной статье речь идет о диагностике качества преподавания в той ее части, которая касается управления учебно-познавательными процессами, и диагностике качества учения, которая решает задачи оценки степени готовности обучающихся к профессиональной деятельности, их мотивационные особенности в процессе обучения, а также задачи получения информации об уровне и характере познавательных действий, степени обученности и т.д.

Иными словами, мы преследуем двуединую цель. Во-первых, помочь преподавателю в организации, координации и контроле учебно-познавательной деятельности обучающихся, т.е. в умении грамотно управлять процессом усвоения знаний в вузе. Во-вторых, научить, подсказать будущим специалистам, как анализировать (организовать, описать, оценить) свою учебно-познавательную деятельность должным образом, чего многие делать не умеют.

Педагогическая диагностика является одним из действенных методов современной теории и образовательной практики, ведущим компонентом системы профессиональной подготовки студентов в вузе, незаменимым и необходимым инструментарием педагогических технологий обучения.

При всей ее научной и прикладной значимости понятие «педагогическая диагностика» не имеет четкого, общепризнанного определения. Одни авторы, отождествляют диагностику с контролем результатов обучения или умением использовать определенные методы контроля (В.В. Воронов [1], В.И. Каган, Н.А. Сычеников [2] и др.). Другие считают, что сущность педагогической диагностики раскрывается через ее функции. Так немецкий педагог К. Интенкамп в своей книге «Педагогическая диагностика» (изданной в России в 1991 г.) отмечает, что педагогическая диагностика направлена на решение триединой задачи – это: «1) оптимизировать процесс индивидуального обучения; 2) …обеспечить правильное определение результатов обучения; 3) свести к минимуму ошибку… при выборе специализации обучения» (стр. 8). Третьи утверждают, что диагностика – это система, включающая в себя контроль, проверку, оценивание результатов, накопление статистических данных, их анализ и прогностику (И.П. Подласый [3]). Более того, ряд авторитетных ученых считает, что можно говорить о «педагогической диагностике» в широком и узком смысле слова (Л.В. Загрекова [4], И.П. Подласый и др.). В широком смысле слова педагогическая диагностика – это способ получения опережающей информации об эффективности функционирования целостной системы обучения (И.П. Подласый). В узком смысле – это один из системообразующих компонентов педагогической деятельности (Л.В. Загрекова).

В содержательном плане описание движущих механизмов педагогической диагностики, способы оценки качества обучения и результатив-

© В.В. Афанасьев, С.В. Сафонова, 2006

ности профессиональной деятельности педагогов можно найти в работах (в хронологическом порядке): В.И. Кагана (1987); Н.А. Сыченикова (1987); В.Н. Максимовой (1995) [5]; П.И. Пидкасистого (1995–1999) [6]; В.П. Симонова (1995–2000); М.М. Поташника (1995–1999); В.Н. Шамардина (1995) [7]; И.П. Подласого (1996); Л.В. Загрековой (1998–2000) и многих других.

Необходимость педагогической диагностики обусловлена социальными, экономическими, общепедагогическими и технологическими предпосылками. Думается, что последние (технологические предпосылки) заключены в главной целевой функции технологии целенаправленной деятельности – получение конечного «интеллектуального «продукта»» в соответствии с предъявляемыми требованиями качества. М.М. Поташник и В.П. Симонов убедительно доказали, что диагностика существующих образовательных проблем и задач – основа эффективного функционирования и развития целостной системы обучения. Например, М.М. Поташник предлагает своего рода «схему диагностики», которая читается как «от конца к началу». Такой путь, по мнению автора «схемы», «позволяет отсекать несущественные для конечного результата возможные области поиска проблем и оставлять… только наиболее значимые; тем самым рационализируется процесс анализа и “экономится мышление”»[3]. Реализация данной «схемы» предполагает: анализ результатов, анализ технологизируемого процесса, анализ его ресурсного обеспечения («условий» по М.М. Поташнику).

Иными словами должна быть разработана некая система показателей – образ (модель) подхода к решению проблемы диагностики оценки качества образовательных процессов и управления ими.

К числу таких показателей можно отнести:

– прогностичность, рациональность, реалистичность, целостность, контролируемость, чувствительность к сбоям (первая группа показателей);

– эффективность комбинации моделей управления по целям с управлением по отклонениям; на использование корректирующих воздействий с целью их (отклонений) исключения (вторая группа показателей);

– уровень воспитанности, развитости, креативности (третья группа показателей);

– параметры выпускника в соответствии со спрогнозированным результатам, которые включают в себя: готовность к профессиональной деятельности, к дальнейшему обучению, общественной деятельности (для четвертая группа показателей).

С этой точки зрения система диагностики и оценки качества (обучения, учения, управленческой деятельности) должна отвечать следующим требованиям:

1. Носить в определенном смысле методологический характер, поскольку отражает определенную точку зрения, принцип оценочной деятельности и тем самым ориентирует на поиск результатов в определенном направлении.

2. Должна функционировать только целостно, непрерывно, одновременно.

3. Нельзя из предлагаемой системы выбрать какую-либо (произвольную) группу показателей и использовать только ее. В противном случае весь анализ качества приведет к формализму или будет просто бесполезным.

Потенциальным инструментарием любой «методологической системы» могут служить механизмы диагностики качества обученности и эффективности труда преподавателей предлагаемые В.П. Симоновым. В основу диагностики он положил «характер взаимосвязи уровня требований педагога и степени обученности его учащихся». Так контроль за эффективностью результатов образовательного процесса может осуществляться посредством выявления степени обученности, которая, по мнению В.П. Симонова характеризуется пятью показателями: распознаванием, запоминанием, пониманием, простейшими умениями и навыками, переносом. Особо ценным в предложенной В.П. Симоновым диагностике следует признать концепцию о фактическом наличии трех уровней требований (высший, средний, низкий) преподавателя, методику численного расчета «эффективности учебной деятельности преподавателя», алгоритмы преодоления формализма, проявляющегося в процессе его профессиональной деятельности[4].

Обзор работ, касающихся вопросов педагогической диагностики, отобранных нами в качестве репрезентативных, был бы не полным, если не обратиться к работам Г. Мюррея (H.A. Murray), который по существу является пионером в области междисциплинарного комплексного подхода к диагностике личностного аспекта процесса обучения. Г. Мюррей отстаивал необходимость сбора разносторонних данных отражающих широкий спектр тенденций развития, способностей, готовности (теоретической, пси-

хологической, практической) обучающихся. Он создал множество оригинальных средств диагностики, к сожалению, лишь небольшое число из которых используется на практике [8–10].

Сказанного вполне достаточно для того, чтобы попытаться сформулировать объект, предмет и задачи педагогической диагностики как ведущего компонента системы профессиональной подготовки студентов в вузе.

Объектом педагогической диагностики являются все без исключения переходные состояния учебно-познавательных процессов протекающих в рамках организованной образовательной системы, а также закономерности, выявленные в процессе разработки объективной оценки качества обучения на каждом этапе управления им. Ее предметом являются количественно-качественные показатели результатов функционирования специально организованных процессов (процессов педагогического взаимодействия), разработка достоверного инструментария оценки этого процесса и методы «внедрения» его в педагогическую действительность.

Задачи, которые призвана решать педагогическая диагностика, заключаются в следующем:

– в установлении факта теоретической, практической и психологической готовности студентов на произвольном этапе обучения к дальнейшему учению, профессиональной и общественной деятельности;

– в выявлении мотивационных аспектов личности обучающихся, их потребностей, интересов, стилей когнитивной деятельности;

– в получении информации об уровне и характере познавательных действий обучающихся, степени их обученности;

– в определении показателей эффективности деятельности субъектов образовательного процесса в соответствии с разработанными критериями и требованиями качества конечного интеллектуального «продукта».

Успешное решение сформулированных задач педагогической диагностики образовательного процесса в вузе и управления им во многом зависит от того, какие факторы выбраны в качестве основных с точки зрения их «весового» влияния на процесс реализации имеющихся механизмов (инструментариев) диагностики. Правильный выбор «решающих» факторов («факторов влияния»), создание адекватных им условий позволит наиболее точно отразить все количественно-качественные изменения учебно-познавательной деятельности и вычленить все интересующие субъекта педагогической деятельности стороны исследуемого явления.

В качестве таких «факторов влияния» можно предложить:

– системность и упорядоченность в организации деятельности по оценке качества познавательной деятельности и управления ею: наличие четко и однозначно сформулированных способов фиксации результатов, четко прописанных критериев оценки диагностических процессов, наличие содержательной технологии по организации выполняемых действий и информации по их результативности;

– активность и продуктивность: число разработанных и ранжированных решений управленческих решений; общее число критериев, подлежащих оценке; количество студентов в выборках и т. д.;

– оперативность и четкость диагностирования и оценки качества: число действий, выполняемых быстро и оперативно в соответствие с требуемыми нормами, согласованность совместных действий участников педагогического процесса (взаимодействия);

– профессионально-педагогическая, организационно-управленческая компетентность: знание основных психолого-педагогических теорий оценки качества, современных разработок и установок в этой области, знание общих и частных технологий управленческой деятельности, динамики изменения оценочных показателей и т. д.;

– организационно-управленческая, методико-регулировочная продуктивность субъектов образовательной деятельности: количество и качество подготовленных специалистов, число разработанных аналитических показателей оценки качества деятельности (действий), число разработок по оценке информационных потоков преобразования информации, количество и полнота измеряемых параметров деятельности субъектов педагогического взаимодействия;

– психологическая и организационная включенность в работу по профессиональному становлению будущего специалиста: изучение потребностей, анализ заинтересованности, настойчивости, выдержки, направленности и ориентированности, мотивов личности, удовлетворенности (или неудовлетворенности), темперамента.

Актуализацией вопросов, связанных с получением ряда квалиметрических характеристик деятельности педагогов и обучающихся не решить все глобальные проблемы повышения качества современного образования и тем более не решить задачи его гуманизации. Необходим комплекс фундаментальных и прикладных исследований в различных областях знания и парадигмах многих наук. Поэтому постановка вопросов, касающихся диагностики качества функционирования и развития системы профессионального обучения в вузе рассматривается нами как очередной шаг в создании целостной научно обоснованной образовательной концепции и её технологического обеспечения, отвечающей требованиям предъявляемым обществом к высшей профессиональной школе.

Примечания

[1] *Казначеев В.П.* Здоровье нации, просвещение, образование. – М.; Кострома: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1996; *Казначеев В.П.* Проблемы человековедения / Под ред. А.И. Субетто. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1997.

[2] В роли таких позиций могут выступать качество преподавания, управленческой деятельности, познавательных действий (их уровень), организации учебного процесса, а также качество подготовки по комплексу дисциплин, специальности, направлению и т.д.

[3] Управление развитием школы / Под ред. М.М. Поташника, В.С. Лазарева. – М.: Новая школа, 1995.

[4] *Симонов В.П.* Педагогический менеджмент. – М.: Педагогическое общество России, 1999.

Библиографический список

1. *Воронов В.В.* Проверка и оценка результатов обучения // Педагогика / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М., 1996. – С. 329.

2. *Каган В.И., Сычеников Н.А.* Оптимизация процесса обучения в высшей школе. – М, 1987.

3. *Подласый И.П.* Педагогика. – М, 1997.

4. *Загрекова Л.В.* Диагностика педагогических систем: проблемы и их решение // Диагностика функционирования педагогической системы высшей школы: Материалы научно-практической конференции. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – Ч. 1.

5. Диагностика как фактор развития образовательной системы / Под ред. В.Н. Максимовой. – СПб., 1995.

6. Педагогика / Учебн. пособие для студентов пед. вузов и пед. колледжей // В.И. Журавлев, П.И. Пидкасистый, М.П. Портнов и др. / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Роспедагенство, 1995.

7. *Шамардин В.М.* Диагностика и оценка качества образовательных систем // Педагогика. – 1995. – №4. – С. 36.

8. *Murray H.A.* Preparations for the scaffold of a comprehensive system. In S. Koch Ed. Psychology: a study of a science, vol. 3. – New York.: McGraw – Hill, 1959. – P. 7–54.

9. *Murray H.A.* Studies of stressful interpersonal disputations // Amer. Psychologist. – 1963. – №18. – P. 28–36.

10. *Murray H.A.* Component of an evolving person logical system. In D.L. Sills. International encyclopedia of the social sciences. – New York.: Macmillan and Free Press. – 1968. – №12. – P. 5–13.

О.Н. Ярошенко

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПЕРЦЕПТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ПЕРЕВОДЧИКА НА ОСНОВЕ ИДЕЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Подготовку переводчиков необходимо рассматривать, в первую очередь, через призму межкультурного взаимодействия, поскольку большинство ученых переводоведов считают перевод «актом межкультурной коммуникации» [4, с. 68]. Под межкультурной коммуникацией понимается «специфический процесс взаимодействия разных вариантов культуры через вербальное и невербальное общение своих и чужих носителей культуры и языка» [5, с. 81]. Основная задача межкультурной коммуникации на современном этапе развития общества заключается в том, чтобы активизировать гуманитарный потенциал, нацелить его на выработку и утверждение концептуального приоритета общечеловеческих ценностей, сближения культур различных стран. В ее содержании прослеживается взаимодействие: а) языка, отражающего культуру народа и выступающего как определенная форма культурного поведения; б) культуры, передающей своеобразие общественно-исторических условий и специфику культурной жизни; в) личности, как носителя языка и культуры.

Бесспорным является тот факт, что взаимопонимание с иноязычным коммуникантом может быть достигнуто лишь тогда, когда собеседник имеет представление о видении картины мира другого языка. Мы полностью солидарны с В. фон Гумбольдтом, что «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [3, с. 234]. Следовательно, подготовка переводчика к реальной межкультурной коммуникации предполагает наличие диалога культур.

Как подчеркивает Н.Д. Гальскова, концепция диалога культур означает, что в процессе обучения иностранного языка у обучаемого должно быть сформулировано «понимание лингвоэтнокультурной специфики носителя изучаемого языка при сохранении индивидуального природного стиля общения, которое и призвано отличать его речевое и неречевое поведение в межкультурной коммуникации» [2, с. 8]. Поэтому в процессе формирования перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков, на наш взгляд, необходимо строить профессиональную подготовку на сравнении изучаемой и собственной культуры. Сопоставляя различные концептуальные системы, студенты приобретают знания:

– национальной картины мира, которое означает владение системой понятий на иностранном языке, что приводит к усвоению информации, необходимой для деятельности;

– менталитета партнеров по коммуникативному процессу.

Межкультурные знания охватывают сведения о природе культурных универсалий, их наполнении в различных культурах, механизмах отражения культуры в языке и речи, психологических особенностях межкультурного общения (процессы атрибуции, стереотипы, предрассудки). Именно перцептивно-коммуникативная компетентность (знание культуры языка оригинала и языка перевода и прочие экстралингвистические знания) и презентабельность (умение переводчика профессионально подать свой перевод) определяют во многом мастерство устного переводчика.

Межкультурные умения будущих переводчиков предполагают этнографические умения определения культурного компонента значения жизненных реалий, умения медиатора между собственной культурой и культурой посредника, речевые умения ведения переговоров в соответствии с культурными нормами носителей изучаемого языка с целью создания общего значения происходящего, специфические умения (коммуникативная компетентность, презентабельность, навык билингвизма и перевода, развитая память, умение использовать универсальную переводческую скоропись).

Межкультурные отношения подразумевают открытость новой информации, желание и готовность воспринимать «другого» как представителя иноязычной культуры, уважение к чужой культуре и углубленное познание своей, умение поставить себя на место партнера по общению, представить его образ мышления, умение найти точки соприкосновения в процессе коммуникации.

© О.Н. Ярошенко, 2006

Как отмечает М. Байрам, в процессе изучения иностранного языка возникают принципиально «новые психологические факторы», которые должны быть приняты во внимание, так как «сложные взаимоотношения между отношениями и знаниями, между аффективным и когнитивным аспектами развития молодых людей находятся в самом сердце обучения языку и культуре» [6, с. 31]. Мы считаем, что обладание именно этими психологическими компонентами необходимо для формирования перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков.

Недостаточность лингвосоциологических и культурологических знаний об иноязычном социуме в процессе перевода может привести к «коммуникативным неудачам» или коммуникативному барьеру. Различают языковые, лингвопсихологические, социально-этнические барьеры. Языковые барьеры возникают из-за неправильного выбора языковых средств для выражения мыслей на иностранном языке. В первую очередь, они вызываются фонетическими, лексическими, грамматическими ошибками. Лингвопсихологические барьеры возникают вследствие индивидуально психологических особенностей студентов (чрезмерная застенчивость, скрытость, некоммуникабельность) или в силу сложившихся между обучающимися различных психологических отношений: неприязни, недовольствия [1, с. 86–87]. Социально-этнические барьеры основаны на культурных различиях непонимания и недоверия по причине различий в значениях одних и тех же языковых единиц в разных языках, незнании языка жестов и традиций.

В процессе формирования перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков мы предлагаем следующие меры по преодолению межкультурных барьеров:

– приблизить процесс обучения иностранному языку по своим основным параметрам к процессу овладения языком в естественной языковой среде. Это достигается с использованием аутентичных материалов и аудиовизуальных средств обучения, чтобы стимулировать интересы студентов, развивать желание практически использовать иностранный язык;

– затрагивать личность студента в целом, вовлекать в учебный процесс его эмоции, чувства, ощущения, стимулировать речевые, творческие способности;

– обучать, не просто строить свое речевое поведение с носителями иностранного языка, а стремиться к достижению взаимопонимания с ними, и с чужой культурой;

– знакомить с правилами вербального и невербального этикета, принятыми в стране изучаемого языка;

– активизировать студента, делая его главным действующим лицом в процессе обучения, активно взаимодействующего с другими участниками этого процесса.

Перцептивно-коммуникативная компетентность может формироваться лишь комплексом учебных дисциплин (культура речевого общения, теория и практика перевода, межкультурная коммуникация), поскольку представляет собой интегральное образование, синтезирующее в себе обще профессиональные и специальные знания. Для формирования перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков необходимо как изучение психолого-педагогических дисциплин, теоретико-методологических вопросов межкультурного взаимодействия, лингвострановедческого материала, так и применение знаний в практике реального общения или приближенного к реальному. Это достигается за счет использования в процессе формирования перцептивно-коммуникативной компетентности адаптационно-культурологических этюдов, межкультурных экскурсов, метода проектов. Активная творческая деятельность обучающихся на занятиях по устному переводу заключалась в выполнении творческих домашних заданий по составлению текстов, глоссариев по определенным темам: особенности речевого поведения и этикета, речевой этикет межкультурного общения на английском языке; сведения о культуре стран изучаемого языка и их вклад в мировую культуру; сведения о традициях, ритуалах, стереотипах поведения носителей английского языка в странах изучаемого языка; сведения об организации быта и досуга в странах изучаемого языка; социокультурные представления русских студентов об англичанах как носителях определенной этнической культуры.

Формированию перцептивно-коммуникативных умений будущих переводчиков, необходимых для успешного межкультурного общения, наиболее полно способствуют учебные материалы – тексты, включающие фоновые знания социокультурной специфики иносоциума. Они со-

здают в сознании обучаемых новые связи и комбинаторику уже имеющихся общечеловеческих элементов профессионального знания, то есть создают новое знание, необходимое для успешной межкультурной коммуникации.

Но ведущую роль в формировании перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков играют учебные деловые игры – поведение и перевод конференций. Такие конференции позволяют моделировать ситуации перевода и использовать профессиональные умения будущих переводчиков в условиях максимально приближенных к реальным. Проводимые на заключительном этапе обучения, они позволяют закрепить приобретенные профессиональные качества и «примерить» на себя роль переводчика.

Любой факт и процесс межкультурной коммуникации может быть охарактеризован по уровню проникновения коммуникантов в контактирующие культуры. С этой точки зрения могут быть выделены следующие уровни: культурное взаимоприятие; культурное взаимопонимание; культурное взаимоединение.

Целью первого уровня будет гарантирование взаимной культурной толерантности, поэтому для тех, кто вступает в профессиональную коммуникацию с представителями иноязычного социума, наряду с лингвистическими знаниями необходимы знания поведенческих, социологических и культурологических дисциплин, способствующих осознанию и реализации обоюдных интенций коммуникантов при обмене информацией, установлением, поддержанием и развитием социальных связей партнерства, основанных на взаимопонимании и диалоге.

Целью второго уровня является обеспечение взаимной культуры адаптации, то есть приобщение «неносителей» языка к концептуальной системе, картине мировидения, ценностным ориентирам носителей иностранного языка, сближению межкультурной дистанции, воспитанию готовности адаптироваться к деловой культуре другого народа, иному социокультурному контексту взаимодействия и воздействия с целью выработки оптимальной стратегии профессионального сотрудничества на иностранном языке.

Целью третьего выступает достижение взаимного культурного ассоциирования. Изучение стратегий коммуникативного поведения представителей англоязычного социума, их лингвосоциологических и культурологических особенностей способствует ассоциированию с культурой носителей иностранного языка.

Таким образом, успешное межкультурное профессиональное взаимодействие означает адекватное коммуникативное поведение в процессе взаимопознания, взаимопонимания, установления взаимоотношений профессионального сотрудничества и, следовательно, предполагает наряду с достаточно высоким уровнем владения иностранным языком, умение адекватно интерпретировать и принимать социокультурное многообразие партнеров по коммуникации при решении практических задач.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Психология». 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2005.

2. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. – М.: АРКТИ, 2003.

3. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.

4. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988.

5. *Фурманова В.П.* Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1993.

6. *Byram M., Morgan C.* Teaching and learning language and culture. – Clevedon, Philadelphia, Adelaide. Multicultural Matters Ltd., 1994. – 219 p.

ФИЛОЛОГИЯ

Н.Г. Морозов

АКТУАЛИЗАЦИЯ СТАРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМ: ФЕНОМЕН РЕАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Современное понимание русского реализма, предполагает учитывать не только тенденцию изобразительности в отечественной литературе, но и стремление русских писателей выразить нравственно-психологическую, религиозную жизнь народа сквозь призму уже готовых литературных форм, пластически их видоизменяя. Эта особенность русского реализма рубежа веков привлекла в свое время пристальное внимание советских литературоведов. К наиболее существенным и продуктивным итогам этих исследований следует отнести труды Е.Б. Тагера, В.А. Келдыша и солидаризирующихся с их мнением ученых. Так, Е.Б. Тагер сделал верное и глубокое наблюдение о принципиальном отличии реализма конца XIX – начала XX веков от критического реализма XIX века: «…Человек впервые был до конца осознан как предельно конкретная социально-историческая реальность. Раскрытие, опознание, уточнение этой реальности предоставляло огромные возможности для постижения действительности и – косвенно – для воздействия на нее. Главную задачу, вставшую перед этим реалистическим искусством, можно определить как задачу изобразительную в самом широком смысле этого слова. В раннюю пору становления новой реалистической прозы <…> стремление к изобразительности носило наивно-подчеркнутый характер: страницы переполнялись описаниями одежды, утвари, всевозможной бытовой бутафорией, описаниями, воспринимавшимися как своего рода художественные открытия <…>

В эпоху, когда относительная стабильность общественных отношений «человеческой комедии» XIX столетия сменилась взрывчатым драматизмом века грядущих революционных катастроф и потрясений <…> на смену изобразительным задачам приходят задачи «выразительные», экспрессивные. Многостороннее живописное воспроизведение мира начинает казаться слишком пассивным, созерцательным. Возникает потребность в освоении действительности в формах емких, экономных, подчеркивающих авторское осмысление глубинной сути явления, насыщенных действенной авторской оценкой»[1].

Характеризуя затем эти «экспрессивные тенденции» реализма начала XX века, исследователь замечает, что в «крайнем своем развитии» они приводят к символике, гротескным заострениям, к подчеркнутой условности, типичной для различных модернистских течений»[2]. При этом, подчеркивает Е.Б. Тагер, «внутри реалистического искусства объективно-изобразительный план произведения не исчезает, а как бы подчиняется главной задаче художника, его экспрессивному замыслу»[3]. В качестве примера исследователь обращается к художественному творчеству позднего Льва Толстого, в котором наиболее ярко воплотились «новые методы реалистического письма»[4]. Но если Л.Н. Толстой остро ощущал «исчерпанность старых литературных форм и необходимость создания новых»[5], то в художественных произведениях русских писателей конца XIX – начала XX веков «старая литературная форма» зачастую переживала второе рождение, своеобразно трансформируясь в эту самую новую художественную форму. В.А. Келдыш в содержательной монографии «Русский реализм начала XX века» высказал ряд глубоких суждений, проясняющих существо этого феномена. Исследуя литературные процессы второй половины XIX – начала XX столетий, ученый, В.А. Келдыш отмечает следующую особенность реализма XIX века, ставшей едва ли не закономерностью в реализме начала XX века: «преемственная связь»[6] писателей начала XX века с русской классической литературой XIX века. Подробные эти явления В.А. Келдыш исследует в творчестве А.М. Ремизова и А.П. Чехова[7]. При этом В.А. Келдыш дает объяснение причины «самой важной» преемственной связи ремизовского творчества с творчеством Достоевского. Она заключается «в катастрофичности общего восприятия действительности, мотивах чрезвычайной драматичности состояния мира,

© Н.Г. Морозов, 2006

предельности человеческого страдания и т. п.»[8] А это, в свою очередь, дает основание рассматривать старые литературные формы в реализме начала XX века в качестве актуального и активного художественного, идейно-философского явления, значение которого в творчестве писателей конца XIX – начала XX веков до настоящего времени в полной мере не учитывалось отечественными и зарубежными литературоведами. Литературность традиции русской классики XIX века потому и выражена столь ярко в творчестве не только Ремизова, Чехова, но и Бунина, Шмелева и других писателей начала XX века, что русская классика XIX века в произведениях этих авторов резонировала какими-то своими элементами поэтики с новой эпохой, открывавшейся литературе рубежа веков. В связи с этим приведем еще одно наблюдение В.А. Келдыша, существенно проясняющее характер и причины самоактивизации старой литературной формы в реализме начала XX века. Рассматривая произведения Ремизова, ученый приходит к следующему выводу: «В творчестве писателя 900-х годов заметно стремление подвести своеобразную черту под духовными исканиями русской литературы прошлого столетия»[9]. Но ведь этим же стремлением проникнуто творчество Чехова, Бунина да и Шмелева, касающееся темы крестьянской России, ее судьбы в XX столетии. Потому-то столь велико значение традиции русской классики XIX века – от Пушкина и до Л. Толстого, Достоевского – в литературе конца XIX – начала XX веков: слишком глубоко и масштабно выразила она российскую жизнь в ее историческом движении, так глубоко, что затронула и те новые пласты русской действительности, которые принадлежали новому веку. Оттого-то столь современной и самовозобновляемой оказалась старая литературная форма в реалистическом искусстве начала XX века. Это феномен, содержательность которого не вмещается в иные понятия, не охватывается современным термином «интертекстуальность».

К своеобразному пониманию роли литературной традиции в реализме начале XX века близка и К.Д. Муратова. Эффект своеобразного накопления художественного опыта, его непрерывного обогащения в творчестве последующих поколений художников-реалистов верно подмечен К.Д. Муратовой: «Высочайшим искусством слова русская литература (в лице Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого) была признана в силу своеобразного отношения к миру и человеку, раскрываемого оригинальными художественными средствами»[10]. Далее исследовательница отмечает такое проявление национального своеобразия художественных форм отечественной литературы, как «жанровая раскованность русских писателей, создавших свободную форму романа, а затем рассказы и драмы»[11]. Следовательно, оригинальность литературных форм, о которой впервые заговорил П.В. Анненков, наблюдается литературоведом на всем протяжении историко-литературного процесса, до конца XIX века и литературе начала XX века, как преемственность, казалось бы, исчерпывающих себя литературных форм. Так, уже в творчестве А.П. Чехова 1880-х гг. происходит своеобразная переакцентировка традиционных значений «среды» и «человека»: не среда определяет нравственное «приданое» героя, но сама становится своеобразной проекцией нравственно-психологической сферы внутреннего мира героев («Мужики»).

К.Д. Муратова приходит к еще одному важному определению своеобразия русского реализма начала XX века дополняя и уточняя его характеристику, данную в трудах Е.Б. Тагера и В.А. Келдыша: «Итак, для литературы начала XX в. стало характерным одновременное развитие реализма критического, переживающего на рубеже веков пору своего обновления, но не теряющего при этом своего критического пафоса, и реализма социалистического. Отметив эту примечательную черту литературы нового века, В.А. Келдыш писал: «В обстановке революции 1905–1907 гг. впервые возник тот тип литературных взаимосвязей, которому суждено было сыграть позднее столь значительную роль в мировом литературном процессе XX столетия: реализм «старый», критический развивается одновременно с социалистическим реализмом, и во многом **итог этого взаимодействия**»[12]. Но это солидарное мнение двух видных советских литературоведов необходимо дополнить и расширить, опираясь на положения из трудов Е.Б. Тагера, приведенных выше: о «выразительном» реализме начала XX века, тяготеющем к символике, емким и компактным формам. Писатели 1900-х гг. создают свой художественный метод в тесной взаимосвязи с традицией реализма XIX века, особенностью этой традиции являет-

ся активизация старой литературной формы в творчестве писателей новейшей поры. Традиция при этом обретает такую степень литературности, что поддается достаточно легко трансформации, затрагивающей элементы формы: жанр, композицию, образную систему, стиль. Причем, эти явления стали замечаться еще в пору расцвета русской классической литературы XIX века; постепенно они набирая энергию, становились знаковым признаком реализма конца XIX – начала XX веков.

Итак, с выразительностью реализма начала XX века связана и его литературность, опора на традиции реализма XIX века. Уже в середине и во второй половине девятнадцатого столетия писатели все чаще обращались к известным в читательских кругах романам Тургенева, Гончарова, пьесам Островского, подчиняя литературные судьбы героев собственной, авторской, воле. Такая «практика» со временем все более входила в литературный обиход, особенно к концу XIX – началу XX вв. При этом использовались всевозможные способы скрытого цитирования художественных текстов, реминисценции, аллюзии, метафоры, связанные с теми или иными речевыми характеристиками героев известных произведений, их портретные характеристики. Такого рода явления происходили в поэзии, например, в «Элегии» Н.А. Некрасов прибегает к цитированию ранней и поздней лирики А.С. Пушкина. Некрасов, обращаясь в «Элегии» к пушкинской «Деревне», не стремится использовать творческое наследие русского гения для создания детализированных картин народной нищеты, крестьянского бедствования после «освобождения» от рабства. Поэту важно убедить юную Россию в том, что «тема старая «страдания народа» продолжает быть актуальной. Но в этом случае старая форма, овеянная духом Пушкина, полностью соответствует творческому замыслу поэта 1870-х годов. Ю.В. Лебедев сделал в свое время ряд точных и верных наблюдений, касающихся поэзии позднего Некрасова. Примечательно полное соответствие результатов этих наблюдений с теми характерными особенностями и свойствами выразительного, экспрессивного реализма начала XX века, которые уже исчислялись в цитированной работе Е.Б. Тагера. Для сравнения приведем выдержку из статьи Ю.В. Лебедева, в которой отмечаются наиболее характерные черты лирики Некрасова 1870-х гг.: «С одной стороны, лирика Некрасова <…> поднималась к емким поэтическим образам, становилась краткой, энергичной и афористичной. С другой стороны, приглушалась свойственная искусству Некрасова 50–60-х гг. непосредственность в отношениях с действительностью. Многообразие жизненных связей в ней не столько отыскивалось заново, сколько подводилось под некий общий, уже открытый искусством смысл. В.В. Гиппиус заметил, например, что традиционные пушкинские и лермонтовские поэтические формулы в стихах Некрасова 70-х гг. теряют свойственную им многосмысленность и превращаются в устойчивые знаки, определяющие жизненное явление, поэтическому анализу которого Некрасов теперь не хотел отдаваться»[13]. Не менее интересные проявления развивающейся в русской литературе второй половины XIX века тенденции, определяемой как актуализация старой формы, наблюдаются и в сатире М.Е. Салтыкова-Щедрина. При этом поражает масштабность обращения писателя-сатирика к современной ему русской классике и суровость, с которой он «трансформирует» литературных героев, оказывающихся иными в условиях посуровевшего политического и гражданского климата России. В «Дневнике провинциала в Петербурге» (1872) даются фантасмагорические картины, касающиеся «VIII международного статистического конгресса», на который рассказчик приглашен «в качестве делегата от рязанско-тамбовско-саратовского клуба»[14]. Среди прочих делегатов, приглашенных на конгресс из разных российских губерний, рассказчик (и здесь его голос почти сливается с голосом автора) с изумлением видит знакомых по романам Тургенева, Гончарова… Немалое изумление рассказчика при виде оживших, во плоти, литературных героев, многие из которых ему были симпатичны, объясняется тем, что для него сам конгресс (как впрочем, и для автора) – разновидность сборища пенкоснимателей, ведущих откровенно верноподданническую жизнь добропорядочных, благонамеренных обывателей. И в устах рассказчика звание статистика по отношению к любимым героям Тургенева звучит горькой насмешкой: слишком недолгий век оказался у добрых и благородных героев Тургенева и Гончарова, слишком быстро деградировали они в условиях тогдашней действительности. Вот характерный пример из «Дневника», про-

ясняющий истинное значение слова «статистик» и занятий, с ним связанных: «–Делегат от Ефремовского уезда, – рекомендовался между тем Кирсанов, подавая мне руку, как старому знакомому.

– Очень рад! очень рад! Уже статистик! Давно ли?»[15]

Ядовитая ирония слышится в голосе рассказчика все более отчетливо, достигая оттенка гневного, скорбного, саркастического: «–Рудин! да вы с ума сошли! ведь вы в Дрездене на баррикадах убиты! – воскликнул я вне себя»[16].

Рассказчик сбросил маску фальшивой любезности, за которой прятал недобрую усмешку, наблюдая «парад» литературных героев: этот случай его потряс и на мгновение открылось его подлинное выражение лица человека убитого столь чудовищным нравственным падением Дмитрия Рудина. И вот здесь особенно наглядно проявляется феномен «активности» литературной формы: Рудин повел себя в соответствии со своим новым статусом ренегата и циника: «–Толкуйте! Это все Тургенев сказки рассказывает! Он, батюшка, четыре эпизода обо мне написал, а эпизод у меня самый простой: имею честь рекомендоваться – путивльский делегат. Да-с, батюшка, орудуем! Возбуждаем народ-с! пропагандируем «права человека-с»! воюем с губернатором-с»[17]. С этого момента в голосе рассказчика нет места интонации скорби, гнева; холодное презрение слышится в его репликах, ядовитая насмешка мелькает все чаще: «–Лаврецкого… не забыли? – прозвучал около меня задумчивый, как бы вуалированный голос.

Но не знаю почему, от Лаврецкого, этого истого представителя «Дворянского гнезда», и у меня осталось только одно воспоминание: что он женат»[18]. Заканчивается парад литературных героев появлением Марка Волохова, что заставило рассказчика пережить вновь сильнейшее потрясение. Волохов при этом теряет свои «романные» свойства и манеры. Из дерзкого, эпатирующего благонамеренную и добропорядочную публику романтического бунтаря превращается в заурядного, пошловатого пройдоху с повадками вороватого приказчика:

«–А вы как об нас полагали? <…> А вы, небось, думали, что я испугаюсь! Я, батюшка, ничего не испугаюсь! Мне, батюшка, черт с ними – вот что!

Сказав это, он отвернулся от меня и, заметив Рудина, процедил сквозь зубы:

– Балалайка бесструнная!»[19]

Так в авторском тексте Салтыкова-Щедрина оживают страшные, выморочные персонажи, уродливые призраки прежних Лаврецких, Рудиных, Волоховых, Кирсановых. Это какой-то инфернальный топос, составленный из покалеченных духовно и нравственно лже-двойников узнаваемых и любимых рассказчиком литературных героев. Заметим, что подобного рода явления уже имели место в русской литературе. В статье «Very Dangerous!!!» (1860) А.И. Герцен, в сущности, осуществил сатирическое прогнозирование вероятной судьбы лишних людей почти в духе Салтыкова-Щедрина: «Наши литературные фланкеры последнего набора шпыняют теперь над этими слабыми мечтателями, сломавшимися без боя, над этими праздными людьми, не умевшими найтиться в той среде, в которой жили. Жаль, что они не договаривают, – **я сам думаю**, если б Онегин и Печорин могли, как многие, приладиться к николаевской эпохе, Онегин был бы Виктор Никитич Панин, а Печорин не пропал бы по пути в Персию, а сам управлял бы, как Клейнмихель, путями сообщения и мешал бы строить железные дороги»[20].

Как видим, Герцен «договорил», дорисовал вероятное ренегатство Онегина и Печорина не хуже, чем это сделал автор «Дневника провинциала в Петербурге», представляя тургеневских и гончаровских героев в качестве делегатов международного конгресса статистиков. Не касаясь всех обстоятельств полемики Герцена с «Современником», отметим, что в данном случае показательна устойчивость тенденции к самообновлению литературной формы даже в публицистической статье и сатирическом произведении, хотя эти же процессы наблюдаются и в романе Гончарова «Обрыв» там, где дают о себе знать античная и христианская традиция.

Попытки исследовать значение традиций русской классики XIX века в прозе начала XX века, как видим, наталкиваются на необходимость прояснить содержание этого термина и его варианты.

В данном случае уместно рассмотреть синонимичное «традиции» понятие «актуализация старых литературных форм».

Понятие актуализации старых литературных форм проясняет и конкретные случаи ее проявления, поддающиеся теоретическому изучению. В отечественном литературоведении давно применяются два термина: реминисценция и аллю-

зия, так или иначе применяемые исследователями к литературным явлениям, связанным с той ситуацией, когда в творчестве того или иного писателя уместно говорить о наличии традиции, восходящей к наследию предшественников[21]. Однако ни В.Е. Хализев, ни другие ученые-предшественники и современники не прояснили до настоящего времени вопрос: как соотносятся реминисценция и аллюзия по отношению к общему для них явлению актуализации старых литературных форм? Ведь намек (аллюзия) – это одна ступень памяти (традиции), а реминисценция (припоминание) – уже другая, качественно более высокая, ибо в этом случае предполагается и более протяженное по времени обращение к источнику, и более конкретное использование элементов той или иной его литературной формы. Чтобы не отступать от темы, связанной с более обширным исследованием русской прозы рубежа XIX–XX веков, здесь и далее будем приводить примеры из творчества тех писателей XIX века, которые так или иначе затрагивали в своих произведениях судьбу крестьянской России.

Как уже отмечалось выше, феномен актуализации старых литературных форм особенно заметен в тех произведениях классиков XIX века, где подводятся определенные итоги общественной жизни в России, с одной стороны, осуществляется художественное проникновение в новую, усложнившуюся действительность. Например, явление Алексея Степановича Молчалина герою-повествователю, обращение героя к Глумову в «Современной идиллии» и связанный с этим достаточно объемный сюжетный эпизод подпадает под признаки реминисценции. А вот мелькнувший в повести А.П. Чехова «Моя жизнь» «Неуважай-Корыто» – аллюзия, рассчитанная на читателя образованного, начитанного, литературно одаренного. Ведь тут речь идет не о гоголевской поэме «Мертвые души» с известным эпизодом продажи Собакевичем Чичикову умерших крепостных, в числе которых значится и Неуважай-Корыто. Сама фамилия умершего крестьянина – тоже предмет особого размышления по поводу художественного приема Гоголя, избранного им для изображения крепостнической России. В фамилии-прозвище этого крепостного Собакевича ощущается нечто общее с характером барина, для которого не только «весь город» состоит из «мошенников» и «христопродавцев», но и вся Россия такова. Если в ней случайно встретятся «порядочные» люди, то и они, «если правду сказать», как о прокуроре, тоже «свиньи». Этот антипатриотический нигилизм Собакевича ко всему, что его окружает в России и есть врожденное «неуважение» героя к родному «корыту». В «Дневнике провинциала в Петербурге» М.Е. Салтыков-Щедрин выводит достаточно яркий сатирический персонаж под этой же фамилией – Неуважай-Корыто. Но здесь явлен тип историка-гробокопателя, нигилиста-антипатриота, закосневшего в убеждении, что все, бывшее в истории Руси-России, пришло из Западной Европы. Именно к такому псевдоученому, самонадеянному и спесивому, упертому радикалу-западнику и восходит обозначенный в повести Чехова, как бы мельком, деревенский полуинтеллигент Неуважай-Корыто. Эффект при этом получается достаточно внушительный и по содержанию и по масштабам: автор подключает щедринский персонаж к изображаемой им провинциальной и деревенской пустопорожней суете, в которую никак не может пробиться свет подлинно живого дела, самостоятельной мысли, замешанных на бескорыстной любви к Отечеству. И оттого вариации на тему «Неуважай-Корыто» множатся в «Моей Жизни», проявляясь то в образе смердяковствующего крестьянина Степана, то в образе доктора Благово, а затем и в инженере, отце Марии Викторовны, а под конец и в ней самой. Эти примеры можно приводить и далее. Между тем, видовые различия между аллюзией и реминисценцией теперь достаточно очевидны. «Аллюзия», означающая намек на некоторую информацию, заключенную в определенном художественном тексте, имеет по отношению к «реминисценции», означающей «воспоминание» о каком-либо достаточно определенном явлении художественного текста, выступает как явление видовое. Следовательно, оба эти термина могут рассматриваться как виды актуализации старой литературной формы, условия проявления которой и содержательные признаки рассмотрены выше. Тем не менее данную классификацию видов актуализации старых литературных форм приходится существенно дополнить: эмпирический материал, касающийся прозы И.А. Бунина, например, дает основание для поиска адекватных ему терминов. В повести «Деревня» Бунин выводит образ базарного философа Балашкина, в портретной и речевой характеристиках которого различаются признаки не одного, а сразу нескольких литературных персонажей и даже реальных дея-

телей литературы и культуры XIX века. В Балашкине одновременно узнаются повадки щедринского Неуважай-Корыто, (чего стоит «созвучие» деталей портретных характеристик!), гоголевского Собакевича, а затем, после горячего, запальчивого мартиролога русской литературы XIX века, проступает за Балашкиным и тень «неистового Виссариона». Далее – также тени порожденных поздним Белинским Писарева и Ткачева. Подобное явление удобнее всего охарактеризовать как особого рода аккумулятивную реминисцентно-аллюзитивную симфонию образов и деятелей литературы и культуры. Это еще более сложный и высший вид проявления феномена актуализации старых литературных форм. Его появление в художественной структуре повести Бунина «Деревня» обусловлено стремлением автора подвести итог историко-культурного развития России за невероятно большой период ее исторического движения. Поэтому эффект аккумулирования реминисцентно-аллюзитивных явлений в данном случае, в образе Балашкина, – отзовется еще более масштабным и содержательно более богатым эффектом, когда речь пойдет о поездке Кузьмы Красова в Киев.

В то же время в прозе Бунина, посвященной раздумьям о судьбах крестьянской России, да и в прозе Шмелева, повествующей о народных мастерах, духовно и нравственно и родственно близких патриархальным крестьянским традициям, встречаются достаточно часто образы, пейзажи, сюжетные сценки, продиктованные оригинальной, собственно авторской манерой. Достаточно определенно уловимые признаки аллюзии или реминисценции в них отсутствуют. В этих случаях, а их – подавляющее большинство в текстах изучаемых писателей, проявляется иногда другая разновидность феномена актуализации старых литературных форм. Это явление предположительно можно определить как спонтанный, то есть, неожиданно возникающий в творческом сознании писателя, не зависящий от его воли, образный, сюжетный резонанс, своеобразное неожиданное эхо предыдущих литературных героев, их судеб, их жизненных обстоятельств, запечатленных в сюжетных эпизодах и жанровых сценках. Эффект спонтанного литературного резонанса (СЛР) в прозе писателей начала XX столетия наблюдается достаточно часто и представляет собой явление, существующее в природе реализма рубежа веков. Это и есть собственно феномен, то есть универсальная, имеющая ряд глубоких и сложных причин закономерность русского реалистического искусства второй половины XIX – первых десятилетий XX веков. Эту степень проявления актуализации старой литературной формы следует рассматривать на уровне коллективно-бессознательного творческого поиска литературой новых форм и нового содержания. Литература в этом случае как бы посылает в грядущее творческие импульсы в виде старых художественных форм, как бы предлагая их писателям в качестве образцов старого и, одновременно, своеобразных материалов, заготовок для новой, художественной формы, ткань которой будет насыщена элементами лучших образцов из прежних поэтических структур.

И в этом случае чуткий к жизни мастер неизбежно уловит такого рода сигналы из прошлого и на их основе воплотит в художественной структуре своих творений эту информацию.

Теперь подведем некоторые итоги. Исследуемое в данной работе историко-литературное явление характеризуется по-разному в трудах многих отечественных литературоведов. Речь, главным образом, идет о значении литературной традиции в творчестве писателей рубежа столетия и первых десятилетий XX века. (Келдыш, Тагер и др.). Интересные суждения в связи с этим приводятся в содержательной статье современного исследователя текстовой реминисценции М.А. Алексеенко. Свои аналитические размышления М.А. Алексеенко подкрепляет данными эксперимента, проведенного А.Е. Супруном в 1975 г., в ходе которого выяснялась, в частности, в какой мере часть текстовых реминисценций (ТР) вошла в речевой обиход «массового носителя языка»[22]. М.А. Алексеенко приводит достаточно убедительную классификацию типов ТР в текстах «(собственные имена авторов, героев произведений, названий произведений и т.п.)»[23]. Однако сам автор статьи в данном случае явление ТР изучает сквозь призму лингвистики. А в этом случае, как признает сам исследователь, «корпус источников ТР русского языка довольно велик»[24]. И тут, к сожалению, значение теоретических суждений ученого до некоторой степени теряется в массе фактов невероятно громадного всемирного историко-культурного диапазона. Поэтому для плодотворного развития интересных и глубоких наблюдений ученых-языковедов требуется обратить внимание на

масштабно более скромный, но содержательно богатейший историко-литературный процесс русского XIX и XX веков. Тем более, что отечественное литературоведение имеет определенный опыт в исследовании данной проблемы. При этом функциональное значение традиции русской классической литературы XIX века в становлении новой художественной манеры прозаиков, поэтов и драматургов рубежа веков исследуется в русле более масштабной проблемы – своеобразия русского реализма начала XX века (Келдыш).

На наш взгляд, здесь проявляется весьма недостаточно изученное, очень длительное по времени и многообразное по своим проявлениям в творчестве разных писателей воздействие огромного историко-культурного и литературного пласта, сформировавшегося в процессе многовекового культурного движения России.

Сложность этого процесса, не всегда объяснимая логикой современной научной мысли, дает основание определить его как феномен актуализации старых литературных форм в искусстве последующих поколений мастеров слова. Первоначальное изучение этого явления позволяет установить или, точнее выделить два наиболее очевидных условия, в которых наиболее возможным становится его существование в историко-литературном процессе.

Итак, феномен актуализации старых литературных форм наблюдается и проявляется достаточно определенно в том отрезке творчества того или иного художника, с которым совпадает осознанная художником острая необходимость в историко-культурной ретроспективе, своего рода итоге какого-либо процесса в общественной и литературной жизни страны.

Это стремление, желание, потребность, преимущественно возникает в творческом сознании писателя-сатирика, критически оценивающего, причем с позиций историка культуры в духе Н.М. Карамзина, литературные типы недавнего прошлого России, наиболее существенные темы литературного наследия. С тем, чтобы разобраться в прошедшем и двигаться дальше, не повторяя ошибок прежних десятилетий. Наиболее ярко это проявилось в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. Там, где встречается на рубеже веков некий повтор тем и образов, узнаваемых достаточно легко в прозе писателей, почти наверняка можно найти и примесь иронии, а подчас, и сатиры.

Второй существенной особенностью феномена актуализации старых литературных форм является колоссальный историко-культурный хронотоп. Здесь охватывается едва ли не вся история отечественной литературы, начиная с древнерусской и кончая новейшим временем. Этот факт наблюдается впервые особенно ярко в творчестве позднего Щедрина «Пошехонская старина», далее – в прозе И.А. Бунина 1890–1910-х гг. («Святые горы», «Деревня»).

Примечания

[1] *Тагер Е.Б.* Избранные работы о литературе. – М.: Сов. писатель, 1988. – С. 322–323.

[2] *Тагер Е.Б.* Указ. соч. – С. 323.

[3] *Тагер Е.Б.* Указ. соч. – С. 323.

[4] *Тагер Е.Б.* Указ. соч. – С. 321.

[5] *Тагер Е.Б.* Указ. соч. – С. 323.

[6] *Келдыш В.А.* Русский реализм начала XX века. – М.: Наука, 1975. – С. 273.

[7] *Келдыш В.А.* Указ. соч. – С. 273.

[8] *Келдыш В.А.* Указ. соч. – С. 270–272.

[9] *Келдыш В.А.* Указ. соч. – С. 270.

[10] *Муратова К.Д.* Заключение // История русской литературы. В 4-х т. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). – Л.: Наука, 1983. – С. 750–751.

[11] *Муратова К.Д.* Указ. соч. – С. 750–751.

[12] Муратова К.Д. Указ. соч. – С. 753–754.

[13] *Лебедев Ю.В.* Поэзия 70-х годов // История русской литературы. В 4-х т. Т. 3. Расцвет реализма. – Л.: Наука, 1982. – С. 596.

[14] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. В 10 т. Т. 4. – М.: Правда,1988. – С. 210. (Далее ссылки на это издание приводятся с указанием тома и страницы.)

[15] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. Т. 4. – С. 212.

[16] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 4. – С. 213.

[17] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 4. – С. 213.

[18] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Указ. соч. Т. 4. – С. 214.

[19] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. Т. 4. – С. 214.

[20] *Герцен А.И.* Соч. В 9 т. Т. 7. – М.: Худож. лит., 1958. – С. 257.

[21] См.: В.Е. Хализев. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002.

[22] См.: *Алексеенко М.А.* Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. Сб. науч. Трудов ИЯРАН. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 225–227.

[23] См.: *Алексеенко М.А.* Указ. соч. – С. 227.

[24] *Алексеенко М.А.* Указ. соч. – С. 229.

Т.И. Радомская

ОБРАЗ ДОМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ ЛЕРМОНТОВА: ФЕНОМЕН «СРЕДИННОСТИ» И ДИАЛЕКТИКА ЗЕМНОГО И НЕБЕСНОГО

В художественном мире Лермонтова одной из постоянных становится тема Дома, к которому ведут разные пути его лирического героя. Напряженное осмысление этого понятия связано и с личными биографическими реалиями жизни поэта (потеря матери и отца), и с общей атмосферой эпохи, которая начала складываться уже к концу XVIII в. и характеризовалась стремлением русской культуры к национальному самосознанию и самопознанию[1].

Пронизанная европеизированным каноном, отечественная культура пытается определить свое место, выявить национальную самобытность в послепетровском имперском пространстве.

Уже в ранней лирике Лермонтова пронзительно звучат два взаимосвязанных мотива: декларация одиночества и напряженное осмысление того понятия, которое обозначено словом «Дом», в свою очередь имеющее глубокую традицию художественного восприятия и воплощения в русской литературе и культуре.

Так, в древнерусской книжной традиции образ Дома становится одним из важнейших и отражает основополагающее звено национального космоса. Об этом свидетельствуют не только книжные памятники, но и само функционирование лексемы «дом». Она обозначает и Церковь (Дом Божий), и внутреннее состояние человека («тайный храм сердца»), и дом – земное жилище. Не случайно то, что в древнерусском языке тесно сближаются между собой лексико-семантические поля ‘храм’ и ‘дом’. Сопряжение дольнего и горнего – необходимое условие для устроения Домов. Категория «Дом» в древнерусской культуре не ограничена сферой только семейной жизни и понимается более широко, так как соотносится с домостроительством Божиим, в котором тварная природа приобщается к Творцу и Его Отечеству. Таким образом, Домом становится *сакрализованная природа мира и человека*. Данное восприятие, сформированное национальной духовной традицией, находит свое художественное выражение и в древнерусской литературе. Так, в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона показывается рождение такого Дома и родства, которое определяется не только кровно-родственными связями, общностью территории, но и духовным единством: «И тако странни суще, людие Божии нарекохомся, и врази бывше, сынове Его прозвахомся»[2].

Понимание Дома, сформированное в древнерусской культуре, находит свое дальнейшее развитие и трансформацию в послепетровской эпохе, в ее петербургском периоде, что, в частности, отразилось и в творческом мире Лермонтова.

Обратимся к его раннему стихотворению «Мой дом», представляющему собой философскую медитацию, запечатлевшую процесс мышления и осмысления центральной темы, вынесенной в название – темы Дома.

В первых строках выдвигается положение: «Мой дом везде, где есть небесный свод»[3]. Далее конкретизируются его приметы: он связан со «звуками песен» и жизнью. «Звуки небес», песня ангела, музыка небесных сфер – все это ассоциируется у Лермонтова с раем, «небесной Отчизной» («Ангел») и находит свое отражение в описании «небесного дома» в «Моем доме».

В следующей строфе указаны пространственные координаты дома, которые выявляют его *духовное измерение*, поэтому его возможно «измерить» не физическим «взором, но душой». Первые две строфы рисуют образ Дома как грандиозное космическое пространство.

Начало третьей строфы контрастирует с первой и второй предельной четкостью и простотой мысли: «Есть чувство правды в сердце человека,/ Святое вечности зерно…» (I, 300). Если «мысль о вечности» («1831-го июня 11 дня» I, 188) в душе поэта может рождать величественные образы, подобные «безбрежному океану» («1831-го июня 11 дня» I, 188), исполненные свободы, но достаточно индифферентные к нравственной сфере, то в «Моем доме» создается иная картина. И сама Вечность, и душа человека вдруг обретают ясные духовно-нравственные координаты, разрушающие романтический канон. Безбрежный океан вселенной («1831-го июня 11 дня», I, 188), океан души («Нет, я не Байрон, я другой…», I, 361), эти туманно-романтические образы контрастируют с предельно простым «чувством правды в сердце человека»,

© Т.И. Радомская, 2006

к которому прилагается определение: «святое вечности зерно». Оно делает понятной связь души с космосом, вселенной, Богом. «Чувство правды» есть «святое вечности зерно», то есть со-весть, дарующая сердцу человека весть о характере его «отношений» с Богом. Оно и есть то основание, благодаря которому становится возможным путь к Дому Отца. Приобщенное к Нему сердце обретает сыновство, а с ним и дар духовного зрения: «Пространство без границ, теченье века/ Объемлет в краткий миг оно». Здесь знание, видение и ведение осмысляются через духовно-нравственные категории, что определяет феномен знания в святоотеческой и древнерусской культурной традициях. Приобщаясь к Вечности через «правду в сердце», человек преодолевает свою земную ограниченность, временные рамки в какой-то момент могут при этом раздвинуться, и душа оказывается способной видеть прошлое, настоящее, будущее – «пространство без границ, теченье века». Здесь духовно интуитивно Лермонтовым постигается смысл заповеди блаженства: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф., V, 8). Чистота сердечная, невозможная без «чувства правды», приближает к Вечности и дает знание. Дар прозрения, таким образом, осмысляется здесь как дар чистого, «правдивого» сердца.

«Чувство правды» соединяет дом человека с Домом Божьим. В последней строфе непосредственно говорится о том, что дом человеческой души построен Всемогущим именно для него. Дом души, имеющий в себе эту связь с Богом, воспринимается поэтом как Дом, в котором он осужден жить и страдать, но только в нем он может обрести покой. При этом образ покоя, постоянный в творчестве Лермонтова, наделяется здесь не покоем могилы («холодным сном могилы» (I, 543), не покоем смерти, но *спокойствием* («и в нем лишь буду я спокоен»).

Две последние строки поднимают тему страдания, на которое человек «осужден» в земной жизни, и тему покоя, примиряющего с ним, который обретается в особом Доме души. В нем неизбежные земные страдания успокаиваются Всемогущим через чувство правды, дарованное человеку от Него.

Таким образом, мы видим, что «Мой дом» представляет собой стихотворение, в котором запечатлен процесс мышления, направленный на понимание феномена Дома. Здесь проявляются характерные особенности поэтики философского размышления Лермонтова. В стихотворении художественно воплощен процесс мышления, в нем показываются причинно-следственные связи между духовно-нравственными и философскими категориями (совести, вечности, пространства). Б.М. Эйхенбаум отмечал, что «афоризмы и сентенции поэзии Лермонтова являются следствием, в которое обращается развившаяся в борьбе мысль»[4].

В «Моем доме» поэт достигает особой точности своих сентенций, их убедительность при этом основана на логичности изложения, близкой к построению философского трактата.

Дом для поэта – это образ души особого устроения. В нем «чувство правды» соединяет человека на земле с Домом Божьим, Вечностью. Земное, душевное одухотворяется, человек становится домом Божьим, местом Его обитания в душе.

В выписках В.Ф. Одоевского, сделанных им для Лермонтова в записной книжке, подаренной поэту, среди прочих есть следующая: «Павел: Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?»[5]. Эти слова апостола Павла объясняют духовное содержание образа дома в «Моем доме». В нем дом для человека – это его душа, выстроенная Богом как храм.

Образ Дома как определенного состояния души постоянен в творчестве Лермонтова. Так, в «Романсе» («Хоть бегут по струнам моим звукам веселья…») душа сравнивается с «тайной кельей» (I, 332), в «Как в ночь звезды падучей пламень…» душа из храма превращается в «замок мрачный, пустой» (I, 347), в «Расстались мы, но твой портрет…» образ возлюбленной сравнивается с оставленным храмом (I, 423).

Не случайно Н.А. Резник отмечает, что «Лермонтова и многих его современников отличает “храмовое” сознание, которое представляется соединением возвышенного и земного через нравственное, а, следовательно, и религиозное <…> Поэты строят храм в своей душе, о чем поведал А.И. Одоевский в “Элегии” (1829): «Но в нас порывы есть святые,/ И чувства жар, и мыслей свет…»[6]

Лермонтов, как и А.И. Одоевский, воспринимает свою душу через образ такого Дома, в котором соединяется временное с вечным, материальное с идеальным, небесное с земным. В таком Доме возможны творчество («звуки песен») и жизнь, потому что он восходит к Источнику

жизни. В этом смысле фрагмент «Отрывка из Гете» Грибоедова о душе Поэта как престоле «Создавшего миры и лета» близок «Моему дому» Лермонтова и «Элегии» Одоевского. «Храмовое», церковное сознание характерно и для Пушкина. В «Евгении Онегине» духовное устроение героев представляется в образе домов.

Например, умерший Ленский сравнивается с «домом опустелым», с домом-храмом, в котором «потух огонь на алтаре»[7].

Н.С. Серегина, анализируя образ памятника в «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…», сопоставляет текст стихотворения с образно-лексическим материалом Триоди Цветной. Она показывает, как в этом памятнике христианской гимнографии воздвигается «храм-памятник то реальный, каменный, то мысленный, словесный, нерукотворенный. Именно с таким значением исследовательница связывает первые строки пушкинского стихотворения и, соответственно, один из смыслов образа нерукотворенного памятника как храма души, посвященного Богу и Всем святым[8].

Восприятие дома как места встречи земли с небом, что соответствует сущности Церкви, – свойство национальной духовной традиции. Оно определяет организацию пространства дома, города, селений – мест, где человек живет на земле. Так, например, в Московской Руси Красная площадь представляет собой «храм вне стен (под открытым небом)». Образ столицы представлял подобие как палестинского, так и Небесного Иерусалима, «это знак, знамение того, куда должно направляться все в земной жизни людей»[9].

Устроение своей души как храма Божьего, восприятие дома как места сретения Бога и человека в пространстве земного тела, тот феномен Дома, который был характерен для древнерусской книжной традиции, – находит свое отражение в феномене Дома в «Моем доме».

Но в эту тему дома как храма Лермонтов *привносит то, что определило особенности духовного мира человека в социокультурной жизни 1830-х–1840-х гг.*

В «Моем доме» показано желанное, но редкое для Лермонтова устроение души, в котором земное и небесное, диалектически связанные между собой, находятся в согласии, дающем спокойствие. Это идеальная модель Дома, к которому поэт стремится и о котором помнит.

Однако большей частью душа воспринимается Лермонтовым как дом, который характеризуют болезненно-напряженные отношения двух его основ – земного и небесного.

Нам представляются значимыми наблюдения В.В. Афанасьева о том, что у Лермонтова восприятие Небесного Отечества иное, чем в романтической традиции, например, у Жуковского, Батюшкова[10]. У них возникает традиционная оппозиция земного небесному, где «край незримый» (Жуковский) противостоит зримому. Принципиально иначе воспринимает Лермонтов отношения небесного и земного в человеческой жизни, доме души. В его случае так же, как и у Пушкина, мы имеем дело с феноменом границы, перехода, то есть такого восприятия мира (духовного, земного), в котором земное соединено с Божественным. То место, где эта встреча происходит, и есть Дом, в основание которого ложится образ креста (пересечение горизонтали вертикалью).

Образ могилы отца в «Я видел тень блаженства; но вполне…» – образ места на земле, где земное и небесное соединяются, и оно для поэта средь полей родины является ее неким значимым центром. Это место встречи с отцом земным и начало дороги к Отцу Небесному.

«Синтетическое состояние: соединение свободы, покоя и счастья, личного и безличного, бытия и забвения связано со срединным положением во вселенной» (Лотман[11]) – в этих наблюдениях над творческим миром Лермонтова выделяется «срединное» положение человека во вселенной, в результате которого у Лермонтова небо и земля соединяются в «Выхожу один я на дорогу…», несовместимо совмещаются (в «Демоне»).

«Срединное» положение, «срединная» сфера как пространство Дома – следствие того восприятия человека и мира, которое связано с Россией как страной восточной православной традиции. Для нее характерно преображение телесной природы человека, его Домов сакральной областью, *вследствие чего в восприятии Лермонтова столь значим феномен «срединности»*. Человек занимает центральное, «срединное» место между двумя полюсами мироздания, он телесен и одновременно с этим духовен. Именно такое восприятие человеческой природы отражается у Лермонтова уже в раннем творчестве («1831-го июня 11 дня», I, 191).

Напряженные отнош*ения между земным и небесным, осознание их нераздельности и одновременно неслиянности характерны для пространства душевного Дома Лермонтова.* Здесь

материя, тело ощущают свою божественную природу и одновременно – глубочайший разлад, характерный для сознания человека «петербургского периода». Далеко не случайна обмолвка Чацкого о себе: «Ум с сердцем не в ладу». Этот разлад ума и сердца, повседневности и духовной жизни, человека и уклада становятся знаком времени и проявляются в мотиве «петербургского безумия»[12].

В поэзии Лермонтова находит свое художественное воплощение состояние души человека, помнящего о Небесном Отечестве и стремящегося к преображению земного пространства Божественным Светом и Святостью. В этом смысле показательно юношеское стихотворение «Ночь I». Здесь поэт изображает совершенно особые отношения души и тела, противоположные романтической оппозиции земля – небо, материя – дух. Наоборот, здесь душа воспринимает тело как своего «друга»: «Я должен был смотреть на гибель друга/ Так долго жившего с моей душою…» (I, 85)

Лермонтов показывает, как душа возвращается на землю, к телу, для того, чтобы и тело вместе с душой могло воскреснуть. Здесь в пространстве телесного Дома ощутимо милостивое отношение к тварной природе и чаяние ее воскрешения.

В «Ночи I» поэт изображает не только смерть тела, но и стремление души вдохнуть в него жизнь: «Я припадал на бренные останки,/ Стараясь их дыханием согреть …» (I, 85).

Данный текст соотносим с текстом пророчества Иезекииля, являющее ветхозаветные прообразы грядущего воскресения мертвых (Книга пророка Иезекииля, гл. XXXVII, ст. 1–14). «Кости», «бренные останки» – все это олицетворяет телесный полюс, низ Дома, стремящегося к своему верху. Поэт не может смириться с разъединенностью души и тела, антиномией телесного и вечного, он жаждет исполнения слов пророчества Иезекииля: чтобы «кости сухие», услышав глас Божий, воскресли. В «Ночи I» жажда воскресения и приобщения к Вечности земного Дома перерастает в ропот, который сознательно оборван.

Обращаясь к этому стихотворению, нам хотелось бы выделить еще один мотив, характерный для творчества Лермонтова. Душа поэта, спустившись в глубину тьмы, смерти, ждет наступления *иной* жизни, в которой осуществляется полнота слияния духовного и небесного.

Именно о такой новой природе мира и человека мы находим обмолвку в «Штоссе» тогда, когда Лермонтов пишет о творческом вдохновении: «…одно из тех божественных созданий молодой души, когда она в избытке сил творит для себя *новую* природу, лучше и *полнее* той, к которой она *прикована*» (курсив – *Т.Р.*, IV, 499). Здесь так же, как и в «Ночи I», явственно эсхатологическое ожидание наступления новой, полной жизни, в которой происходит преодоление тварной природы, приковывающей к себе человека, преображение души и тела и осуществляется победа Вечного над тленным, что близко словам Откровения Иоанна Богослова: «И отимет Бог всяку слезу от очию их, и смерти не будет ктому: ни плача, ни вопля, ни болезни не будет ктому, яко первая мимоидоша» (XXI, 4). Образ иного мира, в котором земной круг человеческой жизни приобщен Вечности (чаяние поэта в «Ночи I»), определяет лермонтовское восприятие Дома и объясняет своеобразие его диалектики земного и небесного.

Феномен «срединности» художественного пространства и мироощущения поэта тесно связан с его пониманием места человека в мироздании и восходит к истокам древнерусской культурной традиции, в которой земное освящено небесным и приобщено к Творцу.

Присущий художественному мировосприятию Лермонтова, он оказывается глубоко связанным с тем, как воспринималась категория Дома в древнерусской культурной традиции. Можно говорить о том, что она сформировала определенный архетип «домашнего» миропонимания, для которого характерно сопряжение дольнего и горнего в земном пространстве. Именно оно формирует «чувство» Дома в древнерусском мире, и именно оно оказывается актуальным и для внутреннего мира Лермонтова. Глубокое осознание нераздельности земного и небесного – одно из отличительных черт его мироощущения – восходит к «припоминанию» о том Доме, который соединяет в себе время и Вечность, духовное и материальное. Этот идеальный образ Дома, заложенный национальной духовной традицией, определяет тип мироощущения Лермонтова. Однако наряду с чувством нераздельности этих двух центров мироздания, в душе поэта, сформированной в «петербургский период» русской истории, живет разлад между повседневностью и сакральностью, разлад, делающий

связь с Небом мучительной, но неотъемлемой частью жизни. Такая нераздельность и неслиянность одновременно формирует в свою очередь устойчивый тип мироощущения, который станет наиболее очевидным во втор. пол. – кон. XIX вв. и в полной мере проявится в начале XX столетия.

Примечания

[1] См. об этом: *Афанасьев Э.Л.* Русская историография XVIII столетия и литература // Афанасьев Э.Л. На пути к XIX веку (Русская литература 70-х гг. XVIII в. – 10-х гг. XIX в). – М., 2002. – С. 25–237.

[2] Библиотека литературы древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); Под ред. Д.С. Лихачева и др. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 40.

[3] *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: в 4 т. – М.; Л., 1961. – Т. 1. – С. 300 (в дальнейшем произведения Лермонтова будут цитироваться по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи).

[4] *Эйхенбаум Б.М.* Статьи о Лермонтове. – М.; Л., 1961. – С. 166.

[5] *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. – М., 2003. – С. 547.

[6] *Резник Н.А.* Цветовая символика в лирике М.Ю. Лермонтова в русле традиции православия // Русская литература и христианство. – М., 1997. – С. 282.

[7] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 9 т. – Л., 1935. – Т. 5. – С. 163–164.

[8] *Серегина Н.С.* Пушкин и христианская гимнография. – СПб., 1999. – С. 137–138.

[9] *Лебедев Л.А.* Великороссия: жизненный путь. – СПб., 1999. – С. 133.

[10] *Афанасьев В.В.* Лермонтов. – М., 1991. – С. 118.

[11] *Лотман Ю.М.* Проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова // Лотман Ю.М. О русской литературе. – СПб., 2005. – С. 822.

[12] *Бочаров С.Г.* Петербургское безумие // Пушкинский сборник / Сост. И. Лощилов, И. Сурат. – М., 2005. – С. 305–317.

И.И. Быкова

ИЗУЧЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМАХ

Прилагательное как основной класс признаковых слов издавна привлекает внимание исследователей-диалектологов. О большом интересе к этой части речи свидетельствует достаточное количество работ, посвященных изучению прилагательных. Обратимся к основным направлениям, в рамках которых ведется их исследование в говорах.

Изучению лексико-грамматических разрядов имен прилагательных в системе диалектного языка посвящен ряд работ.

Так, например, цель исследования Н.В. Челюбеевой «Семантико-грамматические признаки качественно-предикативных слов в говорах Тамбовской области» – определить состав и место в лексической системе языка слов, традиционно относимых к прилагательному. В работе исследуются формальные показатели и значение так называемых разрядов прилагательных; определяется причина объединения семантически и грамматически разнородных классов слов в одну часть речи, и анализируются возможности такого объединения.

Исследование лексической семантики диалектного относительного прилагательного в связи с лексикографической проблематикой – основная цель работы Г.И. Михалева «Регулярная полисемия относительных прилагательных Брянских говоров».

О.А. Новосёлова в работе «Семантика оценочных прилагательных и их лексикографическое описание (на материале русских говоров Сибири)» ставит своей целью исследовать специфику семантики качественных прилагательных, выражающих оценку, и особенности их функционирования в живой разговорной речи носителей говоров Новосибирской области; на основе изучения семантических и прагматических свойств оценочных прилагательных, а также, опираясь на результаты современных лингвистических исследований, разработать приемы лексикографического описания оценочных прилагательных диалектного употребления.

Актуальным в настоящее время представляются исследования сопоставительного плана, когда лексические единицы, имеющие общий план выражения, сопоставляются в плане содержания. Сопоставляются обычно слова, функционирующие в ЛЯ и говорах. Выяснению характера лек-

© И.И. Быкова, 2006

сико-семантических различий имен прилагательных, имеющих в диалекте особое значение или особый оттенок значения, от общенародных значений слов данной материальной оболочки посвящена статья Р.Т. Гриб «К проблеме общенародного слова в говоре». Проведенный анализ показал, что «свойственные прилагательным данной материальной оболочки основные значения, бытующие в литературном языке, хорошо известны и носителям наших говоров, т.к. эта лексика входит в общенародный фонд языка» [1, с. 10].

Между говорами и ЛЯ происходит постоянный процесс взаимодействия, касается он и имен прилагательных. Статья Ф.Л. Скитовой, С.С. Нестеровой посвящена рассмотрению парадигматическо-синтагматических особенностей усвоения говорами прилагательных литературного языка. В результате проведенного наблюдения над составом заимствованных акчимским говором прилагательных авторы приходят к выводу, что «основной движущей силой, определяющей заимствование имен прилагательных, выступают социальные факторы. Это находит отражение и на структурном уровне» [2, с. 22].

Говоры содержат богатый материал для анализа имен прилагательных в аспекте их системных связей и отношений, описания лексико-семантических и тематических групп, синонимов и антонимов. Основными задачами исследований Г.А. Ракова «Синонимия имен прилагательных в Нарымском говоре» (семантико-функциональный анализ)» и «О диалектном словаре синонимов» являлись выявление синонимических рядов имен прилагательных в нарымском говоре, определение характера отношений компонентов каждого ряда и установление типологии синонимических рядов, а также необходимость проверки действенности разных направлений компонентного анализа при работе с диалектным материалом, исследование синонимов-прилагательных в функциональном аспекте. Проведенный семантический анализ, основанный на использовании приема компонентного преставления структуры семем, позволил выделить шесть типов синонимов, три типа синонимических рядов. В результате исследования синонимов-прилагательных в функциональном аспекте было установлено, что компоненты синонимических рядов характеризуются совпадением сочетаемости, включением сочетаемости и пересечением сочетаемости; структура семем-синонимов не остается неизменной в процессе их функционировании и зависит от семантики опорного слова.

В монографии О.А. Сивко определяется роль парадигматических связей между словоформами при определении семантики антропонимических прилагательных (на материале говоров Новосибирской области).

Одним из проявлений системности является вариативность. Явление вариантности, по мнению исследователей, составляет существенную черту любого говора. В современном языкознании нет общепризнанного понимания вариантности слова и границ варьирования, поэтому в работах разных авторов по-разному определяются варианты слова и по-разному представлена их классификация. Исследователи не раз отмечали и устойчивую тенденцию диалектного языка к мотивированности. Изучению вариантных отношений, а также явления мотивированности имен прилагательных в говорах посвящены работы Л.И. Омельченко, З.М. Богословской, Е.Н. Топоровой, Т.А. Демешкиной. Так, вариантности местоимений и прилагательных в переходном говоре Анучинского района Приморского края посвящена работа Л.И. Мининой.

Предметом пристального внимания диалектологов являются прилагательные отдельных тематических групп. Исследование А.Д. Ли посвящено выявлению синонимо-антонимических связей в рамках тематической группы слов, обозначающих черты характера человека, его психическое состояние, с учетом многообразных явлений полисемии, синонимии, антонимии, с использованием живых словообразовательных связей изучаемых слов. В результате этой работы автор приходит к выводу, что сопоставительный лексический материал севернорусских говоров свидетельствует об общности лексико-семантического фонда микросистем севернорусских говоров и дает основание сделать предположение о наличии значительного сходства синонимо-антонимических связей в отдельных микросистемах в пределах севернорусских говоров.

В статье Е.В. Кипайкиной рассматриваются лексико-семантические отношения прилагательных, характеризующие человека в русских говорах на территории Мордовии. Предметом изучения Е.А. Воробьевой явились имена прилагательные, обозначающие человека по внешности в связи с его физическими особенностями,

зафиксированные в Ярославском областном словаре. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что прилагательные, относящиеся к данной тематической группе, достаточно многочисленны и представляют значительный интерес, так как отличаются от соответствующей группы прилагательных ЛЯ в количественном отношении, более разнообразны в словообразовательном отношении.

В результате анализа тематической группы слов, характеризующих человека по его отношению к работе, и слов, обозначающих различные стороны его характера, В.В. Алехина приходит к выводу, что диалектная лексика находится в тесном взаимодействии с лексикой ЛЯ. Это проявляется: а) в образовании прилагательных (гоношливый, куражливый) от глаголов литературного языка; б) в расхождении значений слов в литературном языке и диалекте (самовластный, разухабистый); в) в расширении значений слов в сравнении с литературным языком (расхожий, крутой).

Исследованию функционирования цветовых прилагательных в современных русских говорах посвящены работы Н.И. Волковой, В.А. Пищальниковой, Л.Е. Кругликовой. Прилагательные цветообозначения обнаруживают некоторые особенности функционирования. Это проявляется в относительно большей их употребительности, в развитии переносных значений, не характерных для ЛЯ, в особенностях словообразования.

Внимание исследователей привлекает проблема словообразования имен прилагательных в диалектных системах. Изучению словообразования в говорах уделяется большое внимание в связи с решением проблемы выявления взаимоотношений между ЛЯ и диалектами, взаимоотношений диалектной системы словообразования и системы словообразования современного русского ЛЯ. Учитывая особенности диалектного словообразования прилагательных, исследователи признают, что словообразование прилагательных в диалектах осуществляется в основном по тем же правилам, что и в ЛЯ, но с некоторыми отклонениями от общепризнанных норм ЛЯ, с большей свободой новообразований, со своеобразным стилистическим употреблением. Разные способы образования имен прилагательных исследуются в работах О.Г. Гецовой, Л.И. Меркуловой, Л.А. Юмаевой и других исследователей.

Так, Е.И. Новикова в работе «Морфологическое словообразование качественных имен прилагательных в русских говорах Карелии и сопредельных областей» ставит целью описать словообразовательную систему качественных имен прилагательных, выявить особенности и основные закономерности в развитии системы словообразования исследуемых слов в говорах Карелии и сопредельных областей, установить закономерности, общие с системой словообразования прилагательных в современном ЛЯ. Проведенными исследованиями Е.И. Новиковой удалось установить закономерности в образовании анализируемых слов и выявить определенные словообразовательные типы.

В работе В.В. Бебриш, посвященной именам прилагательным в говорах южных районов Красноярского края, рассматриваются способы образования этой части речи (на примере сложных прилагательных), устанавливаются словообразовательные типы в сравнении с соответствующими типами в ЛЯ.

Л.С. Филиппова, М.А. Романова в статье «Имена прилагательные с суффиксом *-л-* в русских говорах Нижнетавдинского района Тюменской области» приходят к выводу, что имена прилагательные с суффиксом *-л-* в окающих старожильческих говорах Нижнетавдинского района Тюменской области в основном образуются по тем же правилам, что и в ЛЯ. Особенностям словообразования и семантики прилагательных (по материалам пинежского говора) посвящена работа Г.Я. Симиной. В статье М.Г. Шатух «Суффиксальное образование прилагательных в говоре села Верхне-Чуфичево Старо-Оскольского района Белгородской области» сделан вывод о том, что в словообразовании прилагательных данного говора нет существенных отличий от системы русского ЛЯ.

В.В. Рыжова обращает внимание на непредметную лексику тверских говоров, и в частности на имена прилагательные, которые представляют «большой интерес как в плане изучения их семантики, так и в словообразовательном аспекте, ибо тверские говоры, относящиеся к различным наречиям русского языка, ещё сохраняют многие архаические особенности» [3, с. 42]. В результате проведенного исследования В.В. Рыжова приходит к выводу, что «как и в литературном языке, в тверских говорах отсубстантивные суффиксальные прилагательные составляют большинство производных слов. Можно отметить, что говору присущ больший круг производных

основ по сравнению с литературным языком, так как в говорах в качестве производящих выступают слова с общеупотребительными основами, а также с диалектными. База производящих слов в говоре шире, чем в литературном языке» [3, с. 44].

Л.И. Моисеева в работе «Имена прилагательные, характеризующие атмосферные явления (на материале говоров Алтайского края)» ставит своей задачей установить семантические модели, по которым идет образование производных адъективов. В результате наблюдения над образованием адъективов выявлены мотивировочные признаки, послужившие семантической основой для дериватов, установлены словообразовательные форманты, участвующие в преобразовании семантики мотивирующих слов в признаковую зону.

Целью работы Н.И. Ершовой «Субстантивная транспозиция прилагательных в русских говорах на территории Мордовии» является комплексный, разноаспектный анализ явления субстантивации прилагательных в русских диалектах на территории Мордовии; определение корпуса синкретичных слов и словоформ, манифестирующих разную степень их транспозиции в существительные. На основании проведенного анализа автор заключает, что субстантивная транспозиция прилагательных имеет в русских говорах на территории Мордовии, как и в ЛЯ, довольно широкое распространение. Она осуществляется при наличии соответствующих семантических, морфологических и синтаксических предпосылок.

Статья В.Н. Светловой «Субстантивированные прилагательные в говорах Свердловской и Тюменской областей» представляет собой интересное и ценное в научном отношении описание системы субстантиватов в говорах указанных областей, выполненное на богатом фактическом материале. Автором выделены группы прилагательных, которые подверглись субстантивации: субстантивированные краткие прилагательные женского рода со значением различных помещений, реже – предметов быта; субстантивированные краткие прилагательные среднего рода с абстрактным значением; субстантивированные полные прилагательные мужского и женского рода со значением названий лиц, названий животных, помещений, деловых бумаг, событий, праздников, а также прилагательные среднего рода с отвлеченным и вещественным значением; субстантивированные прилагательные среднего рода на *-ск -о*, являющиеся названиями городов.

Большое внимание проблеме субстантивации в русских народных говорах уделено в работах А.А. Мошевой. В статье «К вопросу о воздействии литературного языка на диалект (на материале отадъективного словообразования в акчимском говоре)» А.А. Мошева анализирует круг субстантиватов говора д. Акчим. Исследователь отмечает, что в акчимском говоре функционируют почти все типы субстантиватов, свойственные русскому ЛЯ. Ею дается подробное описание заимствованных из русского ЛЯ субстантивированных прилагательных, которое расширяет классификацию В.Н. Светловой.

В основу исследования В.Л. Скитовой и М.Н. Мущинкиной «Процессы субстантивации при освоении говорами прилагательных литературного языка» положены материалы, отражающие функционирование лексической системы говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Согласно авторам статьи, переход прилагательных в существительные, отчетливо проявившийся в акчимском говоре, может рассматриваться как явление, характерное в целом и для других русских говоров. Проанализированный материл позволил авторам выделить ряд особенностей субстантивации, сопровождающей процесс освоения говорами прилагательных ЛЯ.

В диссертационном исследовании «Притяжательные прилагательные в псковских говорах (структура слова в аспекте морфологического и словообразовательного анализов)» А.К. Карпов ставит своей задачей определить место и роль морфемного, словоизменительного, морфологического, словообразовательного анализов в системе общего анализа структуры слова на уровнях морфологии и словообразования, выявить и описать специфику структуры притяжательных прилагательных в псковских говорах на уровнях морфологии и словообразования (в сопоставлении со структурой притяжательных прилагательных в современном русском ЛЯ). Анализ материала показал, что притяжательные прилагательные в псковских говорах строятся по тем же морфемным, словоизменительным, деривационным, морфологическим и словообразовательным моделям, что и в современном ЛЯ.

Диалектологи посвящают свои исследования и описанию особенностей прилагательных, функционирующих в отдельных частных диалектных системах, либо языковых системах одного региона. Целью статьи Т.Ф. Байрамовой «Система форм

прилагательных в говоре с. Топольного Солонешенского района Алтайского края» является выявление системы форм качественных и относительных прилагательных. Краткий обзор системы форм прилагательных позволил автору сделать вывод, что изучаемый говор в условиях инодиалектного окружения сохраняет южновеликорусскую основу, однако в процессе междиалектных контактов в систему форм прилагательных проникли специфические местные особенности.

В «Заметках об имени прилагательном в говоре Клинцовского района Брянской области» Е.П. Гарбузовой предложено краткое описание некоторых особенностей имени прилагательного в указанном говоре, а в статье Н.А. Клепицкой, Д.А. Ячинской кратко излагаются отдельные наблюдения над именами прилагательными в амурских говорах.

Предметом исследования О.Н. Киселевой явились некоторые особенности морфологической системы говоров средней части бассейна реки Оби (на материале имен прилагательных).

Не остаются без внимания и особенности ударения прилагательных. В статье В.Ф. Ивановой «К особенностям ударения полных прилагательных в сибирских старожильческих говорах сравнительно с литературным языком» описаны особенности ударения полных прилагательных в причунском говоре Иркутской области, в говорах Енисейского, Казачинского и Ачинского районов Красноярского края сравнительно с ЛЯ.

Библиографический список

1. *Гриб Р.Т.* К проблеме общенародного слова в говоре // Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии Сибирских говоров. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. института, 1979. – 127 с.

2. *Скитова Ф.Л.* Некоторые особенности освоения говорами прилагательных литературного языка / Ф.Л. Скитова, С.С. Нестерова // Литературная речь и народная речь. Межвузовский сб. науч. трудов. – Пермь, 1981. – С. 20–27.

3. *Рыжова В.В.* Имена прилагательные в говорах Тверской области // Среднерусские говоры и проблемы лингвистической географии. Сб. науч. трудов. – Тверь, 1997. – С. 42–44.

Н.Ю. Морозова

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ И МОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ Н.В. ГОГОЛЯ И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО («ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ», «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»)

Книга «Выбранные места из переписки с друзьями» была своего рода изложением жизненной программы Н.В. Гоголя. Писатель, как мы знаем, пытается проникнуть в ней в разные сферы бытования человека. Произведение как бы сочетается со многими планами изображения жизни – повседневным, деловым, лирическим… Даже в той ее части, в которой говорится о будничном, практическом, проявляются высокие идеалы писателя. Они подчиняются строгой логике. Гоголь пишет о деле «внутреннего построения» [1, с. 187] души каждым человеком и собой в том числе, и видит назначение поэтов – быть строителями нашими. Это мотивы, объединяющие, на первый взгляд, внешне бессистемное собрание глав гоголевской книги в спланированную композиционную упорядоченность. Стиль мышления Гоголя глубоко структурирован, его мировоззрение стремится к системности, а значит, и к некоей завершенности, – это признак, характеризующий монологический тип мышления.

Он проявляется, к примеру, в социальной программе «перестройки» человека, как представителя определенного сословия. Программа эта подчиняется логике цепной реакции и является иерархичной. Перевоспитание у Гоголя идет от верхнего к нижнему звену иерархии, от начальника к подчиненному: «Как только будут честны советники, тот же час будут честны капитан-исправники, заседатели, словом – все станет честно» [1, с. 267]. Монологическое происхождение подобного рассуждения заключается, на наш взгляд, в однонаправленности (сверху вниз) этого «импульса» исправления. И вместе с тем в отсутствии если не ответной, то одновременной

© Н.Ю. Морозова, 2006

реакции, активности объекта, на который он должен, по гоголевскому представлению, подействовать: «…будь патриархом, сам начинателем всего и передовым во всех делах» [1, с. 289] – показательно в этом отношении призывает помещика Гоголь.

В связи с этим полезно будет сопоставить монологическую природу с главными свойствами диалога, выделенными В.Е. Хализевым. Диалог, распадающийся на реплики, обладает двоякой активностью: он, «во-первых, откликается на только что прозвучавшие слова и, во-вторых, адресуясь к собеседнику, ждет от него незамедлительного речевого отклика…» Диалогические реплики, таким образом, продолжает свою мысль Хализев, ссылаясь при этом на представления о сущности диалога А.В. Шлегеля, «…значимы прежде всего сиюминутно, главное в них живет только в ситуации данного момента» [6, с. 232]. Диалог оказывается наделенным признаками незавершенности и открытости сознания реальности. Хотя «Выбранные места из переписки с друзьями» и явились откликом Гоголя на, как ему казалось, непонимание его предшествующих произведений читателями, что само по себе создает диалогическую ситуацию, но она не развивается писателем далее. В этом обстоятельстве Ф.М. Достоевский увидел одно из главных противоречий гоголевской книги, которое полемически преломил в повести «Село Степанчиково и его обитатели». Ситуация полного господства Фомы Опискина в этом произведении соотносится в целом с поэтической системой гоголевской книги духовной прозы, в которой проявляется монологическая, доминирующая позиция автора.

Поучения Фомы соответствуют выводам, к которым приходит Гоголь в своей книге. На формальном уровне это выражено в пафосных высказываниях Фомы, их риторике. Риторика означает видимость диалога с героями, среди них в качестве главного участника выступает полковник Ростанев. На деле вопросы Опискина к слушателям не предполагают ответа, они лишь подтверждения ума и образованности бывшего шута, одновременно призванные уничтожить возможного соперника. Так, в диалоге героев изначально присутствует и проводится Достоевским по всему тексту неравенство голосов героев повести и Фомы. Первые уничтожены, а второй превознесен. Это особенно заметно из кульминационного, патетического момента отказа Фомы от денег. Ростанев раздавлен суровым тоном обвинений своего приживальщика, принявших форму огромного синтаксического периода. Резкие интонации Опискина здесь чередуются с блаженными в тех случаях, когда речь заходит о перечислении им своих добродетелей. Обвинения Фомы содержательно и стилистически пародируют гоголевские поучения:

«Побеждайте же себя. Вы самолюбивы, необъятно самолюбивы!..»; «Вы эгоист и даже мрачный эгоист…»; «Вы грубы, Вы так грубо толкаетесь в человеческое сердце…» [2, с. 154].

В самой структуре высказываний Опискина содержится пародия на стиль гоголевских фраз. При этом высокий тон Гоголя иронически снижен писателем:

«А теперь заронил я в вас искру того небесного огня, который горит теперь в душе вашей. Заронил ли я в вас искру небесного огня, или нет? Отвечайте: заронил я в вас искру, или нет?» – вопрошает Фома, «развалясь после сытного обеда в покойном кресле» [2, с. 16].

Иронически сниженные писателем фразы Фомы выпадают из общего стилистического контекста повести, в которой все герои говорят в литературно-разговорной форме. В произведении одновременно звучат нелепо-торжественные (Опискина), простовато-неуклюжие умиленные (полковника Ростанева), порывисто-восторженные (романтически настроенного молодого Ростанева) и просторечные резкие (Бахчеева) интонации. Стилистическое противостояние фраз полковника Ростанева и Опискина ярко выражены Достоевским в следующем, например, эпизоде:

«–Ну, не чувствуете ли вы теперь, … как будто сердце ваше после того, как вы победили себя, так сказать, окунулось в каком-то елее?

–Да, Фома, действительно, как будто по маслу пошло» [2, с. 88–89].

Если высказывания героев Достоевского являются диалогическими репликами, то автор «Выбранных мест…» выступает от первого лица и не предполагает отклика от собеседника. Об этом свидетельствуют особенности фразового уровня книги. С помощью требовательных, решительных и жестких фраз Гоголь как будто бы заранее опровергает все возможные будущие возражения и убеждает в истинности того, о чем пишет. Веско падают его скупые слова: «Выводы твои – гниль… Ты горд чужим, мертвым умом и выдаешь его за свой. Смотри за собой: ты хо-

дишь опасно. Ты метишь в государственные люди, и будешь человеком государственным, потому что у тебя, точно, есть на то способности; но тем строже теперь смотри за собой» [1, с. 311]. Можно сказать, что монологической форме гоголевской речи в «Выбранных местах…» абсолютно соответствует монологичность как качество сознания писателя.

На материале раннего творчества Достоевского М.М. Бахтин пронаблюдал за особенностями как будто бы «сомневающегося», сказанного «с оглядкой», «внутренне диалогизированного» [3, с. 236] слова Достоевского. Важно отметить, что слова его героев, имея «троякую обращенность» [3, с. 276] к себе, к другому, к миру и к слушателю-судье, являются репликой не диалога, а полилога, что позволило Бахтину назвать художественное мышление Достоевского полифоническим. Л. Гроссман склонен интерпретировать диалогизм Достоевского непреодоленным до конца противоречием в мировоззрении писателя, в сознании которого рано столкнулись две силы – гуманистический скепсис и вера. На наш взгляд, это слишком общее объяснение особенностей сознания Достоевского, имеющего более глубокие основания. Если снова следовать за мыслью М.М. Бахтина о намеренности использования диалога («самоцель» и «минимум бытия» [3, с. 293–296] писателем, то можно утверждать, что диалог стал воплощением бытия «внутреннего», сокровенного в метафизическом контексте раскрытия высокого образа в человеке.

К финалу повести «Село Степанчиково…» относительное благодушие тирана Фомы переходит в громогласные уничтожающие обвинения, имеющие целью то же самое превознесение своих добродетелей, литературного вкуса, ума и начитанности, что и прежде. Упреки предназначены, главным образом, полковнику Ростаневу и его племяннику, грозящему авторитету Фомы ученостью.

По мере того, как возрастает неприятие поведения мучителя обитателями Степанчикова, увеличивается число его «оппонентов», среди которых Сашенька, Гаврила и молодой Ростанев. Изменяется характер высказываний Опискина и их соотношение с речами других героев. Они перебивают короткие, резкие и категоричные, как обвинительная речь, фразы Фомы. В повести все явственнее слышится многоголосье, заглушающее на время монологи Опискина. Если почти всю первую часть произведения занимают монологи Фомы, то в начале второй части повести защищаться приходится уже ему самому. Именно поэтому он решает «раскрыть душу».

Интересно, что исходная ситуация, ставшая причиной душевных излияний Фомы в конце повести (глава «Фома Фомич созидает всеобще счастье»), на наш взгляд, сближена Достоевским с гоголевской.

Конструктивным принципом «Выбранных мест из переписки с друзьями» стало сочетание этих двух – проповеднического и исповедального начал. Второе особенно ярко проявилось в «Авторской исповеди», которая была написана Гоголем в 1847 году, после появления в печати книги духовной прозы. Непонимание «Выбранных мест…» читателями и почти всеобщее неодобрение подтолкнуло Гоголя к ее созданию. «Приговор» [1, с. 425], возвещенный современниками, показался писателю обидным и не вполне справедливым:

«…мне послышались три разные мнения: первое, что книга есть произведение неслыханной гордости человека, возмнившего, что он стал выше всех своих читателей…; второе, что книга эта есть творение доброго, но впавшего в прелесть и обольщенье человека…; третье, что книга есть произведение христианина, глядящего с верной точки на вещи и ставящего всякую вещь на ее законное место» [1, с. 420–421]. Таким образом, ситуация, при которой писатель замыслил создать «Авторскую исповедь», на деле оказывается далеко не исповедальной. Гоголевское повествование, как мы увидим далее, является внутренне диалогизированным. Писатель ведет скрытый спор с многочисленными оппонентами – современниками, не принявшими книгу «Выбранные места из переписки с друзьями».

После изгнания из Степанчикова Опискин также возвестил всем свою «исповедь» [2, с. 147]. В ней самооправдание («…и кто обвинит меня, что я поневоле затрепетал о чести наивнейшей из особ?» [2, с. 147]; «высочайшая любовь к человечеству сделала меня… каким-то бесом гнева и мнительности» [2, с. 148]), а также высокое объяснение своих низких поступков определяют суть признаний Фомы Опискина. Претензии на мудрость чередуются с укорами:

«Почему же прежде он не прибежал ко мне, счастливый и прекрасный, ибо любовь украшает лицо, почему не бросился он тогда в мои объятия, не заплакал на груди моей слезами беспредельного счастья и не поведал мне всего, все-

го?» [2, с. 148]. Лицемерно самоуничижаясь («или я крокодил… или я какой-нибудь отвратительный жук») [2, с. 148], Фома нисколько не раскаивается в клевете на гувернантку. Кроме того, при каждом удобном случае не забывает напомнить о своей добродетельности. Таким образом, подтверждение своего мнимого превосходства над окружающими становится истинной темой исповедальной речи Опискина.

Сакрализация личности автора происходит и в «Авторской исповеди» Гоголя. Исследователь С.А. Гончаров заметил несоответствие этого сочинения основным требованиям христианской исповеди, образец которой он увидел в «Исповеди» Августина Блаженного, восходящей к традициям исповедально-автобиографической прозы религиозных писателей. По наблюдениям Гончарова, «действительная исповедь требовала от кающегося исполнения трех моментов: contritio (сокрушения, заключающего в себе скорбь и сожаление о содеянных грехах, отвращение от них и твердое намерение впредь не грешить), confessio (исповедания, состоящего не только из полного исповедания грехов, обстоятельств и причин, но и полного покаяния, то есть полного самоотрешения исповедующегося от своего прежнего «я») и satisfactio (удовлетворения, выражающегося в благодарности Богу и действиях, искупляющих грех). Для действительной исповеди покаяние является главным моментом исповедания» [4, с. 264].

Формально у Гоголя присутствуют все эти элементы. Но если присмотреться пристальнее, то станет видно, что «исповедальная стихия изначально связана с самооправданием и защитой, которые незаметно перерастают в проповедь и поучение» [4, с. 265]. Гоголь подробно излагает обстоятельства и причины, побудившие его написать исповедь, но сожаления обо всем написанном ранее не испытывает. Наряду с сокрушениями по поводу несвойственного ему высокопарного тона книги, писатель одновременно дает объяснения («…под влиянием страха смерти…» или «из боязни, что… не удастся закончить того сочинения…» [1, с. 421]. Этими обстоятельствами писатель оправдывает свою «неуместную проповедь» [1, с. 422], причем очень последовательно и аргументировано. Такая рационалистичность более свойственна речи судебной оправдательной или, как в некоторых фрагментах текста, обвинительной, чем исповедальной.

В повести «Село Степанчиково…» диалогизм мышления Достоевского раскрывается и на уровне расстановки художественных образов в произведении, которая у Туниманова получила название «психологической поляризации» [5, с. 27]. О главных героях повести сам Достоевский пишет: «…в нем есть два огромных типических характера, создаваемых и записываемых пять лет, обделанных бузукоризненно (по моему мнению), – характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой» [2, с. 500]. Писатель имеет ввиду противоположные характеры добродушного полковника Ростанева и приживальщика Фомы Опискина, присвоившего себе право выступать в роли высшей духовной силы и поэтому манипулирующего доверчивостью окружающих. Каждый из этих героев обладает отличным от авторского голосом (хотя позиция Ростанева более близка Достоевскому) и своеобразным самовыражением.

В финале повести также проявляется диалогичность Достоевского. В судьбах обитателей села Степанчиково произошли перемены, и каждый из героев явился воплощением какой-либо жизненной философии. Полковник Ростанев счастлив в супружестве и по-прежнему наслаждается жизнью, Настенька проповедует добрые дела и помогает нищим, Мизинчиков предвосхищает тип будущего русского дельца и т.д. Каждая из позиций равно полновесно присутствует в тексте, ни одну из них Достоевский не выделяет в качестве доминирующей, а наоборот, сталкивает их, создавая диалогическую ситуацию. Финал повести, таким образом, характеризуется незавершенностью и имеет открытую перспективу. Временная реальность повести остается обращенной в будущее.

Как мы убедились, в поэтике произведений Гоголя и Достоевского выражаются разные стили мышления писателей. Диалогичность повести «Село Степанчиково и его обитатели» оказывается противопоставленной монологической позиции Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями», что прослеживается, начиная с исходной ситуации создания произведений. Установка на диалог у Гоголя не развивается, с чем полемизирует Достоевский на всех уровнях текста.

Библиографический список

1. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1978.

2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. – Л.: Наука, 1972.

3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979.

4. *Гончаров С.А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997.

5. *Туниманов В.А.* Творчество Достоевского 1854–1862. – Л.: Наука, 1980.

6. *Хализев В.Е.* Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2000.

О.М. Тарасова

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЖАНРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАЛЛАДЫ В ПОЭЗИИ В. ГЮГО

Жанр баллады был широко распространен в эпоху Средневековья и оказался одним из излюбленных жанров романтической поэзии XIX века. Рецепция средневековой поэзии в романтизме прослеживается не только в рамках жанра, но метрики и стихосложения. Романтики использовали разнообразные сюжеты и ритмы средневековых баллад. Увлечение балладной традицией для них было связано с воскрешением национальной старины и большим интересом к средневековым преданиям, к народной поэзии вообще.

В ранний период своего творчества Гюго придерживался взглядов Шарля Нодье, для которого обращение к сюжетам из средневековых эпических поэм и народных баллад было одним из условий литературного обновления и развития романтического движения 1820-х годов. Первый поэтический сборник Гюго «Оды и баллады» выходил в разные годы и под разными названиями: «Оды и другие стихотворения» (1822), «Новые оды» (1824), «Оды и баллады» (1826). В сборник «Новые оды» (1824) Гюго включил свои первые баллады: «Бабушка» (La Grand – mère), «Фея» (La Fée). Наибольшую известность получили его баллады «Турнир короля Иоанна» (Le Pas d'arme du rois Jean), «Охота бургграфа» (La Chasse du burgrave), «Легенда о монахине» (la Légende de la nonne), «Хоровод ведьм» (La Ronde du Sabbat), «Невеста литаврщика» ("La fiancée du timbalier").

Своим балладам Гюго дал точное определение. В «Предисловии к сборнику "Оды и баллады"» (Odes et ballades) 1826 он писал: «Пьесы, которые автор назвал балладами, являются эскизами причудливого жанра: картины, мечты, сцены, легенды, поверия, народные предания. Сочиняя их, автор пытался дать понятие о том, чем могли бы быть поэмы трубадуров средневековой эпохи, этих христианских рапсодов, у которых не было ничего, кроме шпаги и лиры, и которые переходили из замка в замок, платя песнями за гостеприимство» [1, с. 38].

Стремление следовать традициям народных баллад выражалось в творчестве Гюго в том, что его баллады имели сюжетную законченность, динамичность действия; чаще всего описывалось одно событие, и внимание автора было сосредоточено на одном ярком эпизоде. Этот сборник вызвал неоднозначную оценку современников. Как писал Н. Котляревский, отечественный исследователь романтической европейской литературы XIX века, «баллады, присоединенные потом к одам, открыли совсем новую область поэзии, это были частью народные легенды, частью картинки средневековой жизни, которые при замечательной внешней отделке произвели большую сенсацию в литературном лагере. Всех не романтиков приводило в ужас прежде всего содержание этих баллад: перед читателем плясали, шутили и плакали сильфы, эльфы, горные духи, феи, затем выступали рыцари, пажи, средневековые дамы, монахини, бургграфы – одним словом, какой-то маскарад, совсем неприличный по понятиям того времени для поэзии. Все это было выражено кроме того в капризных, совсем неслыханных стихотворных размерах и словах» [4, с. 325]. Мы предлагаем следующую классификацию баллад Гюго:

1. *Исторические*, где речь идет об историческом событии, например, «Турнир короля Иоанна», «Сватовство Роланда».

2. *Фантастические,* где героями произведения являются сказочные персонажи, например, «Фея», «Хоровод ведьм».

3. *Лирические,* где центр композиции – мир чувств героев, например, «Невеста литаврщика», «Бабушка».

© О.М. Тарасова, 2006

Как и куртуазные поэты, Гюго воспевал любовь к Прекрасной Даме, (такая любовь в Средневековье облекалась в формы вассального служения). Известный трубадур Бернард де Вентадорн восклицал: «Я Ваш подданный, госпожа, навеки отдавший себя служению Вам, связавший себя словом и клятвой». В анонимных песнях встречаются многочисленные обращения к Даме сердца: О! Госпожа! Вы настолько завладели моим сердцем, что не могу более ни о чем думать. (Dame! Vos m'aves si conquis que je ne puis aillors penser). А произведения Гаса Брюле, посвященные возлюбленной чаще всего начинаются словами: Прекрасная Госпожа (Douce Dame). Дама для поэтов являлась идеалом женской красоты и добродетели.

Гюго – мастер лирического жанра. Даже представительница волшебного мира фей предстает, как живая женщина. У нее нежные руки, легкая походка и прекрасный голос

Que se soit Urgèle ou Morgane,
J'aime, en un rve sans effroi,
Qu'une fée au corps diaphne,
Ansi qu'une fleur qui se fâne,
Vienne pencher son front sur moi [6, с. 435].

Будь то Урганда иль Моргана, –
Но я люблю, когда во сне,
Вся из прозрачного тумана,
Склоняет фея стебель стана
Ко мне в полночной тишине.
(перевод Э. Линецкой) [2, с. 346].

Нежные руки незнакомки могут превратить луч света в пламя (elle fait de chaque rayon une flamme), ей покорны птицы и стихия.

Баллада «Невеста литаврщика» повествует о несчастной любви молодой девушки, которая ждет с войны своего возлюбленного. Героиня объята тревогой за своего любимого, молит Святую Бригитту о спасении того, кто является для нее смыслом всей жизни.

Услышав приближение рыцарей, звон литавр, она просит сестер посмотреть, нет ли среди них ее милого победителя. Она несколько раз обращается к родным: «Мои сестры! Пойдите, посмотрите, нет ли его самого!» (Venez voir, mes soeurs, le voir lui – même). Всю пышную церемонию мы видим глазами девушки: вот показались знамена, затем эскадроны и, наконец, сам барон в окружении своих подданных:

Sur deux rangs le cortège endoie;
D'abord, les piqueurs aux pas lourds;
Puis, sous l'étendard qu'on deploie,
Les barons, en robe de soie,
Avec leurs togues de velours [4, с. 312].

Идут впереди эскадроны,
За ними копейщиков полк,
Затем выступают бароны:
На мантиях львы и короны,
И бархат алеет и шелк.
(перевод В. Дмитриева) [1, с. 119].

Конец истории печален: литаврщик не вернулся с войны. Не выдержав такого горя, девушка умирает. Гюго воспроизводит колорит средневековой эпохи, приводит детальное описание воинов и их оружия: камзол (pourpoit), шлем (casque), щит (écusson), латы (corselet d 'acier).

Главное место в балладе отводится эмоциональному выражению событий, широко используется музыкальные и зрительные средства, а также довольно распространенный в средневековой лирике прием ассонанса: desire-cire, vaincueur-coeur, coursier-acier, pilier-timbalier.

Традиции средневековой баллады прослеживаются в постоянном обращении героини к подругам, свойственному персонажам средневековых баллад «Пернетта» и «Рено». Тема несчастной любви была широко распространена в провансальской лирике, примером тому служит балладная песня «Belle Doette»

Belle Doette aux fenêtres s'assied ,
Lit en livres ; au coeur point ne lui tient
De son ami Doon, il lui souvient,
en autres terres est au tournoi allé [7, с. 183].

Прекрасная Доэтта у окна,
Книгу читает, но книга ей скучна,
Друга Доэтта вспоминает она,
Он в дальних краях, где идет война,
И вот в сердце боль…
(перевод Е. Васильевой) [5, с. 433].

Отличительной чертой баллад Гюго является обращение к символике, рыцарской геральдике, передающих национальный колорит эпохи. Именно с Высокого Средневековья XII–XIII вв. каждый цвет стал приобретать свое символическое значение. Алый, синий, белый цвета в одежде, убранстве дома свидетельствовали о том, что их владелец – человек знатный, т.к.

простолюдины, ремесленники, даже богатые купцы не имели права одеваться в яркие насыщенные тона. В период расцвета рыцарской культуры костюм знатного человека становился «говорящим». Так, у знатных дам вошли в моду цветные рукава, пришивавшиеся поверх платья. Рыцарь, сражающийся на турнире в честь той или иной дамы, мог попросить у нее рукав и прикреплял его к своей одежде. В балладах Гюго цвет имеет большое значение. Автор приводит детальное описание рыцарских доспехов. В «Легенде о монахине» белый и черный цвет символизируют образы главных персонажей: монахини и разбойника.

Игра цвета неслучайна: белый, как символ невинности и чистоты, созвучен с образом монахини, и черный – символ греха и преступления для создания образа бандита. Белый, светлый цвет – это цвет Бога, и неслучайно, монахиня, посвятившая себя служению Господу, олицетворяет собой свет, является знаком чистоты и честности. Чистота, очищение, озарение божественным светом – таковы функции белого цвета в христианской мифологии. Темный и черный цвет символизирует грех, неверие и скорбь, а также олицетворяет тайну и порок. Виктор Гюго неслучайно сопоставляет два цвета: черный и белый далеки друг от друга так же, как служение Богу монахини и преступный путь разбойника.

Каждая баллада сопровождается эпиграфом, который сообщает о тематике произведения. Чаще всего – это цитата из древней рукописи, произведения другого поэта. Для «Турнира короля Иоанна» Гюго избирает эпиграф из исторической хроники, как бы делая акцент на подлинности изображаемого: более шестисот копий было там сломано, бились пешие и конные. Для другой баллады: «Охота бургграфа» поэт выбрал строфу из эклогии «Тирамет» французского поэта – классициста Ж.Р. де Сегре «А старый фавн меж тем смеялся в старом гроте». Гюго использует имена исторических и даже вымышленных персонажей. Например, король Жан (le roi Jean) – речь идет о французском короле Иоанне II (1350–1364). Saint-Gilles – святой Жиль, живший, предположительно в VII в., являлся персонажем многих средневековых баллад, граф де Жарнак (1509–1572), победивший на турнире своего противника. Но для автора не является важным, что эти исторические персонажи не могли бы быть в действительности вместе, упоминание их имен важно для создания колорита прошлых времен в противоположность настоящему.

Рефрен тесно связан с содержанием текста не только на уровне музыкальных ассоциаций, но и на уровне сюжета. Чтобы почувствовать динамику развития события и драматизм ситуации поэт использовал вариации рефрена, не только в объеме всей строки, но и отдельного слова. Рефрен отражает тематику произведения и создает отклик на излагаемые события.

Эмиль Золя в статье «Виктор Гюго» восхищается творчеством своего современника: «Да, музыка, свет, краски, аромат – здесь найдется все. У его стихов кристальные голоса, они сверкают золотом и пурпуром. Ни когда еще человеческий язык не достигал такой выразительности и животрепещущей страсти» [3, с. 48]. Поэт передал характерные черты прошлых эпох, национальные традиции и особенности психологии людей, живших в давние времена.

Библиографический список

1. *Гюго В.* Собр. соч. – М., 1972. – Т. 1.
2. *Гюго В.* Собр. соч. – М., 1953. – Т. 14.
3. *Золя З.* Критические статьи. – М., 1986.
4. *Котляревский Н.* История романтического настроения в Европе XIX века. – М., 1899.
5. Хрестоматия по западноевропейской литературе / Сост. Р. Шор. – М., 1938.
6. *Hugo V.* Oeuvres poétiques complets. – P., 1961. – С. 435.
7. Chrestomathie du Moyen âge. – P., 1910. – С. 183.

Н.Н. Иванов, С.Н. Волкова

ЯЗЫЧЕСКИЙ МИФ В ПРОЗЕ РУССКОГО НЕОРЕАЛИЗМА

В творческих поисках русских неореалистов (М. Горький, А. Толстой, М. Пришвин и др.) языческую составляющую прослеживаем на всех уровнях произведения: содержательном, повествовательном и языковом. Тяготение писателей к предвосхищениям, решению проблем жизни и смерти, усилив мистическое начало содержания, вело к переносу смысловых акцентов на второй план. Это усложнило структуру повествования (увеличился вес условных форм), активизировало разные стороны выражения. Постижение реальности зримой, иногда бытовой и заниженной, и мира невидимого требовало особого отношения к Слову; оно же стало и первоэлементом творимой художественной действительности. «Вещая» функция искусства, исключительная, почти жреческая роль художника, определяемая знанием сокровенных тайн жизни, были навеяны сходным отношением к Слову в языческих верованиях – отождествлением поэта с прорицателем, магом, жрецом. Отсюда вышло понимание искусства – силы, способной влиять на духовное состояние личности, общества, человечества.

Систему персонажей, повествование, образность рассказов «По Руси», повестей 1900–1910-х годов Горький сориентировал на познавательный, эстетический потенциал сказки. Конечно, Горький всегда ценил христианские представления. «Верхняя земля» ассоциируется с мечтой о рае, об «участии» Спасителя в греховной жизни. Но эти представления наложились на извечное, мифом закрепленное понимание всепроникающих уз людей и природы, на таинственную зависимость человека от бескрайнего, трудно осознаваемого места Высшей силы. Автор сам проставил подобные акценты, одновременно раскрыв светлые потенциальные возможности текущего бытия. Думается, что он проник в своеобразие православия, учитывая, однако, более древние поверья. Они влияли и на концепцию национального характера. Это очерченный в статьях, письмах, развернутый в художественных сочинениях комплекс сложных, иногда противоречивых знаний и оценок народа, истории. В нашей истории сошлись, полагал Горький, деятельная творческая активность русского человека в трудные минуты и вера в судьбу, арийское славянское и восточное монгольское начала души, красота порывов и разбросанность, склонность к пустому растрачиванию сил, разрушительным выплескам духовной энергии.

Горьковская концепция человека непременно включала жажду обретения людьми Бога живого, поиски Бога в окружающем мире, в природе. На фоне русского народного православия, фольклора, апокрифической литературы, взаимопроникновения христианства и язычества он показал «чудо» преображения души, открыл небывалые возможности «среднего» человека, воспел «дерзкую человечью мечту» – одолеть смерть во имя бессмертия. Природа выступила как критерий постижения мира: соотнесенность души и плоти земной, воды, разума и солнечного света, огня. Использовал Горький и известный в язычестве, позднее оказавшийся в арсенале христианства, способ победы духа над плотью: сознательное облачение героя в рубище бродяги-юродивого, скоморошью роль безумца. Доля и судьба, иное царство – наиболее продуктивные в художественном мире Горького архетипы славянской мифологии. Он развивал их с целью проникновения в будущее народа: судьбы персонажей проецировал на языческое учение о судьбе, горе-злочастии, на поиски иного царства.

Славянский языческий миф был исходной точкой мироощущения А. Толстого, в одном из предисловий к стихам и сказкам объяснявшего: в красоту первооснов, земли и солнца, можно проникнуть через «простой и сильный» народный язык; и, утвердив для себя, «что да и что нет, обратиться к человеку» [2, т. 4]. Это художественное развитие основного мифа славянского язычества – мифа о Творении, о создании природы и человека, о борьбе добра и зла. В сказках А.Толстого все верхние положительные импульсы – от Неба, Солнца и Земли, тогда как силы мрака, тьмы, зла – нижний уровень мироздания. «Созерцание великих явлений земли и неба» отражено в глубинах личного опыта, развиты универсальные архетипы прапамяти. Они позволили Толстому связать в Слове людей, солнце и землю. Бессознательное и подсознательное, хаос и зло, как бы вне слова; то же относится и к темным, мутным, нижним силам, болезненно извращенной психике. Слово – Логос, как луч света,

© Н.Н. Иванов, С.Н. Волкова, 2006

а искусство создает гармонию, любовь, красоту. С первой и до последней страницы автор сборника стихов и сказок «Приворот» – солнцепоклонник. Священную идею любви он оттенил классическим в солярной мифологии мотивом – союзом Солнца и Земли (священный брак): сказки «Иван да Марья», «Соломенный жених», «Иван-царевич и Алая Алица», «Звериный царь». Использованы и другие языческие сюжеты: купальский миф, змееборчество, ожидания чуда. Земля – тяжелое женское жизнетворческое начало; Огонь – ясность и сущность жизни.

Вселенная, Земля, природа, подсознательные глубины психики, как и высочайшие порывы людей, поняты М. Пришвиным в языческой системе ценностей, все возраставшей для него. Убеждения Пришвина развивались в сторону явного усложнения и повышения веса мифологических понятий. Возможно, главный для него – миф о вхождении человека в мир, углубление которого прослеживаем от первых сочинений («В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком») до дневниковых записей последних лет. Духовный путь пришвинского героя – открытие у Надвоицкого водопада природного закона гармонии одного и всех, узнавание в природе единых законов жизни, личного, одухотворенного начала, беспрестанного творчества и совершенствования форм, общей живой души Бытия, родства стихий внешнего мира и человеческой личности.

Мифологема Мирового древа, языческие взгляды выразили представления писателя о совершенном устройстве, гармонии одного и всех, идею обновления; земля – «Великая Матерь наша»; Солнце – свет истины. Как в сказках, земля – «корабль» во Вселенной. И пусть страдания вечны, но любовь одухотворяет жизнь, а мир обновляется. Автобиографический герой Пришвина искал страну «без имени и без территории»; так сплелись славянский миф о поисках иного царства и истоках бытия личности. Такие архетипы дали толчок самопознанию героя. Мысль о бесконечности жизни стала величайшим открытием художника.

Языческий мифологизм окрасил стиль, микрообразность сочинений Горького. Архетипы, реминисценции, аллюзии, символика, скрытые цитаты, сознательные недоговоренности и умолчание, подтекст, утаенный смысл между строк, звукопись и цветопись – далеко не полный перечень всего, что использовал он для максимальной выразительности, образности письма. От языческой культуры воспринята чертой стиля Горького – «тема слов». Опираясь на традиции бродячей Руси, странников, незаметных, но талантливых людей из народа, он зашифровал некоторые понятия, образы, слова и речения. Правду несут подчас ненароком оброненные кем-то из героев слова, странные или сознательно «дурацкие» фразы, или обрывки из песен, куски лицедейств. В этом видим и отголоски балаганной, скоморошьей культуры, и отзвуки откуда-то воспринятого писателем языческого жречества (слова Антипы Вологонова из рассказа «Нилушка» – «вещие слова колдуна» и т.д.).

Фольклор, мифологизм обусловили успех стихов и сказок сборника А. Толстого «Приворот». Стремясь выразить красоту первооснов – земли и неба, он взял на себя все функции экспрессивного изображения. Юный Толстой как бы выполнил установку, на которую в 1901-м году сориентировал его А.А. Бостром: «идеал изложения» – «самоуничтожение языка, как посредствующего звена между пишущим и читающим <…> путь прогресса истинного просторечия» [1, т. 1, с. 81]. В его сказках повествование определяется не «простыми и правильными», но образными, красочными и яркими выражениями. С любовью к древности, проникновенно и глубоко он излагал купальский, змееборческий, русальный, другие славянские мифы, чем объясняется эмоциональность языка. Лиризм повествования вызван еще и тем, что в творчестве архетипы мифа словно соединялись с глубинными движениями авторского духовного мира: тяготение сложных, личных подсознательных импульсов к архетипам более высокого порядка – мифологическим. И тем, что художник добивался эффекта «встречи» с персонажами языческого мифа (русалки, водяные, звериный царь, Алая-Алица, Иван-царевич и пр.). Лирический герой будто становился участником ритуального действа. В творчестве такие образы живут в подсознании персонажей, в языке, преимущественно в пейзажных эпизодах, которые нередко выполнены так, что природа выступает от себя, проявляя безразличие к героям, или подчеркивая ту, другую черту в них, усиливает образ (связь воды, дождя и смутных подсознательных ожиданий).

На уровне повествования и стиля миф явственно проступил в разных по времени создания и жанровым характеристикам сочинениях

М. Пришвина: повести «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «Черный араб», дневниковые книги «Календарь природы», «Фацелия», повести «Кладовая солнца», «Корабельная чаща», роман «Кащеева цепь», другие. Древнеславянское мироощущение влияло на функции персонажей, на тип главного героя, на усиление лирического начала в повествовании.

Автобиографический герой Пришвина повторил миф о вхождении человека в мир. В повестях «Кладовая солнца», «Корабельная чаща» линии персонажей и автора реализуют замысел повести-сказки, но дистанция между ними полемизирует поиск истины. Повествовательные функции героев во многом определены архетипами волшебных сказок, где дети уходят из дома и в конце странствий достигают цели единения с миром, обретают правду-истину. Данный архетип развивают, пожалуй, все автобиографические персонажи Пришвина. Из своеобразно задействованного мифа о детстве вышел другой мотив: перекличка линий ребенка и взрослого.

Разнясь, например, с Толстым, Пришвин не столь часто напрямую вводил в текст образы и понятия славянской мифологии. Влияние древнеславянского мироощущения на писателя заключалось в том, что он искал такие образные и повествовательные формы, в которых древность, истоки русской культуры, природа – абсолютно значимые для него ценности – могли бы выразиться сами, раскрыв читателю извечное понимание правды, красоты. Пришвин в слове близился к той грани, за которой начинается невидимое. Связанность «со всей славой земли», восчувствование наработанных жизнью материалов наполнили его слово неисчерпаемым смыслом и экспрессией.

Очевидно, что изучение наследия трех писателей в избранных нами направлениях позволит по-новому понять их подлинные достижения и увидеть в творчестве общую для эпохи типологическую особенность литературы начала XX века.

Библиографический список

1. Переписка А.Н. Толстого. В 2-х т. Т. 1, 2. – М., 1989.

2. *Толстой А.Н.* Сочинения. Т. 1–10. – М., 1911–1918.

А.В. Тюрин

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС В ВОСПРИЯТИИ ТЕКСТА УНИКАЛЬНОГО ТОРГОВОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Реклама представляет собой сложное социокультурное явление: она сочетает в себе социальный, психологический, лингвистический и многие другие аспекты. К этому умозаключению уже больше полувека назад пришли ученые из разных областей знания, именно поэтому реклама и стала объектом внимания не только деятелей торгово-промышленной сферы, разработчиков и производителей рекламы, но и предметом изучения социолингвистов и психолингвистов.

Проблемы лингвистики текста привлекают к себе внимание большого числа исследователей (Н.Д. Арутюнова, 1976; Л.Г. Бабенко, 2003; В.И. Банару, 1973; К.А. Филиппов, 2003). Наряду с ними и наше исследование выполнено на основе коммуникативно-дискурсивного подхода и посвящено изучению вербальных рекламных сообщений (аудитивных и печатных).

Актуальность выполненного исследования обусловлена тем, что в последнее время все чаще лингвисты (Е.Г. Борисова, 1997; Е.Л. Доценко, 1997; Ю.К. Пирогова, 2001; Г.Г. Почепцов, 2001 и др.) обращаются к таким способам речевого воздействия на человеческое сознание в рекламе, как манипуляция или косвенные коммуникативные стратегии (кстати, между которыми, в некоторых случаях, можно поставить знак равенства). Одной из стратегий косвенного внушения является когнитивный диссонанс. Поэтому целью настоящей статьи является установление роли когнитивного диссонанса в воздействии на получателя текста уникального торгового предложения (УТП).

Люди, производящие рекламу хорошо знают, что чтобы реклама была эффективной, она должна «зацепить» реципиента каким бы то ни было способом, она должна быть броской, необычной. Ведь то, что кажется необычным, вызывает интерес, любопытство, наконец, удивляет, хорошо запоминается. Установлено, что процесс поступления информации в память носит избирательный характер. В памяти фиксируются, прежде всего, те впечатления, которые обладают или высокой степенью информативной значимости,

 © А.В. Тюрин, 2006

или «выделенностью» за счет определенных эмоций и ассоциаций [3, с. 102].

В свое время рекламисты поняли, что рынок заполнила скучная и однообразная реклама, в которой за изобилием красивых хвалебных фраз о товаре не стоит ничего конкретного, что могло бы выделить марку из ряда подобных в потребительском отношении. В связи с этим она начала становиться неэффективной. Именно в противопоставление так называемой «витринной» рекламе известный идеолог рационалистической рекламы Россер Ривс ввел стратегию «уникального торгового предложения» (unique selling point, USP) [1, с. 11]. Ведь чтобы обеспечить успех рекламной кампании, рекламист должен найти и сформулировать такое утверждение о товаре, которого конкуренты не могут повторить или еще не догадались выдвинуть, хотя и могли. Поэтому в восприятии потребителей это утверждение становится уникальным. Следовательно, УТП заставляет потребителя пересмотреть свои привычные взгляды не только на данный товар, но на товарную категорию в целом. Очевидно, что информация, меняющая знания о целом классе товаров, воспринимается одновременно и как информативно значимая, и как информация, выделяющаяся из-за неординарности рекламируемого товара. В этом причина высокой запоминаемости УТП [1, с. 16].

Поясняя свой термин, Р. Ривс указывал, что успешная стратегия рекламирования должна удовлетворять трем основным условиям:

1. Каждое рекламное объявление должно содержать конкретное предложение для потребителя: купи именно этот товар и получи именно эту специфическую выгоду.

2. Предложение должно быть таким, какого конкурент либо не может дать, либо просто не выдвигает. Оно должно быть уникальным.

3. Предложение должно быть настолько сильным, чтобы оно могло привлечь к потреблению новых потребителей [1, с. 16–17].

Второе условие и составляет суть предложенной Р. Ривсом стратегии рекламирования.

Р. Ривс подчеркивал, что УТП не обязательно связано с уникальными потребительскими характеристиками товара. При современном уровне стандартизации производства, товары, действительно обладающие уникальными свойствами, появляются на рынке не часто.

В связи с этим можно разграничить истинные (основанные на реальной характеристике товара, отличающей его от всех (или многих) других товаров в рамках товарной категории) и ложные (все остальные утверждения уникальности) уникальные торговые предложения [1, с. 43–47].

Примером истинного УТП может служить реклама телевизора Samsung с биокерамическим покрытием, свойства которого не дублируются конкурентами. Эту особенность товара закрепляет название «Биотелевизор» и рекламный слоган: «Живое тянется к БИО!». (Здесь мы оставляем в стороне вопрос о том, сулит ли реальную пользу это биокерамическое покрытие. Важно лишь, что это, по-видимому, уникальное свойство).

Значительно чаще, однако, основные потребительские характеристики товара не являются на рынке уникальными. Но и в этом случае рекламисты могут создать истинное УТП. Разумеется, речь не идет об откровенно лживой рекламе: мы имеем в виду такие приемы рекламирования, когда чисто языковыми средствами конструируется сообщение об уникальности товара, хотя его потребительские свойства уникальными не являются. В некоторых случаях истинные УТП основаны на умелом подчеркивании реальной характеристики, которая отличает товар не от всех, но от большинства других товаров в той же товарной категории. Например; «Ariel. Отстирает даже то, что другим не под силу».

Еще более интересными являются случаи создания ложных УТП: часто они строятся на подчеркивании воображаемых свойств товара. В рекламе зубной пасты «Аквафреш» с тройным эффектом говорится: «Теперь мы больше не используем зубную пасту. Мы пользуемся “Аквафреш”». Эта реклама может быть признана недостоверной, так как содержит утверждения, дезориентирующие потребителя – получается, что «Аквафреш» – это не зубная паста, а принципиально иной товар, что неверно.

Подобная ситуация создает рассогласование новых и старых знаний человека, так называемый «когнитивный диссонанс».

Например, до появления жевательных резинок с антикариесным действием потребители не ожидали услышать информацию об этом свойстве жевательных резинок; до появления телевизора «Mitsubishi» с функцией «автоповорот» не думали о «вращающихся» телевизорах; до появления «M&M's» – не предполагали, что шоколад может долго не таять в руках.

Термин «когнитивный диссонанс» введен американским ученым Леоном Фестингером еще в 1956 году и толкуется им как «состояние, характеризующееся столкновением в сознании индивида противоречивых знаний, убеждений, поведенческих установок относительно некоторого объекта или явления». Эта теория «основывается на приписывании личности стремления к связному и упорядоченному восприятию своего отношения к миру» [2, с. 30].

Сознательно или подсознательно человек стремится найти выход из этого крайне некомфортного состояния, пользуясь одним из трех стандартных способов:

а) проигнорировать новую информацию;

б) отвергнуть новую информацию;

в) объединить новую информацию со старыми знаниями.

Первый способ: человек может вообще не воспринять новую информацию. Этот процесс, как правило, происходит на уровне подсознания: человек просто не замечает информацию, которая противоречит его знаниям, или же неверно воспринимает информацию, искажая ее так, чтобы она лучше соответствовала его ожиданиям (так называемый «эффект выравнивания»). Часто это происходит в тех случаях, когда большая часть сообщения согласуется с ожиданиями и лишь небольшая часть противоречит им.

Второй способ: человек может не поверить новой информации и на этом основании сознательно отвергнуть ее. Как правило, причиной этого в рекламе могут быть слишком сильные обещания и недостаточно убедительная или недостаточно подробная аргументация.

Третий способ: человек может перестроить свои старые знания таким образом, чтобы новая информация гармонично вписывалась в них. Именно этого и хотят достичь рекламисты, сообщая о новых, непривычных, свойствах товаров. Однако следует иметь в виду, что как раз последний способ выхода из конфликта требует от человека больших когнитивных усилий, и поэтому нередко он избирает более легкий путь [2, с. 39].

Следовательно, рекламисту, который стремится к правильному применению косвенных коммуникативных стратегий для более эффективного воздействия на потенциального потребителя, необходимо учитывать три фактора:

Во-первых, рекламист должен заставить потребителя заметить отличительное, уникальное свойство товара.

Во-вторых, рекламист должен убедить потребителя, что новое свойство является важным и полезным. Если полезность этого свойства не очевидна потребителям, то основные рекламные усилия должны быть направлены на разъяснение его важности, как это делается, например, в рекламе зубной щетки «Aquafresh Flex Direct». В этой рекламе проводится сравнение щетки, имеющей подвижную головку, и обычной щетки. Рекламный слоган закрепляет продемонстрированное преимущество, делая акцент на важной конструктивной особенности щетки: «Чистит с блеском, действует с головой».

В-третьих, необходимо, чтобы УТП не входило в сильное противоречие со стандартными представлениями потребителя о хорошем товаре. В качестве примера возьмем стиральный порошок, с которым можно стирать вещи даже в холодной воде. Это важная отличительная особенность порошка, на которой можно построить сильное рекламное утверждение. Однако большинство хозяек имеют стандартное представление: для хорошей стирки нужна, прежде всего, горячая вода. Другая ситуация – рекламируется молоко (не концентрированное и не сухое), которое может храниться без холодильника в течение длительного периода и при этом не содержит консервантов. Однако у большинства хозяек возникает подозрение, что в нем все-таки есть консерванты или какие-то иные вредные добавки.

Таким образом, на наш взгляд уникальное торговое предложение и когнитивный диссонанс часто тесно связаны друг с другом, поскольку второе, вытекая из первого, вызывает в сознании потребителя определенную реакцию от игнорирования до удивления. Рекламист также должен предвидеть нежелательные реакции потенциальных потребителей и постараться нейтрализовать их, иначе потребитель может не поверить рекламе, поскольку новая информация, которую воспринимает человек, может противоречить имеющимся у него знаниям, то есть вызвать когнитивный диссонанс, который, как мы убедились, при умелом использовании является сильнейшим оружием убеждения в УТП.

Библиографический список

1. *Ривс Р.* Реальность в рекламе: Пер. с англ. / Предисл. В. Е. Демидова. – М.: «Внешторгреклама», 1983.

2. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. – СПб.: Речь, 2000.

3. *Денисон Д., Тоби Л.* Учебник по рекламе. – Минск, 1996.

4. *Борисова Е.Г., Мартемьянов Ю.С.* Извлечение имплицитной информации в процессе понимания текста // Имплицитность в языке и речи. – М.: Яз. рус. культуры, 1997.

5. *Пирогова Ю.К.* Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. – С. 209–227.

О.Б. Юсова

ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА ИЛИ РОЗГА? (ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ)

Преамбула. *Статья представляет собой историко-лингвистический комментарий слов «лоза» и «розга», встречающихся в ветхозаветных, церковнославянских, древнерусских и современных текстах.*

В одном из мессианских псалмов встречается традиционный для ветхозаветной поэтики образ винограда, который символически обозначает народ Божий: «Вїногра́дъ и҆з҆ є҆гѵ́пта прене́слъ є҆сѝ... Покрыѝ го́ры сѣ́нь є҆гѡ̀, и҆ вѣ҆твїѧ є҆гѡ̀ ке́дры бж҃їѧ. Прострѐ рѡ́зги є҆гѡ̀ до мо́рѧ и҆ да́же до рѣ́къ ѻ҆трасли є҆гѡ̀» (Пс. 79: 9–12). По изъяснению толковников, розгами винограда пророк означает множество израильского народа и отраслями – пришельцев, присоединившихся из язычников и научившихся Богопознанию [13, с. 283]. Интересно, что слово розга употребляется только в обиходном тексте Псалтири на церковнославянском языке (в составе Елизаветинской Библии), тогда как в других привлеченных для исследования списках Псалтири (Синайская (XI в.), Киевская (XIV в.) и Норовская (XIV в.) псалтири) встречается собирательное существительное лозїе. Встает вопрос, почему в более ранних по времени списках обнаруживается собирательное существительное, а в позднем списке – конкретное? Связано ли это различие с символическим значением слова?

Образы винограда, вина и виноградной лозы использовались в египетской, вавилонской, древнегреческой и ближневосточной традициях. Культура винограда у древних евреев достигла высокой степени развития; возделывание, сбор и переработка винограда были для них событием веселым и радостным, поэтому столь часто встречается в Ветхом Завете (Быт. 9:20, Ис. 5:11, Иер. 31:5, Мих. 4:4 и др.) этот образ. Вино, входившее в ежедневный рацион питания людей древнего мира, в то же время было священным символом радости, освобождения, воскрешения [4, с. 20]. «Виноградная лоза… считалась у иудеев символом всего, что только было сильно, красиво, полезно… В книгах пророческих Иудея и иудейская церковь уподобляются великой виноградной лозе, украшенной превосходнейшими плодами, насажденной и хранимой самим Богом» [1, с. 123]. Прозрастающие от лозы розги, ветви являются символом избранного народа Божия. В Новом Завете образ виноградной лозы – это символ Бога-Сына: «А҆зъ є҆смь лоза̀ и҆стиннаѧ, и҆ ѻ҆ц҃ъ мо́й дѣ́латель є҆сть» (Иоан. 15:1). По толкованию Евфимия Зигабена, «Иисус Христос называет себя виноградной лозой, потому что он сообщает приятное и веселящее сердца людей учение… Учеников Он называет ветвями, потому что они как бы выросли из него,.. чтобы принести зрелые виноградные кисти, т.е. добродетели» [8, с. 571]. Итак, виноградная лоза как символ получила широкое распространение в текстах Св. Писания.

В древнерусском языке понятие виноградного отростка, веточки, побега выражалось разными словами: лоза [12, т. II, с. 44], лозїе [12, т. II, с. 44], розга [12, т. III, с. 150], разга [12, т. III, с. 150], рождїе [12, с. III, 143], раждїе [12, т. III, с. 18], вѣтвїе [11, вып. 2, с. 122–123]. В цитате из 79-го псалма, приведенной в начале статьи, встречается два слова: в 11-м стихе – вѣтвїѧ, в 12-м – рѡ́зги. Первое из них восходит к греч. ἀναδενδράς ‘виноградная лоза’ [18, V. I, p. 103], второе – к греч. κλῆμα, выражающему то же по-

© О.Б. Юсова, 2006

нятие [17, p. 756]. Причем оба славянских слова вѣтвїе и розга имеют в качестве варианта по другим спискам Псалтири слово лозїе (однако есть одно исключение: в Норовской псалтири в 11-м стихе также встречается слово вѣтвїе).

Обозначая одно и то же понятие виноградного побега, греческие (ἀναδενδράς и κλῆμα) и славянские (вѣтвїе, лозїе, розга) слова по-разному его понимают, что и объясняет сам факт существования синонимии. Греч. ἀναδενδράς восходит к и.-е. *dreu- ‘дерево, древесина, дуб’ > ирл. druva ‘твердый, прочный, в добром здравии’, лит. drūtas ‘сильный, твердый’, прусс. druwis ‘вера, поручительство’, ст.-сл. дръва ‘лесной материал, дрова’, индо-иран. dru ‘дерево, лес, растительность’ [9, с. 87], т.е. это слово отмечает в виноградной лозе такие свойства, как сила, прочность, твердость. Греч. κλῆμα восходит к и.-е. *kel- / *kelō- / *klā-/ *klād- ‘бить, ударять, рубить’, *klāro- ‘доска, палка’, * klādo- ‘свитой трос, канат’ [19, p. 545], родственно санскр. kāsthá-m ‘обтёсывать’, лат. clādēs ‘разрушение’, греч. κλάω ‘ломать’, ст.-сл. клада ‘брус, бревно’ [16, V. II, p. 537–538], др.-в.-н. holz ‘лес’, ирл. caill, корнуэл. kelli ‘роща, лес’ [15, p. 464–465]. Видимо, первоначальный образ, лежащий в основе этого слова, связан с разрубленным, обтесанным куском дерева. Такова картина значений греческих синонимов.

Славянские переводы представляют иные свойства в понятии виноградной лозы. Слово вѣтвїе происходит от и.-е. *uei- ‘поворачивать, гнуть, сгибать’ [14, т. I, с. 155], а слово лозїе – от и.-е. *leg’h- ‘низкий, надпочвенный’ [14, т. I, с. 489]. Как известно, виноград растет близко к земле и изгибается. Слово розга отождествляет понятие виноградной лозы с чем-либо скрученным, сплетенным; восходит к и.-е. *rezg- ‘плести, вить, вязать’ > лит. regzti ‘плести’, лтш. režgit ‘запутывать’, др.-в.-н. rusch ‘тростник’, лат. restis ‘верёвка, канат’ [14, т. II, с. 120]. Таким образом, *ветвь* была понята как ‘изогнутая’, *лоза* – как ‘низкая, ползучая’, *розга* – ‘сплетенная, скрученная’.

Вспомним, что в контексте исследуемого псалма все эти существительные употребляются для обозначения народов, избранных Богом. Не случайно поэтому славянские переводы стоят в форме собирательных существительных: сама форма слова указывает на символическое его употребление. В древнерусском языке понятие виноградной лозы выражалось словом лоза, а собирательное существительное лозїе могло обозначать, помимо виноградной лозы, любые ветви или побеги [12, т. II, с. 44]. В данном контексте это народы, научившиеся Богопознанию. Если следовать такой логике, то в 12-м стихе 79-го псалма (простре̑ рѡ́зги є҆гѡ̀ до мо́рѧ) следовало бы употребить собирательное существительное рождїе, а не конкретное розга. Кстати, в греческом языке собирательность выражается с помощью флексии –α во множественном числе существительных среднего рода, что и представлено в Септуагинте: ἐξέτεινεν τὰ κλήματα αὐτῆς ἕως θαλάσσης (Ps. 79:12).

В русском языке XVIII в. слова *лоза* и *розга* по-прежнему употребляются как синонимы, однако значение слова *розга* ‘виноградная лоза в Св. Писании’ [2, т. V, с. 1066] свидетельствует о принадлежности лексемы к церковнославянском языку. Словарем Академии Российской еще отмечается слово *рождие* ‘отрасли’ [2, т. V, с. 1063]. Словарь языка Пушкина уже не фиксирует слово *рождие*, а слово *розга* утрачивает значение виноградной лозы [7, т. III, с. 1038]. Кроме того, в «Словаре церковно-славянского и русского языка», составленном в сер. XIX в., слово *розга* в значении ‘ветвь’ дается с пометой *церк.* [6, т. IV, с. 69].

Если проследить судьбу славянских синонимов, обозначающих виноградную лозу, то можно увидеть, что свое первоначальное значение сохранило в русском языке только слово *лоза* ‘ствол кустового растения, особ. винограда’ [10, т. II, с. 264], а слова *ветвь* и *розга* стали употребляться для обозначения любого отростка, побега [10, т. I, с. 334; т. IV, с. 101]. Те же данные дает Большой Академический словарь о словах *лоза* и *розга* (БАС, т. 6, с. 333; т. 12, с. 1416).

Таким образом, в древнерусском языке слова лоза, ветвь и розга синонимизировались по значению ‘виноградная лоза’, однако с XVIII в. слово *розга* ‘виноградная лоза’ принадлежит церковнославянским текстам. В современном русском языке *лоза* и *розга* являются синонимами по значению ‘длинный гибкий стебель, прут’ (БАС, т. 6, с. 333; т. 12, с. 1416), однако *розга* имеет дополнительный, весьма существенный компонент значения ‘прут для наказания’.

Библиографический список

1. Библейская энциклопедия. Репринтное изд. 1891 г. – Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990. – 902 с.

2. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: В 7 т. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1806–1822.

3. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–15. – СПб.: Наука, 1984–2005 (издание продолжающееся).

4. Словарь символов и знаков / Авт.-сост. В.В. Адамчик. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006.

5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1956.

6. Словарь церковно-славянского и русского языка / Сост. Вторым отд. Имп. АН: В 4 т. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1847.

7. Словарь языка Пушкина: В 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956–1961.

8. Толкование Евангелия от Матфея и толкование Евангелия от Иоанна, составленные по древним святоотеческим толкованиям византийским, XII века, ученым монахом Евфимием Зигабеном / Перевод с греч. – СПб.: «Общество святителя ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО», 2000. – 640 с.

9. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 452 с.

10. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1982. – Т. 4.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975 г. и сл. (по выпускам).

12. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. – М.: Знак, 2003. – Т. 3.

13. Блаженный Феодорит Кирский. – Т. 2. Изъяснение псалмов. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. – 536 с.

14. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 5-е изд. – М.: Рус. яз., 2002. – Т. 2.

15. *Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la lanque grecque. 2-de ed. – Heidelberg – Paris: Klicksieck: Winter, 1923. – XXX, 1123 p.

16. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la lanque grecque. Histoire des mots. – Paris: Klicksieck. – Vol. I – 1968; Vol. II – 1970; Vol. III. – 1974; Vol. IV – 1977.

17. A patristic greek lexicon. Edited by G.W.H. Lampe. – Oxford: The Clarendon Press, 1961. – 1557 p.

18. *Liddell H.G., Scott R.* Greek-English lexicon. – Oxford: The Clarendon Press, 1925–1940. – V. 1, 2.

19. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. – Bern, 1959. – 1183 p.

Р.С. Кимов

РЕЛЯЦИОННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКАХ

Бурное развитие когнитивной семантики в последние десятилетия сопровождается, как отмечает Е.С. Кубрякова, ее значительными успехами в интерпретации явлений категоризации и *концептуализации мира человеком* (курсив наш. – *Р.К.*), в уточнении самого понятия языкового значения как неразрывно связанного со знаниями, с отражением человеческого опыта и *чисто человеческого осмысления* (курсив наш. – *Р.К.*) окружающей нас действительности [1, с. 13]. При этом одну из основных задач когнитивной семантики исследователи, работающие в этой области, видят в «сопоставлении картин мира (спроецированных миров) разных языков» [2, с. 372].

Предлагаемая статья является частью обширного исследования, когнитивных особенностей названий частей/органов тела (соматизмов) кабардинского языка[1] на фоне русского языка с привлечением языков европейского культурного ареала – немецкого, французского и, главным образом английского. Задача же данной статьи заключается в рассмотрении некоторых пространственных конструкций кабардинского языка, реализуемых с участием соматизмов.

В специальной англоязычной литературе данные конструкции иногда носят название relational constructions[2] (подробнее см S. Svorou).

В общем случае все эти конструкции могут быть сведены к формуле: **X R Y**, где X – локализуемый объект; Y – место локализации объекта и R – релятор (Селиверстова, 1993), relational gram (S. Svorou). В несколько ином виде эта же формула предстает в работе В.Г. Гака [4, с. 133]:

$$S(0)+Vl+r+L,$$

где S(0) – локализуемый объект; Vl – глагол, в значение которого может входить пространственная сема (например, *находиться*); r – конкретный тип локализации (ср. релятор); L – локализатор (по В.Г. Гаку), т.е. двух- или трехмерное пространство, в котором локализуется объект (ср. вместилище, контейнер), (ср. релятум, фон,

© Р.С. Кимов, 2006

ориентир). При этом становится очевидным тот факт, что в каких бы терминах ни описывался R, он является именно тем элементом локативной (пространственной, реляционной) конструкции, который задает отношение X-а и Y-а. Иными словами, за R стоит один из пространственных концептов, которые в зависимости от языка поразному кодируются. Так, в русском языке это могут быть известные нам предлоги *на, под, за*; наречия и предлоги *сзади, позади*, и т.д. В английском же языке типичными средствами кодировки этих пространственных отношений являются, по свидетельству Б. Хайне [6, p. 120], локативные существительные, наречия, предлоги или послелоги.

Вместе с тем при переходе от языка к языку, в зависимости от его типологических характеристик и, прежде всего, – морфосинтаксических – релятор выступает как в свободном (например, индоевропейские языки и, прежде всего, европейские с господствующим препозитивным порядком слов), так и в связанном (фузия и агглютинация) виде (например, абхазо-адыгская группа языков, в том числе интересующий нас кабардинский). При этом типологи, работающие в области когнитивной семантики считают, что крен в сторону только связанных или только свободных грамматических форм дает неадекватную картину всего разнообразия языковых средств (linguistic spectrum), используемых в пространственных конструкциях (S. Svorou).

Превалирующим способом выражения пространственных отношений в кабардинском языке, как мы указали выше, являются связанные грамматические формы, вернее, пространственные конструкции, опирающиеся на связанные грамматические формы, т.е. превербы. Из существующих четырех основных семантических типов «локальных моделей»: 1) статическая с глаголом местонахождения; 2) динамическая с глаголом движения; 3) каузативная статическая; 4) каузативная динамическая [4, с. 132]. Нас в предлагаемой статье будет интересовать только первая модель, которая опирается на предикаты локативного состояния кабардинского языка, соответствующие русским глаголам *лежать*, *стоять* и *сидеть,* в формальной структуре которых присутствует один из трех локативных превербов И-, ДЭ- и ХЭ-[3]. Последние в общем случае концептуально коррелируют с русским предлогом *в*. Иными словами, мы сосредоточим свое внимание на модели X R Y, в которой в качестве релятора выступает предлог *в* (*Яблоки <находятся> в вазе*), т.е. отношение места (Y) и локализуемого объекта X будет задаваться этим релятором. При этом ясно, что позицию Y-а занимает предметное имя, за которым стоит объект, осмысляемый в виде вместилища или же контейнера (в данном случае ваза). Статический глагол местонахождения является факультативным элементом конструкции: с точки зрения русского языка *Яблоки – в вазе* – вполне приемлемая фраза (ср. *цветы – в вазе, машина – в гараже*). Выясним теперь, какие же средства использует данный язык при описании пространственных ситуаций, в которых в качестве локализатора выступают объекты (в широком смысле), концептуализируемые как вместилища или контейнеры. Как мы уже отметили, пространственные отношения подобного рода задаются в кабардинском языке при помощи превербов. Последние, хотя и находятся в поле зрения лингвистов с давних пор и получили достаточно широкое освещение в кавказоведении с морфосинтаксических позиций, требуют, на наш взгляд, несколько иного осмысления в рамках когнитивной семантики. При кажущейся простоте проблема превербов довольно сложна, не говоря уже о самом понятии, которое стоит за этим термином. В языках европейского культурного ареала, а также и в русском языке превербы концептуально коррелируют и с префиксами, и с предлогами и с наречными модификаторами. В этой связи представляется оправданным кратко рассмотреть тот элемент глагола, который именуется преверб, начиная с простейших случаев с постепенным переходом к более сложным, таким, которые зачастую довольно трудны для адекватного осмысления даже носителю кабардинского языка. При этом каждый раз мы попытаемся интерпретировать все примеры через русский и другие европейские языки.

1. Итак, в кабардинском языке существует три, говоря терминами когнитивной лингвистики, прототипических глагола (предиката), обозначающих локативное состояние: ср. ЩЫ**Т**ЫН – *стоять*; ЩЫ**ЛЪ**ЫН – *лежать*; ЩЫ**С**ЫН – *сидеть* (ср. англ. to stand, to sit, to lie). Сравним три примера:

Все три предиката обозначают локативное состояние, в котором пребывает субъект (в широком смысле слова). При этом все они с мор-

фемной точки зрения являются структурно сложными с двумя рекуррентными элементами: **ЩЫ**-локативный преверб с абстрактным значением локализации; **-Н** суффикс (показатель инфинитива); **-Т**-; **-С**-; **-ЛЪ-** корневые морфемы – носители лексического значения каждого их этих глаголов. Иными словами, концепт 'стоять' передается именно элементом **-Т-, '**сидеть' и 'лежать' соответственно при помощи **-ЛЪ-** и **-С-** При этом особо отметим, что эти морфемы в кабардинском языке всегда существуют только в связанном виде. Рассмотрим теперь, каким образом рассматриваемые нами локативные превербы соединяются с этими корневыми морфемами. Так, войдя в формальную структуру предикатов локативного состояния превербы И-, ДЭ-, ХЭ, как бы «выдавливают» из нее тот самый элемент ЩЫ-, который, как мы указали ранее, имеет статус преверба с обобщенным абстрагированным значением места, т.е. как бы происходит своеобразная спецификация или сужение сферы влияния соответствующего предиката (*стоять, лежать, сидеть*) в зависимости от когнитивных характеристик локализатора:

Ср.: И- ЛЪ- ЫН – *лежать в*;
ДЭ- ЛЪ- ЫН – *лежать в*;
ХЭ- ЛЪ- ЫН – *лежать в.*

Даже при беглом рассмотрении данных примеров нетрудно убедиться в том, что все три локативных преверба выполняют функцию предлога и имеют, следовательно, корреляты-предлоги в русском и европейских языках. Вот здесь как раз и кроется, на наш взгляд, ответ на вопрос о том, почему в кабардинском языке нет предлогов по сравнению, скажем, с русским языком, а также языками европейского ареала. Вообще же количество предлогов в естественных языках намного – на несколько порядков – меньше по сравнению с названиями объектов, имеющих самые разнообразные формы (Плунгян, Рахилина). В этой связи нами выдвигается рабочая гипотеза об определенном изоморфизме препозитивов (в общелингвистическом смысле) и превербов кабардинского языка. Иными словами мы делаем попытку, не отождествляя препозитивы с превербами, высказать мнение о том, что преверб в кабардинском языке практически выполняет все те когнитивные задачи, которые призван решать предлог в языках, вовлеченных в настоящее описание.

Выдвинутая нами гипотеза предопределяет оправданность рассмотрения когнитивных особенностей **превербов** при опоре на те традиции описания предлогов в лингвистике последнего времени, т.е. с учетом основных достижений в изучении предложной семантики.

Сразу же оговоримся, что в кабардинском языке не могут в общем случае функционировать фразы с «сокровенной» (Арутюнова) связкой типа *цветы – в вазе,* без бытийного глагола или его заменителей. В силу типологических особенностей кабардинского языка как сильно классифицирующего локализуемый объект либо должен *стоять*, либо *сидеть* или же *лежать*.

Ср.: русск. «Цветы – <находятся> в вазе»;
англ. The flowers **are** in the vase;
франц. Les fleures **sont** dans la vase;
нем. Die Blumen **sind** in der Vase (примеры взяты из [5, с. 19]).

Как видно из примеров в конструкциях подобного рода в европейских языках наличие соответствующего канонического бытийного (локативного) предиката является обязательным, в то время как в русском языке, он может отсутствовать, т.е. может быть нулевым. В кабардинском же языке цветы должны непременно *стоять* в вазе. В этой связи особо отметим, что выбор того или иного предиката локативного состояния (*лежать, сидеть, стоять*), а также и выбор преверба в кабардинском языке задается как «качеством» X-а, его когнитивными свойствами так и определенными характеристиками Y-а – топологическими, функциональными и т. д.

Итак, рассмотрим все три преверба, которые концептуально коррелируют с предлогом *в* и его европейским аналогами в указанных языках.

Преверб И-

Значение данного преверба реализуется, прежде всего, в примерах типа:

МЫЭРЫСЭ-**Р** ВАЗЭ-**М** **И-ЛЪ**-Щ «яблоки – в вазе».

Яблоки вазе в-лежат

Ср. англ.: *Apples–the vase-the in-lie.*

Как видно, в кабардинской фразе в качестве релятора выступает именно преверб И-, который в общем случае соответствует, как мы отметили русскому предлогу *в* и его европейским аналогам. Пример из кабардинского языка также позволяет заметить, что порядок следования компонентов модели X R Y претерпевает определенные изменения. Вместе с тем, чтобы не усложнять интрепретацию, мы условно будем подво-

дить все примеры из кабардинского языка под традиционную для русского и европейских языков формулу X R Y, где в качестве R (релятора) выступают, как правило, предлоги, предложные группы и наречия. Ведь, в конце концов, X остается X-ом, а Y остается Y-ом. Здесь гораздо важнее подчеркнуть другой момент, который связан с избирательностью данного языка относительно характеристик Y-а. Исследование показывает, что в кабардинском языке в качестве локализатора в данной конструкции могут выступать как «явные» контейнеры типа вазы, ведра, миски, мешка, коробки и т.д., так и те, которые концептуализируются в других языках как плоскости. Так, например, в русском языке *яблоки в тарелке/вазе/ведре/коробке/ящике и т.д.* – вполне нормальные фразы при сомнительном или даже невозможном **яблоки в подносе/блюде/тарелке* (ср. the apples are on the tray *the apples are in the tray). Иными словами, кабардинский язык «слабо» реагирует или же вообще не замечает «геометрическую» глубину или высоту локализатора т.е. с его точки зрения именно функциональное предназначение Y-а выступает, по-видимому, в качестве салиентного признака. Таким образом, с точки зрения кабардинской языковой картины мира X может буквально *лежать в подносе, в тарелке, в сковородке, в блюде*.

Интересно отметить, что тех случаях, когда позицию Y-а занимают артефакты-предметы мебели данный язык также дифференцированно подходит к их концептуализации. Например, стул, диван, кровать с точки зрения носителей русского языка представляют собой плоскости: ср. *сидеть на стуле/кровати/диване* (ср. англ. to sit on the sofa, chair). В кабардинском же языке стул мыслится как плоскость и, следовательно, локализуемый объект в реляционных конструкциях в данном языку выступает уже в контексте другого преверба (**ТЕ-**, который концептуально коррелирует с русским предлогом ***в***), в то время как кровать и диван концептуализируются как контейнеры. Получается, что кабардинец буквально *лежит в диване или кровати*. Интересно при этом, что кресло в кабардинском языке (как, впрочем, и в других языках) понимается как контейнер и, следовательно, для локализации X-а в кресле кабардинский язык использует в общем случае два предиката ИЛЪЫН *лежать в* или же *ИСЫН сидеть в* с превербом И-, который, как мы уже условились, соответствует русскому *в*: ср. русск. *в кресле*; англ. in the arm-chair. В этой связи уместно еще раз обратиться к тонкому замечанию Е.С. Кубряковой и подчеркнуть, что, примеры подобного рода являют собой ярчайшее доказательство чисто **человеческой** концепутализации и категоризации той инофрмации, которая поступает к нам извне.

Преверб ДЭ-

Данный преверб концептуально коррелирует с думя русскими предлогами: *между* и *в*. Подобный концептуальный дуализм в поведении преверба проистекает из особого, чисто языкового, осмысления некоторых объектов в кабардинском языке.

Так, в индоевропейских, тюркских, а также в семитских языках, насколько нам известно, такие объекты как: шкаф, шифоньер, ящик (выдвижной, стола или шкафа, например,), сундук и т.д. в общем случае топологически квалифицируются как контейнеры, хотя и с разной степенью прототипичности, что, впрочем, неважно для наших рассуждений. При этом вслед за Е.В. Рахилиной подчеркнем методологически крайне важную, на наш взгляд, мысль о том, что под топологическими характеристиками понимаются не **денотативные**, а именно **семантические** (выделено нами. – *Р.К.*) свойства объекта [7, с. 256]. Приведем несколько примеров для подтверждения «контейнерного» видения некоторых объектов: ср. русск. ***в** ящике/шкафу/коробке/сундуке и т.д.* и англ.: **in** the box/wardrobe/cupboard/case, etc. В кабардинском же языке они получают иной топологический статус, т.е. интерпретируются в терминах другого языкового образа, более сложного, чем в других языках. Так, при необходимости описания денотативной ситуации нахождения какого-либо объекта (X) в одном из указанных объектов, которые в нашей модели занимают позицию Y-а, кабардинский язык использует именно преверб ДЭ-, а не тот самый преверб И-, который соответствует русскому предлогу *в*. Оказывается, что при проецировании указанных артефактов в семантику кабардинского языка в качестве **когнитивно салиентного признака** выступает их створчатость (в прототипических случаях). Вследствие этого, подобные объекты будут названы нами «створчатые контейнеры» Ср.:

ТХЫЛЪЫР ШКАФЫМ **ДЭ-** ЛЪ–Щ
КНИГА ШКАФУ **МЕЖДУ** ЛЕЖИТ
При невозможном :

*ТХЫЛЪЫР ШКАФЫМ **И**– ЛЪ–Щ
КНИГА ШКАФУ **В** ЛЕЖИТ

Прокомментируем данный пример. Как нам кажется, кабардинский язык, сохраняя за створчатыми объектами когнитивный статус контейнеров (при любой топологической интерпретации их все-таки нельзя лишить данного статуса: ведь в шкаф что-то кладут, в нем что-либо хранят и т.д.), но при этом, он, так сказать, не может пройти мимо того факта, что это контейнер особый, т.е. со створкой, что и объясняет выбор именно данного преверба. Осмелимся предположить, что перед нами случай концептуальной интеграции, который закреплен за данным превербом. В таком случае концептуальные сценарии подобного рода могут быть проинтерпретированы буквально как книга лежит в шкафу, но при этом она попадает туда, т.е. оказывается там, благодаря створке/ам шкафа, сундука. В разряд подобных объектов входят также и книги (ситуация нахождения чего-либо в книге, например, денег, также «обслуживается» именно этим превербом. обратить, что клетка (с птичкой) и коробка в данном языке сохраняют статус обыкновенных контейнеров (ср. в коробке/клетке, in the box/cage). Интересно, что при предъявлении информантам коробки, которой преварительно была придана, так сказать, сундукообразная форма, не меняет положения дела: они отказываются причислить ее к категории створчатых объектов.

Преверб ХЭ-

Концептуально коррелирует с русским предлогом ***в*** и его европейскими аналогами. Вместе с тем, сочетаясь с любой из указанных выше связанных корневых морфем, соответственно обозначающих одно из трех локативных состояний (*сидеть, стоять, лежать*) данный преверб как обязательное условие требует, чтобы в его контексте в качестве локализатора (Y) выступали бы, в первую очередь, контейнеры – субстанции[4], жидкости, газы, а также так называемые множественные сущности типа in the cattle, in the herd (ср. русск. *в стаде*).

Ср.: русск. *Наша корова <находится> в стаде*
ДИ ЖЭМЫР ІЭХЪУЭМ ХЭТЩ
букв.: *Наша корова стаде в- стоит*
our cow-the herd-the in- stands

Подобным же образом, в русском языке ситуация нахождения Х-а в воде или в воздухе, например, обслуживается все тем же предлогом ***в***, который как известно, выступает в контексте как явных контейнеров, так сказать, чистых объектов, а так и контейнеров-субстанций. Ср. русск.: *в воде/супе/компоте*, с одной стороны и *в воздухе* англ.: in the air; in the water.

В виду ограниченности объема работы мы не можем остановиться на некоторых других, не менее важных, проблемах, разрешение которых может служить в качестве специальной задачи других исследований. Иными словами, полодтворным продолжением изучения реляционных конструкций в кабардинском языке могло бы служить выявление условий и факторов, обуславливающих выбор предиката локативного состояния, а также особый топологический статус, который кабардинский язык придает денотатам тех или иных частей тела. Так, с точки зрения кабардинского языка жидкости и сыпучие материалы, например, всегда ‘стоят’, что обуславливает их обслуживание предикатом ЩЫТЫН *стоять*. Или же, например, рот в кабардинском языке в отличие от рассматриваемых языков концептуализируется именно как створчатый контейнер, горло же мыслится как плоскость.

Примечания

[1] Кабардинский язык – один из государственных языков Кабардино-Балкарии, принадлежит к абхазо-адыгской языковой группе, в частности, один из языков Западного Кавказа. В лингвистической литературе именуется «кабардино-черкесский язык». Для краткости мы будем пользоваться термином «кабардинский язык». В целях экономии места мы не будем останавливаться на типологических особенностях данного языка: они в общих чертах описаны в специальной литаратуре.

[2] В работе мы будем именовать их «реляционные конструкции» и использовать в качестве синонимичных «пространственным конструкциям.» Пользуясь случаем, автор хотел бы выразить свою признательность и благодарность Сотерии (Роуле) Свороу, профессору университета Сан Хозе, Калифорния, США, которая любезно разрешила мне пользоваться главой Relational Constructions In Cognitive Linguistics из ее книги находящейся в печати (Oxford University Press).

[3] В виду ограниченности объема статьи мы решили сосредоточиться на трех наиболее частотных локативых превербах.

[4] О различии контейнеров-объектов и контейнеров-субстанций см. (Лаков, Джонсон, 1980).

Библиографический список

1. *Кубрякова Е.С.* Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // ИАН СЛЯ. – 2002. – Т. 61. – №1.

2. *Рахилина Е.С.* Когнитивная семантика // Идеи и методы современной американской лингвистики. – М., 2004.

3. *Маляр Т.Н., Селиверстова О.Н.* Понятия «пространства» и «расстояния» в семантике некоторых русских английских предлогов и наречий // Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. – М., 1993.

4. *Гак В.Г.* Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000.

5. *Филипенко М.В.* Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М.: Русские словари, 2000.

6. *Heine Bernd.* Conceptual grammaticalization and prediction. Language and the Cognitive Construal of the World by Taylor, John R. / MacLaury, Robert E. (ed.) Walter de Gruyter. – 1995.

7. *Рахилина Е.В.* «Без конца и без края» // Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. – С. 256.

8. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. – Chicago, 1980.

Н.Х. Шакирова

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ МНОГОЧЛЕННЫХ СМЕШАННЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В структурном плане многочленные сложные предложения подразделяются на многочленные сложносочиненные, многочленные сложноподчиненные, многочленные смешанные сложные предложения (Закиев, 1995, с. 519).

Структуру любого сложного предложения формируют прежде всего синтаксические отношения. В современном татарском языке разновидность сочинительных, подчинительных и спаятельных отношений дает более емкую возможность для построения многочленной конструкции. Не менее важным фактором является наличие трех и более предикативных частей, поэтому структурные схемы многочленных смешанных предложений различаются сразу двумя признаками: характером связи между компонентами и их количеством. «Структура обязательно предполагает связанность ее элементов сеткой отношений, что позволяет определить структуру как зафиксированную сеть отношений» (Калашникова, 1980, с. 25).

В многочленном смешанном сложном предложении разнотипный характер синтаксической связи. Но все же первостепенной и главной, объединяющей компоненты данного предложения, является сочинительная связь.

Мы считаем, что в татарском языке не менее важными являются и другие – подчинительные и спаятельные связи, благодаря которым происходит формирование не только структуры, но и семантической целостности всего многочленного смешанного предложения. Как отмечает Н.З. Гаджиева, «в развитии синтаксической структуры тюркских языков наблюдаются факты, когда оба пути развития подчинительных отношений – трансформация и союзный способ скрещиваются, давая разнообразные смешанные типы построений. Гибридизация рассматривается нами как своеобразный третий путь развития синтаксической структуры сложного предложения в тюркских языках» (Гаджиева, 1973, с. 397).

В языкознании, в частности в современном русском языке, любые усложненные сложные предложения рассматриваются «как синтаксические конструкции, которые подчинены двум уровням членения: первое членение – логико-синтаксическое, второе – структурное. При первом уровне членения выделяются более крупные логические части конструкции или компоненты, при втором – части, равные отдельным предикативным единицам, т.е. простейшие строительные элементы…» (Валгина Н.С., 1978, стр. 377).

В «Татарской грамматике» в некоторых многочленных сложных предложениях выделены более крупные логико-синтаксические части, но они не называются компонентами. Автор указывает, что «многочленное сложносочиненное

 © Н.Х. Шакирова, 2006

предложение может состоять из двух или более двучленных сложносочиненных предложений» (Закиев, 1995, с. 52).

Разделяя вышеназванные точки зрения, в статье предпринимается попытка раскрыть структурные особенности некоторых многочленных смешанных сложных предложений в татарском языке как синтаксических конструкций с двухуровневым членением, тем самым показать всю структурную гамму данного вида многочленных сложных предложений.

Академик М.З. Закиев выделяет три основных структурных многочленных смешанных предложений (Закиев М.З., 1992, 1995 стр. 519). В своей работе мы будем придерживаться этого деления, представляя и другие, существующие в татарском языке структурные модели и их комбинации.

Мы считаем, что исходным видом, как основным, в первую очередь нужно рассмотреть многочленное смешанное сложное предложение, состоящее из трех предикативных частей (трехчленное), соответственно состоящих из двух компонентов, представляющих простое и сложноподчиненное предложения, как некую модель «простое предложение + сложноподчиненное предложение».

В языкознании принято называть моделью многочленных конструкций «набор ее возможных вариантных форм, каждая из которых представляет собой линейную организацию строевых единиц (а строевыми для усложненной конструкции являются предикативные единицы) и показателей сочинительной и подчинительной связи между ними (Гаврилова, с. 68). По мнению Г.Ф. Калашниковой, «под серией моделей имеются в виду конструкции, сходные по целому ряду признаков, но допускающие дальнейшую дифференциацию моделей (Калашникова, 1979, с. 26).

Рассмотрим наиболее распространенные в татарском языке комбинации модели **П + СП,** где **П** – компонент, представляющий простое предложение; **СП –** компонент, представляющий сложноподчиненное предложение

Например: (1) Алар өске катка күтәрелеп, коридор буйлап китеп баргач, (2) Шамил тәрәзә янындагы иң соңгы ишек каршына басты, (3) тик Җирән генә атлавын дәвам итте (З. Фәтхетдинов). *Когда они поднявшись на верхний этаж пошли по коридору, Шамиль встал у дверей, находящейся у окна, однако Рыжий продолжал шагать.*

Данное предложение состоит из двух компонентов, объединенные сочинительной связью, которая выражена противительным союзом «тик» (однако). Компонент, представляющий сложноподчиненное предложение, находится в начале многочленного предложения. Исследования показывают, что в татарском языке компоненты таких конструкций соединяются в основном сочинительной интонацией. Из ста проанализированных трехчленных конструкций 80 из них именно такие предложения.

В современном татарском языке трехчленное смешанное сложное предложение является наиболее распостраненным, причем компонент, представляющий сложноподчиненное предложение может находится и в начале и в конце трехчленного смешанного сложного предложения. Например: (1) Кешеләрнең ни әйткәне хәтергә сеңеп калмады, (2) сүз сөреше бер юнәлештә барды: (3) яшь житәкчегә тәжрибә житмәгән (М. Мәһдиев). *Сказанные людьми слова не запомнились, разговор шел в одном направлении: молодому руководителю не хватило опыта.*

В данном трехчленном предложении компонент, представляющий сложноподчиненное предложение находится в замыкающей позиции. Между компонентами сочинительная связь выражена интонацией перечисления. Сложноподчиненное предложение, представляющее второй компонент трехчленного сложного предложения, имеет аналитическое придаточное. Но в татарском языке в качестве зависимого предложения в таких трехчленных смешанных сложных предложениях чаще выступает спаятельное придаточное.

Нам представляется, что при анализе многочленных смешанных сложных предложений нельзя ограничиваться только трехчленными предложениями, так как данные синтаксические конструкции полностью не раскрывают возможность и сущность многочлена, а также своеобразия его структурно-семантических особенностей. Так как любое сложное предложение «представляет собой целостную синтаксическую структуру, которая выступает в качестве одной коммуникативной единицы, поэтому не может рассматриваться как сумма входящих в его состав простых» (Закиев, 1995, с. 414). Исследования показывают, что компонентами многочленного смешанного сложного предложения могут и простые, и сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, а также модели самих многочленных смешанных предложений.

Анализ многочленных смешанных сложных предложений показывает, что в татарском языке существует множество комбинаций модели **П + СП** как в структурном, так в семантическом отношении.

Рассмотрим наиболее распространенные в татарском языке структурные варианты модели «простое + сложноподчиненное предложение».

А) Многочленное смешанное предложение представляет собой конструкцию, состоящую из четырех компонентов, объединенных сочинительной связью. Первый компонент – простое предложение, второй – сложноподчиненное предложение, третий – сложноподчиненное предложение, четвертый – простое предложение, т.е. два компонента, представляющие собой сложноподчиненые предложения, находятся в середине многочленной конструкции. Комбинацию этих компонентов можно представить в виде следующей модели, как **П + СП + СП + П.**

Например: (1) Иңкүлектә ялгыз ат утлап йөри, (2) күк күкрәгән саен (3) ул муенын турайта да башын тагын ия, (4) тышаулы булганга күрә, кушаяклап алга сикергәндә, (5) яшен яктысы аның ялын ялкын телләре сыман кызартып күрсәтә, (6) ат үзе тимерчелек учагыннан чыккан утлы күмергә охшап кала (Ә. Гаффар). *В низине пасется лошадь, каждый раз, когда гремит гром, она выпрямляет шею и опять склоняет голову, когда она из-за стреноженности прыгает галопом, свет молнии показывает её гриву как багровые языки пламени, сама же лошадь становится похожей на раскаленный уголь из очага кузницы.*

В данном многочленном смешанном сложном предложении на первом уровне членения четыре компонента, объединенные между собой сочинительной связью, которая выражена перечислительной интонацией. Особенностью данного многочленного предложения является то, что в большинстве случаев сложноподчиненные предложения, представляющие второй и третий компонеты, имеют спаятельные придаточные, что характерно только для тюркских языков.

Б) Есть и другая, более распостраненная комбинация этой структурной модели, когда многочленное смешанное сложное предложение состоит из трех компонентов, один из которых, представляющий сложноподчиненное предложение, расположен посередине многочленного предложения, как **П + СП + П.** Например: (1) Атасының малын ул уңга-сулга туздыра, ләкин ул моны шулхәтле оста эшли ки, байтак вакытка кадәр өйдәгеләр бу турыда бернәрсә дә белми киләләр, ә приказчиклар, белсәләр дә, хужа каршында үз гөнаһлары фаш ителүдән куркып, авыз ачарга батырчылык итмиләр (М. Галәү). *Богатсва отца он транжирит налево–направо, но это он делает так умело, что домашние до некоторой поры об этом ничего не догадываются, а приказчики, боясь разоблачения свих грехов перед хозяином, хоть и знают, не признаются.*

В данном многочленном смешанном сложном предложении три компонента, объединенные сочинительной связью при помощи противительных союзов. Между первым и вторым компонетами одновременно существует и другой формальный показатель подчинительной связи – созное слово «моны». Как указывает академик М.З. Закиев, «в установлении связи между их компонентами в таких предложениях большую роль играют противительные союзы. Однако и сресства подчинительной связи устанавливают между предложениями свойственные им отношения» (Закиев, 1995, с. 519).

В) Многочленное смешанное сложное предложение состоит из четырех и более компонентов, где простые и сложноподчиненные предложения, представляющие компоненты многочленного предложения, чередуются в такой комбинации **П + СП +П + СП** или **СП + П + СП + П.**

Например: (1) Сөләйман дәшми, (2) күзе капкада булса да, (3) авыл арасына чыгып китәргә кыюлыгы житми, (4) нидер тота, (5) көн үткән саен, (6) күңел түрендә ямьсез, шомлы караңгылык куера (А. Гыйлажев). *Сулейман молчит, хотя его взгляд устремлен на ворота, выйти в деревню у него не хватает смелости, что-то его держит, как только проходит день, в глубине души сгущается таинственная зловещая чернота.*

Исследования показывают, что такие сочетания компонентов в татарском языке менее распространены. Причем компоненты таких многочленных смешанных сложных предложений в большинстве случаев объединены только сочинительной интонацией (перечислительная интонация).

Г) Многочленное смешанное сложное предложение состоит из трех объединенных сочинительной связью компонентов, первый из них представляет собой простое предложение, а последующие – сложноподчиненные предложения **П + СП + СП** или **СП +СП + П.**

Например: (1) Мартемьян Васильевич Госман отрядына аз-маз корал да вәгъдә иткән иде, (2) ләкин кеше саны арткан саен, (3) аның үзенә дә корал күбрәк кирәк була башлады, (4) Госман көткән (5) винтовкалар килеп житә алмады (И. Салахов). *Мартемьян Васильевич обещал выделить отряду Усмана немного оружия, но по мере того как людей у него становилось больше, все больше оружия было необходимо и ему самому; Усман так и не смог получить тех винтовок, которых ждал.*

Таким образом, в татарском языке существует множество комбинаций одной из самой распространенной модели многочленного смешанного сложного предложения.

Библиографический список

1. *Белошапкова В.А.* Современный русский язык. – М., 1977.

2. *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. Изд. 2. – М., 1978.

3. *Гаврилова Г.Ф.* Усложненное сложное предложение в русском языке. – Изд-во Ростовского университета, 1979.

4. *Гаджиева Н.З.* Основные пути пазвития структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973.

5. *Закиев М.З.* Синтаксический строй татарского языка. – Казань, 1963.

6. *Закиев М.З., Зиннатуллина К.З., Ибрагимов С.М.* Сопоставительный синтаксис русского татарского языков. Ч. III: Сложное предложение. – Казань, 1977.

7. *Закиев М.З.* Грамматика татарского языка: в 3 т. Т. 3: Синтаксис. – Казань, 1992.

8. *Зәкиев М.З.* Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы. – Казан, 1963.

9. *Зәкиев М.З.* Хәзерге татар әдәби теле синтаксисы һәм пунктуациясе. – Казан, 1984.

10. *Зәкиев М.З.* Татар грамматикасы. 3 т.: Синтаксис. – Казан, 1999.

11. *Калашникова Г.Ф.* Многокомпонентные сложные предложения в современном русском языке. – Харьков: Виша школа, 1979.

12. *Хангильдин В.Н.* Татар теле грамматикасы. – Казань, 1959.

А.В. Емельянова

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (на материале немецкого языка)

Реклама прочно вошла в реалии современной жизни, что заставило многих учёных, в том числе и лингвистов, обратиться в своих исследовательских поисках к изучению этого явления. Рекламный дискурс всесторонне изучают на материале разных языков [1–4; 6; 7]. Однако, анализируя вербальный ряд рекламы, лингвисты упускают из виду функциональные слова, к числу которых относятся темпоральные частицы. Анализ материала показал, что частицы со значением времени активно участвуют в реализации аргументативной стратегии рекламного дискурса, усиливая его прагматическое воздействие. Как правило, это происходит за счёт аксиологических значений «рано», «быстро», «давно», «много» и т.п., которые включены в семантику частицы. Оценки формируются при соотнесении частицей темпоральных понятий. Соотнесение понятий является главной функцией логической частицы (темпоральные частицы входят в разряд логических частиц). Выделяя знаменательное слово – ядро, логическая частица устанавливает отношения между ним и фоном выделения ядра – коррелятом частицы. Характер отношений между соотносимыми единицами составляет значение логической частицы [5, с. 158]. В настоящей статье ядро частицы именуется объектом выделения, а её коррелят(ы) – фоном выделения.

Самыми популярными временными частицами в рекламе являются *schon, noch, bereits*. В зависимости от аргумента, который формируется семантикой частиц, рекламные высказывания были разбиты на несколько групп. Рассмотрим основные.

Оценка «рано» → аргумент «опережение времени, инновации». В рекламных высказываниях этой группы сообщается о новых технологиях в разных сферах. Как правило, рекламируются новинки в области информационных, электронных технологий, коммуникации, автомобильной индустрии.

© А.В. Емельянова, 2006

В (1) рекламируются услуги европейской Интернет-компании.

(1) Das Internet von morgen gibt es **schon** *heute*: größer, freier. Und einfach dank Tiscali 10.0, dem Internet-Angebot einer neuen Generation, das Ihnen eine Vielzahl an Service-leistungen bietet [8, c. 189].

Употреблённая в зачине рекламного текста частица *schon* оценочным значением «рано» наряду с другими языковыми средствами маркирует опережение времени: широкий спектр Интернет-услуг нового поколения доступны уже сегодня. *Heute* соотносится с эксплицитно выраженным в предтексте *morgen*. Объект выделения частицы *heute* проецируется на текущее время адресата, в сознании которого за счёт соотнесения темпоральных понятий *heute* ↔ *morgen* актуализируется временной интервал, (включающий момент прочтения рекламы), с вектором, направленным в будущее.

Оценка «рано» → аргумент «материальная выгода». В (2) речь рекламируется денежный вклад с хорошей процентной ставкой.

(2) <...> Denn mit dem dynamischen Zinssatz wächst Ihr Vermögen jedes Jahr schneller. Und weil Sie **schon** *nach einem Jahr* an Ihr Geld kommen, bleiben Sie offen für andere Pläne [9, c. 145].

Объектом выделения частицы *schon* является срок *nach einem Jahr*, который по протяжённости соотносится с более длительными сроками, например, *nach zwei Jahren, nach drei Jahren* и т.п. Оценка «рано», которая реализуется при соотнесении этих темпоральных понятий, характеризует рекламируемый срочный вклад как выгодный и удобный.

Оценка «давно» → аргумент «проверено временем». Оценочное значение «давно» встречается в рекламных высказываниях фирм, которые заявляют о том, что на рынке они не первый день. Объектом выделения частицы в таком случае является, как правило, конкретная дата в прошлом. За счёт соотнесения темпоральных понятий в сознании адресата актуализируется продолжительный временной интервал, что формирует аргумент: «то, что давно на рынке, проверено временем».

Цель вызвать доверие к фирме *Kyocera* в (3) достигается не без участия частицы *bereits*, которая выделяет период, на 20 лет удалённый от настоящего момента.

(3) Lange bevor das Thema in Mode kam und die Technologie zum globalen Standard wurde, begann Kyocera **bereits** 1982 mit der Herstellung polykristalliner Solarzellen aus Silizium in Groserie [10, c. 148].

Оценка «быстро» → аргумент «быстрый эффект». Оценка «быстро» формирует аргумент в пользу объекта рекламирования, если речь идёт о быстром наступлении результата от его применения. В таком случае, как правило, рекламируются лекарственные препараты. В (4) рекламируются консультации врачей, практикующих лечение проблем, связанных со спиной.

(4) Es ist ganz leicht, **schon** wird der Rücken entlastet und das Rückgrat gestärkt. Wir zeigen Ihnen wie [11, c. 247].

Частица *schon* маркирует быстрое избавление от проблемы: если опустить частицу, прагматический эффект высказывания сойдёт на нет.

Оценка «много» → аргумент «популярность, востребованность». Наряду с временными оценками частиц их количественные оценки также активно участвуют в формировании аргументов. В (5) частица фиксирует результат процесса.

(5) **Schon** eine Million sind begeistert von XXL Fulltime, der Telefon-Flatrate von T-Com! [12, c. 31].

Частица *schon* маркирует растущее количество пользователей новой услуги, выделяя *Million* как «много» к настоящему моменту. Раньше абонентов было меньше, со временем их количество увеличивалось и достигло миллиона.

Оценка «много» → аргумент «увеличение радиуса действия услуги». Оценка «много» может также свидетельствовать о территориальном расширении предоставляемой услуги. В (6) рекламируется дешёвый тариф международного роуминга.

(6) <...> Dank der internationalen Präsenz von Vodafone ist dies **bereits** in 20 Ländern möglich [13, c. 159].

Доступность услуги в 20 странах преподносится как много к настоящему моменту. *Bereits* маркирует результат процесса с оценкой «много».

Оценка «мало» → аргумент «дёшево». Одним из самых распространённых аргументов в пользу рекламируемой услуги/товара является сообщение о понижении её/его цены, что всегда сопровождается частицей *schon*. В (7) *schon* выделяет результат процесса, наделяя его оценкой «мало».

(7) Sparen Sie jetzt bis zu € 5.000, – und fahren Sie den CITROEN C5 **schon** ab € 17.490 [14, c. 145].

Частица *schon* сопровождает указание стоимости авто *ab € 17.490*, отмечая, что цена понизи-

лась. За счёт частицы возникает представление о том, что раньше CITROEN C5 был дороже.

Аргумент в пользу рекламируемого товара/услуги может выражаться и без оценки. Согласно исследованиям специалистов в области рекламной коммуникации, рекламная информация зачастую воспринимается человеком с недоверием, настороженностью, так как новое – это не всегда хорошо. Люди ценят постоянство и верность, стабильность. Снять барьер недоверия к рекламе помогает процессуальная семантика частицы *noch*.

Аргумент «стабильность». В (8) рекламируется компания, которая вот уже более сотни лет занимается судовождением.

(8) Wer weniger Gäste hat, kann diese umso besser betreuen. Diesen Grundsatz beherzigten wir schon, als wir *vor über 100 Jahren* die Kreuzfahrt erfunden haben. Und halten uns **noch** *heute* daran [15, c. 175].

Частица *noch* выделяет темпоральное наречие *heute*, которое ориентировано на текущее время адресата. В предтексте обозначен фон выделения *heute* – момент в далёком прошлом *vor über 100 Jahren*. Актуализируя в сознании адресата очень продолжительный временной интервал, частица сообщает о стабильности рекламируемой компании: «тот, кто на рынке более ста лет, надёжен, ему можно доверять».

Итак, функционируя в рамках рекламного дискурса, темпоральные частицы *schon, noch, bereits* усиливают прагматическое воздействие рекламного текста. Аксиологические значения «рано», «быстро», «давно», «много», «мало», которые в зависимости от контекста реализую частицы, активно участвуют в формировании аргументов в пользу рекламного предложения. Важную прагматическую функцию выполняет в дискурсе рекламы процессуальная семантика частицы *noch*: при соотнесении темпоральных понятий настоящего и прошлого, которые на временной оси расположены друг от друга на большом расстоянии, достигается снятие барьера недоверия к рекламному продукту.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

2. *Кочетова Л.А.* Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 18 с.

3. *Пирогова Ю.К.* К типологии ложных умозаключений в рекламном дискурсе // Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. – Протвино, 2000.

4. *Слышкин Г.Г.* Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38–45.

5. *Торопова Н.А.* Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). – Саратов, 1980.

6. *Bandhauer W.* Diskurs und Metadiskurs: Studien zur Rezeption von französischer und deutscher Sprache der Politik und der Werbung. – Tübingen, 1989.

7. *Flader D.* Strategien der Werbung (Ein linguistisch-psychoanalytischer Versuch zur Rekonstruktion der Werbewirkung). – Kronberg Ts., 1974.

8. Spiegel. – 2002. – № 21.

9. Spiegel. – 2006. – № 19.

10. Spiegel. –2004. – № 11.

11. Spiegel. – 1991. – № 47.

12. Spiegel. – 2006. – № 23.

13. Spiegel. – 2006. – № 18.

14. Spiegel. – 2006. – № 17.

15. Spiegel. – 2002. – № 21.

ИСТОРИЯ

М.С. Чудакова

ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая мировая война наложила свой отпечаток на деятельность органов политического сыска. Неудачи на театре военных действий, тяжелая внутриполитическая ситуация, экономический кризис не могли не отразиться на работе Департамента полиции (далее – ДП), местных губернских жандармских управлений (далее – ГЖУ) и охранных отделений. Являясь частью государственного механизма, они самым непосредственным образом отразили противоречия и проблемы тогдашнего российского общества.

Святая святых Департамента полиции – Особый отдел не мог гордиться стабильностью и дальнейшим совершенствованием своей работы. Последний заведующий Особым отделом полковник И.П. Васильев отмечал: «Главнейшая роль Особого отдела в последнее время была информационная в отношении местных розыскных органов. Собственно инициативы у Отдела почти не было, если не считать обязанности инструктирования розыскных органов в смысле преподания чисто технических указаний. В остальном он являлся канцелярией по выполнению резолюций и распоряжений начальства, начиная с Директоров ДП, и по составлению докладов…»[1] За период войны Особый отдел трижды менял свое наименование. Это свидетельствовало не только о стремлении руководителей сыска приспособить карательно-розыскной аппарат (в том числе его центральные органы) к быстро изменяющимся историческим условиям. Данный факт говорил и о кризисных явлениях в штабе политического сыска. Следующим его проявлением являлись постоянные кадровые перестановки: за период войны сменились 5 министров внутренних дел, 5 Директоров Департамента полиции[2], 4 Заведующих Особым отделом. Да и взаимоотношения между министрами внутренних дел и Директорами ДП оставляли желать лучшего. Конфликтовали между собой, например, министр Б.В. Штюрмер и Директор ДП Е.К. Климович[3], Директор Департамента полиции С.П. Белецкий[4] и товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский. Последний был уволен со службы в августе 1915 г. Товарищ Председателя Государственной думы Протопопов в письме к Джунковскому констатировал: «Не скорбите, а радуйтесь Вашему освобождению из плена. Вы видите, они – обреченные, их никто спасти не может. …Но кто нуждается в спасении, так это Россия»[5].

С.П. Белецкий в показаниях, данных комиссии Временного правительства, отмечал «некоторый застой в осведомительной части Департамента», постепенное снижение ценности сведений, получаемых от секретных агентов[6]. Последний заведующий Особым отделом ДП И.П. Васильев отмечал в записке «О провокационной деятельности некоторых розыскных деятелей», представленной в Чрезвычайную Следственную комиссию Временного правительства, следующее: «Дело политического розыска после революции 1906–1907 годов пришло в упадок… Исключение составляет время заведования Департаментом Трусевичем и Курловым… Окончательно розыск захирел, благодаря отмене при генерале Джунковском агентуры в войсках, но с подъемом общественного движения в 1915–1917 годах… розыск «оживился» вследствие того, что движение происходило не при прежней конспиративной обстановке, вышло из подполья, каковое обстоятельство дало возможность даже мелкой агентуре быть в курсе течения событий»[7]. Этот же факт в октябре 1916 г. подтверждал начальник Московского охранного отделения А.П. Мартынов, отмечая: «Можно с уверенностью сказать, что подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали. В сравнении с настроениями данного момента настроение 1905–1906 годов, несомненно, являлось для правительства более благоприятным. Тогда острая ненависть к правительству охватывала сравнительно узкий круг рабочего класса, часть крестьянства и горсть интеллигенции, теперь же в непримиримом чувстве осуждения

© М.С. Чудакова, 2006

правительства объединилось едва ли не все общество»[8].

К 1917 г. в России насчитывалось 75 губернских и областных жандармских управлений, 33 жандармско-полицейских управления железных дорог, в состав которых входило 322 жандармских отделения. Общая численность жандармского корпуса на октябрь 1916 года достигала 14 667 человек. По списку проходило 8 генералов и 28 генерал-лейтенантов[9].

И все же начало Февральской революции стало для Департамента полиции полной неожиданностью. Министр внутренних дел докладывал царю о начавшейся революции как о незначительных волнениях населения. Их причину он видел в отсутствии продовольствия, а потому полагал, что выступления прекратятся с момента возобновления поставок хлеба в столицу после расчистки снежных заносов[10].

Восемь февральско-мартовских дней явились началом революционного процесса, в корне изменившего развитие России. Не сумев предотвратить падения самодержавия, карательно-розыскной аппарат царской России перестал существовать. Подверглись нападению толпы здания Департамента полиции, Московского охранного отделения. В результате была разгромлена и сожжена значительная часть архивов этих учреждений. Историки предполагают, что в этом самое непосредственное участие принимали бывшие секретные сотрудники. Аналогичная участь постигла и многие местные охранные отделения и ГЖУ.

4 марта 1917 г. указом Временного правительства был упразднен Отдельный Корпус жандармов, включая жандармско-полицейские управления железных дорог и охранные отделения. 10 марта ликвидирован Департамент полиции, и в составе МВД учреждено «Временное управление по делам общественной полиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан», переименованное затем в Главное управление по делам милиции. Этим же постановлением была образована специальная комиссия[11] для ликвидации дел Департамента полиции[12].

15 июня 1917 г. постановлением Временного правительства на базе «Комиссии по разбору дел бывшего Департамента полиции» создана «Особая комиссия по обследованию деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений[13]. Рамки ее деятельности были существенно расширены. В постановлении Временного правительства четко определялись задачи «Особой комиссии…». Они заключались в исследовании всех дел, имеющих отношение к политическому розыску в архивах ДП и подведомственных ему учреждений. Комиссия должна была поддерживать связь с исполнительными комитетами и комиссиями, работающими на местах. В случае отсутствия таковых, комиссия принимала меры к охране и разработке местных архивов. Она имела право обращаться за получением соответствующих материалов и сведений ко всем правительственным и общественным учреждениям. Комиссия должна была отвечать на запросы, относящиеся к политическому розыску, если таковые исходили из правительственных органов и общественных учреждений[14]. В регионах контроль над деятельностью комиссий осуществляли должностные лица, подотчетные Министерству юстиции.

В период с марта по октябрь 1917 года в Петербурге, Москве и во многих городах по постановлению Временного правительства и распоряжениям исполкомов местных Советов были образованы комиссии, которые занимались выявлением и разоблачением секретных сотрудников Департамента полиции, охранок и ГЖУ. Основными из них являлись: Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц (Петроград); Комиссия по заведованию архивом заграничной агентуры в Париже; Комиссия по обеспечению нового строя (Москва); Комиссия по разбору дел бывшего Департамента полиции подведомственных ему учреждений (Петроград) и ряд комиссий на местах[15]. Региональные комиссии работали в тесном взаимодействии с комиссиями столичными. И, если спектр вопросов, которыми занимались комиссии в столицах, был достаточно широк, то на местах их обязанности были более конкретными. Они занимались разбором и изучением архивов местных органов сыска, выявлением и розыском бывших жандармских офицеров, секретных сотрудников ГЖУ и охранки, их допросами, публикациями в прессе имен сотрудников и подготовкой материалов для столичных комиссий. Так, 29 мая 1917 года Исполнительный комитет Московских общественных организаций по обеспечению нового строя обратился в Тверской исполком «не имеется ли в делах архива ТГЖУ каких-либо сведений

о том, кому из секретных сотрудников названного ЖУ, работавших в 1910–1911 гг., принадлежит кличка «Волков». Этот же документ содержит запрос относительно того, проживал ли на территории Тверской губернии в 1910–1911 годах крестьянин Московской губернии Григорий Матвеевич Матвеев[16]. Комиссии могли также применять определенные меры воздействия к вышеназванным категориям лиц: арест (в том числе домашний), подписка о невыезде, временное запрещение участвовать в политической и общественной жизни.

Как уже отмечалось, одним из направлений деятельности местных исполкомов и созданных при них комиссий являлось выявление и задержание бывших жандармских офицеров, а также разоружение полиции. Нерехтский временный исполнительный народно-революционный комитет сообщал в Губернский комитет общественной безопасности следующее: «Разоружение полиции проведено почти повсеместно в уезде, отчасти самим народом, частью же с согласия самой полиции». «В настоящее время комитетом арестованы и представлены в городскую тюрьму нерехтский уездный исправник М.М. Кулябко, помощник исправника Н.С. Ошанин, пристав г. Нерехты Н.А. Красовский» и еще 6 человек. Аресты, по свидетельству комитета, были вызваны тем, что «исправник позволял себе отзываться о настоящем торжестве народа как о недолговременном»[17]. Временное исполнение обязанностей исправника было возложено на члена Комитета Муравьева. Костромской Губернский комитет в свою очередь просил сообщить «на каком основании комитет (г. Нерехты. – *М.Ч.*) наложил арест на бывшего нерехтского уездного исправника Кулябко и в то же время ему выдано удостоверение о беспрепятственном выезде из г. Нерехты»[18]. Объединенный комитет принял решение о двухнедельном домашнем аресте Кулябко, по окончании которого последний должен явиться в вышеназванный комитет[19].

Согласно приказу Командующего войсками Московского военного округа подполковника Грузинова, было разослано «распоряжение о домашнем аресте и регистрации всех жандармских офицеров по Москве и по всем железным дорогам и городам, прилегающим к железным дорогам Московского военного округа и в окружности 200 верст от Москвы, включая ст. Бологое». Исполнение возлагалось на «комендантов железнодорожных станций при содействии в городах комиссаров и представителей новой власти»[20]. Каждый из офицеров должен был дать обязательство следующего содержания: «Я, нижеподписавшийся, даю честное слово, что вполне подчиняюсь Временному правительству и с моей стороны не последует никаких попыток к подрыву престижа и власти существующего ныне государственного строя и буду находиться под домашним арестом впредь до получения по сему распоряжений от Штаба Московского гарнизона»[21]. Домашнему и тюремному аресту подверглись чины жандармского и полицейского управлений в Костроме. Многие из них заявили о лояльном отношении к новой власти. Типично в этом отношении заявление бывших жандармских унтер-офицеров Д.Е. Кучина, И.С. Пахомова, И.Д. Курицына, И.А. Макаркина, бывшего вахмистра П.Ф. Лобанова, адресованное в Костромской Губернский Объединенный Комитет общественной безопасности. «Согласно постановлению Костромского Объединенного Комитета от 3 марта 1917 г., мы не имеем права показываться на улицах города Костромы. Ввиду изложенного и, принимая во внимание все обстоятельства настоящего события, (мы), нижеподписавшиеся унтер-офицеры местного ЖУ, признаем вновь образовавшееся правительство и подчиняемся всем требованиям такового», – отмечали они. Особо подчеркивалось, что признание это ими «было высказано бывшему начальнику ГЖУ полковнику Семигановскому». Авторы заявления сомневались, «переданы ли последним эти заявления Костромскому Объединенному Комитету общественной безопасности и потому доводим до сведения представителей вышеназванного комитета»[22]. 5 марта 1917 г. с заявлением в Объединенный Комитет обратился бывший начальник КГЖУ полковник Семигановский. Он свидетельствовал: «С чистым сердцем и спокойной душой исполню просьбу Великого князя Михаила Александровича о безусловном подчинении Временному правительству, по почину Государственной думы возникшего и обеспеченного всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в кратчайшие сроки на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением выразит волю народа об образе правления»[23].

Этим же числом датировано постановление чинов учреждений МВД Ковенской губернии,

эвакуированных в Кострому по военным обстоятельствам. Они заявили «о полной готовности продолжать службу при новом правительстве»[24]. О присоединении к «общему народному движению» заявили чины наружной полиции г. Костромы, которые отметили, что «разделяют его (народа. – *М.Ч.*) стремление к обновлению строя». В своем письме они обращались к заведующему полицией г. Костромы, присяжному поверенному Н.А. Козлову. Явившись в исполком для сдачи оружия, многие были арестованы. Некоторые из отпущенных домой «подверглись аресту впоследствии из своих квартир при помощи патрулей чинами народной милиции»[25]. В ночь с 4 на 5 марта арестованные были препровождены в тюрьму. «Не имея абсолютно никаких сведений о причинах наших арестов, мы, свободные граждане обновленной России, томимся, между тем, в заключении и переживаем ужасно тяжелые минуты», – писали они. Об отсутствии четкости и единого подхода к бывшим жандармам свидетельствует тот факт, что чины полиции, явившиеся непосредственно к заведующему народной милицией были только обезоружены и не подверглись аресту. Более того, они получили удостоверения «о нечинении над ними никакого насилия, а некоторые даже предназначены к привлечению в народную милицию». Изложив эти факты, арестованные чины наружной полиции обратились с просьбой «рассмотреть причины задержания и войти с представлением в Губернский комитет об освобождении»[26]. Прошение подписали 10 человек, среди которых пристав 4 стана Костромского уезда Травин, пристав 4 стана Новоалександровского уезда Блашикин, городовой 2 части г. Костромы Шитиков.

«Приверженцами нового обновленного строя» просили считать их содержащиеся в Губернской тюрьме классные чины полиции. В прошении (подписали 16 человек), адресованном в Костромской губернский исполнительный комитет, они заявили, что «готовы не за страх, а за совесть послужить обновленной Родине и народу»[27]. О переходе на сторону народа заявила команда Костромской конной полицейской стражи, пожелавшая возвратиться на Родину[28]. В середине марта 1917 г. Костромской Губернский объединенный комитет общественной безопасности, постановлением от 8 марта, предложил «немедленно освободить всех содержащихся в тюрьме классных и нижних чинов городской и уездной полиции». Освобождаемым предлагалось объявить, «что комитет приветствует их естественные заявления о признании народного правительства и впредь надеется, что они как граждане свободной России будут посильной работой способствовать укреплению нового строя»[29].

Весьма примечателен ход расследования деятельности бывших жандармских офицеров. Присяжным поверенным Н.А. Козлову и В.И. Постникову Костромским объединенным комитетом было предложено ускорить производство дознания о степени виновности жандармского полковника Семигановского, ротмистров Архангельского и Парфенова. Козлов и Постников 24 марта доводили до сведения Комитета, что им «неизвестно в каких пределах должна быть исследована деятельность этих лиц и какие определенные деяния вменяются им в вину»[30]. Уже 28 марта 1917 г. последовало распоряжение Объединенного комитета начальнику Костромской губернской тюрьмы: «Немедленно освободить содержащихся под стражей бывшего помощника начальника ГЖУ ротмистров Архангельского и Парфенова, об исполнении доложить»[31]. 22 апреля Костромской уездный воинский начальник получил депешу от Объединенного комитета. В ней отмечалось следующее: «Ввиду отсутствия данных для привлечения к уголовной ответственности бывшего начальника КГЖУ полковника Семигановского, Костромской Губернский Комитет общественной безопасности… постановил передать полковника Семигановского в Ваше распоряжение»[32]. Далее Комитет доводил до сведения воинского начальника «о недопустимости полковника Семигановского на службу, как во внутренних губерниях, так и на фронте».

В марте 1917 г. были допрошены ротмистры Парфенов и Архангельский. Член следственной комиссии присяжный поверенный Козлов сообщал: «Мною… был допрошен бывший начальник охранного отделения ротмистр Парфенов. По вопросам о системе политического и военного сыска, о составе служащих и сотрудников, об отдельных лицах, оружии, литературе. Он отвечал …с готовностью дать удовлетворительные ответы»[33]. Иное впечатление сложилось после беседы с ротмистром Архангельским в силу того, что, по мнению Козлова, «на почве какой-то болезни у него имеется несомненная расшатанность душевного строя»[34]. Полковник Семигановский был допрошен следственной комис-

сией Костромского комитета 17 апреля 1917 г. Он показал, в частности, что Костромская губерния «не представляла особого интереса ввиду полного спокойствия… Только рабочее движение более или менее интересовало Департамент полиции, ввиду сосредоточения в губернии довольно крупных фабричных районов». «На втором месте, – отмечал он далее, – было общественное движение, земское и городское, и на последнем – крестьянское»[35]. На допросе бывший начальник КГЖУ назвал имена 18 секретных агентов, многие из которых впоследствии также были допрошены. 25 августа 1917 г. Костромской губернский комиссар Временного правительства Козлов издал постановление о заключении В.К. Семигановского под стражу, и о передаче дела прокурору Костромского окружного суда. Бывший начальник КГЖУ изобличался в «злоупотреблении властью, совращении в число секретных сотрудников партийных работников, что предусмотрено ч. 2 ст. 341 Уложения о наказаниях, и в растрате казенных денег, предусмотренном ст. 354»[36]. Это было приговором не столько представителям карательного аппарата государства, сколько самой системе, не отвечавшей изменившимся историческим условиям.

Итак, падением царского самодержавия закрылась еще одна страница российской истории. Однако противостояние власти и общества продолжалось.

Примечания

[1] *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 105.

[2] Брюн де Сент Ипполит В.А. Являлся Директором ДП с 3 февраля 1914 г. по 4 сентября 1915 г.; Моллов Г.Г. – с 6 сентября 1915 г. по 23 ноября 1915 г.; Кафафов К.Д. – с 23 ноября 1915 г. по 4 февраля 1916 г.; Климович Е.К. – с 14 февраля 1916 г. по 15 сентября 1916 г.; Васильев А.Т. – с 28 сентября 1916 г. по 28 февраля 1917 г.

[3] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.В. Дякин В.С., Потолов С.И.* Кризис самодержавия в России (1895–1917). – М.; Л., 1984. – С. 637.

[4] *Перегудова З.И.* Указ. соч. – С. 55, 56.

[5] *Джунковский В.Ф.* Воспоминания / Под ред. А.Л. Паниной. В 2 т. Т. 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – С. 637.

[6] Стенографические отчеты… – Т. 4. – С. 130.

[7] *Щеголев П.Е.* Агенты, жандармы, палачи. – М., 1992. – С. 227.

[8] Исторический архив. – 1960. – №1. – С. 204–205.

[9] Из них 28 человек уже не занимали должностей в Отдельном Корпусе жандармов, а часть из них, например, В.Ф. Джунковкий находилась в действующей армии (*Перегудова З.И.* Указ соч. – С. 116).

[10] *Колпакиди А.И., Серяков М.Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. – СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002. – С. 64.

[11] СУ и распоряжений Временного правительства. – 1917. – №79. – Ст. 453.

[12] Перед комиссией были поставлены следующие задачи: 1) собрать и озаглавить все дела и бумаги бывшего Департамента полиции; 2) привести их в порядок, сделать опись; 3) удовлетворять без промедления требования о выдаче дел и бумаг, нужных для Чрезвычайной следственной комиссии и Министерства внутренних дел. Во главе комиссии стоял Павел Елисеевич Щеголев, революционер, журналист, редактор ряда историко-революционных журналов, таких как «Минувшие годы» и «Былое» (*Перегудова З.И.* Указ. соч. – С. 220).

[13] Вестник Временного правительства. – 1917. – №88. – 24 июня.

[14] Основными направлениями работы Особой комиссии являлись: 1) выяснение состава секретной агентуры розыскных органов империи; 2) розыск документов, их подбор для Чрезвычайной следственной комиссии. Материалы Департамента полиции передавались в ведение Министерства юстиции (*Перегудова З.И.* Указ. соч. – С. 221).

[15] *Перегудова З.И.* Указ. соч. – С. 217.

[16] Государственный архив Тверской области (ГАТО), ф. Р-163, оп. 2, д. 45, л. 10.

[17] Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 1317, оп. 2, д. 13, л. 47, 47об.

[18] Там же, л. 100.

[19] Там же, л. 86.

[20] ГАТО, ф. Р-163, оп. 2, д. 45, л. 8.

[21] Там же, л. 9.

[22] ГАКО, ф. 1317, оп. 2, д. 4, л. 89–89 об.

[23] Там же, л. 91.

[24] Там же, л. 98.

[25] Там же, л. 111.

[26] Там же, л. 111об., 112.

[27] Там же, л. 113, 113об.

[28] Стражники, как правило, набирались из казаков и служили не по месту жительства (там же, л. 114).
[29] Там же, л. 187.
[30] ГАКО, ф. 1317, оп. 2, д. 13, л. 103.
[31] Там же, л. 119, 120.
[32] ГАКО, ф. 1317, оп. 1, д. 2, л. 293; оп. 2, д. 13, л. 208.
[33] ГАКО, ф. 1317, оп. 2, д. 13, л. 122.
[34] Там же.
[35] Там же, д. 33, л. 1.
[36] Там же, л. 3.

О.С. Амосова

ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ МЕЩАНСКОЙ СЛОБОДЫ XVII ВЕКА

Преамбула. *Правовой статус городского населения Российской империи и в настоящее время остается малоизученным вопросом. Это касается и мещанства, хотя оно являлось одним из наиболее массовых сословий империи, уступавшим в численности только крестьянству. Мещане считались отдельным сословием городских жителей, имевшим право корпоративного объединения и сословного самоуправления. Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной разработанностью проблемы правового положения городских жителей в юридической науке и в связи с необходимостью совершенствования действующего законодательства, регулирующего правовой статус современных городских жителей, и проходящей реформой местного самоуправления. Цель статьи – формирование историко-правовой концепции возникновения и развития мещанского общества.*

Принимая личное участие в войнах с Польшей, царь Алексей Михайлович знакомился с бытом занятых его войсками областей Польско-Литовского государства. Он мог убедиться в том, что их культурный уровень гораздо выше, чем в России, благодаря близости польско-литовских земель к Западной Европе. Вместе с тем белорусские и литовские подданные Польши были настроены вполне дружелюбно по отношению к русским людям. Примером может служить добровольная сдача города Дубровны его жителями. Данный акт не мог не произвести на царя сильного впечатления и не вызвать желания видеть дубровлян среди своих подданных. Поэтому царь распорядился, чтобы ратные люди жителей Дубровны и Дубровенского уезда не грабили и не разоряли, а если из них «кто похочет итти на ево великого государя имя, и те б шли к Смоленску, а которые не похотят, и они б жили в своих местех»[1].

Призыв царя был положительно воспринят не только в Дубровне, но и в других городах находящихся возле русско-польской границы: в Орше, Копыси, Шклове, Могилеве и других, где белорусское население издавна боролось с польской шляхтой и католическим духовенством за свою национальность и религию. В Россию по царскому указу направлялись кроме добровольных переселенцев и недобровольные, а также многочисленные пленные.

Пленные были двух разрядов: действительные пленные, то есть захваченные в плен царскими войсками; и граждане, забранные отдельными русскими воинами и обращенные в холопство. В их числе было много женщин. Пленных держали в лагерях или отправляли внутрь России в города и поместья. Пленных продавали, меняли и принуждали к работе. В июле 1654 года был издан царский указ для «служилых и всяких чинов людям», который определил участь пленных разных категорий. Согласно этому указу запрещалось держать в станах взятых или купленных литовских женщин и предлагалось немедленно их отправить в Москву или в свои деревни. Запрещалось брать в плен белорусских женщин, а также отсылать их в Москву или деревни.

Война окончилась перемирием, заключенным в селе Андрусово. Польским пленным из шляхты было разрешено возвратиться на родину, а относительно «мещан», то есть жителей городов и местечек, было достигнуто соглашение, что возвращение мещан на родину откладывается до последующих переговоров. Однако решение было вынесено очень скоро. В октябре 1667 г. В Москву приехал польский посол Беневский с королевской ратификацией Андрусского договора и заключил дополнительный договор о возвращении на родину польских городских жителей. В 1668 году эти торговые и ремес-

© О.С. Амосова, 2006

ленные люди получили разрешение выехать из Московского государства[2].

На самом деле уехали далеко не все. В 1672 году был заключен второй Московский договор, в котором содержалось постановление об отпуске из Московского государства польско-литовских торговых и ремесленных людей, которые были задержаны по какой-либо причине, например из-за задолженности русским людям. Причем, было сделано важное дополнение, о разрешении оставаться в России тем мещанам, которые этого сами пожелают.

Таким образом, в России оказалось несколько сот переселенцев из Польско-Литовского государства. Число их увеличивалось за счет притока тех мещан, которые воспользовались правом возвратиться на родину, но затем опять добровольно перешли на русскую территорию.

Подлинный указ о создании Мещанской слободы утрачен, но во многих документах имеется указание, что основание Мещанской слободы было осуществлено между ноябрем 1670 г. и июнем 1671г.

Так как строельная книга слободы не сохранилась, то сведения о составе населения приходится извлекать из писцовой книги 1676 года, в которой имеется много ценных указаний на положение мещан до зачисления их в слободу, на их занятия и размеры дворов. Большинство мещан было набрано в Москве. Имеются сведения, что мещан собирали в Москве и из других городов. Некоторые из мещан немало блуждали по разным городам, прежде чем попадали в столицу. Прямо в слободу пришли добровольные переселенцы из Польско-Литовского государства в количестве более 80 человек с семействами или без них. Прочие до перехода в Мещанскую слободу уже жили в Москве, преимущественно по найму у разных лиц или числились тяглецами разных московских слобод и жили своим хозяйством[3]. В писцовой книге 1676 г. 547 мещан сообщали о своем происхождении в таких городах как Шклов, Смоленск, Дубровна, Вильна, Витебск, Могилев, Полоцк, Менск (Минск), Орша, Борисов, Рига, Горки, Слуцк, Кричев, Дорогобуж, Гродно, Ковно, Львов и некоторые другие. Среди обитателей Мещанской слободы в книге 1676 г. были показаны четыре шляхтича, которые не пожелали воспользоваться предоставленным им по Андрусовскому договору, правом выехать из русского плена на родину. Из вышеприведенного списка ясно, что подавляющая масса тяглецов Мещанской слободы может быть причислена к числу белорусов. В зависимости от национальности в писцовую книгу 1676 года были включены: немец – 2 человека, турченин и швед в количестве по одному человеку.

В писцовой книге 1684 г. указано происхождение 130 мещан, поселившихся в слободе после составления писцовой книги 1676 г. Мещани показали свое происхождение из городов: Смоленск, Дубровна, Вильна, Шклов, Полоцк, Могилев, Москва, Олонец, Ярославль, Владимир, Слуцк, Орша, Можайск, Варшава, Витебск, Муром и др. Кроме того, было показано, что родились от мещан в России 15 человек;, из Литовских городов – 12 человек; а также украинцев – 3, турченин, немец, швед и татарин – по 1 человеку.

Из вышеприведенных двух списков видно, что отбор новых жильцов производился не так строго. В первом списке находим украинцев, немца, шведа, а во втором также находим новых жильцов, не имевших никаких связей с западнорусским населением – немца, татарина, шведа. Что касается тех мещан, которые своей родиной показали Москву, Олонец, Ярославль, Тотьму, то, возможно, что они родились в этих городах от родителей-мещан, почему-либо в свое время не переселенных в Москву. Были и другие способы проникнуть в Мещанскую слободу независимо от происхождения. По общему правилу, соблюдавшемуся во всех слободах, тот, кто женился на вдове или дочери тяглеца той или другой слободы «в дом», становился также тяглецом той же слободы.

В 1671 году по Москве был «сказан» царский указ о переселении мещан из московских слобод в новую слободу, в результате которого возник ряд недоразумений. Слободская Москва представляла собой ряд самостоятельных образований (миров), которые были заинтересованы в том, чтобы число тяглецов не уменьшилось, а увеличилось, так, чтобы царские повинности и мирские расходы распределялись на большее число плательщиков. Поэтому между слободами шла непрекращающаяся борьба за тяглецов. Привлекая в слободу новых жильцов, мещане старались не выпускать старых. Лучшим средством закрепить тяглеца за слободой считалось «истребование поручной записи», т.е. поручительство двух или трех граждан в том, что принимаемый в слободу будет вести себя добропорядочно и в другие слободы не сбежит.

Подобные поручные собирались во всех слободах. В первый год существования Мещанской слободы только немногие новые тяглецы дали по себе поручные записи, может быть, оттого, что устроители слободы не требовали поручных, считая обещанные мещанам льготы достаточными для удержания их в слободе. Но очень скоро выяснилось, что не все мещане были удовлетворены своим положением и некоторые из них искали на стороне лучших условий существования, и тогда мещанские старосты стали требовать поручительства при приеме в слободу. Из 164 тяглецов, пришедших в слободу в 1671 году, только 21 дал по себе поручные, в следующем году из 141 поручные были взяты у 81, в 1673 г. из 139 дали поручные 115 и т.д. Таким образом, в писцовой книге 1676 г. 367 тяглецов показаны с поручными и 143 без поручных[4].

Борьба за тяглецов между слободами не всегда кончалась в пользу Мещанской слободы. Это обстоятельство заставило мещанский мир подать челобитную, чтобы поручные записи были собраны со всех тяглецов Мещанской слободы, чтобы они из слободы никуда не выходили. Посольский приказ немедленно дал согласие на предложенную меру, тем более что поручительная запись связывала мещан и в отношении свободы выезда обратно в Польско-Литовское королевство.

Для удержания мещан в слободе были приняты меры, чтобы мещане не лишались свободы за долги и не теряли дворов. В 1673 г. мещан «головою их ысцовых исках отдавать не велено; также хто из мещан будет у ково заимывать на промыслы денег, и им в заклад дворов своих в Мещанской слободе не писать и не закладывать». Вместе с тем рекомендовалось по истцовым искам бить мещан «на правеже нещадно, покамест от них совершенная уплата будет». Однако на самом деле заклад мещанских дворов оставался обычным явлением и признавался Посольским приказом при разборе исков на мещан.

Мещанам были предоставлены различные мелкие льготы, чтобы подтвердить государское милостивое призрение, которое было обещано Мещанской слободе. В конце 1675 г. Посольский приказ послал память в Приказ Большого прихода о том, что мещане, которые пекут хлебы и калачи для продажи, освобождены от вмешательства агентов Большого прихода, следящих за правильным весом хлебных изделий, а так как «многие хлебники и колачники прилыгаютца, называютца Мещанские слободы мещанами», то в Большой приход будет послан именной список мещан, занимающихся выпечкой хлеба на продажу.

Мещане, ездившие на Свенскую ярмарку, были предоставлены в привилегированное положение: судом и управою они находились в ведении игумена Свенского монастыря, которому предписывалось мещан «брянскому воеводе в обиду их не давать».

Представители мещанского мира в торжественные дни иногда допускались во дворец «быть у великого государя у руки». Сохранился список мещан, поздравлявших царя на Фоминой неделе 1675 г. Перечислены имена 20 мещан. Это все лучшие люди, зажиточные мещане, участники мирских сходов. Достаточно сказать, что из 20 человек, бывших на приеме во дворце, 10 через два года были зачислены в Гостиную и Суконную сотни.

Мещанам была отведена земля за Земляным городом, за сретенскими воротами, где теперь тянутся Мещанские улицы. Тут были выгонная и полевая земля дворцовой Напрудной слободы, память о которой сохранилась в названии Напрудного переулка, и боярские загородные дворы. Земля была отдана мещанам безвозмездно, а за постройки, которые оказались на отведенной земле, они должны были платить владельцам. Наделение землей от казны влекло за собой ограничение права распоряжения земельным участком: мещанин мог продать, заложить, обменять только дворовое строение, а землю мог уступить только тяглецу той же Мещанской слободы, т.е. оставить в пользовании мещанского общества.

Землю под дворы отводили и дворянин, ведавший слободу, и слободской староста. Предположительно нормальным участком считалась дворовая земля в 20 сажен длину и 10 сажен поперек, но такие наделы получили немногие, и большинство мещан удовольствовалось поперечником только в 5 сажен. Распределение земли постоянно изменялось: с одной стороны, богатые мещане прикупали к своим дворам соседние участки, а с другой – двор делился на части при разделе между братьями, заводившими свои хозяйства, при выделении части двора в приданное, при продаже части двора в другие руки.

Право владеть двором могло принадлежать и женщинам, но только вдовам, а девицы не имели права наследования. Вдовы владели дворами и при наличии взрослых сыновей. Вдова получала по наследству двор и при взрослом пасын-

ке, который «в одном судном деле и не пытается оспаривать право мачехи на дворовую землю и только ищет судом право снести постройки, которые он сам возвел». Малолетние круглые сироты также имели право на владение двором, хотя они не могли нести мирских служб и только платили мирское тягло. Приданный двор считался совместным владением мужа и жены, и для продажи его требовалось согласие и мужа и жены, и оба они упоминались в купчих.

По мере того как Мещанская слобода заселялась новыми жильцами, росла и территория слободы. Прошло только четыре года, с тех пор как царским указом была начата постройка слободы, а мещане уже ходатайствовали о прирезке значительного участка из соседней Троицкой слободы. Слободской староста подал мирскую челобитную с указанием на то, что многие мещане не имеют своих дворов и ютятся по разным слободам и сотням или же нанимают помещения на дворянских дворах и построиться им негде. Царским указом от 16 января 1675 г. к Мещанской слободе была приписана вся Троицкая слобода. Мещане получили не только значительную добавочную территорию, но и постройки, за которые надо было платить прежним владельцам. После прирезки Троицкой слободы к Мещанской переписная книга 1676 г. засвидетельствовала, что значительное число мещан не получило дворовых участков и они называются в актах не иначе как задворные мещане.

Задворные люди жили в Мещанской слободе на разных условиях. Одни шли к мещанину во двор на положении зятя, а другие арендовали часть двора и строили свои хоромы. Затраты на постройку хором мог нести только наиболее состоятельный мещанин, а большинство задворных довольствовались наймом угла или чулана.

Вновь приписанной земли показалось мещанам мало, и они начали захватывать соседние участки, принадлежавшие к землям Напрудной слободы. В результате жалоб со стороны старосты и всех тяглецов Напрудной слободы, незаконный захват земли мещанами был пресечен, и мещане московской Мещанской слободы стали хлопотать о легальной прирезке к их земле соседних участков. Хлопоты увенчались полным успехом: через два года было вынесено постановление, примерить к мещанской земле более 8 десятин. Такая снисходительность к нуждам Мещанской слободы была вызвана тем, что 2 октября 1688 г. в слободе был сильный пожар, истребивший почти всю слободу и ту часть, которая прилегала к Земляному валу. Тут были наиболее важные в коммерческом отношении места, где было удобнее торговать и заниматься ремесленными промыслами. Ввиду этого было решено восстановить сгоревшую зону.

В то же время число мещан, не имевших дворов в Мещанской слободе, увеличилось, и надо было переселить их в слободу ввиду того, что бездворные, уплачивая тягло, не участвовали в отправлении тех служб, которые были возложены на Мещанскую слободу. Наконец, надо было позаботиться о том, чтобы поток переселенцев из-за рубежа, сильно ослабевший, не иссяк окончательно.

Когда земля была получена, надо было ее разделить. Лучшие земли перешли богатым, а беднякам приходилось довольствоваться участками в отдаленных кварталах или в таких местах, которые требовали дополнительных работ в виде засыпки ям, выравнивания площадки и прочее. Брали землю и те, которые уже имели свои дворы, причем старые свои продавали или оказывались владельцами нескольких дворов. Рост Мещанской слободы выразился в удлинении улиц, которые увеличивались в размере каждый год. На отведенной под мещанские дворы земле разместить всех мещан, записанных в слободу, не удалось. В переписной книге 1676 г. выделена особая рубрика: «Мещане бездворные, а живут в Мещанской слободе у своей братьи в соседех». Некоторые из мещан находили способ оставаться в той слободе, из которой были перечислены в Мещанскую слободу, и вместе с тем числились мещанами ради льгот, которыми пользовалась Мещанская слобода. Выход из Мещанской слободы осуществлялся разными способами, вместе с тем и незаконными. Некоторые мещане убегали из слободы, и притом не только в другие слободы, но в боярские дворы, за что их часто наказывали заключением в тюрьму. Практиковался выход из слободы путем выдачи служилой кабалы. Это было запрещено, и мещане, давшие служилые кабалы, возвращались в слободу.

В 1688–1689 гг. к Мещанской слободе было прирезано много новой свободной земли. Царским указом повелевалось дать мещанам, которые раньше не получили участков в слободе, землю в новопримежеванной территории, причем отказавшимся селиться в Мещанской слободе грозили жестокое наказание и ссылка: «быть за

то в жестоком наказанье и в ссылке в Новобогородицкой город на Самару»[5]. Несмотря на категоричность указа, положение дел не изменилось вследствие того, что вновь примежеванная земля попала в распоряжение не бездворных мещан, а тех, кто хотел получить к своему двору лишний участок. В Мещанской слободе появилось множество дворовладельцев, которые не имели никакого отношения к мещанам.

Посольский приказ все меньше внимания обращал на однородность этнического состава Мещанской слободы. В слободу проникли не только уроженцы зарубежных белорусских городов, но и выходцы из московских и других городов. Слободы и сотни были территориально обособленными единицами, как бы соединением нескольких городов. Разложение слободского устройства знаменует собой образование одного большого города, в данном случае Москвы как единого целого, но пока еще в пределах посадского населения. Несмотря на кратковременность своего существования, Мещанская слобода очень скоро испытала на себе процесс распада слободского устройства. После 1689 г. значительная часть мещан расселилась вне Мещанской слободы, и эта оторванность от территории слободы стала считаться нормальным явлением. Важно, чтобы посадский человек нес посадское тягло, а по какой слободе, не имело значения. Где бы мещанин не жил, он должен был нести очередную казенную службу, возложенную на Мещанскую слободу: быть целовальником в кабаке, ехать за границу с соболиной казной и т.д. Обязанности по слободскому самоуправлению так тесно связаны с постоянным пребыванием в слободе, что жившие вне слободы мещане от них освобождались. А мещане, жившие в других слободах, не могли отказываться от некоторых обязанностей по месту жительства.

Таким образом, анализ научной литературы и источников свидетельствует о том, что в вопросах регулирования права собственности мещан законодатель XVII века особое внимание уделяет вопросам, связанным с недвижимостью. Мещане селились на землях выкупленных казной, а за постройки, которые оказались на отведенной земле, они должны были платить владельцам. Наделение мещан землей от казны влекло за собой ограничения права распоряжения земельным участком: мещанин мог продать, заложить, обменять только дворовое строение, а землю мог уступить только тяглецу той же Мещанской слободы, т.е. оставить в пользовании мещанского общества.

Примечания

[1] См.: *Богоявленский С.К.* Научное наследие. О Москве XVII века. – М.: Наука, 1980.

[2] См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. – М., 1897. – Ч. III. – С. 140–141.

[3] См.: *Лялин В.А.* Витебский центральный архив // Сборник археологического института. – СПб., 1880. – Кн. 3. – Отд. III. – С. 66.

[4] См.: *Богоявленский С.К.* Указ. соч.

[5] См.: *Богоявленский С.К.* Указ. соч.

А.А. Калинин

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ ПО ГРЕЧЕСКОМУ ВОПРОСУ В ЯНВАРЕ–ОКТЯБРЕ 1943 ГОДА

К 1943 году намечаются существенные расхождения в позициях Великобритании и США по греческому вопросу. Наиболее важное значение имели вопросы военной стратегии и так называемый «королевский вопрос» (или «конституционный вопрос»). Военная стратегия союзников в данной статье не рассматривается. Хронологически статья охватывает период с января по октябрь 1943 года. Выбор таких хронологических рамок обусловлен началом 12 октября гражданской войны, в связи с чем стороны вынуждены были несколько скорректировать свои позиции. Данная проблема затрагивалась в ряде работ отечественных историков, в частности А.М. Некрича, Н.Д. Смирновой и Б.Н. Тарасова[1], однако специальных исследований по теме англо-американских отношений этого периода не существует.

Английская политика определялась долгосрочными интересами Великобритании в регионе. Её важнейшей целью являлось сохранение британского доминирования после войны. В ин-

© А.А. Калинин, 2006

струкции, датированной мартом 1943 года, британская позиция определялась следующим образом: «Полная поддержка короля и его правительства, что должно подчеркиваться при всех контактах англичан внутри Греции и за её пределами, а также британской пропагандой»[2].

В памятной записке от 24 апреля, подготовленной британским МИДом, английская политика была сформулирована со всей определенностью. Лондон соглашался, что решение вопроса об окончательной форме послевоенного греческого правительства остается за греками. Однако англичане особо отмечали, что сразу после освобождения «устойчивое правительство» может составить только король Греции Георгиос II. Основываясь на данных соображениях англичане заявляли о «полной поддержке короля и существующего правительства». Одновременно они высказывались за укрепление личной власти короля в отношении греческой армии, флота и воздушных сил. Плебисцит о судьбе монархии после освобождения Греции должен был проводиться под британским контролем. Правительство Его Величества намеревалось после возвращения короля в Грецию сформировать новое греческое правительство на более широкой основе, но только из тех сил, которые «готовы сотрудничать с королем в деле восстановления страны». Лондон решительно осуждал саму постановку «конституционной проблемы» до освобождения Греции. Англичане стремились сделать эмигрантское правительство более представительным, пригласив в его состав участников греческого Сопротивления, которые, естественно, поддерживали бы короля[3].

Американская позиция достаточно ясно представлена в документах, подготовленных госдепартаментом США. К декабрю 1942 года отдел ближневосточных и африканских дел во главе с Уоллесом Мюрреем занял вполне определенную позицию по «королевскому вопросу», которая заключалась в неодобрении британских планов немедленного восстановления короля Георгиеса II. Британские планы оценивались как потенциально опасные, способствующие усилению политических разногласий среди греков[4].

В меморандуме У. Мюррея госсекретарю К. Хэллу от 16 марта 1943 года была сформулирована американская политика в отношении «королевского вопроса»: «Мы соглашаемся с британцами в признании греческого короля и правительства в изгнании как законного правительства Греции в надежде, что все греки подчинят политику непосредственной цели выиграть войну и освободить оккупированные страны». Вашингтон соглашался с необходимостью обеспечения преемственности власти в Греции как важной составляющей ее легитимности.

По остальным позициям американцы с англичанами не соглашались. Госдепартамент США считал, что вопрос приемлемости короля Георгиеса II для греков – исключительно их внутреннее дело и должен быть решен на плебисците после освобождения страны. Стремление навязать грекам эмигрантское правительство во главе с Э. Цудеросом провоцирует поляризацию политических сил по линии поддержки и отрицания монархии, отмечали в Вашингтоне. Британский вывод о том, что только монархический режим создаст устойчивое правительство в Греции, по мнению американцев, не подтверждался ни фактами недавней греческой истории, ни рациональным анализом характера греков. Возвращение короля и правительства Цудероса в Грецию под защитой союзников сразу после освобождения страны ограничивает свободу выбора греками собственного правительства и противоречит 3-й статье Атлантической хартии. Королю и его правительству следует воздержаться от возвращения в Грецию до проведения плебисцита о послевоенном политическом устройстве страны[5]. Монархия Георгиеса II ассоциировалась в греческом общественном мнении с довоенным диктаторским режимом.

Официальный Вашингтон стремился в собственной греческой политике учитывать позицию греческой общины. Мюррей отмечал, что существует большая и активная греческая община в Соединенных Штатах. Девяносто пять процентов американских греков были настроены в пользу республики, и подозревали, что будет предпринята попытка вновь установить в Греции режим, подобный диктаторе И. Метаксаса[6]. В записке заместителя госсекретаря Адольфа Бёрла от 31 августа 1943 года отмечалось, что грекоязычная печать в США в основном одобряет идею невозвращения короля. Дипломат писал, что значительное большинство американцев греческого происхождения – яростные антимонархисты и сторонники прогрессивных реформ премьер-министра Элефтериоса Венизелоса. Бёрл делал вывод, что госдепартамент должен быть

осторожен, чтобы не скомпрометировать себя той линией, которой англичане желали следовать[7].

В 1943 году в Соединенных Штатах вышла книга, подготовленная «Американскими друзьями Греции». В издании принимали участие представители интеллектуальной элиты, профессора ведущих университетов США[8]. В работе отмечалось, что решение о форме политического режима – монархия или республика – не должно приниматься скоропалительно, ибо это может возродить сложноразрешимый конфликт, который имеет давнюю историю. Греческий народ должен принять решение по этому вопросу свободно, без всякого внешнего влияния. Плебисцит должен быть проведен с максимальной свободой и беспристрастностью. «Это одна из свобод, гарантируемых Атлантической хартией и соответствующая демократическим идеалам, во имя которых ведется эта война»[9].

Кроме этого, госдепартамент учитывал советский фактор. Американские дипломаты высказывали опасение, что если греки не получат поддержку Соединенных Штатов в деле демократического формирования послевоенного правительства, проведения свободного плебисцита, то их симпатии могут сместиться в сторону Советской России.

В меморандуме, датированном 2 июля 1943 года, госдепартамент обращал внимание англичан на широко распространенную среди греков враждебность к монархии. Американские дипломаты справедливо считали, что король во многом дискредитировал себя, поддержав диктатуру Метаксаса, а также в период итало-греческой войны. Выражалось сомнение, что греки будут доверять обещаниям, сделанным Георгиесом II действовать в будущем как демократический конституционный монарх. В 1935 году он заверял, что намеревается править в соответствии с демократическими принципами, и немедленно установил диктатуру. Поэтому Соединенные Штаты считали, что союзники должны избегать любых действий, которые бы создавали впечатление, что они намерены силой навязать короля грекам и что греки могут войти в стан победителей только заплатив в качестве цены восстановлением монархического режима. Это, по мнению Вашингтона, могло вызвать серьезные гражданские беспорядки в стране. В связи с этим, США заявляли, что они не намерены навязывать грекам короля Георгиеса. Они также считали целесообразным включить в состав правительства в изгнании некоторых лидеров греческого Сопротивления.

В соответствии с военными планами союзников, которые предполагали первоочередное освобождение острова Крит, госдепартамент США поставил вопрос относительно целесообразности организации власти на острове сразу после его освобождения. В этом случае Вашингтон предлагал оставить греческое правительство в изгнании в Каире, а на Крит это правительство должно было назначить генерал-губернатора «предпочтительно из критян» согласовав кандидатуру с местными лидерами. Это помогло бы избежать возможной вспышки гражданской войны на острове. Американская администрация предлагала использовать Крит для непосредственного наблюдения за отношением греков к монархии с целью выработки союзниками согласованной греческой политики[10].

Британский ответ на меморандум из Вашингтона от 2 июля датирован 4 августа. В нем англичане высказывали опасение, что расхождения в подходах к решению вопроса о степени поддержки греческого короля, «могут привести к трудностям в будущем». Меморандум содержал пространное объяснение особого отношения англичан к Георгиесу II. Англичане считали, что король должен был возвратиться в Грецию под защитой союзников сразу после освобождения страны. Предполагалось формирование в начальный период союзнической администрации, которой король должен передать свои военные и гражданские полномочия. По мнению Форин Офиса, простые греки «приняли бы любой демократический режим, который предложил им помощь от настоящего бедствия и перспективы устойчивого правительства». Англичане видели в партизанских отрядах Национальной народно-освободительной армии (ЭЛАС) и Национальной республиканской греческой лиги (ЭДЭС) главную угрозу вспышки гражданской войны после освобождения Греции и «эта опасность, по нашему (англичан. – *А.К.*) представлению, больше чем риск беспорядков, которые могли бы быть вызваны возвращением короля». По их замыслу, прибытие короля Георгиеса вместе с армией освободителей-союзников должно было резко повысить его престиж. В течение начального периода союзнической администрации король должен был изучать ситуацию в стране и, таким образом, быть в состоянии

выбрать представительное временное правительство, которое должно было оставаться до проведения выборов. «Мы убеждены, что король Греции и существующее правительство, со всеми его ошибками, находится в лучшем положении, чтобы сплотить все силы Греции против врага, и что нет никакой альтернативной группы людей, которая могла бы взять на себя эту задачу...» Лондон отвергал предложение американцев по организации власти на Крите сразу после освобождения. Англичане соглашались передать на время власть на Крите в связи с «военной необходимостью» только союзному главнокомандующему[11]. В идеале предполагалось, что король станет той политической фигурой, которая консолидирует вокруг себя политические силы в Греции и тем самым предотвратит какие-либо серьезные политические потрясения.

В июле 1943 года греческое правительство в изгнании и король Георгиос по инициативе англичан объявили, что являются сторонниками конституционной монархии и дали обещание провести свободные выборы не позже, чем через 6 месяцев после освобождения Греции (декларация 4 июля 1943 г.). 5 июля К. Хэлл одобрил декларацию греческого короля[12].

«Королевский вопрос» был обсужден президентом Ф. Рузвельтом и премьер-министром У. Черчиллем 22 августа на первой Квебекской конференции. В подготовленном британской делегацией меморандуме, датированном 21 августа, говорилось: «если король теперь обязуется не возвращаться в Грецию после ее освобождения, он фактически подпишет сложение с себя полномочий». Англичане предложили поддержать намерение Георгиеса возвратиться в Грецию возможно скорее и вынести вопрос о королевском доме Глюксбургов на плебисцит. По этому поводу Рузвельт произнес фразу о том, что в этом вопросе правительство США «не займет никакой другой позиции», что было истолковано англичанами как согласие Америки на возвращение короля сразу после освобождения[13].

Казалось бы, англичане одержали дипломатическую победу и добились одобрения собственной политики американцами. Торжествовать, однако, было явно рано. Уже 30 августа госдепартамент «подправил» своего президента. В меморандуме, подготовленном У. Мюрреем, говорилось, что президентское заявление «обозначило общее отношение британского правительства и Соединенных Штатов к эмигрантским правительствам, а не к конкретному вопросу возвращения короля Георгиеса II в Грецию»[14].

8 октября 1943 года госдепартамент США передал англичанам новый меморандум по греческому вопросу, который являлся ответом на памятную записку от 4 августа. В нем говорилось, что американское правительство не станет препятствовать возвращению короля и правительства в Грецию сразу же после того, «как только позволит военная ситуация». В то же время отмечалось, что король не должен возвращаться, если до освобождения Греции станет ясно, что это «противоречит пожеланиям населения и может привести к гражданской войне»[15].

Разногласия двух правительств обусловливались их различными интересами и стратегиями поведения. Фигура короля Георгиеса рассматривалась Лондоном как инструмент закрепления собственного доминирования в Греции. Рукой короля предполагалось создать пробританское правительство. Это должно было сохранить преобладающие позиции англичан в послевоенной Греции.

Позиция Соединенных Штатов определялась стратегическими и тактическими соображениями американской дипломатии, стремлением с одной стороны, добиться скорейшей победы в войне, а с другой – создать предпосылки для формирования после войны в Афинах политического режима, адекватного американским представлениям о правильном политическом устройстве, то есть преследовались и военные, и политические цели. Официальный Вашингтон стремился в своей греческой политике учитывать и позицию греческой общины в США.

Греция в 1943 году уже относилась к регионам, в которых США имели собственные интересы. Преследуя в долгосрочной перспективе цель расширения американского влияния в регионе, Вашингтон в среднесрочной перспективе считал важнейшей задачей скорейшую победу над фашизмом и недопущение доминирования какой-либо иной державы, что определяло краткосрочные цели: сплочение всех греческих антифашистских сил, недопущение гражданских конфликтов, получение гарантий оформления в послевоенной Греции демократического режима, который не будет иметь однозначно пробританской ориентации. В этом случае США получили бы прекрасные возможности «мирного проникновения» в Грецию в послевоенный период.

В меморандумах, подготовленных ближневосточным отделом госдепартамента, было четко обозначено несогласие американцев с политикой Лондона. В то же время, в сложной обстановке президент Ф. Рузвельт, следуя тактике согласия союзников, предпочитал не акцентировать внимание на разногласиях. Поэтому во время личной встречи с У. Черчиллем американский президент занял по «королевскому вопросу» более мягкую позицию, нежели сотрудники госдепартамента. Рузвельт считал несвоевременными длительные дискуссии о послевоенном политическом устройстве Греции в условиях продолжающейся мировой войны.

В 1943 году Великобритания ещё сохраняла свои позиции «великой державы», однако именно в этом году намечается существенное расхождение подходов дипломатий Лондона и Вашингтона. США недвусмысленно дают понять Лондону о своем несогласии с его планами восстановить после войны позиции Британии в мире, в том числе в Балкано-Средиземноморском регионе.

Примечания

[1] *Некрич А.М.* Политика Англии в греческих делах (1941–1945 гг.) // Проблемы британской истории. 1972. – М., 1972. – С. 102–134; *Смирнова Н.Д.* Политика США в Греции (1943–1945) // Новая и новейшая история. – 1984. – №1. – С. 44–62; *Тарасов Б.Н.* Политика Англии в отношении Югославии и Греции в годы второй мировой войны (июнь 1941 – декабрь 1943 гг.): Автореф. дис. … канд. истор. наук. – М., 1983.

[2] *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War: In 5 vols. – Vol. 3. – L., 1971. – P. 391.

[3] Foreign relations of the United States (далее – FRUS). – 1943. – Vol. 4. – P. 131–132.

[4] *Karalekas A.* Britain, the U.S., and Greece, 1942–1945. – N.Y.; L., 1988. – P. 88.

[5] FRUS. – 1943. – Vol. 4. – P. 125–126.

[6] *Papastratis P.* British Policy Towards Greece During the Second World War, 1941–1944. – Cambridge, 1984. – P. 101.

[7] FRUS. – 1943. – Vol. 4. – P. 149.

[8] Greece of Tomorrow / Ed. by George H. Chase; American Friends of Greece. – N.Y., 1943.

[9] Ibid. – P. 88.

[10] FRUS. – 1943. – Vol. 4. – P. 133–134.

[11] Ibid. – P. 137–141.

[12] Ibid. – P. 135–136.

[13] FRUS. – 1943. – Vol. 4. – P. 147–148; FRUS. – 1943. – Conferences at Wash. and Quebec. – P. 930–934; *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull: In 2 vols. – N.Y., 1948. – Vol. 2. – P. 1240.

[14] FRUS. – 1943. – Conferences at Wash. and Quebec. – P. 933.

[15] FRUS. – 1943. – Vol. 4. – P. 152–154.

А.М. Новоторцева

МИКРОИСТОРИЧЕСКИЙ УГОЛ ЗРЕНИЯ НА УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ПОДАТНЫХ ИНСПЕКТОРОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В последнее десятилетие XX в. поиск новых методов и приемов работы с источниками стал одной из важных задач для российских историков. Это стимулировало их обратиться к традициям в изучении социально-экономических вопросов, заложенным дореволюционными авторами, и к западноевропейским моделям исследования. Особую популярность на Западе приобрели подходы, связанные с разработкой социально-психологической проблематики работ и, в частности, с воссозданием условий социального опыта индивида во всей их сложности. Для этого необходим был микроисторический угол зрения, то есть сужение масштаба наблюдения, позволявший сместить акценты социально-психологического анализа с «внешних» по отношению к историческим субъектам процессов на «внутренние», глубинные или ментальные. В центре внимания исследователей находились уже не социальные структуры как таковые, а мотивации поведения индивидов и их взаимодействия друг с другом в ходе отдельных социальных практик[1]. Так, о влиянии социально-психологических мотиваций на работу государственных служащих рассказывало дело о пререканиях между податным инспектором Ростовского уезда Ярославской губернии Виллертом и уездным исправником Ораевским[2].

Все началось с того, что 5 июня 1907 г. управляющему ярославской казенной палатой по-

© А.М. Новоторцева, 2006

ступил рапорт от ростовского казначея Укке. В нем он давал разъяснения по поводу происшедших с ним событий 6 мая 1907 г. Причиной для оправданий послужило его отсутствие на благотворительном молебне, устроенном городом по случаю спасения императора от грозившей опасности. По мнению Укке, ярославскому губернатору поступило письмо от одного из членов местного «союза истинно русских людей», в результате он поручил ростовскому исправнику произвести дознание о причинах отсутствия казначея. Будучи абсолютно уверенным в безобидности и непредвзятости своего поступка, ростовский казначей дал решительный отпор выдвинутым против него обвинениям[3].

Во-первых, он сообщил, что о молебне ему объявлено не было, так как нельзя было считать объявлением расклейку приглашений на заборах и столбах, которые он никогда не читал. Во-вторых, он, как лютеранин, не считал себя обязанным посещать православные богослужения. И, наконец, он обратился с просьбой к исправнику удостоверить факт, что на молебнах в царские дни при почти поголовном отсутствии православного чиновничества практически всегда присутствовали два лютеранина: податной инспектор Ростовского уезда коллежский советник Виллерт и он. Ему вообще казалось странным судить о политических убеждениях и верности присяге человека в зависимости от посещения им собора в царские дни. Однако именно усомнением в его убеждениях он и объяснял причину своего дознания[4].

На следующий день, 6 июня 1907 г., управляющему ярославской казенной палатой от ростовского казначея поступил новый рапорт. В нем он излагал свои соображения по поводу случая, произошедшего с кассиром I разряда, вверенным в его казначейство, коллежским асессором Виноградовым. В полученном от него рапорте 6 июня 1907 г. излагались следующие события: 30 мая 1907 г. ростовский исправник встретил Виноградова около городского сада и сообщил ему прямо на улице, то есть в неофициальной форме, о поступившем ему поручении от ярославского губернатора. Оно заключалось в том, чтобы произвести дознание по жалобе на него одного из членов «союза истинно русских людей» на его якобы нетактичное поведение при встрече ими стяга. Во время шествия этих людей со стягом он, как это было отмечено, не снял своей фуражки добровольно, а исполнил это лишь по просьбе одного из находившихся в процессии[5].

Не зная как отнестись к такому странному, по мнению кассира, заявлению, он посчитал необходимым предоставить свой комментарий произошедшему событию: 6 мая 1907 г. в 8.30–9.00 часов утра он вышел из дома и, направляясь в казначейство, по пути встретил знакомых, которые предложили ему пойти посмотреть встречу стяга. Он согласился и, таким образом, попал в число любопытных. Наблюдая издалека за движением, Виноградов совершенно забыл обнажить свою голову, но сделал это немедленно по приглашению. В этом происшествии он не видел никакого злого умысла и рассматривал его как случайность, считая обвинение совершенно несправедливым[6].

Со своей стороны казначей добавил, что шествие «истинно русских людей» 6 мая 1907 г. по мнению многих лиц не носило характера крестного хода, так как несли одни хоругви без двух икон. Поэтому абсолютно понятно, что Виноградов, не видя икон в шествии, забыл снять свою фуражку. Никакой демонстративной выходки с его стороны, как это, по-видимому, было представлено «истинно русскими людьми» в том не было, принимая во внимания его религиозные убеждения. Далее он просил управляющего в случае запроса со стороны губернатора не отказать ему в своем заступничестве[7].

Через несколько дней, 12 июня 1907 г. управляющий ярославской казенной палатой получил два донесения от ростовского уездного податного инспектора Виллерта. В них выяснилось, что он был не менее взволнован происшедшим и по собственной инициативе решил представить свои разъяснения случившемуся. Инспектор писал, что 1 июня 1907 г. в ростовском казначействе по окончании срочной ревизии исправник сообщил ему, что к начальнику губернии от частного лица (фамилии он не назвал) поступил донос о его якобы отсутствии на указанном молебне. Затем исправник лично поинтересовался, был ли он на нем или нет. Это сильно возмутило Виллерта, поскольку на основании ст. 11 Положения о податных инспекторах от 24 мая 1899 г. и других правительственных узаконений исправник был не в праве производить дознание о его действиях. Но Виллерт решил не обострять отношений[8].

Он сообщил ему, что о молебне ничего не знал, а если б получил об этом соответствую-

щее уведомление, то обязательно пришел на него поприсуствовать. Он старался читать объявления на столбах и уже поздно узнал о том, что они были отпечатаны городской управой. При этом количество объявлений было сильно ограничено и послано лишь небольшому кругу лиц. Единственное из объявлений, которое он прочитал, было от «союза русского народа» за подписью его председателя Иванова о встрече стяга с крестным ходом 6 мая 1907 г.[9]

Виллерт не считал себя обязанным присутствовать на собраниях данного союза, поскольку не являлся и не мог являться его членом. Однако на молебнах в царские дни податной инспектор в большинстве случаев присутствовал в соборе и только иногда не мог там быть, когда бывал в уезде, или когда его задерживали просители. Следовательно, он и уездный казначей Укке гораздо аккуратнее других чинов в городе относились к выполнению этой обязанности, о чем мог свидетельствовать и сам исправник. О нем инспектор посчитал своим долгом сообщить следующую компрометирующую информацию[10].

В 1906–1907 гг. домовладелец г. Ростова А.П. Ораевский дважды нарушал Положение о государственном квартирном налоге и не подавал свои заявления вовремя. В результате 9 апреля 1907 г. по заключению ростовского городского по квартирному налогу присутствия он был подвергнут денежному взысканию в размере 5 рублей. Объявление об этом было отослано через полицейское управление 25 мая 1907 г., по которому в июне 1907 г. было внесено взыскание. Квитанцию об оплате Виллерт получил 7 июня, а 6 июня в 6 часов вечера он находился на заседании раскладочной комиссии в ростовской городской управе. В 9 часов вечера оно закончилось, и Виллерт вместе с городским головой вышел оттуда и прошел вместе с ним до его дома на Окружной улице, а затем направился к себе[11].

На углу Окружной и Успенской улиц он встретился с уездным исправником А.П. Ораевским, который остановил его и сообщил, что штраф был им уплачен. Понятно, что инспектор не мог еще об этом знать и стал выслушивать его упреки о том, что лично не напомнил ему о подаче заявления. Уездный исправник был сильно возмущен, ведь будучи чиновником, он был так серьезно оштрафован. Живя с исправником на одной улице, Виллерт вполне мог его предупредить, но не сделал этого, объясняя тем, что виделся с ним редко[12].

Основная же причина заключалась, главным образом, в особенностях процедуры подачи данных заявлений. Их принимала ростовская городская управа, и большинство из них поступало туда именно в последние дни. Поэтому податной инспектор приступал к их разбору уже после срока. Кроме этого, проявив свою инициативу, он мог получить ответ исправника, что тот не нуждался в его личном предупреждении. Величина штрафа также не являлась чем-то исключительным, поскольку имели место еще четыре взыскания по 5 рублей, одно в 50 рублей и четыре в 10 рублей[13].

После разговора «в форме беседы» исправник, по сообщению Виллерта, перешел на почву личных оскорблений и угроз, заявив, что податной инспектор больше не мог рассчитывать на какие-либо любезности с его стороны. Возмущенный подобной выходкой, Виллерт заявил, что смешивать свои частные дела со служебными обязанностями не допустимо. В ответ исправник попросил не кричать на него. О том же самом попросил его и инспектор, считавшим себя абсолютно трезвым и вообще не пьющим человеком и потому не способным к грубым разговорам. Подробно о личных оскорблениях Виллерт решил не сообщать лишь по причине того, что разговор происходил без свидетелей: еще в начале уездный исправник велел стоявшему недалеко от них городовому отойти[14].

В итоге все вышеизложенное имело целью показать, как тяжело и затруднительно было ему правильно исполнять возложенные на него законом обязанности, имея дело с чиновником, позволявшим себе смешивать свои служебные полномочия с частными интересами и упоминать имя начальника губернии в беседах о частном деле[15]. Не дожидаясь ответа управляющего, напуганный инспектор продолжал посылать в казенную палату свои донесения: 13 июня 1907 г. он направил туда новое письмо, в котором сообщал о встрече с уездным исправником 1 июня 1907 г.

От него Виллерт и Укке впервые узнали о жалобе, якобы поданной на них начальнику губернии (кем именно она была подана, так и осталось неизвестно). При этом исправник намекнул, что это мог сделать один из местных торговцев. Его имя он не называл, опасаясь, что инспектор мог навредить ему при раскладке. Чувствуя себя оскорбленным, не только как человек, но и как чиновник, обвиненным в способности совершать явно бесчестные поступки

и проявлять пристрастность при исполнении своих служебных обязанностей, Виллерт просил управляющего сообщить о действиях Ораевского не только губернатору, но и прокурорскому надзору и возбудить на него дело[16].

Наконец, 19 июня 1907 г. он получил от управляющего казенной палатой ответ на свои донесения. В нем сообщалось, что относительно данного дела никаких распоряжений со стороны ярославского губернатора не поступало, поэтому управляющий считал преждевременным обращаться к нему по поводу данных недоразумений. Привлечь Ораевского к ответственности за оскорбление чиновника при исполнении служебных обязанностей по ст. 286 Уложения о наказаниях было также невозможно, поскольку это произошло по окончании ревизии и в частной беседе. В целом управляющий предупредил Виллерта, что его обвинение, скорее всего, будет оставлено без последствий со стороны высшего губернского руководства, а раздувание дела только обострит его отношения с исправником[17].

Итак, произошедшие «недоразумения» между исправником и инспектором, бытовой с первого взгляда конфликт на местном уровне отражал в некоторой степени взаимоотношения Министерства финансов и внутренних дел в области законодательного оформления института податной инспекции в России в конце XIX в. Принятие за основу проекта закона, представленного министром финансов, и несогласие со многими его положениями министра внутренних дел, повлекло за собой целый ряд проблем в работе податных чиновников. По закону от 30 апреля 1885 г. полиция была освобождена от части возложенных на нее обязанностей в области налогового контроля и, тем самым, ограничена во властных полномочиях. Ревность, зависть и непринятие этого на подсознательном уровне были усугублены издержками провинциального быта: традициями и нормами общения, отношением к выполнению служебных инструкций и профессиональному долгу[18]. В свою очередь подконтрольные и зависимые, испытывающие страх перед начальством и желающие выглядеть в его глазах полезными и деятельными податные инспекторы также могли использовать в свое работе не совсем законные и благовидные методы – сводить личные счеты, составлять доносы, превышать должностные обязанности. В результате все это нашло отражение в представленном сюжете.

Примечания

[1] См: *Ястребицкая А.Л.* «Другая» социальная история: Об одном интеллектуальном эксперименте (А. Грайф. «Теория игр и исторический анализ институтов. Экономические институты средневековья») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: РЖ/ РАН. ИНИОН. Центр соц. науч. информ. исслед.; Отд. отеч. и зарубеж. истории. – 2000. – № 1. – С. 23–46; *Поткина И.В.* История предпринимательства в XX веке: становление научной дисциплины // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 124–146; *Архипова Л.М.* Об эффективности применения институционального подхода к изучению российского промыслового налогообложения XIX – начала XX века // Вопросы отечественной и зарубежной истории: Материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2002. – С. 36–39.

[2] ГАЯО, ф. 100, оп. 2, д. 127, л. 2–13 об.

[3] Там же, л. 2–13 об.

[4] Там же, л. 2–2 об.

[5] Там же, л. 2–2 об.

[6] Там же, л. 2–2 об.

[7] Там же, л. 3–4 об.

[8] Там же, л. 3–4 об.

[9] Там же, л. 3–4 об.

[10] Там же, л. 8–9.

[11] Там же, л. 8–9.

[12] Там же, л. 8–9.

[13] Там же, л. 6–7 об.

[14] Там же, л. 6–7 об.

[15] Там же, л. 6–7 об

[16] Там же, л. 11–11 об.

[17] Там же, л. 10, 12–13 об.

[18] См: *Ровинский К.* Податная инспекция в России (1885–1910 гг.). Очерк деятельности податной инспекции за 25 лет ее существования в связи с развитием прямого обложения. – СПб., 1910. – С. 14–18.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

И.Е. Виноградова

МОРАЛЬ. НРАВСТВЕННОСТЬ. ДУХОВНОСТЬ. В ПОИСКАХ СМЫСЛА…

Преамбула. *В статье дается анализ фундаментальных этических категорий: мораль, нравственность, духовность. Проводится их четкое разграничение и выявляется значимость данных категорий для понимания сущности и логики процесса становления личности.*

Трудность разговоров об этике на сегодняшний день очевидна. Всюду можно встретить сомнения, противоречия. Современный мир, словно объявил этику утопией, при этом сам все глубже утопает в безнравственности и бездуховности. Если этика это утопия, то «утопия, достойная человека». Поэтому нуждается в защите, или скорее в ней нуждается сам человек. Исключение этики в начале XX века из состава учебных дисциплин университетов, сыграло свою историческую роль. Сегодня этика – не просто наука и учебная дисциплина, а всеобщая глубокая проблема. Проблема обретения смысла и восстановления подлинных основ жизни. Проблема общества, образования, и как выяснилось самой этической науки…

Мы согласны с оценкой современного научного состояния этики, данной в работе Е.Н. Викторук. По мнению автора этой работы «настоящий этап наиболее адекватно можно определить как растерянность, неопределенность, ценностный вакуум, и как их логическое следствие эклектизм» [1, с. 240]. Данному состоянию научной сферы соответствует противоречивость суждений, сложившихся в отношении ее фундаментальных категорий. Так, например, мораль, нравственность, а нередко и этика определяются как понятия тождественные друг другу. Это как выяснилось ошибочно. В таком контексте их содержат словари синонимов А.П. Евгеньевой и З.Е. Александровой. Подобную точку зрения опровергает определение: «этика – это наука о морали и нравственности» (В.А. Канке), что не позволяет рассматривать данные понятия в качестве синонимов.

Упрощенное представление о морали и нравственности часто встречается в учебной литературе: «Мораль, нравственность – понятия тождественные. Такой подход больше соответствует учебным целям» [4, с. 7]. Эта установка, по мнению А.А. Гусейнова, основана на этимологии происхождения анализируемых понятий. Данный автор так поясняет это в своей работе.

Понятие «этика», изначально данное Аристотелем, было переведено на латынь Цицероном как эквивалент греческого, с прямой ссылкой на Аристотеля. Так появилась «мораль». В XVI веке в немецком языке впервые обнаружен перевод латинского понятия, так появилось слово «нравственность», которое было заимствовано русским языком. В современном русском языке все три слова фигурируют одновременно, что и стало причиной возникновения смысловых трудностей. Учебно-академическая традиция трактует этику как область знания, а мораль (нравственность) ее предмет [18, с. 7].

В вышедшем в 2001 году под редакцией Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова фундаментальном издании «Этика. Энциклопедический словарь» подчеркнуто: «В русском языке нет устойчивых словосочетаний, где слова “этика”, “мораль”, “нравственность” не были бы взаимозаменяемыми, хотя и есть смысловые контексты, когда чувство языка требует отдавать предпочтение какому-то одному из них…» По мнению В.Г. Иванова, «долгая история формирования и функционирования этих понятий отразилась как на богатстве их содержания, так и на трудностях их определения. Даже современное обыденное словоупотребление расходится с попытками научного определения. То есть, прежде всего, в житейском словоупотреблении смешивают воедино «мораль», «нравственность» и «этику» [5, с. 8]. В целом, В.Г. Иванов подчеркивает разницу между явным свидетельством невежества, которое в свою очередь исторически объяснимо и разговорной традицией, где живой обыденный язык тут же опровергает упрощенную точку зрения, основанную на тождестве этих понятий.

Цитированная выше работа В.Г. Иванова имеет важную на сегодняшний день особен-

© И.Е. Виноградова, 2006

ность, которая заключается в четком разграничении фундаментальных этических понятий. Так, понятие «мораль» автор доказательно относит к сфере сознания, а понятие «нравственность» он характеризует как реальное поведение человека. В этой связи он приводит удачное выражение, предложенное Н.Н. Крутовым: «Нравственность – мораль в действии» [5, с. 9]. В итоге получается, что мораль и нравственность понятия близкие, но образующие не тождество, а единство. Вот почему, в отличие от принятых определений этики («этика – наука о морали», «этика – наука о нравственности»), нами выделено: *«Этика – это наука о морали и нравственности».* Таким образом, мы подчеркиваем значимость работ В.Г. Иванова и В.А. Канке для современных научных исследований и в целом для решения ключевых проблем современного этического знания, «чего не делает и сегодня большая часть этиков в России и за рубежом» [5, с. 166].

Наравне с приведенными цитатами из работы В.Г. Иванова, мы считаем необходимым, привести пояснения философа В.А. Канке. Они заключены в другом определении этики, проясняющем предыдущее: «Этика – это наука о ценностях и поступках». В этом определении также дано четкое разграничение терминов «мораль» и «нравственность» и доказательство того, что эти термины не являются синонимами.

Подтверждением взятой нами за основу точки зрения двух философов служат высказывания и других авторов, согласно которым, мораль можно определить как общечеловеческие ценности, накопленные в процессе исторического развития. Эти ценности транслируются из поколения в поколение в форме обычаев, традиций, правил, заповедей, кодексов и т.п. Мораль, согласно Т.В. Мишаткиной, можно изучать, понимать, принимать. Как приобретенное знание она служит человеку внешним регулятором жизни, является непременным условием его самосохранения и сохранения всего живого на Земле. По авторитетному мнению И.А. Ильина, «Мораль – первичная, низшая стадия восхождения к нравственному совершенству» [6, с. 45]. Современный исследователь Г.В. Лазутина дает следующее обоснование данного понятия: «Мораль возникает вместе с человеческим обществом как принципиально новый механизм обеспечения согласованности действий в общности, призванный поддержать в новых условиях генетическую установку на выживаемость биологического вида человек» [8, с. 17]. Ю.И. Сидоренко определяет мораль как «мудрость вида», «инстинкт его самосохранения», как «объективно необходимый порядок, определенную структуру отношений между индивидами, без которой невозможно существование людей друг с другом» [16, с. 393]. Исходя из вышесказанного мораль – это уровень развития человека, возвышающий его и отличающий от остального животного мира.

Возникновение морали обусловлено природным даром человека – его сознанием, «…означающим зрячую, знающую жизнь. Сознание является самоценностью для человека, которому выпадает задача сохранения ценности жизни и всего изобилия ее феноменов… Жизнь не создана человеком, но она дана ему – как бы, вложена в руки, доверена его заботе. Он может любовно подхватить ее и с нею двинуться ввысь. Ведь на ее основе он может развить нечто гораздо более высокое, направить ее процесс к целям совершенно иной ценности. В этой тенденции природная ценность переходит в нравственную» [2, с. 346].

Итак, мораль есть ценностное осознание жизни, которое воплощается в общезначимых правилах, требованиях, законах человеческого общежития. От морали лежит путь к нравственности. Поэтому, нравственность мы рассмотрим как более высокий уровень этического развития человека.

Словарь по этике дает следующее определение: «Нравственность – это область практических поступков,… когда общественные и общечеловеческие требования совпадают с внутренними мотивами». То есть нравственность можно представить как уровень интериоризированного знания моральных основ жизни и руководство этим знанием в отношениях, поведении и деятельности. На этом уровне моральные нормы становятся индивидуальным достоянием человека. Нравственный уровень развития проявляет себя в «чувстве стыда», «велении долга», «голосе совести», «зове сердца». Это означает, что моральный уровень внешней регуляции переходит на качественно новый уровень внутреннего регулирования. «Хорошо упроченные нормы становятся привычкой, второй натурой и в определенный момент перестают контролироваться сознанием и переходят в область подсознания» [15, с. 11].

В словаре русского языка С.И. Ожегова нравственность рассматривается как «правила, определяющие поведение, духовные и душевные ка-

чества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил» [13, с. 339]. В этом определении во взаимосвязи представлены мораль и нравственность, а также заложена предпосылка более высокого уровня развития человека. Он определен нами через категорию – духовность.

Русского человека, вероятно можно удивить тем, что слово «духовность» не является русским по происхождению. Но, придя в нашу культуру переводом с немецкого («geistigkeit»), оно в буквальном смысле обрело русскую душу. Это означает, что Духовность в русской философии понимается как «этическая» (Г. Федотов), или «душевная духовность» (Н. Никитина).

Следовательно, изучая данное понятие, «мы обращаемся к Русской Духовности, как уникальному явлению в мировой культуре, как способу самопознания русского народа, как философии русской школы. Поэтому, право на подлинную интерпретацию понятия духовности принадлежит только русской ментальности. Западной и восточной нашу духовность в принципе не понять» [9, с. 2–4].

Особенность обращения с категорией «духовность» состоит в том, что раскрытие ее содержания как научного термина бесперспективно. Ее определение возможно только посредством описания, (но не объяснения и обоснования), то есть феноменологического описания. Феноменология Русской Духовности выступает, таким образом, как своеобразная «технология» ее постижения [Там же].

Возможна также и этимологическая, терминологическая интерпретация данного понятия. В.И. Даль в «Толковом словаре Живого великорусского языка» дает описание Духовности, исходя из ее этимологии: «Духовность – состояние духовного. Духовный… из одного Духа и Души состоящий… все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля» [3, с. 503–504]. Это определение, на наш взгляд, подытоживает произведенный анализ вышерассмотренных категорий и позволяет логически перейти к последующему описанию феномена Духовности, как качественно нового, более совершенного уровня развития «человеческого в человеке».

Русская Духовность рассматривается как в религиозной, так и в нерелигиозной интерпретации только в положительном проявлении. На сегодняшний день это понимание согласуется с научной рефлексией современной этики, которая исключает амбивалентный характер своих ценностных категорий. Философ-систематизатор В.А. Канке считает «неправомерно противопоставлять так называемой положительной ценности ее антипод, так называемую отрицательную ценность. При таком противопоставлении ценности фактически подменяются оценками» [7, с. 41].

Современные этические положения, как нам представляется, раскрывают морально-ценностное содержание, разумный пласт Русской Духовности. Глубокое понимание ее нравственно-психологического, «сердечного», «душевного» пласта можно почерпнуть в произведениях русского философа И.А. Ильина, который писал, что в русском народе все основано не на «моральной рефлексии», а на «природной склонности к созерцанию мира», к его «философскому вчувствованию». Характеризуя русскую душу, И.А. Ильин показал, что ей присуща изначальная естественность, эмоциональная свобода, отзывчивость и чуткость ко всему значительному и совершенному на Земле» [10, с. 94–97]. В его произведениях говорится о том, что Душа, как «средоточие важнейших вопросов сердца» имеет у русского человека особое значение. «В России, писал философ, более всего любят человека сердечного, а если он к тому же и совестливый, то его почитают превыше всего, как своего рода святого, или в понимании русских, как сосуд Божий» [10, с. 95]. К наиболее значимым нравственным качествам русских людей относится «слезное видение мира» (выражение М.М. Бахтина), т.е. такие национальные характеристики как сопереживание и соучастие. А также «жизнь по сердцу» выражение Ф.М. Достоевского, который утверждал, что «русский человек сердцем чует».

Философские наблюдения прошлого подтверждают данные современной науки (психофизиологии, парапсихологии, генетики), согласно которым сердце является не только главным «чувствилищем», но и органом духовного познания (А. Бергсон, Л. Войно-Ясенецкий, И.С. Павлов). В своем пределе духовность проявляет себя в сверхсознании – особом состоянии сердца, как познающего органа, характеризующимся проникновением в суть вещей, постижением духовных истин (М.В. Лодыженский) [14, с. 7–8].

Исходя из вышесказанного, нравственную сущность Русской Духовности можно понимать

как ее «сердцевину и центральный нерв» (В.Н. Шердаков). Третий позитивный пласт Русской Духовности – Русский Дух. Дух – это источник бесконечной энергии, «субъект воли» (Вл. Соловьев), «начало во всем животворящее» (И.А. Ильин). Русский Дух есть «энергийная одаренность, целенаправленная реализация энергийного потенциала, деятельность, устремленная к высшей цели, к преодолению себя настоящего, трансцендирующая устремленность в ее наиболее чистом и добром виде, независимо от сферы приложения» [9, с. 9].

Н.А. Бердяев считал, что Дух можно установить по признакам, к которым он относил свободу, смысл, творческую активность, целостность, любовь. Другие русские философы относят к признакам Духа добро, красоту, бескорыстие, стремление к истине, направленность энергии на других. В целом, для русской философской традиции характерно, что признаками Духа считаются те, которые уже сориентированы нравственно. Именно в духовно-нравственном совершенствовании видят смысл русские философы (К.Я. Грот, Ф.М Достоевский, Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, В.В. Розанов и др.). Н. Никитина в своей работе обобщает эту мировоззренческую позицию: «Человек реализует себя как личность, лишь развивая в себе «душевную духовность»: способность к состраданию, сопереживанию, чуткость и отзывчивость, совестливость, готовность прийти на помощь другому человеку, ответственность за все, что совершается вокруг него» [12, с. 5]. По мнению Г. Федорова, воля, (энергия, сила достижения), оторванная от разума и чувства может привести к самым страшным формам демонизма. Ибо такая внеэтическая духовность бессильна найти критерий святости. И вряд ли может быть названа духовностью. Только «целостная добрая воля» (И.А. Ильин), разумно-сердечное «воление» (стремление) выражает подлинное содержание Духовности. «Духовная жизнь сама по себе не содержит критерия правильности ее направления» (В.В. Зеньковский). Но, именно этика обращается к проблематизации концепта «правильной жизни».

Мы считаем, что «Русскую Духовность» следует также рассматривать как фундаментальную этическую категорию.

В целом, изучение содержания понятий мораль, нравственность, духовность позволяет сделать вывод, что в совокупности они выстраиваются в «единую линию восходящего движения», в которой заключается внутренняя логика духовно-этического развития человека. Духовность, в плане восхождения это высший уровень развития и в то же время она представляет собой «вертикаль роста», т.е. потенциальную возможность дальнейшего совершенствования. Дух изначально дан человеку. И как «духоодаренное существо» (М. Шелер), человек в процессе онтогенеза может подняться до уровня Духовности и выше. Но только моральное развитие и обретение «нравственной устойчивости» (термин В.А. Чудновского) является условием достижения человеком уровня Духовности. Его можно определить как *уровень устойчивого развития*, где допустимый диапазон изменчивости структурирован этическими пределами.

Как нам представляется, процесс духовно-этического развития человека можно определить как процесс становления его личности. Так, понятие «личность», взятое нами в этике французского персонализма (М. Мунье, Ж. Лакруа, П. Рикёр) отражает рассмотренный выше динамический процесс становления «человеческого в человеке». *«Личность – духовная структура, приобретающая устойчивое и независимое бытие, благодаря присоединению к иерархии ценностей, свободно принятых и переживаемых через постоянное творческое самосовершенствование».*

Таким образом, Личность – это скорее движение, чем законченный результат. Это – многогранный, диалектически сложный процесс развития. Существует множество обстоятельств, ведущих к внутренним конфликтам и остановкам в развитии. При этом, «Личность» – всегда проект, всегда «вектор, направленный в Будущее» (Г. Олпорт). Согласно современным гуманистическим представлениям: Личность – «потенциально бесконечна» (Н.В. Соколовский).

Так или иначе, по словам Г. Гессе: «каждый из нас лишь человек, лишь попытка, лишь нечто куда-то движущееся…». И если не каждый сможет подняться до высшего уровня духовно-этического развития, то главное для каждого из нас не останавливаться и, однажды обретя, уже никогда не терять направления движения.

Библиографический список

1. *Викторук Е.Н.* Насилие и этическое образование // Образование и насилие. – СПб., 2004. – С. 226–242.

2. *Гартман Н.* Этика / Под ред. Ю.С. Медведева, Д.В. Скляднева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 707 с.

3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: т. 1. – М.: Русский язык, 1989. – 699 с.

4. *Зеленкова И.Л., Беляева Е.В.* Этика: Учебное пособие. – Мн.: ТетраСистемс, 2001. – 368 с.

5. *Иванов В.Г.* Этика. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.

6. *Ильин И.А.* Путь к очевидности: – М.: Республика, 1993. – 430 с.

7. *Канке В.А.* Этика ответственности. Теория морали будущего. – М.: Логос, 2003. – 352 с.

8. *Лазутина Г.В.* Профессиональная этика журналиста: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.

9. *Лузина Л.М.* Феноменология Русской Духовности как педагогическая проблема // Педагогика – культура [электронный ресурс]: Всероссийский педагогический Интернет-журнал.

10. *Макаев В.В.* И.А. Ильин о русской душе // Педагогика. – 1999. – №5 – С. 94–97.

11. *Мишаткина Т.В.* Этика. – Мн.: Новое знание, 2003. – 176 с.

12. *Никитина Н.Н.* Духовно-антропологический подход к становлению культуры профессионально-личностного самоопределения учителя // Педагогика – культура [электронный ресурс]: Всероссийский педагогический Интернет-журнал.

13. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.

14. *Петракова Т.И.* Ценностный потенциал базового образования в духовно-нравственном воспитании учащихся: Монография // Образование: исследовано в мире [электронный ресурс]: Международный научно-педагогический Интернет-журнал.

15. *Симонов П.В.* и др. Происхождение духовности. – М.: Наука, 1989. – 352 с.

16. *Сидоренко Ю.И.* Философия морали: новый подход. – Кострома: Изд-во Костромской ГСХА, 2005.

17. Этика: Учебник / Под ред. А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко. – М.: Гардарики, 1999. – 496 с.

Е.А. Снежкова

ТВОРЧЕСТВО ТАКЭМИЦУ ТОРУ: О ДИАЛЕКТИКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО

Такэмицу Тору[1] (1930–1996) – виднейший представитель японской современной композиторской школы. В истории музыки XX в. он стал фактически первым композитором Японии послевоенного периода, завоевавшим как национальное, так и международное признание (см. об этом: [2; 11; 12; 15; 16; 17]). Вместе с тем, научное осмысление его творчества в настоящее время находится в стадии становления. Это справедливо отмечает японский исследователь Токи Сейдзи: «Хотя было издано значительное количество статей о творчестве Такэмицу, однако, понимание его музыки всё ещё недостаточно. Всё, что мы знаем о музыке Такэмицу, фактически базируется на репертуаре, получившем мировую известность в 1970-е гг. Поэтому настало время переосмыслить полное музыкальное наследие Такэмицу без предвзятых мнений» [11, с 1–2]. В отечественном музыковедческом японоведении творческая фигура Такэмицу Тору до настоящего времени не являлась объектом научных интересов. Отдельные произведения композитора рассматривались эпизодически в качестве показательных примеров основных тенденций развития современной японской композиторской школы (см. об этом: [2; 3; 4; 7]).

В данной статье подвергнется рассмотрению ряд малоисследованных вопросов, связанных с попыткой определения характерных граней композиторского мышления Такэмицу Тору и места его наследия в ряду музыкально-стилевых явлений как японского, так и мирового композиторского творчества второй половины XX в.

Среди корифеев современного японского композиторского творчества (Дан Икума, Маюдзуми Тосиро, Акутагава Ясуси, Бэкку Садао, Мацудайра Ёрицунэ), по нашему мнению, Т. Такэмицу выделяет ярко самобытная манера музыкального мышления и письма. Его художественная натура – интеллектуальная и созидательная – динамично откликалась на самые различные тенденции и явления художественной жизни.

© Е.А. Снежкова, 2006

В музыке Т. Такэмицу смог выразить сущностные черты художественного мироощущения и национального характера японцев. При этом сам композитор на первых этапах своего творческого пути не ставил целью быть «национальным». Соответственно, на протяжении творческой жизни композитора важнейшими стимулами его сочинений становились инонациональные художественные явления. В детстве он познакомился с традиционной музыкой и др. видами искусства Китая, в юности (период с конца 1940-х по1950-е гг.) увлекался западноевропейским джазом, позднее – творчеством К. Дебюсси, О. Мессиана, А. Веберна, Дж. Кейджа; различными техниками западного авангарда; в 1980-х – 1990-х гг. – композитор как будто оценивает достижения предшествующих эпох, сопоставляя их в едином универсальном контексте. Т. Такэмицу высокохудожественно сплавляет в авторском тексте ранние формы монодии и романтическую песенность; гармонические и тембровые находки импрессионизма и гетерофонную технику письма; фольклорные интонации и музыкальные аллюзии (фортепианные произведения «Litany: in Memory of Michael Vyner», 1989; «Rain Tree Sketch II», 1992).

На наш взгляд, развиваясь, японский композитор, действительно входил в русло многих, нередко полярных художественных процессов современного композиторского творчества. В его опусах представляется невозможным разметить смену стилевых направлений и техник, таких, как сериализм, сонористика, неофольклоризм, неоромантизм, ибо они изобретательно и неординарно сосуществовали в его произведениях, порой писавшихся в одно и то же время. Обладая тонким чувством отбора, он не принимал чуждое своей индивидуальности, а пытался найти в интернациональных художественных явлениях близкое и интересное для себя. Осваивал и переплавлял же их в собственных сочинениях Т. Такэмицу очень свободно и расковано.

Показательно утверждение самого композитора: «Как японец я хочу развиваться с точки зрения традиций, а как западный человек – с точки зрения новаторства» Лейтмотивом рассуждений Т. Такэмицу о творчестве можно считать следующие его слова – «плодотворное взаимодействие старого и нового» (цитаты по: [17]).

Закономерно, что в этом плане, творчество данного японского композитора перекликается с художественными поисками его коллег и современников: Маюдзуми Тосиро, Исии Маки, Сибата Минао, Юаса Дзёдзи, Итиянаги Тоси, Хиросэ Рёхэй. Но вместе с тем, не случайно, именно Т. Такэмицу западные (А. Витталь, В. Лааде, У. Мольм,) и японские музыковеды (Акияма Кунихару, Ёсида Хидэкадзу, Исида Кадзуси) метафорически называют «мостом между Востоком и Западом». Так, отмечается, что «работая в стиле европейской авангардистской школы, Такэмицу в своих произведениях воссоздаёт духовный строй чувств и форму выражения, близкие японской эстетике прошлого» [15, с 3]. Западным и японским музыковедением единогласно подчёркивается и признаётся, что Т. Такэмицу занимает особое, уникальное место в истории музыки XX века. По нашему мнению, японский композитор, чуткий ко многим характерным чертам Западной музыки с поразительной изобретательностью использовал эти черты, не теряя при этом собственную национальную индивидуальность и смог создать свой интернационально значимый и, в то же время, национально определённый самобытный музыкальный стиль.

Исследование творчества японского композитора позволяет сделать ряд немаловажных выводов. Особая значимость творчества Т. Такэмицу проявилась именно в период 1950–1990-х гг., то есть время, когда Япония прошла глобальный социально-духовный цикл по самым кардинальным вопросам морали, этики, бытия (послевоенная разруха и американская оккупации, «экономическое чудо» и вхождение в число лидирующих держав мира, несомненное признание Японии культурной державой мирового значения).

Представляется, что творческое наследие композитора стало своеобразным отражением особенностей японской культурной жизни означенного периода, раскрытых сквозь призму индивидуального восприятия автора. Этим, на наш взгляд, объясняется некая зигзагообразность в формировании стиля композитора, спиралевидность – постоянное возвращение к ранее созданным произведениям и музыкальным образам. Отсюда неравнозначность художественных достижений, столь трудный и неоднозначный путь к зрелости, прошедший под знаком упрощения художественных средств, но не упрощения художественного замысла.

При самых, на первый взгляд, неожиданных стилевых взаимодействиях, творчество Т. Такэми-

цу неразрывно связано с японской культурой. Самобытно национальное проявилось, прежде всего, в эстетических установках композитора, созвучных традиционным чертам искусства не только Японии, но и классического Востока в целом.

Произведения Т. Такэмицу – это своеобразные психологические обобщения, генерирующие возникновение художественных символов. Напомним, что многозначный символизм японской культуры способствовал развитию ассоциативно-художественного мышления, в котором эрудиция, как автора, так и зрителя или слушателя играет далеко не последнюю роль. При этих условиях роль детали, намёка необычайно повышается, часть передаёт целое, а досказанность и завершённость образа становится излишними и художественно неоправданными [8, с. 156].

Отсюда, на наш взгляд тяготение композитора к особому виду программности, которую мы, условно, назовём «ассоциативной». Названия произведений Т. Такэмицу, например «Distance» / «Расстояние» (1951, 1989); «Eclipse» / «Затмение» (1966); «November steps» / «Шаги ноября» (1967); «Far away» / «Вдалеке» (1970); «Les yeux clos I», «Les yeux clos II» / «Глаза закрыты» (1979); «A string around autumn» / «Лента вокруг осени» (1989); «Air» / «Воздух» (1995) лишь задают восприятию слушателя некое абстрактное эмоционально-смысловое направление, тем самым, способствуя сотворчеству композитора, исполнителя и слушателя – необходимому условию активного художественного восприятия.

Из этого же фактора происходит ещё одна особенность сочинений Т. Такэмицу – отсутствие жанровой дефиниции. По существу, название произведений своеобразно замещает жанровый подзаголовок, уравнивая в правах содержательную и формальную информацию.

Большая внутренняя цельность японской культуры, обеспечивающая способность к синтезу всех видов её искусств (архитектуры, живописи, поэзии, каллиграфии, музыки); их связь с повседневным бытом и ритмом природы – осмысленными эстетически и оформленными в виде ритуала – также проявилась в эстетико-стилевых особенностях творческого наследия композитора.

Известно, что для всех видов японского традиционного искусства характерна особенно тесная связь с миром природы. В музыке японских композиторов эта черта реализовалась в тематике произведений и программно-изобразительных установках при подаче музыкальных образов[2]. В творчестве Такэмицу Тору означенная тенденция нашла отражение в своеобразной фитонимичности образов его произведений с превалированием зимне-осенних мотивов. Примерами могут служить оркестровые произведения «Music of trees» / «Музыка деревьев» (1961), «Green» / «Зелень» (1967), «November steps» / «Шаги ноября» (1967), «Eucalypts I» / «Эвкалипты I» (1970), «Фую» / «Зима» (1971), «Аки» / «Осень» (1973), «Tree line» /«Линия дерева» (1988), «A string around autumn» / «Лента вокруг осени» (1989); камерно-инструментальные сочинения «Сики» / «Времена года» (1970), «Eucalypts II» / «Эвкалипты II» (1971), «Сютэйка» / «В осеннем саду» (1973, 1979), «Юрэру кагами но юакэ» / «Покачивающееся отражение рассвета» (1983), «Мори но нака» / «В лесах» (1995).

Можно отметить группу сочинений, выделяющуюся по тематике и композиционным особенностям своей глубинной связью с различными видами традиционного японского искусства – каллиграфией, поэзией, театром и японским садом. В качестве примеров назовём: «Son Calligraphie I, II, III» / «Сын каллиграфа I, II, III» (1958–1960); «Masque» / «Маски» (1959); «Tableau noir» / «Яркая зрелище Но», (1958); «Scene» / «Сцена» (1959); «Stanza I, II» / «Строфа I, II» (1971); «Quatrain» / «Четверостишие» (1975); «Marginalia» / «Заметки на полях» (1976); «A flock into the Pentagonal Garden / «Стая спускается в пятиугольный сад» (1977).

Многие произведения Т. Такэмицу неразрывно связаны с поэзией и живописью. Отметим, что эта классическая традиция национального искусства претворяется композитором с позиций художника XX в. Для своих сочинений автор выбирает современные поэтические и художественные импульсы, причём как японские, так иные (произведения Судзо Такигути, Оэ Кэндзабуро, Эмили Диккенсон, Оделона Редона, Тристана Тзара Джеймса Джойса).

В концепциях произведений композитора проявляется ритуальный аспект. Знаками ритуальности в музыке Т. Такэмицу, представляются:

1) программные названия, направляющие к обобщённым представлениям о ритуале («Реквием», 1957; «Sacrifice» / «Жертвоприношение», 1966; «A way a lone» / «Путь одинокий», 1981; «Lacrima», 1983; «Litany: in Memory of Michael Vyner» / «Литания: в память о Михаэле Винере»,

1989; «Мити» / «Дорожки» (памяти В. Лютославского, 1994));

2) мотив погружения человека в бытийный мир, объединяющий его с высшим духовным началом, в качестве которого в большинстве случаев выступают природа и окружающая среда («Far away» / «Далеко», 1973; «Rain Tree Sketch» / «Эскиз дерева дождя», 1983; «Ceremonial: Autumn ode» / «Церемония: осенняя ода», 1992; «Spirit garden» / «Сад духа», 1994);

3) логика музыкальной драматургии, связанная с достижением особых медитативных состояний[3].

Среди эстетико-композиционных принципов Т. Такэмицу, связанных с традициями классического японского искусства, отметим господство в произведениях художника ёмкого монообраза, с заключённым в нём потенциалом композиционного решения. Как правило, художественная жизнь образов Такэмицу многоаспектна и решается посредством передачи различных состояний и событий, неразрывно связанных и разворачивающихся в самобытном «мире» произведения посредством творческой воли и движения души создававшего его композитора. Отсюда вытекает составный принцип построения композиции целого с сопутствующей ему вариационностью и рефренностью, основанных на идеях повторности и круговращения.

Национально-самобытное проявилось и на уровне музыкального языка сочинений композитора. Т. Такэмицу в своём творчестве не прибегал к методу «композиторского фольклоризма». Но с уверенностью, можно сказать, что «фольклорный материал» – это наиболее важный семантический пласт в любом из его произведений, подаётся он в виде кратких фраз и попевок, растворяющихся в тематизме сочинений.

Среди наиболее часто встречаемых характерных интонационных музыкальных знаков Японии, шире – Востока, выделим:

– трихорд в кварте – как один из важнейших структурных архетипов;

– интонации кварты и квинты в мелодической линии и в структуре вертикали;

– ритмическую составляющую.

Самобытная ритмика композитора – её чрезвычайно высокая выразительная и формообразующая роль в произведениях – заслуживает особого внимания. О преобладании ритма над мелодикой в японской музыке упоминал уже Кэнко-Хоси (1283–1350). По определению Е.В. Южаковой в применении к японской традиционной музыке можно говорить об особой культуре ритма, которую характеризуют богатство моделей и их сочетаний, а также высокая степень функциональности ритма с точки зрения формы музыкального произведения [10, с. 17]. В свете сказанного можно отметить, что внимание композитора к метроритмическим составляющим в произведениях является продолжением традиций японского классического искусства в национальном композиторском творчестве.

Подчеркнём также, что в своих сочинениях Т. Такэмицу также опирался на стилевые достижения интерпретации самобытно-национального в творчестве композиторов старшего поколения (прежде всего, отметим Ямада Косаку). Выделим в этом плане: реализацию в мелодике интонационности японской разговорной речи и народной песенности (нисходящее движение м3-м2, вопросительные интонации); широчайшую опору на национальную и восточную звуковую реальность – интерпретацию в фортепианной музыке профессиональных музыкальных традиций Японии и Востока (использование своеобразного эффекта терпкой фальшивости, традиционного для соотношений партий *рютэки*[4] и *хитирики*[5] в музыке *гагаку*[6] в проведении темы произведения «Les yeux clos I»; подражание тембру гамелана в пьесе «Far away»); стремление к обновлению гармонического языка посредством кварто-квинто-секундового строения созвучий; воспроизведение в мелосе и фактуре горизонтальных и вертикальных закономерностей монодии [7].

Японская почвенность – это лишь одна из составляющих стиля композитора. Важнейшее качество творчества Т. Такэмицу, на наш взгляд, в большей степени выражается в другом факторе – попытке композитора «найти пути синтеза современной реальности и характерного для современного мира мышления с собственным ощущением национальной традиции», – как писал Дж. Танч о современной турецкой музыке [9, с. 218].

В этом поиске японский композитор обращался к мировым общекультурным достижениям и традициям современного композиторского творчества.

По мнению А.В. Ивашкина, произведения искусства XX в. чаще, чем когда-либо ранее в истории, погружают нас в глубину вневременного контекста, культура переходит на иной более высокий уровень, «оперируя» укрупнённы-

ми величинами – символами, архетипами, знаками, традициями [5, с. 14–15].

Такими «укрупнёнными величинами» в стилистике Т. Такэмицу стали самобытно трактованные традиции импрессионизма и романтизма, к которым он обращался на протяжении всего творческого пути в самых различных жанрах: симфонических, камерно-инструментальных, фортепианных и вокальных произведениях. Гармоничная взаимосвязь различных текстов мировой культуры и искусства в музыке композитора обусловила весомую значимость его наследия для японского и мирового композиторского творчества, доступность его произведений широкому кругу слушателей.

В этом плане закономерно, что исполнителями-пропагандистами его сочинений в разное время являлись представители самых различных национальных школ: японцы Одзава Сэйдзи, Юдзи Такахаси, Итиро Нодайра; западные музыканты Хейнц Холлигер, Питер Серкин, Алейн Невеукс, Ида Кавафиан, Ауреле Николет; отечественные мэтры Мистислав Ростропович и Юрий Башмет; молодые российские исполнители Иван Бушуев, Андрей Дойников, Александра Коренева, Наталия Черкасова, Нина Куприянова.

Как справедливо отмечает Н.А. Гаврилова, интернациональное искусство возводит национальные культурные традиции в ранг общечеловеческой значимости, которую они приобретают благодаря профессиональному композиторскому искусству. Но и сами общечеловеческие ценности не мыслимы без многообразия и богатства национальных культурных традиций [1, с. 21]. Это показательно демонстрирует творчество Такэмицу Тору – японского художника и композитора XX века.

Примечания

[1] Автор придерживается существующего в Японии порядка написания имён собственных: сначала фамилия, потом имя и/или инициал и фамилия.

[2] Приведём примеры из творчества современников Такэмицу Тору. Бэкку Садао «Праздник на севере» (сюита для фортепиано в 4 руки), «Эпиграммы для деревьев и птиц» (сюита для смешанного хора), Симфония №3 «Весна»; Окумура Хаямэ «Прелюдии трёх цветков» для фортепиано; Сукэгава Тосия «Зимний день» для фортепиано; Накада Ёсинао «Четыре времени года Японии» (фортепианная сюита в четыре руки); Хираёси Кунитакэ «Море в моей стране» для смешанного хора; Саэгуса Сигэаки «Лето» для оркестра; Нода Тэруюки «В саду» для скрипки; Мики Минору «Осенняя фантазия» для флейты.

[3] На рубеже 1960-х – 1970-х гг., в произведениях Т. Такэмицу выкристаллизовывается излюбленный тип музыкальной драматургии – ритуальный. По мнению Л.В. Кириллиной, ритуальная или обрядовая драматургия, осознанная как нечто самоценное в результате погружения нашего слуха в архаические и неевропейские культуры. На первый план такого типа развития выходит, то, что можно бы было назвать «статикой», однако это не отсутствие изменчивости и движения как таковых, а подчинение их Единому и Вечному. Музыка такого рода чаще апеллирует к религиозному, мистическому или медитативному опыту (см об этом: [6, с. 114–120]).

[4] *Рютэки* – японская флейта, исполняющая основную мелодическую линию в оркестре *гагаку*.

[5] *Хитирики* – мелодический инструмент типа гобоя с довольно резким, пронзительным, «несколько» плачущим тембром. *Рютэки* и *хитирики* часто играют в унисон, при этом, зачастую, их партии по высоте расходятся на целый тон.

[6] *Гагаку* – придворная оркестровая музыка Японии – одно из интереснейших явлений в мировой музыкальной культуре.

[7] Имеются в виду – составность, линеарность, унисонность, мелодизация фактуры.

Библиографический список

1. *Гаврилова Н.А.* К проблеме национального в музыке XX века // Научные труды Московской гос. консерватории им. П.И. Чайковского. Вып. 1. – М.: Московская гос. консерватория им. П.И. Чайковского, 2003. – С. 5–44.

2. *Дубровская М.Ю.* Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX в. – первая половина XX в.). – Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория (академия) им. М.И. Глинки, 2004. – 572 с.

3. *Есипова М.В.* Современная музыкальная культура Японии (в аспекте взаимодействия «Запад – Восток») // Музыка. – 1990. – Экспресс-информ. вып. 3.

4. *Жукова О.В.* Вокальное творчество Дан Икума в контексте проблемы «композитор-фольклор»: Автореф. дис. … канд. иск. – Новосибирск, 2005.

5. *Ивашкин А.В.* Чарльз Айвз и музыка XX века: Автореф дис. … д-ра наук / Российский институт искусствознания. – М., 1993.

6. *Кириллина Л.В.* Идея развития в музыке XX века // Западное искусство XX века: проблема развития западного искусство XX века / Гос. институт искусствознания Мин-ва культуры РФ. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

7. *Нестьев. И.* Токио, 1974 // Сов. музыка. – 1974. – №10. – С. 123–130.

8. Очерки истории искусства / Под ред. Г. Поспелова. – М.: Сов. художник. – 1987.

9. *Танч Д.* Традиционная и современная музыка в Турции // Традиции музыкальных культур народов Ближнего, Среднего Востока и современность. – М., 1987. – С. 217–218.

10. *Южакова Е.В.* Музыкально-художественная система традиционного театра Но: Автореф. дис. … канд. иск. – Новосибирск, 2002.

11. *Choki Seiji.* On Ichiro Nodaira's New Recording of Toru Takemitsu's Complete Piano Works. – Tokyo, 2002.

12. *Ishida Kazusi.* Perfoming Arts. Present Condition of Japanese Contemporary Music. Now The Japan foundation. – 1992.

13. *Laade Wolfgang.* Neve musik in Afrika, Asien und Ozeanien. – Heidelberg, 1971. – 196–231 pp.

14. *Malm W.P.* Japanese music and its relations to other musical traditions // The World of Music. – 1983. – V. 27. – № 1. – P. 70–79.

15. *Yosida Hidekazu.* A Review of the World of Musical Composition in 1958 // Masterpieces of Contemporary Japanese Music 1959. – Ongaku-No-Tomo Sha. – P. 45.

16. Акияма Кунихару. Нихонно саккёкука тати (Японские композиторы). В 2-х тт. (На японском языке). – Токио, 1978–1979. – С. 7–51.

17 *Витталь А.* Ко дню рождения Тору Такэмицу // Официальный сайт еженедельного бюллетеня «Окно в Японию». 02.10.2005. http://russia-japan.nm.ru.

Н.М. Домахина

«ДЕМОНИАНА» М. ВРУБЕЛЯ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ ЧЕЛОВЕКОБОГА

В изобразительном искусстве России тема демона впервые возникает в 80-е XIX годы, в творчестве М. Врубеля, и завершается через два десятилетия в произведениях художников объединений «Мир искусства» и «Голубая роза», созданных для участия в конкурсе на тему «Дьявол», объявленного в конце 1906 года журналом «Золотое руно». До этого времени демоны в основном изображались (в древнерусской книжной традиции) как носители порока и зла, помощники Сатаны.

Внимание к демонической теме на рубеже веков не случайно и является выражением кризиса гуманизма со специфическими для русской культуры крайностями. Переоценка моральных установок, нравственных ценностей, диалектика божественного и человеческого, добра и зла характерны для культуры Серебряного века, и связаны с темой человекобога, сверхчеловека, поднятой еще в творчестве Ф.М. Достоевского. Творчество М.А. Врубеля визуализировало этот образ, в его искусстве тема человекобога является одной из главных.

Формой мировосприятия, мирочувствования и лирическим героем произведений М. Врубеля стал образ Демона. Демон, созданный художником, олицетворял собой образ всей эпохи рубежа веков в России и не случайно А.А. Блок отметил, что «Демон» его (Врубеля. – *Н.Д.*) и «Демон» Лермонтова – символ наших времен»[1]. Спустя полвека, в 1962 году это подтвердила А. Ахматова: «Тень Врубеля – от него все демоны XX в[ека], первый он сам…»[2].

Демон Врубеля близок к продолжению западноевропейской традиции, которая, начавшись от церковной традиции изображения духа зла как страшного и безобразного, развивалась интерпретацией его как могущественного и привлекательного. В стоящей за врубелевским Демоном историко-культурной традиции заключается взгляд на актуальные для рубежа веков проблемы бытия, возникшие в результате кризиса гуманистического сознания. Демон Врубеля не «опредмеченный», «персонифицированный» символ «злого духа», но визуализация самой идеи демонизма. Художник ставил своей задачей создать не Демона, а демоническое[3].

Близка Врубелю и литературная традиция. Здесь ярче всего представлен процесс оправдания зла. Его Демон, отчасти, вырос из литера-

 © Н.М. Домахина, 2006

турных образов – «Демона» Лермонтова, «Фауста» Гете, в какой-то степени – шекспировского Гамлета. Исходными изображениями, прототипами для Демона стали библейские пророки, апостолы, которые появляются у художника в киевский период творчества (1884–1889). В изображениях апостолов и святых (следовательно, и Демона), Врубель отталкивался, главным образом, от византийской средневековой традиции; также прочитывается древнерусская иконостасная традиция. Это свидетельствует о подходе к изображению Демона, прежде всего, как к духовному образу.

Работа над образом «демонического» в творчестве М. Врубеля началась со второй половины 1880-х годов и продолжалась до конца жизни художника. Вот несколько документальных свидетельств самого художника об этом процессе: «Терещенка картина налаживается, а “Демон” опять остановился»[4]; «“Демон” требует более во что бы то ни стало и фуги да и уверенности в своем художественном аппарате»[5]; «Вот уже с месяц я пишу Демона»[6]; «“Демона” кончать всегда будет не поздно»[7]; «Я сейчас работаю над большой вещью: “Демон”, с которой думаю в декабре выступить на Secession в Вене…»[8]; «Посылаю своего “Демона” в Петербург и вовсе не уверен, что он будет принят»[9]. Так, в немногочисленных письмах М. Врубеля постоянно встречаются упоминания о Демоне. Характерно его отношение к создаваемому образу: «“Демон” требует…», «“Демон” остановился…», что указывает на его постоянное присутствие в сознании художника.

Результатом долгих поисков воплощения образа стал «Демон сидящий» (1890). Этот образ в контексте философских идей рубежа веков можно воспринимать как антитезу «Христу в пустыне» (1872) И. Крамского. У последнего Христос также представлен сидящим, со сцепленными в замок руками; отвергнувший дьявольские искушения, готовый явиться миру с Новым Заветом. Фигура Христа освещена утренним светом воскресающего дня, символизирующим наступление новой эпохи человечества. Спокойное раздумье, в котором представлен образ Спасителя, носит этический характер: Иисус готов исполнить волю Отца, учить Истине силой Слова и убеждения. У М. Врубеля этический план заменяется эстетическим, мотив служения добру – пафосом самоутверждающейся Личности, бросающей вызов миру, гордой и одинокой в своем страдании.

Фигура Демона представлена на фоне заката, в «вечернем» колорите. Именно сумерки дают свободу тайным мечтам и страхам человека. Также как и в образе Христа у Крамского, руки врубелевского Демона сцеплены в замок («…во врубелевской системе выражения внутреннего содержания <…> наряду с лицом большая нагрузка приходится на долю рук»[10]). Если в первом случае мотив сцепленных рук можно трактовать как спокойную твердость, то во втором – это выражение внутреннего поиска уверенности, попытка личности утвердиться в мире, такое невероятное усилие удержать равновесие, что «кровеносные сосуды готовы лопнуть»[11]. Так, для выражения сущности своего Демона художник заостряет ситуацию через сцепленные руки, на которых сосуды готовы лопнуть, с той же целью срезает часть головы рамой, и фигуре становится тесно в границах холста. Поза Демона вписывается в геометрическую фигуру – куб на ребре, что символизирует неустойчивость, нерешенность вопроса. Т.о., Врубель создает впечатление громадности Демона как физической, так и духовной. «Демон сидящий» – это образ молодого титана, прекрасного и печального, решающего вопрос о выборе самопожертвования (за других) или сохранения индивидуальности своего бытия. Так в этом образе переплетаются мотивы демонические и евангельские.

Ощущение трагичности эпохи, предчувствие глобальных перемен сказались в особенности построения формы в «Демоне сидящем». Врубель располагает по холсту широкие расчлененные мазки, то рассыпающиеся отдельными пятнами, то складывающиеся в форму огромных цветов. Такой живописный прием создания формы с помощью мозаичных мазков весьма показателен в творчестве Врубеля и характеризует не только специфику его искусства, но и время, в которое оно развивалось. Это начало распластывания, дематериализации, декристализации мира. Мир у Врубеля еще целен, крепко связан и выглядит как треснувшее, но еще не распавшееся стекло.

Демоническая трактовка человеческой личности связана с важнейшим мировоззренческим вопросом, которым занимались деятели культуры рубежа веков – поиском Истины и точки опоры внутри человека и вокруг него. Вопрос рассматривался через переоценку моральных уста-

новок, нравственных ценностей, диалектику Божественного и человеческого, Божественного и демонического, Добра и Зла. Культура Серебряного века в решении обозначенной проблемы во многом испытала влияние идей философии Ф. Ницше с его идеей сверхчеловека (человекобога). Тема человекобога является одним из аспектов проблемы взаимоотношения человека и Бога, ставящей вопрос о проблеме выбора между богоугодной жизнью и богоборчеством, стремления к вечной Истине или к реализации собственных интересов. Творчество М. Врубеля визуализировало образ сверхчеловека, эта тема близка художественному образу врубелевского Демона и всему мировоззрению художника.

Идея сверхчеловека рассматривалась с разных точек зрения: проявление декаденства философских исканий (П.Е. Астафьев, Г.В. Плеханов, А. Погодин, М. Столяров); иллюзия, утопия (П.С. Юшкевич); воплощение философии эгоизма (Г. Тюрх, П.С. Юшкевич); воплощение этики «любви к дальнему» (С.Л. Франк); антихрист (В.С. Соловьев, Л. Фишер); проявление реакционной сущности, расизма и фашизма (Б. Быховский, Г. Лукач, М. Митин, С.Ф. Одцев); литературный поэтический образ (Б.М. Бернадинер, Л.З. Немировская).

Согласно философии Ницше сверхчеловек является существом более высшей организации, чем человек. Вся мораль обыкновенной человеческой жизни должна содействовать появлению этого высшего существа. Сверхчеловек – это символ высшего духовного развития человечества и появление его следует рассматривать как торжество духовной природы человека, осуществление всех объективно-ценных его притязаний. Сверхчеловек отличается нравственным характером благородства, где благородство понимается как изолированность от всего обыденного, ординарного и практически полезного. Это высшая ступень развития человека. Известно, что и Врубель не считал себя обыкновенным человеком: «В разговорах обнаруживал неимоверное самомнение о себе – как о художнике, творце и вследствие этого – не допускал никакого обобщения, никакой мерки, никакого сравнения его – художника с людьми обыкновенными»[12].

Над идеей сверхчеловека размышлял Вл. Соловьев, итогом его размышлений стала «Краткая повесть об Антихристе» (1900). Соловьев первым из отечественных мыслителей взглянул на философию Ницше с религиозной точки зрения. Он логически домысливает абсолютизм немецкого философа и в результате возникает образ антихриста, носителя ницшеанских принципов. Соловьев связывает идею сверхчеловека с морально-духовной проблематикой и вопросами религиозного основания культуры. Вл. Соловьев понял сверхчеловека Ницше как прообраз Антихриста и противопоставил ему Богочеловека Иисуса Христа; он отрицает наличие божественного в сверхчеловеке, видит в нем опасность для христианской культуры и считает, что сверхчеловек (Антихрист, зло) должен быть низвергнут с того пьедестала, который ему пророчил Ницше.

После «Демона сидящего» художник получает заказ на выполнение иллюстраций к юбилейному кушнеревскому изданию произведений М.Ю. Лермонтова (1890–1891). «В юбилейном издании фирмы Кушнерева и К°, руководимом П.П. Кончаловским, моих около 40 иллюстраций»[13], свидетельствует сам автор в автобиографии для журнала «Мир искусства».

Иллюстрации художника к произведениям поэта выглядят как «…новое художественное произведение, синтез поэзии и графики, который образует такую вершину творческого содружества художника и поэта, с которой видны необычайные дали человеческого сознания»[14]. В образах Демона, иллюстрирующих поэму М.Ю. Лермонтова, остается воплощение внутреннего противоречия между общим законом, долгом и своей волей в душе героя. Для воплощения образа Демона художник выбирает именно моменты его внутренней борьбы с собой. В иллюстрациях к «Демону» художник в основном выбирает те моменты в поэме, в которых ситуация предшествует принятию решения, дающие возможность показать ситуацию выбора между нормой, долгом, общей моралью, волей и законами Бога и собственной волей, собственным чувством.

В 1899 году написан «Демон летящий». Дух зла, совершая свой полет в этой длинной как фриз композиции, тоскует, понимая свое вечное одиночество и бесцельность существования. Такое его положение в мире вечно, горизонтальное расположение композиции свидетельствует о ровном (постоянном) состоянии Демона. В этой работе появляется черта будущих демонов Врубеля – могучие руки фигуры заломлены за голову, что символизирует ненужность боль-

шой силы, невозможность контролировать, «взять в руки» ситуацию.

В рисунке «Демон стоящий» (1900) руки Демона также сомкнуты за головой в виде трапеции (трапеция символизирует жертву, а также неправильность, ненормальность), образ гневен, с него Демон Врубеля начинает приобретать свойственное ему от века качество – зло.

В период 1901–1902 годов идет разработка образа «Демона поверженного». Врубель настойчиво работает в поисках выражения своей идеи. Именно в этой работе он приближается к идеям сверхчеловека Ницше. Жена М.А. Врубеля Н.А. Забела-Врубель замечает в письме к Н.А. Римскому-Корсакову от 24 сентября 1901 года: «Демон у него совсем необыкновенный, не лермонтовский, а какой-то современный ницшеанец, поза лежащая головой вниз, ногами вверх, точно он скатился с какой-то скалы»[15]. В «Поверженном…» преобладают холодные («сумеречные», «вечерние») лиловые и синие цвета, заимствованные художником из византийской изобразительной системы. Лиловый цвет образуется из слияния красного и синего. Физическая природа этих цветов проникнута чувством тайны и, по мысли русских символистов дает молитву; Блок неоднократно говорил о «лиловых мирах» Врубеля: «…миры, которые были пронизаны <…> золотым светом, теряют пурпурный оттенок; как бы сквозь прорванную плотину врывается сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение этих цветов – у Врубеля)»[16].

Венец, корона, диадема – это символ царственности, а также мученичества. Корона из драгоценного металла, венец из лучей являются символами духовного просветления, достижения высшей духовной цели.

Не случайны павлиньи крылья Демона. Образ павлина в астральной символике имеет много значений, среди которых преобладают космос, звездное небо, лунный диск, солнечный круг. В христианстве павлин символизирует бессмертие, смерть, воскресение. В иконографической системе западноевропейского христианства встречается павлин, пьющий из евхаристической чаши, клюющий виноград. Широкое распространение получили изображения павлина у райского древа жизни, а также двух павлинов по сторонам мирового древа, что вызывает воспоминание с образом Малаки в езидской мифологии, обозначающим начало, превосходящее первичный дуализм, и чьим символом был павлин. Это изображение появилось в результате заимствования мусульманской культурой персидской традиции, впоследствии достигло Испании и других западных стран и символизирует двойственное начало человека, берущее силу жизни из принципа единства. В некоторых народных европейских поверьях павлин – символ несчастья, «дурной глаз». В некоторых культурах, таких как византийская и индийская, павлин считается царской птицей.

Используя все эти символы, художник достигает необходимых характеристик образа – космологичность, бессмертие, дуальность, царственность.

Если сравнивать первый монументальный образ «Демона сидящего» с «Поверженным», то можно заметить, что в сознании художника произошло изменение в его восприятии. В первой картине подчеркивается титанизм образа с его могучим телом, во второй – Демон почти бесплотен. Такая трактовка связывает Врубеля с древнерусской иконографией, в которой аскетичность плоти подчеркивала духовное горение образа.

Противоречие между величием духа и бессилием тела преобразуется у Ницше в сверхчеловека. Выразительность образа у врубелевского Демона заключается в ярком контрасте слабого, изломанного тела и величия несломленного духа. Изломанность фигуры в данном случае понимается не как результат физического падения, а как символ пережитых духовных мук, нечеловеческого нравственного страдания. Не случайно художник увенчивает голову поверженного духа диадемой, сам прошедший через сложный путь поисков образа, испытав потери, разочарования, непризнание.

«Поверженный Демон» Врубеля – страдалец, а страдание, по Ницше делает человека лучше, воспитывает его и возвышает. Так, получается, что он тот же Христос, Богочеловек, только с другой стороны – человекобог, сверхчеловек. В человекобоге индивидуальная воля приравнивается к божественной. Страданием воспитывается сверхчеловек, в страдании соединяется человек и Бог.

Поэтому одним из символов «Поверженного» становится крест (в заломленных за головой руках). Изначально крест драматичен и является антитезой Райскому Древу. Крест означает мировую ось, тот мост или лестницу, с помощью которых душа может достичь Бога. Он является утверждением взаимоотношений между миром

небесным и миром земным. Поперечная перекладина, пересекающая вертикальную стойку, означает соединение противоположностей, синтез духовной сферы с материальной жизнью. Таким образом, это символ страдания, муки и диалектической борьбы. Преобладает в значении креста соединение противоположностей: вертикальное или положительное и горизонтальное или отрицательное (высшее и низшее, жизнь и смерть).

Тема человекобога в творчестве Врубеля воплотилась в образе Демона и близка идее сверхчеловека Ф. Ницше. «Идейное сходство возникло <…> не из чтения Ницше, оно было результатом параллельного духовного развития личностей, близких по своей биологической и социальной природе»[17]. Кроме того, на рубеже веков Ницше воспринимали скорее как поэта, чем философа. Под его влиянием в культуре начала XX века воскресла античная философия и поэтика. Мифологизированные образы Аполлона и Диониса, Орфея и Эвридики, Ариадны и Минотавра, Зевса и Европы, Одиссея, Навзикаи и Пенелопы стали темами художественного творчества.

Философия Ницше является воплощение протеста против общепринятой морали («морали рабов»). Этой морали он противопоставил аристократический идеал внутренне духовно свободной, самоценной и самодостаточной личности, которая имеет право на все, без боязни осуждения Богом и человеком. Эти мысли изложены философом в трактатах «Так говорил Заратустра» (1885) и «Рождение трагедии из духа музыки» (1872).

С Ницше Врубеля роднит шопенгауэровский культ гения и героя, предпочтение трагического и трагедии в искусстве. По Ницше образ трагического героя в произведении изобразительного аналогичен взаимопереплетению аполлонического и дионисийского в греческой трагедии, тема трагедии – столкновение силы титанов с божественным правом. Ницше видит в основе трагедии противоречие между бытием аполлоническим и дионисическим, то есть конфликт, возникший между богами, но при этом он сводит дионисическое к титаническому и рассматривает их в тесной взаимосвязи.

При наличии явного сходства между философией Ницше и творчеством Врубеля имеются также и различия, которые обуславливаются спецификой различных менталитетов и культурных традиций, в которых сформировались их личности. Сверхчеловек Ницше – это абстрактная мечта о воплощении новой системы морали, которая разрушит существующую мораль. Явление сверхчеловека еще в будущем. Демон Врубеля – конкретный образ, не в прошлом или будущем, он есть всегда, вне времени и пространства.

Творческий путь Врубеля – продолжение богоискательства, характерного для русской культуры Серебряного века. Крайний предел его достигается в «Демониане», где поднимается проблема человека, смысла его существования, совершенствования, переходу к «сверхчеловеку», направление к которому было указано еще Лермонтовым.

Примечания

[1] *Блок А.А.* Памяти Врубеля // Русские писатели об изобразительном искусстве. – Л., 1976. – С. 257.

[2] Встречи с прошлым. Вып. 3. – М., 1980. – С. 402.

[3] См.: Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976. – С. 56.

[4] М.А. Врубель – А.А. Врубель, Киев, июль 1886 // Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976. – С. 48.

[5] М.А. Врубель – А.А. Врубель, Киев, октябрь 1886 // Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976. – С. 50.

[6] М.А. Врубель – А.А. Врубель, Москва, 22 мая 1890 // Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976. – С. 55.

[7] М.А. Врубель – А.А. Врубель, Москва, март, 1899 // Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976. – С. 64.

[8] М.А. Врубель – Н.А. Римскому-Корсакову, 4 сентября 1901 // Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976. – С. 91.

[9] М.А. Врубель – Е.И. Ге, Москва, 1902 // Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976. – С. 48.

[10] *Суздалев П.К.* Врубель. – М., 1991. – С.75.

[11] *Яремич С.* Михаил Александрович Врубель. – С. 140.

[12] А.М. Врубель – А.А. Врубель, Харьков, 9 августа, 1888 // Врубель М.А. Переписка. Воспоминания о художнике. – Л., 1976. – С. 120.

[13] Врубель. Переписка… – Л., 1976. – С. 304.

[14] *Суздалев П.К.* Врубель и Лермонтов. – М., 1991. – С. 167.

[15] Цит. по: *Суздалев П.К.* Врубель. – М., 1991. – С. 189.

[16] *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. – М.; Л., 1962. – Т. 5. – С. 428.

[17] *Суздалев П.К.* Врубель: Личность. Мировоззрение. Метод. – М., 1984. – С. 133.

Ю.И. Колобова

КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ КАК НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД

В ситуации роста ответственности современного человека по отношению к окружающему миру, с одной стороны, и влияния общества и культурной среды на человека, творящего собственный мир, – с другой, личностная тема приобретает масштаб, адекватный сложности самой проблемы. Личность как выражение качественной определенности человека является объектом изучения многих социальных и гуманитарных наук: социологии, философии, истории, психологии, культурологии. Не случайно исследователи обращают внимание на «энциклопедичность» и «мультидисциплинарность» характера этой проблемы[1]. Несмотря на достаточно солидный корпус исследований, относящихся к данной теме, существует множество нерешенных вопросов. Главный из них связан с отсутствием комплексной методологии, интегрирующей различные подходы к многоаспектному, целостному анализу личности.

Так, например, в *философии* категория личности принадлежит к числу фундаментальных и, вместе с тем, предельных абстракций. Человек не тождественен самому себе, поскольку личность не только рождается в бытии, не только отражает и выражает бытие, но и творит его. Она находится в процессе постоянного становления, стремится подняться над собой и выйти за свои пределы. «Личность – это не идея, не образец, не цель, не идеал: она есть то, что возникает, становится, проявляет себя в трансценденции (в выходе за пределы)»[2], которая абсолютно существенна для личности, ибо трансеценденция есть сущность духа, сущность свободы. «Личность – это *высший уровень духовного развития человека,* на котором данным индивидом в значительной степени реализуются его собственные – природные, трансцендентальные и социальной средой формируемые и стимулируемые к раскрытию – потенции, благодаря чему он фактически и в конечном итоге приобретает социальную значимость», – считает К. Акопян[3].

В различных версиях «научной философии» – от марксизма до позитивизма – человек предстает мельчайшей песчинкой мироздания, выделяющейся на фоне остального бытия только наличием разума. Личность определяется как совокупность особых системообразующих качеств человека, позволяющих ему осмысленно выстраивать свою жизнь, придавать ей ценность и смысл.

В *социологии*[4] личность определяется как устойчивая система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена общества или общности, как совокупность выполняемых индивидом социальных функций. Таким образом, личность рассматривается, прежде всего, как социальный индивид, сущность которого раскрывается в обществе. Особенностью социологического подхода является отождествление культурного с социальным, а культуры – с общественным способом бытия человека. Культура формирует личность, а личность, в свою очередь, вносит свой вклад в развитие культуры. В этой парадигме индивид в собственной деятельности распредмечивает те богатства, которые достались ему от предыдущих поколений, и опредмечивает то, что нарабатывает в процессе своей индивидуальной деятельности. В такой логике происходит прирастание культурных ценностей в социуме в целом. По мнению Н. Бердяева, личность не есть только продукт общества, совокупность общественных отношений. «Личность в человеке есть результат борьбы». Она «вырабатывается длительным процессом, выбором, вытеснением того, что во мне не есть мое «я»[5].

Трудности исследования личности в социологии и психологии продиктованы во многом тем, что эти науки, как утверждает В. Кемеров, «исходят не из бытия людей и проблем их самореализации, а из сложившейся в обществознании системы разделения труда, когда связи людей рассматриваются в социологии, а их спонтанная деятельность – в психологии»[6]. Таким образом, своеобразие социологического подхода к личности характеризуется тем, что она изучается, прежде всего, с точки зрения ее социализации.

Личность с позиции *истории* рассматривается как объект и субъект исторического процесса[7]. В последнее время наметился поворот интереса историков от «человека типичного» или «среднего»[8] к конкретной – как правило, неординарной, творчески одаренной личности. Данная

© Ю.И. Колобова, 2006

проблема лежит в русле «персональной истории» (исторической персоналогии)[9] – достаточно нового направления в исторической науке, импульс к возникновению которого дала «неудовлетворенность многих историков тенденцией к дегуманизации и деперсонализации исторических субъектов не только в социологизированной, но и в антропологизированной истории»[10]. Объектом исследования здесь выступают: личная жизнь, судьба отдельных исторических личностей, формирование и развитие их внутреннего мира, деятельность в разномасштабных промежутках пространства и времени (сторонники данного направления выбирают в качестве образцов для ориентира все – от микроистории до психоистории, от моделей рационального выбора до теорий культурной и гендерной идентичности). При этом личность выступает одновременно и как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания творимого ими исторического социума.

В *психологии,* для которой понятие личности является «родовым», до сих пор отсутствует согласованность в его интерпретации[11]. Современная психология трактует личность, главным образом, как системное качество, интегрирующее начало, связывающее воедино различные психические процессы индивида и придающее его поведению последовательность и устойчивость. Это качество приобретается индивидом в предметной деятельности и общении, характеризуя его со стороны вовлеченности в общественные отношения. Таким образом, психология, как и философия, социология, история, также имеет свой дисциплинарный ракурс в изучении личности. Она рассматривает личность как субъект жизнедеятельности, общения и самосознания. В современной научной литературе[12] можно выделить две принципиальные позиции на проблему изучения личности в психологии. Согласно одной из них все многообразие проявлений личности может быть сведено к какому-либо одному психическому явлению (типу темперамента, стилю поведения, мотивации, темпу и скорости речи и проч.), точное и адекватное изучение которого позволило бы исследовать личность в целом. В соответствии с другой точкой зрения человек как личность представляет собой системный объект, взаимодействующий с другими сложными системами (природой, обществом). Необходимость в системном подходе возникает именно тогда, когда многообразие информации, полученной о данном явлении, требует обобщения и систематизации, когда с целью создания целостной картины изучаются не только имманентно присущие объекту свойства, но и такие особенности, которые проявляются в процессе взаимодействия с другими системными объектами. Известный немецкий психолог, автор теории поля, Курт Левин считает, что исследование личности вне ее окружения, вне контекста приведет к исключению из анализа важных для понимания сущности человека свойств. Именно поэтому «вместо того, чтобы вычленять из ситуации тот или иной изолированный элемент, значимость которого невозможно оценить без рассмотрения ситуации в целом, теория поля, как правило, предпочитает начинать с характеристики ситуации в целом» и только после этого «различные аспекты и части ситуации подвергаются все более и более конкретному и детальному анализу»[13]. Рассматривая личность, психологи исследуют ее в разных планах: как некоторую качественную единицу, систему, имеющую свои специфические, уникальные черты; как часть макроструктуры (например, общества); как часть микросистем, закономерностям которых она подчиняется. С позиций психологической науки любой человек является личностью, т.е. сознательным субъектом, обладающим самосознанием. Однако в отношении некоторых людей подчас возникает впечатление, что мы имеем дело с личностью в каком-то особом смысле этого слова. Например, когда мы хотим подчеркнуть, что данный человек является личностью, то для нас это означает нечто другое и гораздо большее, чем просто индивидуальность. В таком случае возникает еще одно определение: личность – это человек, у которого есть своя позиция, свое яркое выраженное сознательное отношение к жизни, свое мировоззрение, к которому он пришел в итоге серьезной сознательной работы. Такой человек не просто выделяется в том впечатлении, которое он производит на другого, а сам сознательно выделяет себя из окружающего мира. Следовательно, в высших своих проявлениях личность отличается (и на это указывает С.Л. Рубинштейн) известной самостоятельностью мысли, небанальностью чувства, силой воли, собранностью и внутренней страстностью. Все эти характеристики, безусловно, распространяются на личность, пре-

тендующей на аксиологический статус в истории культуры.

Культурология трактует личность (и этого определения мы будем придерживаться) как «присущее индивиду психо-социальное и культурное начало, позволяющее ему активно участвовать в общественной жизни», как «продукт взаимодействия социально-культурных и психобиологических сил»[14], как определенная, свойственная данной культурной эпохе и данному обществу мера соотнесенности между культурой и индивидом.

Рассмотренные трактовки понимания личности с позиций социально-гуманитарных наук показывают, что, во-первых, существует определенная проблема «научного синтеза» знаний о личности, а, во-вторых, в каждой науке намечается тенденция к объединению подходов и методов (так философия начинает психологизироваться, социология и история – тяготеть к культурологии и психологии и т.д.). Анализ литературы, посвященный изучению личности с позиции культурологической науки, показывает, что в ней отсутствует собственно научный инструментарий, с помощью которого возможно исследование категории личности применительно к культурфилософскому, историческому, социальному и психологическому контекстам одновременно. Предлагаемый исследовательский подход, названный нами *культурологией личности,* включает в себя: анализ типологических характеристик личности конкретной культурной эпохи; рассмотрение совокупности характеристик культурной среды, формирующей и раскрывающей заложенный в личности творческий потенциал; реконструкцию биографии личности, понимаемой в качестве формы культурного творчества, без которой осмысление личности становится невозможным; исследование человеческих и культурных контактов, повлиявших – прямо или опосредованно – на мировоззрение, творчество, выбор жизненного пути личности; создание психологического портрета личности, анализ ее ментальности и поведенческого комплекса; выявление доминантных черт мировоззрения личности, ее культурологических, философско-эстетических взглядов; определение роли, места и значения личности в истории, ее ценностного вклада в культуру.

Изучение личности в культурологическом ракурсе снимает противопоставление (оппозицию) личности и культуры, выражаемую соединительным союзом *и*, центрируя контекстный фон как необходимое взаимообменное и соединительное поле коммуникации, подтверждая мысль о том, что не только культура влияет на личность, но и личность оказывает влияние на культуру, логику развития исторических процессов; что вне истории, вне времени, а значит, вне культуры личности не существует. «Культура и личность – не рядоположенные, не внешне, а внутренне соотносящиеся друг с другом понятия. Личность живет и действует в условиях культуры, культура наполняет собой личность»[15]. Культура делает человека личностью, в то время, как личность характеризует и специфизирует культуру. Рассматриваемая под культурологическим углом зрения личность раскрывается как обладающая интеллектуальным потенциалом, яркая творческая индивидуальность, реализуемая через единство биографии, коммуникации с культурной средой, совокупности мировоззренческих установок на мир, ценностной значимости.

Данный подход, на наш взгляд, призван восполнить методологический пробел не столько в отношении гениальных художников, чье наследие получило высочайшую историческую оценку, сколько в отношении тех деятелей и «культурных героев», чье значение определяется, прежде всего, их ролью «спутников», «собеседников», организаторов и вдохновителей своих великих современников (к их числу можно отнести, например, С. Дягилева, С. Мамонтова, П. Сувчинского, В. Каратыгина).

Примечания

[1] См. об этом: *Азроянц Э.А.* Проблема человека: мультидисциплинарный подход // Проблема человека: мультидисциплинарный подход. Сб. тезисов конференции. – М., 1998. – С. 6–9.

[2] *Волков В.Н.* Онтология личности: Дис. … д-ра филос. наук. – Иваново, 2001. – С. 29.

[3] *Акопян К.* Теория культуры. Учебно-методические материалы и планы семинарских занятий. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1996. – С. 65.

[4] Проблемы личности в социологическом ключе были проанализированы достаточно детально в трудах П.А. Лаврова, Е.В. де Роберти, П.А Сорокина. Интересные наблюдения о нравах, привычках, ориентациях крестьянина осуществил А.Н. Энгельгардт. Особенно значитель-

на, на наш взгляд, роль Н.К. Михайловского, который предложил рассматривать личность в трех ипостасях: биогенном, психогенном и социогенном обличии. В советский период для развития теории личности и ее социологической и социально-психологической интерпретации многое сделали Б.Г. Ананьев, В.Г. Алексеева-Харчева, Л.П. Буева, И.С. Кон, Л.А. Зеленов, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Лавриненко, А.В. Петровский, Б.Д. Парыгин, К.К. Платонов, Г.Л. Смирнов, Е.В. Шорохова, Е.Б. Шестопал, И.Т. Фролов, В.А. Ядов и др. Из методологически значимых выделим также работы: *Кон И.С.* Социологическая психология. – М., 1999; *Матвеев Ю.В.* Социальная ориентация личности. – М., 1990; *Ольшанский В.* Личность в российской социологии и психологии // Социология в России. – М., 1998.

[5] *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Мир философии. Книга для чтения. Ч. II: Человек. Общество. Культура. – М., 1991. – С. 48.

[6] *Кемеров В.Е.* Методология // Современный философский словарь. – М., 1998. – С. 488.

[7] В исторической науке распространена точка зрения, согласно которой личность возникает в конце европейского средневековья, или в эпоху Возрождения. К книге известного швейцарского историка Я. Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» восходит формула: «Ренессанс – это открытие мира и открытие человека». См.: *Буркхардт. Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. – М., 1996; а также *Павлова Н.С.* О Якобе Буркхардте // Ardor Mundi – Мировое древо. – М., 1997. – Вып. 5. – С. 75–83.

[8] Как отмечает Л.П. Репина, «историки ментальностей, пытавшиеся зафиксировать целостность исторической действительности в фокусе человеческой субъективности, сосредоточились на изучении внеличностной малоподвижной структуры общественного сознания, мира коллективных представлений, оставив «за кадром» не только историю событий, но и проблему самоидентификации личности, личностного интереса целеполагания, индивидуального рационального выбора. Между тем, ответ на вопрос, каким именно образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяют поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а, следовательно, сам ход событий и их последствия), не говоря уже о проблеме творческого начала в истории, требует выхода на уровень анализа индивидуальной деятельности» (*Репина Л.П.* «Персональная история»: биография и средство исторического познания // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. – М., 1999. – С. 76–77.

[9] Следует уточнить, что историческая персоналогия является еще и разделом исторической культурологии. Разработкой этого направления в исторической науке занимается Институт гуманитарных историко-теоретических исследований Государственного университета – Высшей школы экономики (ИГИТИ ГУ-ВШЭ) под рук. Л.П. Репиной.

[10] *Репина Л.П.* «Персональная история»: биография и средство исторического познания // Указ. изд. – С. 77.

[11] В психологии подчас происходит подмена понятий «человек», «личность, «индивид», «индивидуальность». Понятие *человека* шире понятия личности и обозначает как название биологического рода, так и субъекта познания, общения и деятельности. Термин *«индивид»* применяется в тех случаях, когда человека рассматривают как одного из многих представителей некоторой общности (группы, коллектива, вида) без указания на особые качества и условия деятельности. Понятие *«индивидуальность»* обозначает совокупность уникальных, неповторимых особенностей, которые в своем своеобразном сочетании образуют характер человека, отличающий его от других людей.

[12] См.: *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. – М., 1989; *Анцыферова Л.И.* Психология формирования и развития личности // Человек в системе наук. – М., 1989. – С. 426–433; *Асмолов А.Г.* Психология личности. – М., 1990; *Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Отв. ред. В.В. Знаков. – М.; СПб., 2002.

[13] *Левин К.* Динамическая психология. – М., 2001. – С. 253.

[14] *Соколов Э.В.* Культура и личность. – Л., 1972. – С. 6.

[15] См.: *Соколов Э.В.* Культура и личность. – Л., 1972. – С. 3.

В.Л. Лысяк

МНОГОМЕРНАЯ ПРИРОДА ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ

Проблемы собственности как базовой для развития общества представляет общественный интерес, что находит отражение в исследовании ее в философском, экономическом, юридическом, политическом, нравственном, религиозном отношении. Достаточно понятно, что история человечества в своих базовых основаниях опиралась на собственность в ее разных типах, видах и формах. Понятие собственности, серия ее предикатов создавали и продолжают создавать социальные конфликты, напряжения, противоречия в жизни общества, что характерно для его субъекта: индивидуального, группового, корпоративного, муниципального, регионального, государственного и международного.

Достаточно часто эти противоречивые объективные отношения являются следствием различного понимания и самой собственности и ее видов. Думается, что анализ собственности со всеми богатствами ее содержания (субъекты, объекты, типы отношений и пр.) именно в широком, социально-философском аспекте, является социально значимым с точки зрения государства, и общества.

Включение в обсуждение проблемы собственности научных, религиозных, общественных, политических организаций и других социальных институтов определяет необходимость интегрального рассмотрения всего комплекса проблем, характерных для института собственности, что возможно осуществить именно в рамках ее социально-философского анализа.

Особенно следует сказать об актуальности исследования трех аспектов собственности:

а) до сих пор не выявлена и не обозначена типология собственности и прежде всего основных принципов ее типологизации. Вероятно, каждого гражданина не могут удовлетворять бесконечные и неопределенные предикаты собственности: частная, личная, приватная, индивидуальная, кооперативная, государственная, акционерная, муниципальная, региональная и пр.;

б) до сих пор в научной литературе нет четкого определения объектов собственности. В основном все сводится к средствам производства. Но и сами средства производства ограничиваются предметами труда и рабочей силой, а условия труда (материальная среда производства) не включаются в состав средств производства (здания, коммуникации и пр.). Мы уж не говорим о продуктах производства, о ценных бумагах и о широко развиваемой сегодня интеллектуальной собственности с ее мощным информационным потенциалом;

в) важный аспект исследования собственности, в ее отношении к власти (государственные органы) в условиях становления гражданского общества с механизмами общественных объединений не нашел еще необходимого научного анализа.

Автором отмечены не все аспекты, выявляющие актуальность темы исследования отношений собственности, но уже и названного достаточно, чтобы определить важность поставленной проблемы. Проблема собственности на протяжении многих лет всегда интересовала исследователей не только самых различных научных областей, но и самых различных идеологических концепций. Сама многомерность объекта анализа вполне закономерно определяет и многоаспектность его исследования.

Конечно, каждый вправе выделить лишь основные направления исследования собственности в научной литературе. В этих направлениях наиболее явным и значимым являются исследования трех типов: философские, экономические и юридические, поскольку политологические, этические и социологические аспекты органично входили и входят в структуру философского исследования.

Автор исследования разделяет оценку состояния исследований проблем собственности в России и мире, данную А.М. Егоровым: «Собственность является категорией, обладающей своеобразными свойствами. Древняя как мир, она и до сих пор является предметом для споров, обсуждений, полемик, дискуссий. И особенно сейчас, в период становления и развития новых рыночных отношений этот вопрос все больше и больше вызывает интерес у юристов, политиков, экономистов»[1].

Такую оценку разделяют и другие исследователи, занимающиеся изучением собственности (С.С. Алексеев, С.Н. Братусь, Л.Н. Захарова, В. Дементьев, Ю. Сухотин, О.Ф. Шабров, Н.К. Оконская, В.Н. Барякин и др.).

© В.Л. Лысяк, 2006

Дискуссионность в отношении понятия, генезиса и типологии собственности существует во всех науках, исследующих это явление – феномен: юриспруденции, политологии, социологии, экономической теории. Автор полагает, что необходимо разработать и применить социально-философское, интегративное понимание собственности. Это обусловлено тем, что философия по природе своей выполняет мировоззренческую и методологическую функции. Собственность объективно не является локальным, частным, правовым, политическим, экономическим, нравственным образованием, а включена во всю систему социума, связана со всеми сферами жизни, затрагивает интересы всех социальных субъектов. Этот ее универсальный социально-онтологический статус и определяет необходимость социально-философского ее анализа – в первую очередь.

Необходимо определить понятие собственности как социально-философскую, а не только юридическую или экономическую категорию. Это обусловлено и известной традицией рассмотрения в рамках философии материального производства, способа производства, производственных отношений, базиса, в которых всегда фигурирует понятие собственности. Следует рассматривать определения собственности, имеющееся в философско-юридической, философско-экономической и социологической литературе, выявить их позитивные и негативные моменты, сформулировать авторское понимание этого сложного социального явления, определить его понятие, терминологию.

Не только в прошлом, но и в современной литературе не существует однозначного понимания собственности. Это тем более относится к трактовке ее происхождения, ее видов и типов, ее онтологического статуса, ее связи с естественным и позитивным правом. Это неоднозначность прослеживается в работах крупнейших мыслителей прошлого, которые писали о проблемах собственности: Цицерон, Аристотель, Гроций, Гоббс, А. Смит, Д. Локк, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс и др.

Прежде всего следует согласиться с теми авторами, которые рассматривают собственность как философскую, а не экономическую или юридическую категорию[2]. В качестве обоснования такого заключения укажем на два обстоятельства:

а) понятие собственности и ее модификации являются традиционным объектом исследования на протяжении всей истории философии, содержательно представлено в работах крупнейших философов мира;

б) понятие собственности охватывает универсальную социальную область, не сводимую к экономической, хозяйственной деятельности или к средствам производства, производственным отношениям и т.п., ибо объектами собственности, порождающими самые разные социальные конфликты в истории человечества являются не только хозяйственно-экономические ценности, но и этно-национальные, религиозные, художественные, научные, брачно-семейные, физкультурно-спортивные, образовательно-педагогические, геополитические, знако-символические, информационно-интеллектуальные ценности[3].

Необходимо концептуально-понятийное разграничение самой собственности как родового, базисного, сущностного (пусть и абстрактного) понятия и всех видов и форм ее модификации: частной, личной, семейной, индивидуальной, общественной, государственной, муниципальной, трудовой собственности. Нередко авторы вместо того, чтобы выявить и сформулировать (определить) понятие собственности вообще (родовое понятие), изучают и определяют понятие частной или государственной, семейной собственности. Если говорить по аналогии, то, вероятно, сначала надо определить понятие «природа», а потом говорить о живой и неживой природе; сформулировать понятие «капитал», а потом определять его виды: (промышленный, банковский, торговый капитал).

Двигаться надо от общего к особенному и единичному, следовать «методу восхождения от абстрактного к конкретному» (К. Маркс).

Если анализировать все представленные в литературе определения, трактовки, интерпретированные определения собственности, их можно свести к четырем группам (типам): субстрактно-вещная, естественно-правовая, позитивно-правовая, объективно-функциональная[4].

Историческо-теоретический анализ собственности не может служить основанием для построения ее типологии. Проблема типологизации объектов и знаний о них является методологической, понимая под методологией исследования систему принципов исследования, которые не могут быть исторически выведены, хотя предполагают теоретические основания для их формулирования. «Оборачивание теории в метод» означает, что теоретический анализ объек-

та дает лишь субъективный образ, субъективную модель бытия объекта и предстоит решить задачу трансформации теории в метод, т.е. в ту систему принципов интеллектуальной и практической деятельности субъекта, которой он сможет руководствоваться.

В специальной литературе до сих пор дискутируется проблема формирования принципов, критериев, оснований типологизации собственности. типичным является эмпирический подход, представленный: не аргументированным перечнем типов, видов, форм собственности: частная, общественная, региональная, республиканская, личная, индивидуальная, муниципальная, государственная, акционерная, смешанная, кооперативная, коллективная и т.д.

Подобный перечень (суммативный подход) основан на субъектном основании: субъект – личность, субъект – государство, субъект – коллектив, субъект – муниципалитет.

Даже выделение таксонов (единиц множества) собственности – до настоящего времени – открытая проблема. Тип, вид, форма – это разные понятия классификационной структуры.

Логика методологического исследования любой проблемы предполагает переход от суммативного подхода к типологическому, от него – к классификационному и может завершаться систематизацией множества, совокупности. Это хорошо видно на примере построения периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева.

Подобный подход позволяет обосновать возможность и необходимость именно многомерного понимания отношений собственности, что требует использования социально-философского потенциала в ее осмыслении:

– необходимости поставить и решить вопрос о выделении принципов типологизации собственности, которые сводятся к шести: субъектный, объектный, характер труда, способ распределения, легитимность и национальный статус;

– на основе выделенных и обоснованных принципов типологизации собственности, отражающих ее многомерную природу, предлагается комплексная типология собственности, основанная на диалектической поляризации ее базовых отношений;

– учитывая, что отношения собственности со всей их многомерностью являются ядром социальной интеграции, можно анализировать многомерные и многоаспектные возможности регулирования отношений государства и различных субъектов собственности, опираясь на существующие нормативно-правовые документы.

Теоретическая и практическая значимость исследований в этой области определяется актуальностью проблемы, основными положениями о том, что собственность выступает не только как предмет гражданско-правового функционирования общества, не только как средство производства, но и как широкий социальный феномен. Требующий серьезного социально-правового отношения к ней. Не всегда экономисты и юристы компетентны оказать консультативные и иные услуги физическим и юридическим лицам в решении проблем, связанных с собственностью, потому что не отработан понятийный аппарат, не совершенно законодательство. Важную роль в решении этих проблем призваны сыграть, не только теоретические общефилософские исследования, но и в учебных заведениях спецкурсы по проблемам собственности, специальные консультативные пункты и центры, обеспеченные высококвалифицированными специалистами, новейшей методикой и современной методологией.

Осуществленное социально-философское исследование многомерной природы отношений собственности позволяет сделать несколько выводов:

1. Анализ научной литературы и практики общественной жизни убеждает в том, проблемы собственности была и остается актуальной в научно-теоретическом отношении и с точки зрения высокой политики и обыденного сознания. Сам факт существования множества определений собственности и ее типов подтверждает возможность различной мировоззренческой, идеологической ее трактовки, ибо сам феномен многомерен.

2. Совершенно закономерное функционирование общества любого типа, основано на разнообразном понимании собственности и на здоровой конкуренции различных форм собственности, каждая из которых должна доказывать свою социальную жизнеспособность в конкретных сферах общественной жизни.

3. Многообразие определений собственности, установленных и исследованных в ряде работ[5], свидетельствует не только о различии субъективных, идеологических подходов к данному явлению, но и о том, что сам объект – «собственности» – сложное социальное явление, многомерное по своей социальной природе. Следовательно, можно выделять различные аспек-

ты, грани этого объекта и трактовать собственность многообразно. В связи с этим, прежде всего, в ряде исследований[6] представлено разделение экономической и юридической трактовки собственности. С экономической точки зрения – собственность это объективное отношение между субъектами по поводу «присвоения» – отчуждения» какого-либо объекта. Это объективное отношение в условиях государственно-правовой структуры находит свое юридическое (законоправное) оформление в праве, в позитивном праве. Именно здесь и тогда возникают юридические формы собственности как право владения, использования и распоряжения каким-то объектом. Правовое оформление собственности исторически меняется, но важно учитывать, что вторичная форма бытия собственности – правовая.

4. В современной литературе нет общепризнанного толкования объекта собственности. В основном все сводится к средствам производства (структура которых тоже еще не выяснена). Автор[7] исходя из современной ситуации выделяет пять возможных объектов собственности: средства производства, рабочая сила, продукты производства, ценные бумаги и интеллектуальные новации. При содержательной интерпретации данных объектов можно сделать вывод об их конечном перечне.

5. Важной частью исследования автора – это решение проблемы типологизации собственности, поскольку данная проблема в современной литературе находится в аморфном состоянии. В авторских исследованиях и на базе научных идей Нижегородского Философского Клуба[8] (который существует с 1969 г.; более 200 монографий и свыше 3000 статей; основатель и руководитель доктор философских наук, профессор Л.А. Зеленов) прежде всего внимание обращено на анализ принципов типологизации: субъектный, объектный, характер труда, характер распространения, легитимность, национальный характер.

6. С социально-философской точки зрения принципиальное значение имело рассмотрение отношения собственности и власти, выражение позиции власти, властных органов через посредство политико-правовой их компетенции к возможности и необходимости государственного регулирования собственнических отношений, а вместе с ним и всей экономической сферы общества, а значит и других сфер[9].

Анализ указанных общественных отношений собственности осуществлялся автором не только на базе имеющейся научной литературы[10], но и путем исследования действующего российского законодательства, сложившейся судебной практики, правовой литературы, монографий, сравнительным анализом концепций различных авторов по данной проблеме.

Примечания

[1] *Егоров А.М.* О праве собственности: развитие учения о собственности // Сб. науч. тр. Чебоксарского филиала ЮИ МВД РФ. – Чебоксары, 1997. – С. 6.

[2] *Оконская Н.К.* Интеллектуальная собственность: социально-философское обоснование. – Пермь: ПТГУ, 1998. – С. 8.

[3] См. напр.: *Лысяк В.Л.* Собственность в российском менталитете // II Международная Нижегородская ярмарка идей. XXVII академический симпозиум «Россия в культуре мира». Тезисы докладов. – Н. Новгород: ННГАСУ: Общероссийская академия человековедения, 1999. – С. 71–73; *Лысяк В.Л.* Религия и собственность // Христианство в истории человечества. Тезисы докладов Третьей Международной ярмарки идей. XXVII академического симпозиума. – Н. Новгород: ННГАСУ: Общероссийская академия человековедения, 2000. – С. 330–331.

[4] См. напр.: *Горелова В.Н.* Обыденное сознание как философская проблема. – Пермь: ПТГУ, 1995; *Кант И.* Метафизика нравов // Соч. Т. 4. Ч. 2. – М.: Мысль, 1965; *Горланов Г.И.* Экономическое содержание общенародной собственности и механизм ее реализации // Вопросы экономики. – 1998. – №3. – С. 37; *Владимиров А.А.* Высшая школа как социальный институт гражданского общества. – Н. Новгород: ВГАВТ, 2001. – С. 7–23; *Гегель Г.* Философия права. – М., 1990. – С. 109; *Исаев И.А.* История государства и права России. – М., 2003. – С. 172; *Захарова Л.Н.* Собственность и личность. – Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1998. – С. 35–522; *Шулындин В.П.* Марксизм, социализм и проблемы собственности // Великий октябрь и современная Россия. – Н. Новгород: Руссо, 1997. – С. 195.

[5] *Фетодов Е.В., Лысяк В.Л.* Генезис собственности – генезис человечества // Материалы V научно-богословского симпозиума цикла «Диалог мировоззрений». – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 1999. – С. 140–141.

[6] См. напр.: *Борисов Е.Ф.* Экономическая теория: Учебник. – М.: Юристь, 1997; *Суханов Е.А.*

Гражданское право. В 4 т. Т. 2. – М.: Волтерс Клувер; Изд-во МГУ, 2005; *Сажина М.А., Чибриков Г.Г.* Экономическая теория: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2005.

[7] *Лысяк В.Л.* Собственность в России: современные ее особенности // Законы экономической сферы общества: Материалы 9-ой Международной Нижегородской Ярмарки идей, 34 Академического симпозиума. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2006. – С. 405–412.

[8] *Зеленов Л.А.* Итоги научной деятельности Нижегородского Философского клуба. – Н. Новгород: Изд-во Гладкова О.В., 2006.

[9] *Лысяк В.Л.* Основные аспекты защиты права собственности // Проблемы обновления России. – М.; Н. Новгород: Изд-во МЮИ при МЮ РФ, 2006. – С. 368–374.

[10] См., напр. материалы: *Шахматова Ф.И.* Государство и экономика (власть и бизнес). – М., 1999. – С. 223; *Дедов Д.И.* Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. – М., 2003. – С. 10–11; *Андреева Л.В.* Коммерческое право России: проблемы правового регулирования. – М., 2004. – С. 218–239; *Андреев В.К.* Право государственной собственности в России. – М., 2004; Управление государственной собственностью: Учебник / Под ред. В.И. Кошкина, В.М. Шупыро. – М., 1997. – С. 48; *Пикулькин А.В.* Система государственного управления. – М., 2000. – С. 172; *Орехова Т.Р.* Правовое воздействие на экономику: понятие и формы // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 11. Право. – 2000. – №1. – С. 67; *Братановский С.Н.* Роль и пределы государственного регулирования организации и деятельности потребительской кооперации в условиях перехода к рыночным отношениям // Государство и право. – 2001. – №8. – С. 3; *Мишин М.И.* К вопросу о классификации метода социального государственного управления // Теоретические проблемы социального управления. Вып. 2. – М., 1968. – С. 73; *Субетто А.И.* Глобальный империализм и неосферно-социалистическая альтернатива. – СПб.; Кострома: Изд-во «Астерион»; КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – С. 23, С. 50, С. 67, С. 70; Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова: В 4 т. Изд-во: Волтерс Клувер МГУ, 2005.

Г.М. Кузицын

КРИТЕРИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ)

Культурный прогресс человечества занимает особое место в структуре философского знания. Это обусловлено тем, что дефиниция *ПРОГРЕСС* рассматривается в генезисе с такими категориями как регресс, движение, развитие, эволюция, революция, подъем, спад и др. Многоаспектность прогресса (онтологический, аксиологический, прогностический, этимологический, экономический, нравственный, эстетический, религиозный, экологический, космологический и т.п.) выдвигает его в самостоятельный комплексный предмет философской рефлексии. Философия выступает как *рефлексия*, направленная на раскрытие «сущностных сил» как человека и человечества, так и отдельных цивилизаций, социально-экономических систем и социальных институтов.

При исследовании данной проблемы автор исходит из следующих методологических принципов: а) признание единства культурно-исторического процесса; б) признание объективных закономерностей в культурном прогрессе; в) признание определяющей роли объективных условий в прогрессе цивилизации; г) признание существенной роли субъективных факторов в культурном прогрессе; д) признание неодолимости поступательного движения человечества; е) признание диалектически противоречивого характера культурного прогресса; ж) системности.

Категория «культурный прогресс» включает в себя сущность различных видов и типов прогрессов – «общественного», «социального», «научно-технического», «духовного», «нравственного» и т.п. Данный методологический принцип определяется родовой, универсальной категорией «культура». Гносеологические аспекты обоснования в научном познании определяются обобщениям более высокого уровня, на чем и основано теоретическое знание, и выдвижение гипотез[1]. В формировании гипотезы существенную роль играют

© Г.М. Кузицын, 2006

принятые исследователем основания (идеалы познания и Картина Мира), которые целенаправляют творческий поиск ученого, генерируя исследовательские задачи и очерчивая область средств их решения[2]. Принцип основания, диктуемый формальной логикой, применяется в теоретической и практической деятельности.

Сущность культурного прогресса зависит от совокупности социально-экономических и культурных условий его протекания. Культурный прогресс это не прогресс духовного производства или духовной культуры, а созидательный процесс человеческой деятельности, главная сущность которого состоит в разрешении противоречий (в теории) и преодолении регрессивных отклонений в культурно-историческом процессе (на практике), что и составляет универсальный КУЛЬТУРНЫЙ процесс человеческой деятельности.

Сущность культурного прогресса и функциональные особенности его критериев находятся в диалектическом взаимодействии. Системный подход к данной проблеме позволяет сделать вывод, что аспекты культурного прогресса представляют собой генетически единую органическую систему с определенными особенностями, так как их объектом является единая социокультурная реальность. Культурный прогресс приобретает форму всеобщности, а, следовательно, становится законом развития человеческого общества. Культурный прогресс фиксирует не только гармонию, но и дисгармонию системы «природа–общество–человек».

Многоаспектность критериев КПЧ подтверждает междисциплинарный подход к его исследованию, основанному на общей и частных онтологиях. Как указывал К. Маркс, прогресс определяется его критериями, как законами – тенденциями развития: повышение–понижение[3]. Повышение или понижение в динамике развития объекта характеризуется аспектами, т.е. различными качественными признаками и свойствами сущности объекта.

Аспект (aspektus – взгляд, вид) – точка зрения, с которой рассматривается предмет, явление. Впервые проблему культурного прогресса в различных аспектах осветил А.И. Арнольдов (Доклад № 100. Международный социологический конгресс. Варна, 1970 год). Сущность аспекта критерия определяется его родовым смысловым понятием: гносеологический – познавательный и т.п. Анализ научной литературы позволяет выдвинуть типологию аспектов КПЧ. Ведущее место в этой системе занимают диалектико-материалистический, гносеологический, антропологический, исторический, этнографический, космологический, духовно-интеллектуальный, информационно-технократический, количественный, качественный, математико-статистический, синергетический, системный, философско-генетический, футурологический, психологический, нравственно-эстетический, научно-технический, цивилизационный, глобальный – общепланетарный, аксиолого-деятельностный, прогностический аспекты. Следует заметить, что очень трудно определить иерархию аспектов по их значимости и функциональности. На каждом историческом отрезке они могут находиться или в корреляции, или меняться местами. У философа в данной иерархии гносеологический, диалектико-материалистический, космологический, системный, синергетический, генетический и футурологический аспекты займут ведущее место, у социолога ведущими могут стать количественный, математико-статистический, экономический, прогностический и т.п. аспекты. При этом следует заметить, что для частных онтологий данная классификация не будет полной и всесторонней.

Диалектико-материалистические аспекты КПЧ рассматриваются представителями различных отраслей наук. Особое внимание следует уделить работам С.Н. Артановского., А.Н. Бугреева., Ф.Ф. Вяккерева, В.А. Кайдалова, М.П. Козлова, С.Т. Мелюхина, В.В. Орлова, Т.И. Ящука и некоторых других.

Оптимизм диалектико-материалистической концепции культурного прогресса основан на всестороннем анализе человеческого общества, его прошлого и настоящего на принципах исторического материализма. Основу философской концепции исторического материализма составляет распространение принципов диалектического материализма на область общественных явлений. Общественная деятельность людей происходит в конкретных исторических условиях, в которых каждое новое поколение людей изменяет эти условия и «…тем самым образуется история человечества, которая тем более становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а, следовательно, и их общественные отношения»[4]. Производственные отношения составляют базис, материальную основу, на котором возвышается

политическая и идеологическая настройка. Причиной существования классов и классовой борьбы является частная собственность на средства производства, а государство служит орудием эксплуататорских классов, отстаивающих их интересы. Развитие общественно-экономических формаций представляет собой процесс восхождения и «…развития человеческого общества от низшей ступени к высшей»[5]. Люди действуют не в абстрактных, а в конкретных исторических условиях, а история не сражается ни в каких битвах, за все сражается, за все борется действительный, живой человек, наделенный сознанием[6]. С целью преобразования окружающей действительности и своего общественного бытия, человек, замечает В.А. Кайдалов, проявляет «*...субстанционально-сущностный аспект активности*»[7]. В дальнейшем В.А. Кайдалов углубляет и дополняет данное утверждение, считая, что деятельная активность должна быть творческой, созидательной, что и составляет сущность культуры и преобразовательной деятельности человека[8].

Гносеологическая интерпретация культурного прогресса человечества и его критериев является одной из самых сложнейших методологических проблем. В гносеологическом аспекте объект культурного прогресса конечен, т.к. наши знания о нем ограничены «объективно-историческими условиями, субъективно-физическими и духовными способностями» исследователя[9].

Гносеологические аспекты обоснования критериев культурного прогресса не только вскрывают сущность человечества, но и служат индикаторами стратегии и тактики познания мировых процессов. Наиболее остро отсутствие четкой философской теория обоснования прогресса проявилось в онтологии, научном познании Картины Мира (В.С. Стёпин). Процесс научного обоснования осуществляется по двум главным направлениям: обоснованию системой научных фактов и обоснованию обобщениями более высокого уровня (Н.И. Алиев). При рассмотрении КПЧ через призму гносеологических аспектов исследователь должен абстрагироваться от частных явлений и проблем человеческой цивилизации, и сосредоточить свое внимание на стратегических объектах познания – экономика, политика, экология, сотрудничество на принципах гуманизма, Мир, Счастье, Равенство, Свобода.

Философско-генетические аспекты наименее изучены (Ю.П. Алтухов, Б.Г. Ананьев, Ж. Бейсон, Б.Т. Григорьян, Н.П. Дубинин, Д.И., И.И. Шмальгаузен, И.Т. Фролов и др.). Социально-генетический аспект предполагает выяснение влияния культурного прогресса общества и личности на биологическое и социальное в человеке (Ж. Бейсон, Н.П. Дубинин, И.Т. Фролов). Концепция о взаимодействии социальных и биологических закономерностей в процессе антропогенеза и его качественных этапов находит все более пристальное внимание ученых различных отраслей наук. Человек представляет собой целостный биосоциальный организм, изучение которого должно быть основано на междисциплинарном уровне. Всемерное развитие культуры – это объективное средство преодоления противоречий между природой и обществом. Общественная система как форма, наполненная реальными духовными процессами, содержанием – культурой, представляет собой единый биосоциальный монолит[10].

Социально-генетический аспект культурного прогресса представляет собой логическую категорию, которая раскрывается в преемственности, прерывности и непрерывности, противоречиях объективных условий и субъективных факторов в развитии человечества. Отечественные ученые пришли к выводу (Н.П. Дубинин, Д.И. Дубровский, В.В. Орлов, И.Т. Фролов и др.), что социальное в человеке заложено в программе социального наследования, биологическое – в генетической программе. Преобразуя социальную среду, человек преобразует и собственную природу, состоящую из биологической и социальной программ наследования. Материальные и духовные условия изменяют физический, физиологический и интеллектуальный фенотип людей. Как в масштабе индивида, так и на уровне клетки, фенотип представляет собой результат взаимодействия между генотипом и средой. Из этого следует, что социально-культурная «…среда создает вокруг генетической программы постоянный фон, вследствие чего количественное выражение этой программы более или менее отклоняется от идеального значения»[11]. Сведение человеческой деструктивности к анатомии, что и отстаивает Э. Фромм, вступает в противоречие с марксистским положением: воспитатель, т.е. общество, сам должен быть воспитанным. На что неоднократно обращал внимание И.Т. Фролов. Общественно-психологическая рефлексология, по В.М. Бехтереву, определяется условиями жизнедеятельности человека.

На этой же позиции стоял и известный русский ученый П.К. Анохин.

Аксиологический, ценностный аспект человеческой деятельности, как один из критериев КПЧ, изучается представителями различных наук. Среди многочисленных исследований следует выделить работы В.Г. Буданова, Л.П. Буевой, Г.П. Выжлецова, Г. Думитру, М.С. Кагана, К.Р. Кветного, Л.Н. Когана, А.Н. Леонтьева, Т. Парсонса, В.В. Орлова, А. Печчеи, С.В. Поросенкова, Ж.П. Сартра, И.И. Яценко и других. Положительные качества человека «деятельного» (В.Г. Буданов), нравственные качества человека (А. Печчеи), «культурные измерения» человека (Г. Думитру), целеполагания, философия ценностей и смысл человеческой жизни (М.С. Каган, Л.Н. Коган, А.И. Яценко) и т.п. критерии и показатели КПЧ могут стать индикаторами мировой цивилизации только в целостной, системной мере (А.Н. Аверьянов, И.В. Бестужев-Лада, В.П. Кузьмин, Г.П. Щедровицкий). Любой из представленных критериев не дадут целостной Картины Жизни человечества, тем более что ценности и оценки исторически преходящи (Дж. Холтон)).

При всем обилие литературы нравственно-эстетические аспекты недостаточно проработаны. Критерий нравственного прогресса под напором объективной реальности был повержен (А.И. Титаренко), гуманистические качества человека, воспетые учеными Римского Клуба (А. Печчеи), отступили перед жестокой реальностью потребительского общества (К. Поппер, Ф. Фукуяма). Гармония и противоречия социального и нравственного прогресса лишь подтверждают диалектические аспекты прогресса (В.А. Кувакин). Коммуникативно-эстетические функции культуры не стали критериями культурного прогресса (И.Л. Савранский). Как и вся культура, они носят прикладной, обслуживающий характер социально-экономической формации и современной цивилизации (С.П. Расторгуев), как отражение антропологического аспекта насилия (В.В. Бочаров).

Синергетические аспекты цивилизации и культуры находятся в начальной стадии исследования. Несмотря на то, что в последнее время появилось большое количество публикаций, посвященных синергетике (С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, А.Ю. Лоскутов, А.П. Назаретян, И. Пригожин, В.С. Стёпин, Г. Хакен), до сих пор нет четкого и целостного ответа на многие глобальные проблемы человечества. Нелинейность развития, бифуркации, хаос, стихийность и закономерность рассматривались и в материалистической диалектике. Общественные процессы мировой цивилизации не могут развиваться по принципу «из хаоса рождается порядок». Марксизм стоит на позиции: исторические процессы познаваемы, сознательная деятельность людей должна быть основана на познанных законах и принципах развития природы, общества и мышления.

Глобальные аспекты критериев культурного прогресса человечества позволяют определить стратегические направления в развитии мировой цивилизации. Проблемы глобалистики рассматривались К.Э. Циолковским, В.И. Вернадским, А.Ф. Зотовым, Г.А. Зюгановым, М.Г. Делягиным, Э.Г. Кочетовым, Н.Н. Моисеевым, А.С. Панариным, И.А. Родионовой, В.И. Самохваловой, Я.В. Рейзема, А.Н. Чумаковым и другими. Примыкает к ним цивилизационные и техногенно-цивилизационные аспекты критериев КПЧ (В.С. Стёпин, А.И. Кравченко, Ш. Эйзенштадт, Ю.В. Яковец).

Исследования С.С. Арнольди, В.М. Межуева, Н.С. Злобина, К.Ясперса, С.Н. Артановского, Г.Д. Гачева, Л.Н. Гумилева, В.С. Барулина, К. Вальверде, П.С. Гуревича, С.П. Макарычева, С.А. Смирнова акцентируют внимание на исторические, этнографические и антропологические аспекты КПЧ. Анализ данных работ показывает, что конкретная историческая эпоха и историческое время выдвигают и обосновывают свои, присущие этому времени критерии и показатели пассионарности этноса и личности, как движущих сил КПЧ (Л.Н. Гумилев).

Духовные, интеллектуальные аспекты (Н.А. Бердяев, В.В. Орлов, Х. Патнем, Э. Фромм, А.И. Арнольдов, Э.А. Баллер и др.) конкретизируют показатели культурного прогресса в духовном производстве и потреблении (литературном, театральном, музыкальном и т.п.). В этом направлении переплелись количественные, качественные, математико-статистические и т.п. критерии и показатели культурного прогресса (Н.А. Бердяев, К.М. Кантор, М.А. Парнюк, В.В. Орлов, Хилари Патнем, Э. Фромм). Математико-статистические показатели указывают на наличие того или иного качества, свойства или признака объекта, служат аргументами для тезисов – критериев. В 70-е годы XX века в СССР особое внимание уделялось количественным показателям социаль-

ного и духовного прогресса (А.И. Арнольдов, Э.А. Баллер, Л.Н. Коган, З.И. Файнбург и др.).

Информационно-технократический аспект характеризуют развитие общественных систем с позиций доступности в получении информации (Д. Белл, М. Кастельс), предоставляемой «открытым обществом» (К. Поппер). Замаскированность философии информационной войны с идеологической окраской вскрыл С.П. Расторгуев[12].

Футурологические аспекты человечества рассматриваются не только отдельными авторами (И.В. Бестужев-Лада, А.Ф. Зотов, С.П. Капица, В.В. Ильин, Е.В. Лунин, Н.Н. Моисеев, В.С. Степин и др.), но и на многочисленных научных конференциях. Пессимистический взгляд на будущее человеческой цивилизации (А.И. Белов, Н.А. Бердяев и др.), с одной стороны, признает прогресс на определенном историческом этапе, а с другой, утверждается, что «прогресс, ведущий в никуда» (А.И. Белов). Иными словами прогресс не имеет цели смысла, как у Н.А. Бердяева: «счастье не может быть целью прогресса», следовательно, у прогресса нет цели.

Космологический аспект культурного прогресса представлен когортой ученых, представляющих различные течения и школы древнего мира и современности (Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, А.С. Кармин, В.П. Казначеев, В.В. Казютинский, Р.Е. Ровинский, А.Л. Чижевский, К.Э. Циолковский, И.С. Шкловский и др.). Выдающиеся представители русской философской мысли земную жизнь связывали с будущей экспансией в космос (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, И.С. Шкловский). Одним из толчков в разработке космологических аспектов человеческой деятельности явилось утверждение Ф. Энгельса: «...Материя в своем вечном круговороте движется согласно законам, которые на определенной ступени – то тут, то там – с необходимостью порождают в органических существах мыслящий дух»[13]. Высшей задачей исторического мышления, писал русский историк и философ-богослов Л.П. Карсавин, является познание всего Космоса, всего человечества как единого развивающегося субъекта, всепространственного и всевременного. Космологию духа развивает Э.В. Ильенков. «Актуально, мыслящий мозг всегда существует в лоне бесконечности одновременно во всех фазах своего развития: в одних точках – в стадиях возникновения, в других – в фазе заката, в-третьих, – на ступени высшего расцвета своего развития и могущества»[14]. Космологические и земные истоки феномена человека рассмотрены В.П. Казначеевым. Прогнозы будущего техногенной цивилизации сквозь призму ценностной ориентации современного космизма представил В.В. Казютинский. На оборотную сторону цивилизации в планетарном масштабе обращает внимание и ЮНЕСКО.

Космологический аспект деятельности человека для судеб мира рассмотрела В.И. Самохвалова[15]. Выдающиеся русские ученые К.Э. Циолковский и А.Л. Чижевский считали, что глобальные социально-культурные процессы на планете происходят под влиянием космических факторов. Поэтому, одна из проблем человечества: изучить и научиться предвидеть не только позитивные, но и негативные факторы воздействия Космоса на человечество (теория гелиотараксии А. Чижевского).

Космология, считает И. Пригожин, должна опираться на теорию неустойчивых динамических систем. И. Пригожин и А.Н. Уайтхед высказали мысль о том, что человеческая деятельность приобретает форму развивающихся динамических систем. При этом Уайтхед утверждает: «Созидание есть актуализация потенциальности, и процесс актуализации есть событие человеческого опыта... Процесс созидания есть форма проявления единства Вселенной»[16].

Все аспекты культурного прогресса находятся в генетической монолитности развернутых структур критериев культурного прогресса и их сущности. Нормативное видение будущего определяется критериями культурного прогресса. Предвидеть тенденцию развития – это, значит, учесть все прогрессивные и регрессивные результаты общественной деятельности, составляющие момент движения вперед. В многочисленных источниках рассматриваются типы прогнозов культурного прогресса: текущие и краткосрочные (общества и подсистем); сверх- и долгосрочные (для интегральных систем – человечества). За основу классификации прогнозов берется целевой критерий – для чего, с какой целью. И.В. Бестужев-Лада выделяет два типа прогнозов: поисковый и нормативный. Большую роль при разработке прогноза играет «принятие решения» как одного из критериев культурного прогресса, вскрывающего нормативный, управленческий аспект социального действия и предвидения, так как именно здесь реализуется критерий свободы познания (И.А. Бычко). Низкую

оценку культуре принятия решений и управления, как критерию прогресса России, выставляет О. Савельзон[17].

Как указывает И.В. Бестужев-Лада, назрела пора перейти к качественно-количественным оценкам анализа, диагноза и прогноза культурного прогресса. В ключе нашего исследования и утверждение: без определения сущности понятий «культура» и «прогресс» невозможно выявление критериев и показателей культурного прогресса, без чего немыслима выработка рекомендаций для социального планирования, для управления социальными процессами. Критерии культурного прогресса выполняют методологическую роль в разработке основных этапов социального прогноза: предпрогнозная ориентация – сбор исходных данных и построение исходной модели прогнозируемого явления(диагностика) – сбор данных прогностического фона – поисковый прогноз – нормативный прогноз – верификация прогнозов – выработка рекомендаций для управления всеми процессами[18]. Критерии культурного прогресса при этом выполняют объяснительную, предсказательную, синтезирующую, методологическую и технологическую функции.

Обладая своими особенностями, функции культурного прогресса находятся в диалектическом единстве, а в наиболее общем виде – единстве теории и практики. Это положение распространяется и на сущность критериев культурного прогресса: а) объективность, истинность критерия; б) всеобщность, универсальность; в) комплексность; г) диагностика особенностей прогнозирования в различных областях и социальных сферах; д) диалектика материального и духовного производства; е) ориентиры – идеалы в прогнозировании и проектировании мировых процессов; ж) определение оптимальной модели социально-культурного развития человечества; з) прогнозирование генеральных направлений международной общественной деятельности; и) общеметодологическая основа в анализе базиса и надстройки; к) критерии являются индикаторами движения и развития человечества.

Критерии культурного прогресса, как ориентиры прогноза, становятся острым идеологическим оружием. Социальное предвидение не может быть неидеологическим, во всех мировых процессах оно носит социально-значимый характер. Особую идеологическую остроту критерии культурного прогресса приобретают тогда, когда они вскрывают сущность экономической формации, всех социальных систем мировой цивилизации, ее прошлое, настоящее и тенденцию в развитии.

Критерии культурного прогресса не только измерители бывшей и настоящей деятельности. Раскрывая свои прогностические аспекты, они обладают не только функциями управления, но и сами выступают критериями культуры управления (О. Савельзон). Сознательная постановка целей требует от мирового сообщества изучения не только мотивов практической деятельности огромных масс людей, но и степени их культурности, творчества, политической зрелости. Общественное сознание как критерий культурного прогресса является основой формирования объективного фактора, но не им самим. Оно становимся им лишь тогда, когда выступает управляющей силой деятельностью партий, классов, общественных объединений и организаций населения.

Культурный всеобщий прогресс человечества оценивается по мере достижения той или иной степени совершенства, вскрываемой сущности критериев и их различных аспектов. Культурный прогресс никогда не сможет достичь своего абстрактного обобщенного идеала, измеряемого критериями. Это качественное саморазвитие и самодвижение будет бесконечным, абсолютным, относительность же его конкретна только для определенной эпохи или замкнутой подсистемы или системы. Действительность внесет свои более совершенные коррективы, а практика и наука выдвинут новые критерии общественной практической деятельности. Таким образом, развитие критериев происходит по замкнутой кольцевой структуре «критерии – цель – прогноз – результат – критерии».

Критерии культурного прогресса истинны только для прошлого, относительно истинны для настоящего и в, общих чертах, для далекого будущего. В специальное литературе в общей связи с критериями уделяется внимание проблеме изучения культурного идеала[19]. Культурный высший идеал должен иметь глобальную характеристику и сам должен быть глобальным. Такому требованию отвечает идеал *мир и счастье человечества.* Но, «если не свести идеалы к фактам, – писал В.И. Ленин, – то эти идеалы останутся невинными пожеланиями без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление»[20].

Критерии культурного прогресса могут стать реальной силой и методологической основой дол-

госрочного планирования и прогнозирования во всем мире и отдельных его регионах при условии, что они станут достоянием широких народных масс, а их сущность всесторонне изучена, а затем разработана технология их применения. Проектирование и моделирование культурного прогресса предполагают знание критериев и показателей прогресса. Принцип деятельности становится ясным и конкретным по прошедшей истории человечества и выступает законом, менее четким критерием в настоящем и размытым в будущем.

Анализ проблемы культурного прогресса и его критериев связан с определением целей и идеалов общества и индивидов, которое имеет два самостоятельных аспекта: методологический и содержательный. Первый состоит во всестороннем изучении процессов целеполагания, второй может быть выражен в разработке целостной системы критериев. Он вызван усложнением и увеличением задач, требуемых от науки разработки социальных, экономических и т.п. критериев, т.к. только одна система отраслевых критериев не в состоянии оценить систему или полисистемные объекты.

В исследовании проблем культурного прогресса можно выделить четыре аспекта:

1. Качественный анализ. Его цель выявить всю совокупность ценностно-ориентационных аспектов на основе принципа гуманизации характеристик системы. Этот аспект имеет социально-идеологическую и нравственную значимость. В методологическом плане этот аспект должен опираться на общечеловеческие стандарты достигнутого.

2. Количественный анализ. Его задача – определить «силу» достигнутого материального и духовного богатства, масштаб охваченного пространства, времени и населения.

3. Структурно-функциональный анализ. Его цель – определить глубину культурного прогресса, его многоплановость, охваченность социальных институтов прогрессом и регрессом.

4. Анализ диалектики состоит в определении тенденции развития, результатов прогресса: «всеобщего прогресса» – «частичного прогресса» – «сохранение проблем» (т.е. статика) – «разрешение противоречий».

Критерии прогресса культуры являются частными, единичными, обобщенными же могут быть только критерии культурного прогресса. Поиск комплексных и частных критериев в отдельных областях духовной культуры оправдан их спецификой и будет, на наш взгляд, идти двумя путями – специализацией и интеграцией.

Гносеологический аспект предполагает изучение культурного прогресса всеми науками о природе, обществе и человеке, предъявляет такие универсальные требования к критериям, которые бы содержали достижения конкретных наук в оценке социокультурной реальности. Гносеологический аспект, как доминирующий, предполагает рассмотрение культурного прогресса как объективно-субъективного процесса проявляющийся в определенном пространстве и во времени. Парадокс развития заключается в том, что в масштабе макро- и микромира может «развиваться» регресс, а в масштабах ВСЕЛЕННОЙ, как полисистемного объекта, доминировать прогресс. Категории социального пространства и времени есть методологические средства в походе к анализу сущности культурного прогресса макросистемы.

Космологический аспект опирается на категории пространство и время. Анализ конечного и бесконечного рассматривается в диалектике всеобщего и единичного, отражаемое в категориях «пространство» и «время»[21]. Пространство и время можно рассматривать как диалектико-логические категории, характеризующие единичность в ее непосредственной несводимости к всеобщему[22].

Социальная протяженность культурного прогресса очень сложное и многоаспектное понятие. Социальное пространство и время через социальную протяженность и длительность (вертикально/горизонтальные процессы) регрессивных явлений могут служить своеобразным *индикатором культурного прогресса* человечества. Поэтому рассмотрение проблемы культурного прогресса и его критериев возможно только в единстве указанных категорий, поскольку, «движение есть сущность пространства и времени..., – писал В.И. Ленин, – есть единство прерывности (пространства и времени) и непрерывности (пространства и времени)»[23].

Содержание социального пространства задается социально-политической и классовой структурой экономической формации. Социальное пространство существующих социальных процессов и образований, социальное время – всеобщая форма смены их. Время есть длительность социальных процессов, их темп, скорость, ритм и т.п, – так характеризовал А.И. Яценко объективно-субъективный характер этих категорий. Он связан с тем, что через эти формы разверты-

вается движение общественного бытия и общественного сознания, мышления отдельных людей, которые могут быть измерены и оценены, ибо «пространство-время» фиксирует все содержание общественных отношений и общественной деятельности в своем единстве.

Критерии культурного прогресса социального пространства и времени становятся специфической мерой их общественной ценности. Здесь гносеологический аспект, как впрочем и все, переплетается с социальным и социологическим: темп, ритм, скорость общественной деятельности происходит в конкретной общественной системе, а измеряется социологическими показателями в рамках социальных исследований.

Мера общественной ценности «пространства-времени» возрастает в период социальных революций, угрозы войн, регрессивных социальных действий. «Плотность», «ширина», «интенсивность», культурного прогресса, происходящих в недрах социального пространства и времени, должны иметь субординированную систему их критериев, которые могли бы вскрыть социально-политические, нравственно-эстетические, гедонистические и другие аспекты человеческой деятельности. Социально-культурное время в различных социальных пространствах, как масштабах, протекает неравномерно в зависимости от интенсивности культурного прогресса. С наступлением «среднего развития» и усилением интенсивности прогресса наступает «преодоление», а затем и стирание существенных различий между качеством социального времени в различных регионах. Но этот процесс зависим от созидательной и сознательной деятельности людей (В.Л. Семенов). Субъективность культурного прогресса определяется тем, что в социальном пространстве и времени действуют субъекты истории, люди, наделенные уровнем сознания, теми или иными социальными качествами.

Время, «расширяя» и «уплотняя» пространство, все более включает его в себя, проникает в него, преодолевая «сопротивляемость» пространства, способствует изменению, движению, развитию. Скорость, темп, ритм социальных перемен, степень их глубины, гуманности и всеобщности становятся исключительно важной характеристикой культурного прогресса исторической эпохи или общества.

Культурный прогресс исторической эпохи может иметь различные пространственно-временные характеристики: 1) близость-удаленность друг от друга (эпох); 2) прямая и косвенная причинная связь; 3) взаимодействие в рамках системы или эпохи; 4) разно(одно)-масштабность и разно(одно) временность процессов культурного развития.

Культура рождается в рамках пространства и времени в борьбе человека за свое самоутверждение и существование, а культурный прогресс показывает сущность этого восходящего процесса в пространственно-временной характеристике. Социальное пространство и время имеют не только функциональные особенности эпохи, но и исторически конкретную сущность, которая проявляется в многообразии отношений эпохи в пространстве и во времени.

Пространство и время имеют отношение к любым проблемам, затрагивающим все социальные явления и все социальные пласты. Культурно-значимая наполненность и «качество» времени и пространства зависят от степени интенсивности проявления своих прогрессивных черт народными массами.

Сущность культурного прогресса в пространстве и во времени объективно-субъективна, характер его абсолютен для системы, относителен и конечен для компонентов систем и даже подсистем. Объективность культурного прогресса определяется закономерностями поступательного развития социально-организованной материи, относительность его заложена в конечности физически организованной планетной материи, на что обращал внимание Ф. Энгельс[24].

Перед исследователем встает сложная методологическая задача определения затрат социального времени на достижение конкретных результатов культурного прогресса в определенном пространстве: на планете, в регионе, в общественно-экономической формации. Гносеологический аспект данной проблемы выдвигает требование определения тех или иных объективных и субъективных факторов и затрат, необходимых для достижения данного уровня развития.

Другой не менее сложной методологической задачей является изучение противоречий в пространстве и времени. Как было указано выше, разрешение противоречий в социальном пространстве и времени есть результат действия людей на определенном историческом этапе. В разрешении противоречий проявляется весь потенциал культурно-разумной деятельности че-

ловечества –общественных систем и этносов, человеческого интеллекта и науки, базиса и надстройки (материальный и духовный потенциал).

Разрешение противоречий в пространстве и во времени означает, во-первых, изучение масштабов культурного прогресса и регресса, их длительность; во-вторых, разрешение и преодоление противоречий культурного прогресса в масштабах пространства и длительности во времени. Конечность и бесконечность культурного прогресса в пространстве и во времени детерминирована всеобщим материально-духовным потенциалом человечества, степенью богатства его общечеловеческих ценностей.

Время указывает и на реальные затраты объекта-субъекта в разрешении и преодолении противоречий между культурно-прогрессивной и культурно-регрессивной деятельностью. Поэтому, основной сущностью культурного прогресса является не распространение материальных и духовных ценностей (квантов культуры из каких-либо «культурных форпостов» – С.Н. Артановский), а пробуждение созидательной деятельности широких народных масс, предполагающей цель, направления и масштабы своей деятельности в интересах не только конкретного общества, а всего человечества.

Неоднородность культурного развития человечества очевидна: одни регионы ушли далеко вперед, другие отстали в целом комплексе культурно-исторического процесса, а третьи в силу различных причин нуждаются в оказании им всемерной помощи. Человечество-это огромное мозаичное панно, скроенное из своеобразных микрокультур и микроцивилизаций, составляющих единую, всепланетную макрокультуру и, выступающее перед Вселенной культурным монолитом. И чем меньше будет враждующих микрокультур, тем выше станет уровень интеграции человеческой культуры и короче путь до становления единой всепланетной гуманистической культуры. Стирание существенных различий между микрокультурами будет носить эволиционный и революционный характер, зависимый от различных условий и факторов. В гносеологическом аспекте становление и развитие единой монокультуры в пространстве и во времени не имеет эмпирического аналога, поэтому вся деятельность человечества является культурно-преобразующей и культурно-познавательной в масштабах ближнего Космоса. Опосредованный культурный прогресс происходит не только в общественной, но и в природной системе, как их называл В.И. Вернадский, «биосфера» и «ноосфера», как пласты культурной деятельности на Земле[25].

Решая проблему разработки критериев культурного прогресса для изолированных регионов и диффузных культур при этом следует иметь ввиду: 1) количественную ограниченность в протяженности существования объекта; 2) культурную неограниченность объектов в пространстве и во времени; 3) качественную степень количественной меры в пространстве и во времени. Она может быть выражена только качественной ограниченностью. В гносеологическом плане объект культурного прогресса конечен, а наши знания о нем ограничены «объективно-историческими условиями, субъективно-физическими и духовными способностями» его автора[26]. Гносеологический аспект тесно переплетается с экологическими, глобальными проблемами человечества. Выводы ученых различных отраслей знаний говорят о том, что роль космонавтики в культурном прогрессе человечества будет возрастать.

Изучение экологических аспектов культурного прогресса человечества ставит перед ним целый ряд сложнейших социально-политических, экономических, нравственных и эстетических аспектов проблем. Материалистическая диалектика стоит на позиции энгельсовского положения: «люди делают свою историю сами, и тем меньше становится влияния на эту историю непредвиденных последствий, неконтролируемых сил, и тем точнее соответствует исторический результат заранее установленной цели»[27]. Среди экологических проблем культурного прогресса выделяем главные: 1) развитие духовных ценностей и норм, регулируемых взаимоотношения общества с природой; 2) аксиологический аспект человеческой практики и научных исследований; 3) прогнозирование социальных последствий антиэкологических результатов; 4) культурно-экологические аспекты деятельности человечества[28]. Достижение оптимума экологического сознания возможно только при всестороннем развитии человека, “когда воздействие внешнего мира... будет взято под контроль самих индивидов”[29].

Отрицательное воздействие внешнего мира на жизнь человечества (А.Л. Чижевский) может быть сведено к минимуму лишь тогда, когда все мировое сообщество откажется от затрат на гонку вооружений. Лишь сознательная организация

общественного производства на принципах гуманизма, само историческое развитие подводит человечество к новой эпохе, в которой люди достигнут таких успехов, «что это совершенно затмит все сделанное до сих пор»[30].

Человечество, чтобы продлить свое существование на Земле должно культурно-разумно создавать условия для жизнедеятельности своих членов,а не направлять 3/4 научного потенциала интересам подготовки войн, что вызывает протест у передовых ученых мира и всего прогрессивного человечества. Решение проблемы войны и мира становится своеобразным катализатором культурно-нравственного прогресса человечества. Культурный прогресс может достичь качественных изменений только в единстве с нравственным прогрессом, который на наш взгляд является стержнем и критерием культурного прогресса всего мирового сообщества (Л. Морган, К. Маркс, Л.Н. Толстой, К.Э. Циолковский). Нравственные аспекты человеческой деятельности на Земле и в Космосе становятся комплексным критерием культурного прогресса человечества, которое не может и не должно согласиться с преступным разбазариванием своего материального, духовного и биологического потенциала.

Примыкающей к экологической проблеме является культурно-информационная замкнутость регионов. Социо-культурная коммуникация всегда социально-детерминирована и вскрывает социальные, социологические и идеологические аспекты культурного прогресса. Социокультурная информация в своих ценностных аспектах становится одним из средств и движущих сил культурного прогресса человечества. На современном этапе диспропорция в рапределении средств культуры между развитыми и развивающимися странами в перерасчете на душу населения имеет коэффициент 1:10 и 1:100. «Информация, – писал Ю.М. Лотман, – одно из основных условий существования человечества. Битва за выживание – биологическое и социальное – это битва за информацию, которая заполняет собой историю человечества»[31]. Поэтому, мы не можем согласиться с пониманием сущности коммуникативных отношений А. Моля, что можно только повлиять, указывает он, на темпы развития культуры, а не на ее качественное содержание и направление. В решении этой проблемы тесно переплетаются все другие аспекты – информационные, нравственные, идеологические, социологические и социальные.

Философия информационной цивилизации охватывает многие насущные проблемы современного развития человечества. Р.Ф. Абдеев пришел к выводу, что «информация, управление и организация, как могучие локомотивы прогресса, умчали развитые страны в новую цивилизацию»[32]. М. Кастельс назвал современную цивилизацию «информационной эпохой»[33]. Р.Ф. Абдеев сделал попытку ответить на ряд сложных и взаимосвязанных вопросов: каков механизм активности и саморазвития материи; имеет ли механизм управления свой генезис, свои этапы развития от низшего к высшему; взаимосвязь развития и открытых систем; самоорганизация и (синергетика), какова роль симметрии и асимметрии; какова взаимосвязь парных понятий «устойчивость» и «изменчивость», «функция» и «структура» «движение» и «развитие»; каков механизм ускорения общественного прогресса; какова, диалектика противоречий; какова новая концепция спирали развития. Правовое государство должно строиться по принципу пяти колец: законодательная власть – исполнительная власть – судебная власть – власть информации – власть интеллекта[34]. Как мы видим из поставленных вопросов, информационная эпоха не решает, а ставит еще более сложные вопросы перед человеческой цивилизацией. Нет ответа у М. Кастельса и на кардинальный вопрос: устраняет ли информационная эпоха и сама информация эксплуатацию труда, по Марксу, всеобщего, научного труда, интеллекта? Р.Ф. Абдеев обращает внимание на то, что в информационной цивилизации возрастает роль всеобщности и диалектической сущности закона отрицания отрицания[35]. Нелинейность процессов развития в информационную эпоху возрастает, делают выводы Абдеев и Кастельс. Этот процесс обусловлен возрастанием информации и увеличением числа субъектов развития.

Нравственный аспект культурного прогресса раскрывается в целеполагании и конечном результате общественной практики. Идеологический аспект критериев культурного прогресса дает оценку культуры политической системы в характеристиках качества: культура как способ человеческой деятельности; сущность культуры как идеологии общества, нации, отдельной личности, ибо система критериев культурного прогресса помогает исследователю определить по сравнительным характеристикам социально-эко-

номическую формацию и ее культуру по основным параметрам развития и по их идеалам.

В социально-политических и нравственных аспектах культурного прогресса нельзя не обратить внимание на положение людей в мире. За последние 5 тыс. лет на земном шаре было свыше 14,5 тыс. войн, которые обошлись человечеству в 4 млрд. человеческих жизней[36].

Ученые пришли к выводу, что голод, болезни, разрушительные войны и т.п. уносят тот человеческий генетический материал, который в силу социально-политических, идеологических, культурно-нравственных причин не стал источником и движущей силой культурного прогресса человечества. Культурный прогресс создает предпосылки для гармонического развития человека, его биологической и социальной сущности. Планетные исторические и экологические аспекты культурного прогресса так или иначе отражают весь комплекс социально-духовных параметров человечества, которые могут быть экстраполированы (гипотетически) на всю Вселенную. Сегодня можно ставить вопрос о «космической постоянной» и «космическом индексе» культурного прогресса, как единого принципа измерения развития социально-организованной материи.

Социально-генетический аспект культурного прогресса предполагает выяснение влияния культурного прогресса общества и личности на биологическое и социальное в человеке, на социально-генетическую программу личности – человека. Теория взаимоотношения социальных и биологических закономерностей в процессе антропогенеза и его качественных этапов находит все более пристальное внимание среди ученых различных отраслей наук. Как указывалось выше, проблемам социального и биологического в человеке посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых. Человек представляет собой целостный биосоциальный организм, изучение которого должно быть основано на уровне системного анализа. Всемерное развитие культуры, в марксистском понимании, – это объективное средство преодоления противоречий между природой и обществом, обеспечивающее культурный прогресс человечества. Общественная система, указывал В.В. Орлов, как форма, наполненная реальными духовными процессами, содержанием – культурой, представляет собой единый биосоциальный монолит, аккумулят всего культурно-исторического процесса, который А.Е. Чучин-Русов свел к Законам Четырех Понятий[37].

Социально-генетический аспект культурного прогресса представляет собой логическую категорию, которая раскрывается в преемственности, прерывности и непрерывности, противоречиях объективных условий и субъективных факторов всеобщего прогресса. Для исследователей становится сложной проблема анализа диалектического, генетического отрицания старого новым. Предполагается, что это отрицание происходит на уровне гипоталамуса мозга, куда поступает культурная информация из внешнего мира и где происходит стык биологического и социального в человеке. Воздействие на морфологическую структуру зависит от содержания поступающей информации.

Таким образом, всеобщий культурный прогресс создает предпосылки для гармонии социальной и генетической программ человека, оказывает влияние на изменение их, а гуманизация общественной деятельности *гуманизирует* и социально-генетическую программу человека.

Все аспекты культурного прогресса находятся в генетической монолитности развернутых структур критериев культурного прогресса и их сущности. Нормативное влияние будущего определяется критериями культурного прогресса. Предвидеть тенденцию развития – это значит учесть все прогрессивные и регрессивные результаты общественной деятельности, составляющие момент движения вперед. В литературе рассматриваются типы прогнозов культурного прогресса: текущие и краткосрочные (общества и его подсистем); сверх- и долгосрочные (для интегральных систем). В основу классификации прогнозов можно положить целевой критерий: (с какой целью?) 1) поисковый; 2) нормативный. Большую роль при разработке прогноза играет «принятие решения», как одного из критериев культурного прогресса, вскрывающего нормативный аспект социального действия и предвидения, т.к. именно здесь реализуется критерий свободы познания.

Как заметил И.В. Бестужев-Лада, назрела пора перейти к качественно-количественным оценкам анализа, диагноза и прогноза культурного прогресса[38]. Без определения сущности понятий «культура и прогресс» невозможно выявление критериев и показателей культурного прогресса, «без чего немыслима выработка рекомендаций для социального планирования, для

управления социальными процессами в этой области»[39]. Критерии культурного прогресса играют большую роль в разработке основных этапов социального прогноза: предпрогнозная ориентация – сбор исходных данных и построение исходной модели прогнозируемого явления – сбор данных прогностического фона – поисковый прогноз – нормативный прогноз – проверка относительной надежности прогнозов – выработка рекомендаций для управления. Таким образом, критерии культурного прогресса в разработке прогнозов, как научной теории, выполняют объяснительную, предсказательную, синтезирующую, методологическую и практическую функцию. Изучение критериев культурного прогресса в социальном пространстве и времени представляет собой бесконечный процесс проникновения в истину.

На основании изложенного мы приходим к следующим выводам:

– Сущность аспекта критерия определяется его родовым (Аристотель) смысловым понятием: гносеологический – познавательный аспект, аксиологический – ценностный и т.п.

– Типология, иерархия (условно) аспектов КПЧ предстает в виде системы: диалектико-материалистический, гносеологический, антропологический, исторический, этнографический, космологический, духовно-интеллектуальный, информационно-технократический, количественный, математико-статистический, качественный, синергетический, системный, философско-генетический, футурологический, психологический, нравственно-эстетический, научно-технический, цивилизационный, глобальный – общепланетарный, аксиолого-деятельностный, прогностический аспекты.

– Иерархия аспектов по значимости и функциональности на каждом историческом отрезке может находиться или в корреляции, или меняться местами. У философа ведущее место в данной иерархии займут гносеологический, диалектико-материалистический, космологический, а у социолога ведущими могут стать количественный, математико-статистический, экономический, прогностический и т.п. аспекты. При этом следует заметить, что для частных онтологий данная классификация не будет полной и всесторонней.

– Творческая, созидательная деятельность определяет субстанционально-сущностный аспект активности людей, которая аккумулирована в культурно-историческом процессе, как достижение человеческого интеллекта (В.В. Орлов).

– Философско-генетический аспект аккумулирует достижения всех отраслей наук в оценке количества и качества социального и биологического в человеке (антропогенез).

– Гносеологический аспект исследует сущность КПЧ, является индикатором стратегии и тактики познания мировых процессов.

– Глобальные аспекты вскрывают стратегические направления развития мировой цивилизации на планете Земля и сущность космической этики практической деятельности в Космосе.

– Исторические, этнографические и антропологические аспекты обосновывают и выдвигают присущие каждой исторической эпохе критерии и показатели КПЧ.

– Информационно-технократический аспект характеризует современное развитие западного общества с позиций доступности в получении информации.

– Футурологический аспект выполняет предсказательную функцию КПЧ в дихотомии: оптимистический и пессимистический взгляд на КПЧ.

– Космологический аспект изучает устремленность теории, практики и этики в изучение и освоение околоземного, а затем и космического пространства.

– Прогностический аспект указывает на возможность предсказать итог/результат конкретных направлений практической деятельности человечества как необходимого условия разработки футурологический концепций (управленческий аспект является составной частью любой практической деятельности).

– Качественный, количественный, структурно-функциональный и диалектический анализ составляет систему исследовательских аспектов критериев КПЧ.

– Нравственные и идеологические аспекты аккумулируют цели, средства и результаты человеческой деятельности.

Критерий Культурного прогресса человечества есть комплексный индикатор, вскрывающий количественные и качественные признаки и свойства универсальной человеческой деятельности с позиций его идеалов. Критерии культурного прогресса могут стать ориентиром в комплексных исследованиях глобальных проблем человечества на междисциплинарном уровне.

Примечания

[1] См.: *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. – М., 2000.

[2] Там же. – С. 504.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 25. Ч. 1. – С. 231–254.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 27. – С. 402.

[5] Там же. – Т. 21. – С. 275.

[6] Там же. – Т. 2. – С. 102; Т. 2. – С. 2.

[7] *Кайдалов В.А.* Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. – Томск, 1982. – С. 75.

[8] *Кайдалов В.А.* Деятельность, творчество, культура // Новые идеи в философии. Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1992. – С. 66–70.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 20. – С. 630.

[10] См.: *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта: в 3 ч. – Пермь, 1995–1999; *Он же.* История человеческого интеллекта: изб. тр. в 2 ч. – Пермь, 2002.

[11] *Бейсон Ж.* Генетика. – М., 1976. – С. 105.

[12] См.: *Расторгуев С.П.* Философия информационной войны. – М., 2002.

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 20. – С. 510.

[14] *Ильенков Э.В.* Философия и культура. – М., 1991. – С. 415.

[15] Глобализация, культура, цивилизация // Материалы Клуба Ученых «Глобальный мир». – М., 2003. – Вып. 7. – С. 57–70.

[16] *Пригожин И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. – М., 1986. – С. 209–215.

[17] *Савельзон О.* Культура принятия решения как фактор прогресса России // Вопросы философии. – 2003. – №10. – С. 31–35.

[18] Культурный прогресс: философские проблемы. – М., 1984. – С. 49, 51–53.

[19] Культурный прогресс: философские проблемы. – С. 15–32.

[20] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. – Т. 1. – С. 436.

[21] См.: *Кармин А.С.* Познание бесконечного. – М., 1991.

[22] См.: *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть человечеству? – М., 1999; Судьба цивилизации. Путь разума. – М., 2000; Философское осмысление судеб цивилизации. – М., 2001 и др.

[23] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. – Т. 29. – С. 231.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. – С. 552.

[25] *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. – М., 1975. – Кн. 1. – С. 9.

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20. – С. 630.

[27] Там же. – Т. 20. – С. 18–19.

[28] См.: *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. – М., 1994.

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3. – С. 282.

[30] Там же. – Т. 20. – С. 23.

[31] *Лотман Ю.М.* Статьи по типографии культуры. – Тарту, 1970. – Т. 1. – С. 5.

[32] *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. – М., 1994. – С. 7.

[33] См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М., 2000.

[34] *Абдеев Р.Ф.* Указ. произв. – С. 96.

[35] Там же. – С. 277–296.

[36] *Коротков Л.* Бездна по имени война // Новое время. – 1985. – №10. – С. 28.

[37] *Чучин-Русов А.Е.* Культурно-исторический процесс: форма и содержание // Вопросы философии. – 1996. – №4. – С. 3–14.

[38] Культурный прогресс: философские проблемы. – С. 49.

[39] Там же. – С. 51–53.

В.Ю. Яковлев

КУЛЬТУРНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Преамбула. *В статье анализируются методологические содержание и эвристика принципа культурно-мировоззренческой рефлексии научного познания, актуального для современного этапа постклассической науки.*

Специфическим парадоксом современной культуры является критика научной рациональности, которая в последнее время вошла местами в моду. Во многом такая критика несправедлива, поскольку наука понимается при этом упрощённо, отождествляясь с классическим образом научности. Однако проходить мимо подобной критики также не следует, ибо в ней заключена действительная проблема, связанная выбором будущего пути развития человеческой цивилизации. Не случайно анализ мировоззренческих оснований науки, ее места и роли как культурной ценности представляет в наше время одну из активно обсуждаемых проблем, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Интерес к проблеме вызван беспокойством о перспективе цивилизации, глобальными экологическими и гуманитарными проблемами, следствием которых является потеря смысла жизненных ориентаций человека.

С момента своего возникновения в эпоху Просвещения наука становится главным объектом философской рефлексии, для которой было характерно представление о разуме как фундаментальной основе бытия и мышления. Научное знание предстаёт как основное средство социального обновления человечества, утверждения достоинства личности, источник её счастья и свободы, нравственного совершенствования.

В свете формирования новых культурно-исторических образов рациональности возникла необходимость пересмотра самой классической концепции научности. Критика идей Просвещения была попыткой выявить те причины, которые исказили его первоначальные гуманистические принципы и привели к ценностным деформациям. Источник кризиса усматривался в объектно-ориентированной науке, в которой не было места человеческим ценностям. Решение экзистенциальных проблем уже не зависело от научного разума, который воспринимался лишь пригодным для осуществления технического применения. Научная рациональность стала рассматриваться как корень антигуманного развития техногенной цивилизации, подчинившей себе самого человека.

Определённый вклад в осмысление этой проблемы внесли исследования мировоззренческих предпосылок кризиса европейской культуры в феноменологии Э. Гуссерля, «философии жизни» (А. Бергсон, В. Дильтей, О. Шпенглер), экзистенциализме (С. Кьеркегор, М. Бубер, М. Хайдеггер, К. Ясперс), которые связывали кризисные явления в обществе с кризисом рационалистического метода познания.

В концепции М. Вебера рациональность в широком смысле (экономическая, политическая, научная) начинает осмысливаться в культурологическом контексте как существенное свойство самой культуры, основной ее принцип. Культурно-мировоззренческая обусловленность знания привела к признанию историчности рациональности самой науки. Эта идея, восходящая к Р.Дж. Коллингвуду, стала одной из важнейших в «критической философии» франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фром, Ю. Хабермас). Здесь речь шла уже не о преодолении иррационального и субъективного в процессе познавательной деятельности, а о «легализации» мировоззренческих установок, которые являются условием деятельности дискурсивного мышления, методом «прояснения» иррационального в самом научном мышлении.

Параллельно этому проходило осмысление социокультурной детерминации научного познания, которое стало характерной чертой «исторической школы» философии науки (Дж. Агасси, Г. Башляр, М. Вартофский, Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд, Н. Р. Хэнсон). В ней возникало понимание необходимости анализа науки в целостном мировоззренческом контексте становления научного знания, преодоления плоского кумулятивизма и эволюционизма в построении рациональных моделей его роста.

Вместе с тем проблема взаимодействия мировоззренческого сознания и научного познания еще далека от своего решения. Если проанализировать сложившуюся ситуацию, можно выде-

© В.Ю. Яковлев, 2006

лить следующую методологическую программу исследования: традиционно анализ концентрируется на логико-гносеологической стороне связи мировоззренческого сознания и познания. Субъективный же фактор, культурно-исторические формы активности субъекта по существу представлены в свернутом виде. Следствием такой исследовательской программы является прямое или косвенное сведение проблемы к вопросу о соотношении философии и науки, что представляется существенным упрощением природы реального познавательного процесса.

Это означает, что логико-методологический анализ проблемы следует дополнить философско-культурологическим, что представляет собой относительно новую область ее исследования, которая еще не получила в литературе достаточного освещения.

Последовательная реализация деятельностного принципа в анализе научного мышления предполагает включение в предмет исследования не только собственно научную деятельность, но и те вненаучные предпосылки, на основе которых она конституируется. В этом качестве наука предстает как разновидность человеческой деятельности, понять и адекватно описать которую невозможно вне социокультурного измерения.

Всеобщность знания (истина) никогда не существует в рафинированно чистом виде вне связи с особенным – культурно-исторической формой производства знания, его мировоззренческим пониманием.

Историко-научный материал показывает, что культурно-исторический контекст развития знания представляет собой не просто некий инертный фон развития научного творчества, развертывающегося по своим сугубо имманентным гносеологическим законам, но характеризует специфический механизм рефлексии научного знания, его объективации и осмысления.

Мировоззрение в таком ракурсе характеризует целостность научного познания в органической связи «внутренних» и «внешних» детерминант развития науки, на базе которого познавательный процесс конституируется действительно как деятельность, развертывающаяся на основе определенных смысловых предпосылок социокультурного характера, теснейшим образом связанных со всей системой жизнедеятельности исторического субъекта. Научная деятельность в самой когнитивной своей сущности оказывается глубоко социальной по своей природе.

Этот аспект проблемы стал камнем преткновения «исторической школы» в западной философии науки (Т. Кун, П. Фейерабенд) которая, не сумев объяснить диалектику связи социальности и объективной знания, по существу разнесла эти неразделимые ипостаси научного познания по разные стороны, истолковав само знание в духе релятивизма и плюрализма.

Осмысление целостности научного познания в единстве теоретико-познавательных и ценностных аспектов возможно, на наш взгляд, в контексте культурно-мировоззренческого анализа развития знания, предполагающего познавательную активность субъекта эксплицировать в неразрывной связи с социально-исторической практикой субъекта.

Современная наука встала на путь метатеоретического осмысления знания, его методологизации, предполагающей анализ философско-методологических и теоретико-познавательных предпосылок построения, обоснования и проверки научных теорий. Однако в период глобально-экологических и гуманитарных проблем развития научно-технического прогресса этого явно недостаточно, и методология поворачивается в сторону учета ценностно-нормативных факторов развития знания. В то же время объективация культурно-мировоззренческих оснований научного творчества еще не стала в полной мере предметом логико-методологического исследования знания. Однако, если понимать научное отражение объекта не зеркально, а деятельностно, то познание всегда содержит в себе культурно-мировоззренческие особенности субъекта, выражающиеся в категориальной структуре мышления, моделях понимания реальности, в социальных ориентациях, этических нормативах и т.д. Поэтому осмысление культурно-мировоззренческих оснований научного знания должно стать неотъемлемой чертой развитой методологии, включая частнонаучный ее уровень.

В этой связи представляется, что принцип культурно-мировоззренческой рефлексии научного познания, характеризуя принципиально важное измерение деятельности научного сознания, открывает широкий пласт его изучения. Он может стать методологическим средством для описания целостных процессов развития науки как в собственно когнитивном, так и в социальном аспекте. Специфика мировоззренческого анализа научного знания заключается в том, что

он нацелен на культурно-исторические особенности субъекта познания, которые отражаются в нормативно-ценностной структуре научного знания, в его генетической связи со всей системой жизнедеятельности исторического субъекта. Важно отметить, что содержание принципа культурно-мировоззренческой рефлексии научного познания не сводится к решению сугубо частных задач и составлению однозначных рецептов. Он задаёт некоторую программу многостороннего исследования культуры научной рациональности, нацеленную на определение специфического мировоззренческого инструментария строительства научного знания, который воплощается в методах, нормах и принципах, идеалах научного творчества, рассматриваемого с позиций культурно-исторического контекста его развития. Конкретное использование этого принципа в качестве методологического средства позволяет:

1) глубже понять природу научного познания в качестве феномена культуры, рассматривать научно-теоретические проблемы в теснейшей связи со всеми многообразными способами освоения действительности, расширять любой частнонаучный вопрос до уровня связи его с культурно-историческими основаниями развития научного знания;

2) зафиксировать те нормативно-ценностные смысловые предпосылки научного мышления, на основе которых научная деятельность конституируется действительно как деятельность, органическим образом связана со всей системой жизнедеятельности исторического субъекта практики и познания;

3) сориентировать понятийное содержание научного знания не только на внутринаучные гносеологические его регулятивы, но и на социокультурный статус знания, на его опосредованность человеческими значениями, что в конечном итоге позволяет рассматривать научно-теоретические проблемы под углом их гуманистического содержания;

4) содержательно зафиксировать идеалы и нормы исследовательской деятельности, культурно-историческую специфику научной рациональности, смысловую структуру тех предельных идеализаций, которые лежат в основании построения научных теорий и гипотез;

5) расширить эвристические возможности научного мышления за счёт критического осмысления неявно используемых норм мировоззренческой традиции, на базе чего создаются перспективы для построения качественно новых систем онтологии научных идеализаций.

Культурно-мировоззренческая рефлексия научного познания должна занять достойное место в осмыслении сущностных процессов современного этапа научно-технического прогресса, способствуя его интенсификации и гуманизации. Это представляется особенно актуальным при непосредственном сопряжении современной науки с человеческим фактором в генетике, в экологии, в системах «человек – компьютерные технологии», а также во многих других областях знания, в которых мировоззренческие и аксиологические проблемы самым непосредственным образом включаются в исследовательские процедуры и результаты познавательной деятельности.

Включение культурно-мировоззренческих оснований производства знания в предмет методологической рефлексии современной науки открывает широкий пласт жизненно важной для науки и культуры проблематики, осмысление которой позволит повысить творческий потенциал научного познания, будет способствовать более глубокому изучению механизмов его развития.

Спецификой исследования объектов познания, соотносимых с сущностью и существованием человека, является то обстоятельство, что эта деятельность непосредственно затрагивает гуманитарные ценности. В контексте современной науки идеал классического образа научности, предполагающий ценностно-нейтральное знание, из структуры которого устранены все субъектные составляющие, претерпевает кардинальное переосмысление. Объективное научное постклассическое обоснование и объяснение, затрагивающее объекты, соотносимые с человеческой (гуманитарной) проблематикой не просто допускают, но и прямо предполагают включение ценностных факторов в структуру научно-технического дискурса.

Аксиологическая составляющая научного познания не ограничивается в XXI веке сугубо экологической проблематикой, так как ответственность учёного в современной науке затрагивает не отдельные дисциплины, а все сферы познавательного процесса. В частности, широкий общественный резонанс получают генетические, биомедицинские, молекулярно-биологические исследования, связанные прямо или косвенно с проблемой здоровья человека, экспериментальной деятельностью в области генной инженерии [1].

К настоящему моменту наука подошла к тому рубежу, когда в ходе экспериментов с рекомбинацией и перестройкой молекул генетического кода возможно создание качественно новых, потенциально опасных форм организации жизни, последствия которой могут стать необратимыми. Мораторий, объявленный на такие испытания по инициативе учёной общественности, является ярким примером ответственности исследователей в тех областях, которые затрагивают основы человеческого существования.

Гуманитарная составляющая стала закономерным результатом возросшей мощи современной науки, её тотального влияния на все стороны жизнедеятельности человечества, понимания его потенциальной смертности в результате безответственного и стихийного развития научно-технического прогресса. Новая парадигма неклассической науки, характеризуемая гуманитарными ценностями, принципиально предполагает присутствие человека в структуре познавательной деятельности, методологически ориентирует на преодоление жёсткого противопоставления субъекта и объекта в сфере научного исследования, которое было характерно для классической научной рациональности. Человек как субъект, по выражению М.М. Бахтина: «Не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» [2, с. 383].

Современная наука в мировоззренческих основаниях подводит к новому пониманию соотношения субъекта и объекта познания, которые не противопоставляются друг другу, но предстают как элементы целостного отношения человека к миру [3].

В таком контексте научная рациональность характеризуется открытостью к ценностно-смысловым структурам культуры с одной стороны и основаниям познавательного отношения, ориентированного на постижение объективной истины – с другой.

Таким образом, осмысление культурно-мировоззренческих оснований развития научного познания объективно диктуется как методологическими запросами самой науки, так и сложными процессами ее взаимосвязей с духовными процессами современного общества, потребностью гуманизации научно-технического прогресса, его ориентации на человека.

Современные принципы познавательного отношения к миру, основанные на неклассических ценностях, предполагают ответственность учёного, необходимость соединения когнитивных и ценностных параметров науки. Это открывает путь к новому пониманию и осмыслению аксиологической структуры самой научной рациональности. В отличие от традиционной (монологичной) рациональности, она предстаёт как диалог и коммуникация с другими формами познавательной традиции. С теми же выводам согласуются фундаментальные представления современной синергетики об открытости самоорганизующихся динамических систем. Переосмысливающая природу и человека в мире синергетика принципиально диалогична по своим парадигмальным основаниям [4, с. 56].

Диалоговое пространство культурно-мировоззренческой рефлексии неклассического типа научного познания значительно шире, чем представляется на первый взгляд. Речь идет не только о необходимости целостной научной картины мира, диалоге между различными естественно-научными и социально-гуманитарными дисциплинами, но и между различными типами рациональности культур и цивилизаций.

Степень и формы осмысления мировоззренческих установок современного научного познания могут варьироваться в самом широком диапазоне – от определения культурно-значимого смысла отдельных научных понятий до осмысления обусловленности исходной структуры научных идеализаций фундаментальными образами общественно-исторической практики как основного культурно-созидающего фактора активности человеческого фактора. В своеобразном интервале между этими крайними точками отсчета могут находиться и четко сформулированные философские принципы, и подспудно используемые мировоззренческие регулятивы: стиль мышления, картина мира, категориальные структуры научного мышления, модели понимания исследуемой реальности и т.д. В целом этот пласт мировоззренческого анализа разворачивается как бы в глубину, ибо всякая актуальная познавательная деятельность опосредуется всей историей развития человеческой культуры. Вместе с тем осмысление мировоззренческих регулятивов знания не сводится к некоему общему анализу развития науки в контексте культуры, а концентрируется на тех факторах, которые фор-

мируют исходные системы научных идеализаций, на базе которых научное познание развертывается как деятельность, органическим образом связанная со всей системой жизнедеятельности общества.

В результате экспликация мировоззренческой проблематики перестает быть чем-то внешним для методологических запросов исследователя, а непосредственным образом включается в саму ткань методологической работы, позволяя органически связать собственно когнитивные и социальные факторы развития знания в единое смысловое целое.

Библиографический список

1. См.: Философия биомедицинских исследований: Этос науки начала третьего тысячелетия. – М., 2004. – 128 с.; Биология и культура / Рос. акад. наук, Ин-т философии, – М.: Канон. 2004. – 527 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 383.
3. См.: *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
4. См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – С. 56.

Д.Б. Думаревский

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Разработка категории деятельности в советской и российской философии происходит уже не первое десятилетие. О пристальном внимании к данной проблематике со стороны философской общественности свидетельствуют материалы: дискуссий 1990-х годов [1], серия статей в журнале «Вопросы философии» [2]. Деятельностной проблематике посвящены монографии и диссертации [3]. Более того, сама философия представляется как «категориальная рефлексия сущностных сторон человеческого отношения к миру, т.е. универсальных видов человеческой деятельности» [4, с. 3]. Процитированный автор – В.Н. Сагатовский – относится к числу «адептов» деятельностного подхода и потому резонно рассмотреть его позицию в содержательном плане. В его статье предложена онтологическая модель, в которой «верхний этаж» занимает сфера трансцендентной реальности, где преодолевается разделение на субъект и объект. Данная сфера бытия имеет духовный характер, но при этом «дух не создает мир, но скрепляет его всеединство» [4, с. 3]. Вполне уместно задать автору ряд вопросов. Первый: если уже существует материальное (все-)единство, то к чему его «скреплять»? Второй: если мыслится какой-либо иной принцип единства, тогда какой именно? Третий: если все-таки признается духовная реальность, а дух каким-то образом деятелен, то почему не способен к творению?

Задачей настоящей статьи является поиск духовных начал в самой человеческой деятельности, в структуре социальной реальности. Для этого привлекается категория деятельности. Будучи представленной исторически, т.е. как основа, субстанция социально-исторического процесса, деятельность раскрывается двойственным, противоречивым образом. Эту динамически противоречивую сущность деятельности определенно выразил В.П. Иванов: «…в контексте истории деятельность раскрывает себя двояким образом: как всеобщая основа, можно сказать, субстанция исторического процесса, которая характеризует его субъективно как *человеческую* действительность, обладающую на всем протяжении человеческим смыслом, содержанием целесообразностью и как *орудие* формообразования мира, которое ассимилируя естественные процессы и предметные свойства, образует *технологический* аспект человеческой культуры и ее расширяющийся арсенал» [5, с. 95]. Мы, в свою очередь, убеждены в том, что становление собственно человеческой действительности невозможно без освоения культового, сакрального содержания деятельности. Обретение полноценного смысла жизни всегда каким-либо образом связано с мистериально-магическими практиками. Без этих практик невозможен и социо- и культурогенез и не сложились бы основы древнейших цивилизаций. И мистерии Дао в Китае, вдохновенно описанные китаеведом А.А. Масловым

© Д.Б. Думаревский, 2006

[6, с. 141–145], и древнегреческие (Элевсинские) мистерии, и жреческие теургии в Древнем Египте – все они имели общую цель. Цель эта – посвящение в запредельную и сокровенную реальность, в сферу духа.

Социально-этнический процесс – процесс формирования народа был бы невозможен без практики посвящений. Описание жреческих мистерий – посвящений, в которых совершался настрой общины, племени, народа на общую психоэмоциональную «волну», находим у Ю. Шилова [7], П. Брантона [8], Э. Хейч [9] и других авторов. В соответствии с данными тезисами можно определить глубинную, сакральную сущность мифологии: мифология является образно-чувственным выражением духовно-практической жизни, ее эпическим оформлением. В качестве альтернативной остается точка зрения, согласно которой миф – это сугубо иллюзорное, принципиально несовместимое с истиной и наукой представление о предмете. Соответственно мифология позиционируется в качестве основы религии [10, с. 12], а последняя суть превращенная форма сознания. В подобных концепциях игнорируется именно деятельная сущность мифологии. Самое важное в том, что в мифе всегда совершается реальное действие – символизация предмета. Миф есть *раскрывающийся* образ; мифологический сюжет представляется, разыгрывается как жизненное и значимое событие: «Мифический образ мифичен в меру своего оформления, т.е. в меру своего изображения, в меру понимания его с чужой стороны. Мифичен *способ изображения* вещи, а не сама вещь по себе» [11, с. 63].

Живой, деятельной формой представления первобытности, тотально мифологического первобытнообщинного космоса служат шаманские практики. Они требуют предельной самоотдачи, полной мобилизации психических сил и способностей. В целом, персона шамана значима как олицетворение общинно-родового космоса, но значима именно в действии реконструирующем, непосредственно и символически его (космос) воспроизводящем. Через трансовые погружения и экстатические переживания снова и снова воссоздается общинный мир, его целостность и жизненная сила: «Не сами шаманы – одни – создали космологию, мифологию и теологию своих племен; они лишь ввели их в свой внутренний мир, опробовали и использовали в качестве маршрута для своих экстатических путешествий» [12, с. 94].

Шаманизм безусловно не тождественен индивидуальному, самостоятельному и добровольному духовному поиску, каковым и является последний. Однако в синкретически-мифологическом сознании индивидуализация *уже* предполагается, но именно в мифологической форме. С таких же позиций характеризует родовое общество А.Ф. Лосев: «…единственно возможное различие действительности было возможно для тех времен только как различие живых членов первобытной общины. Каждый такой представитель родовой общины, взятый в своем пределе, и есть не что иное, как миф» [11, с. 196].

Мифологию мы трактуем в предельно широком смысле – как форму, способ раскрытия субъективно-личностной природы человека. В этом мы следуем по пути, намеченном еще А.Ф. Лосевым в его «Диалектике мифа». Значимость мифологии в социальной жизни необходимо рассматривать исторически. Поэтому мы, прежде всего, сосредоточимся на *исходном единстве*, бытийной нерасчлененности человека, коллектива и природы, характеризующих первобытную социальность.

Природно-родовая целостность жизни «консервируется» в традициях, сохраняющих свою силу на протяжении тысячелетий. К примеру, предельный традиционализм характерен для древнекитайской культуры Дао. Ее существенная черта – это стремление к восстановлению духовного центра Дао, к гармонизации всех жизненных процессов в соответствии с его ритмами. Эти цели достигаются опытным путем – посредством коллективной мантики (практики гаданий), основания которой заложены в «Книге перемен» [13, с. 12].

В общинно-родовой жизни мы находим исключительно целостное и органическое мировосприятие и мифотворчество. И лишь в культурах Древнего Мира от единого мистериально-магического «комплекса» начинает отделяться философское умо-зрение. Философия в своих исторических началах (будь то древний даосизм или конфуцианство, будь то индийская предфилософия ведического периода) была попыткой мировоззренческого прорыва человека из сакрально-мифологического бытия «природно-родового организма» [13, с. 14, 15, 18].

Античная философия также была накрепко связана с мудростью мистерий, что блестяще показал в своей работе Р. Штайнер [14]. В этом

отношении философия Платона – не исключение. Его метафизика (которую он образно называл «второй навигацией») была, по существу, стремлением построить онтологию Блага, утвердить превосходство «логоса припоминания» над «хаосом забвения». Согласно Платону, для того чтобы перейти к пониманию субстанции, необходимо преодолеть ограниченность натурфилософии, разделяя вечное и становящееся, форму и материю. Аристотель, в свою очередь, критикуя платоновский дуализм формы и материи, сущности и вещи, создал *монистическую* концепцию бытия. И вполне объяснимо то, что эта монистическая концепция стала также утверждением собственно философско-теоретического способа мышления. В своей содержательной и глубокой работе Ф.Т. Михайлов ставит в заслугу Аристотелю то, что «предмет теоретической деятельности был осмыслен им в его исходном *тождестве противоположностей*» [15, с. 39]. А это и значит, что теперь философия становится рациональным определением того смыслового «поля», на котором «сходятся» субъект и объект.

Философская теория выступает как *развивающая* деятельность – более всего развивающая самого субъекта деятельности. И субъект этот «встает в оппозицию» к бытию, становится мыслящим духом, противопоставляющим себя феноменальному миру. Тенденция полностью реализуется в классической философии, где понятие трансцендентального субъекта «доросло» до абсолютного предела, до Мирового Духа. Мировой Дух сугубо рационален (Мировая Идея), но творчески деятелен, креативен, ибо полагает себя в *инобытии* – в формах природного и социального бытия.

Итак, духовная жизнь в классическом понимании предстала в понятийно-логической ипостаси, т.е. как Идея. Марксизм разработал Идею Труда, в первую очередь для того, чтобы материалистически описать социальную реальность, а затем и изменять ее. Настоящим шедевром марксистской концепции стало понятие всеобщего труда, интегрировавшее идеальную предметность познавательной деятельности (науки) и организационно-техническую предметность производства.

Марксистская теория деятельности была попыткой обоснования ее (деятельности) целостности и универсальности. Критика производственного и потребительного бытия человека, отчужденного от своих «сущностных сил», безусловно является значительным достижением европейской гуманистической мысли. Марксов тезис об «уничтожении труда» мы трактуем прежде всего в том смысле, что трудовая деятельность: во-первых, исторически и содержательно ограничена, во-вторых, всегда разворачивается на основе более общей – культуротворческой – деятельности. И все же марксистская философия оказалась не в состоянии охватить все богатство деятельного бытия человека. «За бортом» материалистических представлений оказалась религиозно-мистическая практика и потому человеческая действительность предстала здесь только лишь как «ансамбль общественных отношений». Пренебрежительное отношение к сфере Откровения и непонимание содержания мистической интуиции объяснимы и с позиции методологии.

Вернемся к достижениям классической философии. Ее теоретической «вершиной» мы считаем гегелевское логическое учение, изложенное в «Науке Логики». В разделе «Учение о сущности» Гегель рассматривает сущность именно как рефлексию, как *движение* ее видов: «сущность как рефлексия процесса определения в самое себя становится *основанием* и переходит в *существование* и *явление*» [16, с. 11]. Рефлексия – это процесс развития, ее положительное содержание есть отрицание отрицания.

Мыслительная деятельность – это, прежде всего, поиск определений. В отличие от абстрактной определенности формального мышления, в котором преобладает отрицательность как запрет (запрет противоречия, закон исключенного третьего), рефлексивное определение «есть в самом себе *определенная сторона* и *соотношение* этой определенной стороны как определенной, т.е. соотношение с ее отрицанием» [16, с. 28]. Разработав завершенную, внутренне целостную структуру рефлексии, Гегель доказал ее способность полагания через «бесконечное соотношение с собой».

Деятельно-развивающая природа рефлексии обнаруживается в том, что она не исключает иные (нетеоретические) формы рациональности, но «зная» собственные «начало и конец» *полагает* более возвышенный способ взаимодействия субъекта и объекта, который Плотин называл метафизическим молчанием, а христианские мистики – «познанием после познания».

Развивающей и преобразующей – функции рефлексии совершенно не понимают те филосо-

фы, которые трактуют «гегелевский путь от творческого начала мышления к практической жизни» исключительно как путь идеализма, а его диалектику как логику «воплощения всеобщего смысла (замысла) в особенные и частичные формы бытия» [15, с. 42]. Очевидно подобная интерпретация гегелевской диалектики существенно принижает ее значение. В учении о видах отражения Гегель неслучайно ставит на первое место полагающую рефлексию, которая устанавливает внутреннее противоречие в предметах. Об этом совершенно определенно заявлял нижегородский философ В.П. Соколов еще 40 лет назад: «Поскольку полагающее отражение определяется как движение на поверхности бытия и возвращение бытия в сущность, постольку это движение содержит и свое противоположное движение. … Это и есть развитие сущности…» [17, с. 13]. Логическая теория, описывающая развитие сущности, демонстрирует безграничную способность мысли двигаться не просто от одной определенности к другой, но и обретать, посредством противоречия, все новые собственные основания. Диалектическая логика демонстрирует в классическом – абстрактно-понятийном – виде абсолютные возможности рефлексии, ее свободную и духовную устремленность. Рефлексия, таким образом, есть универсальное свойство человеческой субъективности, реализующееся и в движении рациональной, систематически организованной мысли *и* в её (субъективности) мифологическом предположении.

Если индивидуальность и субъективность в родовом обществе еще нереальны, то каким же образом возможна духовность первобытной жизни? Нам представляется, что полагание духа в деятельности общинно-родового коллектива совершается в форме приобщения индивидов к общему мистериально-культовому центру – святилищу. Становление элементов индивидуального сознания, субъективного духа происходит исключительно через воспроизводство коллективистского «духа» – бессознательно-архетипической структуры «Мы». Способом, «инструментом» ее воссоздания служит первобытный ритуал – священнодействие, в центре которого находится тотем. Тотем, либо замещающий его предмет (макет) освящен мифологемой первопредка. Тотемизм, таким образом, есть первичный способ символизации мира, способ его рефлексивного освоения в первобытно-магическом опыте.

Наряду с вышеописанными мистериальными процедурами, но уже за пределами тотемного «круга» совершается воплощение общезначимых образов–символов в предметную форму их инобытия, в форму технических орудий. Логико-историческая реконструкция процесса формирования древнейшего технического артефакта – колеса – представлена в работе А.В. Дахина [18]. Автор убедительно продемонстрировал как первичное, интуитивное еще представление о круге буквально вытанцовывается, формируется в ритуальном действии. И уже затем образ ритуально-магического круга, утрачивая свою исходную сакральность, абстрагируется в идеальную форму, способную к предметному воплощению в виде техноса – колеса.

В самых общих чертах, насколько позволяет объем статьи, мы продемонстрировали наличие исходного социального опыта, фундаментальной деятельности, смыслообразующей основы социального мира.

Первобытность магична и внеисторична. Однако именно первобытный коллективизм является общей социальной предпосылкой субъективно-духовного развития индивидов. Мистериально-обрядовая практика общинно-родового общества трансформируется со временем в духовно-мистические движения, распадается на религиозные традиции.

Содержанием самого первобытно-шаманистского «комплекса» является коллективный транс, совместный экстатический порыв, в ходе которого совершается воссоздание всего общинного миропорядка. Но именно в этом мифологически замкнутом, естественно-родовом «теле» скрываются возможности исторической эмансипации индивидов – их психического освобождения и духовного совершенствования. Социальная история поэтому есть реализация истинно человеческих сил; в сущности своей история – это драматическая борьба за духовное самоопределение и народа, и личности. Не в обыденных делах, но в деятельности, в борении совершается рост духовных сил, обретается жизненный смысл – и индивидуальный, и соборный.

Библиографический список

1. Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: ИПЛ, 1990.

2. Деятельность, культура, человек // Вопросы философии. – №2. – 2001. – С. 56–123.

3. *Зеленов Л.А.* Структура эстетической деятельности: Дисс. … д-ра филос. наук. – Свердловск, УрГУ, 1972; Субъект, познание, деятельность. К 70-летию В.А. Лекторского. – М.: изд-во Канон + ОИ «Реабилитация», 2002.

4. *Сагатовский В.Н.* М.С. Каган и будущее нашей философии // Сб. к 80-летию проф. М.С. Кагана. Серия «Мыслители», вып. 4. – СПб., 2001.

5. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность – познание – искусство. – Киев: Наукова думка, 1977.

6. *Маслов А.А.* Невозможная цивилизация? // Невозможная цивилизация? – М.: Знание, 1996.

7. *Шилов Ю.А.* Гандхарва – арийский спаситель. Ведическое наследие Поднепровья. – М.: Сфера, 1997.

8. *Брантон П.* Путешествие в сакральный Египет. – М.: Сфера, 1997.

9. *Хейч Э.* Посвящение. – М.: Сфера, 1997.

10. *Зеленов Л.А.* Народное мироосвоение в системе типов мироосвоения // Народное мироосвоение. Народный опыт, народная культура. – Н. Новгород, 1996.

11. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Философия, мифология, культура. – М.: Политиздат, 1991.

12. *Элиаде М.* Космос и история // Цит. по: Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.

13. *Лукьянов А.Е., Григорьев В.И.* Философия Древнего и средневекового Востока // Философия: Учебник / Под ред. В.Д. Губина. – М.: Русское слово, 1997.

14. *Штайнер Р.* Мистерии древности и христианство. – М.: СП «Интербук», 1990.

15. *Михайлов Ф.Т.* Общественное сознание и самосознание индивида. – М.: Наука, 1990.

16. *Гегель Г.Ф.В.* Наука логики. В 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1971.

17. *Соколов В.П.* Виды отражения // Тезисы докладов ко второй научной региональной сессии. – Горький, 1965. – С. 11–16.

18. *Дахин А.В.* Феноменология универсальности в культуре. – Н. Новгород.

М.Ю. Чернавский

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ПРИНЦИПА МОНАРХИИ В РУССКОМ КОНСЕРВАТИЗМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Русская консервативная мысль второй половины XIX – начала XX веков предложила ряд принципиально новых религиозно-философских подходов к обоснованию монархической формы правления. Консервативная мысль предполагает существование монархической формы правления, прежде всего, в силу того, что монархическая власть рассматривается как власть Богом установленная, которая выполняет функцию проводника идей, продиктованных каждому народу свыше. Самодержец рассматривается как помазанник Божий, осуществляющий волю господа Бога на земле, в посюстороннем мире. Эти идея более чем ярко иллюстрирует текст самодержавного манифеста Александра III от 29 апреля 1881 года: «…Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений… Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных Наших служить Нам и Государству верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ее Возлюбленным Нашим Родителем…»[1]

С целью обоснования необходимости существования монархической власти русский консерватизм задействует широкий спектр теорий. *Теологическая теория* обоснования монархии является узловой как для мирового, так и для русского консерватизма. В частности, с точки зрения В.П. Мещерского «самодержавие есть верховная власть монарха над народом, которая ответственна только перед Богом и совестью монарха»[2]. *Патриархальная трактовка* монархической власти также присутствует в консервативных воззрениях. Митрополит Филарет проводил параллель между властью русского царя

 © М.Ю. Чернавский, 2006

и властью отца семейства[3]. С.Н. Сыромятников, стремясь обосновать монархическую форму правления, апеллирует к патриархальным идеям. Самодержец, управляя народом руководствуясь своей совестью и будучи воспитанным на идеалах православия, христианской добродетели и любви, является в определенном смысле главой большого семейства – народа. Его отношение к подданным строится на отношении отца к детям. Права отца продиктованы самой природой, следовательно, компромиссы и борьба за власть при этом неуместны. Если Бог правит на небе, то государь – на земле. Патриархальное единство царя и народа проявляется в том, что «если народ пользуется от государя отеческою любовью, искренностью, уважением, то и сам любит его, привязан к нему, послушен его воле»[4].

В противовес договорной трактовке сущности власти, отстаиваемой либеральной политической мыслью, консерваторы делали акцент на *внедоговорном характере происхождения царской власти*. Согласно митр. Филарету, власть монарха восходит «к законам самого творца»[5]. Власть русского монарха неразрывно связывалась в воззрения консерваторов с Россией, судьба страны отождествлялась с судьбой монархической формы правления, а монарх объявлялся носителем российской государственности. В частности, для М.Н. Каткова царь и Отечество рассматривались как одна и та же «всеобъемлющая сила»[6], имеющая общую судьбу, так как «монархия выросла из истории России» и ей «суждено существовать, пока существует Россия»[7]. Более того, монархизм и Россия настолько переплетены, что «сам монарх не мог бы отменить своих прав, если бы захотел, да и народ не понял бы его»[8]. Кроме того, монархическая власть рассматривалась Катковым как основной рычаг экономического развития, она, воплотив в себе «всю политическую и духовную практику нации, способна вести Россию по пути всесторонней модернизации»[9].

Сохранить свою государственность и политическую целостность Россия, по мнению С.Н. Сыромятникова, сможет лишь следуя монархической форме правления: «Спасение России как политического целого лежит в самодержавной власти государя, а не в парламентском народоправстве»[10], самодержавие, по Сыромятникову, «есть защита русской народности». Принцип монархизма Россия также унаследовала от Востока: «Я горжусь самодержавием как драгоценнейшим даром Востока, который мы русские должны окружать самоотвержением и любовью совсем не за страх, а за совесть»[11]. Русский публицист выступил, по сути с протоевразийскими идеями[12], объявив, что государственную идею передал России Восток через Византию и Орду: «Византийское государство было идейным наследником Персидской монархии, а татары, став покорителями Китая, сделались учениками и проводниками китайской политической философии». Таким образом, российская государственность является наследницей «византийской церкви» и «китайской государственной мысли»[13].

Основное *отличие европейских императоров от российских самодержцев* состоит, по мысли Сыромятникова, в связи последних с религией. Необходимость сохранения самодержавия тесно связана в психологии восточных народов с их религиозным мировосприятием: «В царе, как таковом, стираются его человеческие слабости, его личные вкусы и стремления. Об нем молятся, не ему, а об нем. У него есть все, ему нечего больше желать, но на нем лежит страшная тяжесть власти. И вот он, немощный, смертный, стоит один пред своей совестью и своим Богом, и путем невидимых токов льется к нему любовь подданных и сходит на него благодать. Разве в этом нет тайны? И разве самодержавие Востока не сделало народам больше добра, чем зла? Ибо только восточные самодержцы сохранили от расхищения народную душу и не позволили угаснуть свету». Без религии абсолютный монарх, по Сыромятникову, будет только императором, то есть начальником армии. «Под сенью церкви, под действием религии он будет царем, то есть существом в нравственном смысле неизмеримо более высоким, чем император»[14].

Консерваторы пытались рассмотреть истоки монархизма и в *психологических факторах* бытия человека. К.П. Победоносцев говорит о том, что «в душевной природе человека глубоко таится потребность искания над собой какой-либо власти»[15], Л.А. Тихомиров с ним соглашается, признавая факт того, что «в сложной натуре человека есть несомненное искание над собой власти, которой он мог бы подчиниться»[16].

Консервативно-монархическая мысль использует также идеи из арсенала либерализма, пытаясь играть на идеологическом поле своих политических оппонентов. Так, в противовес

европейским либеральным трактовкам идеи демократии С.Н. Сыромятников выдвигает тезис о *демократизме самодержавия*: «Россия – свободная демократия со свободным царем во главе, ответственным лишь перед Богом и совестью». Царь рассматривается публицистом как «народный трибун, народом поставленный»[17]. Демократизм самодержавия объясняется Сыромятниковым также и тем, что совесть диктует царю законы на благо всего народа, а не отдельных его социальных групп или классов. Происходит это из-за того, что самодержавие подчиняет себя Богу, который «выражает всеобщую волю». Отсюда следует вывод, что если самодержавие «в основе своей демократично, то всякая попытка ограничить его будет попыткой ограничения демократии»[18].

При этом самодержавный принцип гармонично сочетается с принципом соблюдения законности: «Наше самодержавие, – отмечает Н.И. Черняев, – покажет, что в неограниченной монархии может прекрасно воспитываться и развиваться чувство законности. Отстаивая строгое исполнение нелицеприятного и для всех равного закона, русские монархи тем самым укрепляли и будут укреплять свою власть, созидая ее на всеобщем доверии»[19]. Более того, самодержавие воспринимается идеологами русского консерватизма как наиболее применимая к России и, в отличие от республики, самая перспективная форма правления: «Наше самодержавие с уверенностью может смотреть в будущее. Когда на Западе рассеется мираж демократических и республиканских идей; когда и наука права и беспристрастная история окончательно подорвут значение тех политических теорий, которые пользуются ныне преимуществом моды, тогда великое и благое призвание нашего самодержавия будет по достоинству оценено не только у нас, но и там, где господствует ныне столь наивная вера в чудодейственную силу избирательных агитаций, парламентского большинства, механического подсчитывания голосов при решении государственных вопросов, партийной розни, министерских кризисов и т.д.». Отсюда русский публицист делает вывод, о несправедливости утверждения о том, что «людям Запада нечему у нас учиться», напротив, «те из них, которые знакомы с историей и догматами православной Церкви, уже начинают проникаться убеждением, что свет и ныне обретается на Востоке»[20]. Отличия демократии от монархии емко выразил Л.А. Тихомиров: «Демократия выражает доверие к силе количественной. Монархия выражает доверие по преимуществу к силе нравственной»[21].

Монарх в консерватизме объявляется творцом социального мира, создателем общества. Эта мысль получила свое развитие и в русском консерватизме. К.П. Победоносцев в своей речи на совещании у Александра III 8 марта 1881 года отметил, что «Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь Русского царя с его народом есть неоценимое благо»[22]. В записке на имя Николая II в январь 1895 года Победоносцев указал на то, что русский народ «живет в своем государе, сознает в нем себя, видит в нем живое воплощение своего национального единства, своего исторического назначения, признает в нем источник своего могущества и орудие своей независимости и своего блага»[23]. Н.И. Черняев указал на то, что «наше самодержавие – это разум и воля целой нации, олицетворенные в одном человеке»[24]. Н. Павлов указал на единственно возможную форму равенства в монархии, которая должна выражаться в том, что существует только «царь и народ, никого кроме, никакого «политического корпуса», никакого в этом сам-друге лишнего, сам-третьего не полагается; в этом самом все Русские видят истинный залог действительного всеобщего равенства, а не мнимого…»[25]

Идеологи русского консерватизма *критиковали попытки отождествления неограниченной монархии с деспотизмом*, говоря о том, что «между этими двумя понятиями нет ничего общего». Деспотизм может присутствовать в любой форме правления, так как, «если понимать под деспотизмом такой государственный строй, который ложится тяжким гнетом на граждан и поддерживается исключительно грубою силой властелина, то нет никакого основания утверждать, – полагал Черняев, – что неограниченная монархия зиждется на деспотизме, а другие формы правления безусловно чужды его». В государствах, где «монарх пользуется всеобщею любовью, и где авторитет его опирается на нравственную поддержку целой нации, о деспотизме не может быть и речи, ибо основы деспотизма – страх и принуждение, а не единение и взаимное доверие»[26]. Примерно о том же говорит и консервативный публицист конца XIX века

Н. Павлов, по мнению которого, идеалы «свободы, равенства и братства» есть «заповеди любви, зиждущиеся на нравственном начале», а значит, «их себе нельзя и представить на политической подкладке», «их не даст никакая форма правления, никакая же и не отнимет. Их может не быть при каких угодно политических формах, – и при всех же решительно они могут быть»[27]. При этом Л.А. Тихомиров рассматривал верховную самодержавную власть как выразительницу одного, связующего общество принципа, в то время как специализация власти должна распространяться не на этот единый принцип, то есть, происходить «не в самой верховной власти», порождая либеральную теорию разделения властей, но лишь распространяться в создаваемых монархической властью «органах управления»[28].

В русском консерватизме необходимость сохранения монархической власти была продиктована также *религиозно-эсхатологическими соображениями*. Монархия воспринималась как «удерживающая» сила, не позволяющая людям отступиться от Бога, и тем самым отсрочивающая гибель мира и приход антихриста. Этот тезис получает подтверждение в изречении апостола Павла: «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот (день второго пришествия Иисуса Христа) не придет, доколе не придет отступление и не откроется человек греха, сын погибели... Тайна беззакония не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь...» (2. Фес. 2; 3, 7). Впоследствии под «удерживающим» подразумевалась власть Римского императора. Именно о таком толковании апостольского послания говорит Иоанн Златоуст: «Когда прекратится существование римского государства (т.е. царской власти), тогда придет антихрист; а до тех пор, пока он будет бояться этого государства (т.е. царской власти), никто скоро не подчинится антихристу». Русский царь, в соответствии с учением русской православной церкви, является наследником православных христианских императоров Рима и Византии. Поэтому слова апостола Павла с полным основанием относятся и к Российскому самодержцу. Так, старцы Оптиной Пустыни говорили: «Придет конец Православию и Самодержавию в России, тогда конец придет и всему миру»[29]. Св. Феофан Затворник предсказывал, что когда падет Престол Царский и народы заведут демократические порядки, тогда начнется гонение на Церковь и вскоре придет антихрист. «Как показал опыт французской революции, когда нет удерживающего, некому сказать властное «вето», смиренные же заявления веры никто слушать не будет»[30].

Для К.Н. Леонтьева приход антихриста также связывался с процессом отступления человечества от веры: «Трудно допустить, чтобы вера с течением времени возрастала в своей силе все более и более. Приятно встречать у некоторых писателей светлые изображения христианства в будущем (например, у Достоевского и Вл. Соловьева), но нечем оправдать их»[31]. Для того, чтобы задержать народы на пути антихристианского прогресса, чтобы отсрочить приход антихриста, дать возможность как можно большему числу человеческих душ (даже еще и не родившихся) спастись, необходима сильная православно-самодержавная власть: «Для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста (т.е. того могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское, противоцерковное движение) необходима сильная Царская власть»[32]. Таким образом, русским консерваторам удалось достаточно гармонично увязать в единое целое православное учение о конце света с представлением о монархии как форме правления, дающей возможность людям спастись и своим существованием отсрочивающей приход антихриста.

Русская консервативная мысль в целях обоснования монархической формы правления апеллировала также к *субъективистско-личностным философским принципам*. С их точки зрения, природа государства субъективна – в основе образования государства лежит воля субъекта. В рамках теологической концепции образования государства этим субъектом явился Бог. Именно божественная воля породила государство. Субъективный принцип образования государства отражается и на процессе существования государства, воплощаясь в личности правителя. Этот правитель получает санкцию на власть свыше – от Бога. Монарх, таким образом, становится не просто наместником Бога на земле, но и продолжателем субъективной сущности государства, он привносит в государство личностное начало.

В рамках консервативной мысли структура души уподоблялась устройству государства, а в факте субстанциальности души, которая выражается, по Ф.А. Голубинскому в том, что «в человеке есть внутреннее начало, непрестанно из

себя действующее, единое, тождественное, на котором, как на центре, держатся все силы души, исходя из него одного»[33] прообраз личности монарха. Д.А. Хомяков преломляет субъективистско-личностный принцип в социальную сферу и приходит к выводу – «чем сильнее развита в отдельных личностях и в народах именно личность, тем сильнее и плодотворнее мировая роль того, кто такой индивидуальностью обладает»[34]. Л.А. Тихомиров в духе субъективизма, так же возвышенно-трепетно, как если бы он характеризовал монархический принцип властвования, определяет сущность личности: «я есмь субъект, вполне отдельный от окружающего мира, сознающий, рассуждающий, воздействующий на окружающее и воспринимающий воздействия, имеющий силу и свободу… В совокупности все это составляет то, что мы называем *личностью*»[35].

Таким образом, религиозно-философские обоснования монархии в русском консерватизме второй половины XIX – начала XX веков, с одной стороны, исходят из традиционных постулатов, предусматривающих ссылки на божественный характер царской власти, апелляции к патриархальным принципам, на которых покоится монархическая власть, постулирования антилиберального, внедоговорного характера происхождения монархии, акцентирования внимания на отличии европейских монархов от российских самодержцев, а также увязывание смысла существования монархии с религиозно-эсхатологическими представлениями.

С другой стороны, в консервативной мысли данного периода просматриваются и новые, творческие философские принципы обоснования монархии, а именно – русские консерваторы попытались играть на либеральном идеологическом поле, отстаивая тезис о изначальном демократизме российского самодержавия, решили использовать ссылку на психологические особенности человеческой природы и даже привлечь в свои идейные союзницы философию субъективизма.

Однако данные творческо-философские находки не получили своего необходимого подкрепления на уровне реальной политической практики, что привело вначале к трансформации абсолютной монархии в монархию конституционную, а затем к революционному слому всей монархической системы.

Примечания

[1] *Семенов П.Н.* Самодержавие как государственный строй. – СПб., 1906. – С. 1.

[2] *Мещерский В.П.* Дневник кн. Мещерского. 1906. – СПб., 1906. – С. 98.

[3] *Филарет (Дроздов) митр.* Собрание мнений и отзывов. Т. 6. – СПб., 1888.

[4] *Сыромятников С.Н.* Опыты русской мысли. – СПб., 1901. – С. 48.

[5] *Филарет (Дроздов) митр.* Собрание мнений и отзывов. Т. 6. – СПб., 1888. – С. 317.

[6] *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863. – М., 1867. – С. 167.

[7] Цит. по: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия. – М., 1978. – С. 227.

[8] Там же.

[9] *Катков М.Н.* Виды на entence cordiable с «Современником» // Литературное обозрение «Русского вестника». – 1861. – Июль. – С. 69–70.

[10] *Сыромятников С.Н.* Опыты русской мысли. – СПб., 1901. – С. 44.

[11] Там же. – С. 33.

[12] Сыромятников развивает, таким образом, своеобразную «восточную» ориентацию русского консерватизма, начатую еще С.С. Уваровым, продолженную К.Н. Леонтьевым и наиболее ярко воплотившуюся в воззрениях евразийцев.

[13] *Сыромятников С.Н.* Опыты русской мысли. – СПб., 1901. – С. 34-35.

[14] Там же.

[15] *Победоносцев К.П.* Московский сборник. – М., 1896. – С. 252.

[16] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – М., 1998. – С. 28.

[17] *Лукоянов И.В.* Публицисты «Нового времени» и проблема реформ в России (сер. 90-х гг. XIX в. – 1905 г.) // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. Сб. научн. трудов. – СПб., 1992. – С. 125.

[18] *Сыромятников С.Н.* Опыты русской мысли. – СПб., 1901. – С. 49.

[19] *Черняев Н.И.* О русском самодержавии // Русское обозрение. – 1895. – Т. 5. – Сентябрь. – С. 250.

[20] Там же. – С. 251-252.

[21] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – М., 1998. – С. 76.

[22] *Речь К.П.* Победоносцева о конституции // Русский архив. – 1907. – №5. – С. 103.

[23] Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического

курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 г. – М., 1974. – С. 316.

[24] *Черняев Н.И.* О русском самодержавии // Русское обозрение. – Т. 4. – Август. – 1895. – С. 777.

[25] *Павлов Н.* На исходе XIX века // Русское обозрение. – 1894. – Т. 3. – Май. – С. 65.

[26] *Черняев Н.И.* О русском самодержавии // Русское обозрение. – 1895. – Т. 4. – Август. – С. 782.

[27] *Павлов Н.* На исходе XIX века // Русское обозрение. – 1893. – Т. 3. – Май. – С. 48.

[28] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – М., 1998. – С. 57-58.

[29] Россия перед вторым пришествием. – М., 1994. – С. 212, 217.

[30] *Тимофей, свящ., Дионисий, иером.* О Церкви, православном Царстве и последнем времени. – М., 1998. – С. 21.

[31] *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. – М., 1992. – С. 286.

[32] *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. – М., 1996. – С. 682.

[33] *Голубинский Ф.А.* Умозрительная психология. – М., 1897. – С. 33.

[34] *Хомяков Д.А.* Православие, самодержавие, народность. – Минск, 1997. – С. 202.

[35] *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. – М., 1997. – С. 25.

А.С. Комаров

МОРАЛЬНОЕ НАЧАЛО СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ПРИМЕРЕ ЭПИКУРА, СЕНЕКИ, ЭПИКТЕТА И БОЭЦИЯ

Философия эпохи поздней античности богата рассуждениями на тему свободы и различных аспектов её применения. На примере четырёх представителей этого периода мы намереваемся рассмотреть многогранность морального аспекта свободы в трудах великих представителей этой эпохи.

Этические воззрения Эпикура опирались на способность к ощущениям, как на истинную природу человека, из которого и проистекало его понимание смысла жизни как достижения удовольствий и отсутствия страданий. При этом он считал, что «*величайший плод довольства своим (ограничения желаний) – свобода*»[1]. Придерживаясь материалистического взгляда на мир Эпикур отрицает случайность как объективную моральную силу, действующую на людей. Наделение случайности моральной силой приводит к фатализму и стремлению человека оправдать свои безнравственные поступки волей судьбы. Эпикур отрицает это поставив мораль и поведение человека в зависимость не от внешних сил, а от самого человека, отведя случаю лишь роль обстоятельств *«начала больших благ или зол»*[2]. Эпикур считает, что человек обладающий свободой нравственного выбора, не определяемой естественной необходимостью, сам является источником и несёт ответственность за свою жизнь и поступки и причина состояния человека в его характере и жизни, в конкретности их проявлений. Проще говоря, не стоит ожидать от злого пса виляния хвостом, замахиваясь на него палкой. В этом смысле его философия была своеобразной философией житейского анти-абсурда. По его мнению «*Причина страданий заключена в самом человеке – это страсти и страх, от которых призвана излечить людей философия. Достижение удовольствий невозможно без аскетического самоограничения. Результат правильной жизни – невозмутимый покой души (атараксия), счастье, тождественное добродетели,* ***свобода*** *и наслаждения, высшими из которых являются мудрость, справедливость и особенно дружба»*[3].

Величайший представитель римской стоической философии Сенека говорит о свободе, как о нравственной ценности. В центре внимания его философских исканий – добродетельная и спокойная жизнь, открытая для нравственного самосовершенствования, как подлинного содержания жизни. По его мнению «*счастливую жизнь составляют свобода духа, бодрость, непоколебимая стойкость, неустрашимость, бесстрастие и сознание, что единственное благо – нравственное достоинство и единственное зло – порочность? Все остальное при всем своем многообразии маловажно: все это не оказывает ни отрицательного ни положительного*

© А.С. Комаров, 2006

влияния на счастливую жизнь, появляясь и исчезая без всякой пользы и вреда для высшего блага»[4]. Высшим благом он считал жизнь в соответствии с природой. Спокойная, нравственная жизнь, покорная высшей судьбе и составляет по его мнению, это соответствие, как необходимое условие счастливой жизни: «*А когда природа потребует, чтобы я возвратил ей свою жизнь, или я сделал это по требованию своего разума, я уйду, засвидетельствовавши, что я дорожил чистой совестью и стремился к добру, что ничья свобода, и прежде всего моя собственная, по моей вине не была ограничена»*[5]. *Свобода духа*, о которой Сенека писал выше есть внутренняя свобода, её чувственное начало, своеобразное нравственное самовосприятие, которое вовсе не предполагает по Сенеке отсутствия всевластия высшей судьбы. Наоборот, Сенека говорит о добровольном подчинении Судьбе, как об акте необходимом для счастливой жизни, произведённом в согласии с доброй волей, как свободой соединившейся с добродетелью, осознанной свободой, которая и есть истинная.

В своих письмах к Луцилию Сенека пишет: «*Избежать неизбежного нельзя – его можно только победить*»[6]. Знать о добродетели, что даёт философия[7] и совершенствовать себя в этой добродетели, стремясь к безмятежности открывает путь к победе: «*А я желаю тебе распоряжаться самим собой, чтобы твой дух, волнуемый смутными мыслями, противился им, обрел уверенность и довольство собою, чтобы, поняв, в чем истинное благо (а понять – значит овладеть им), он не нуждался в продлении жизни. Только тот поистине уволен со службы и свободен, тот ушел из-под власти необходимости, кто живет, завершив путь жизни*»[8]. Управлять собой, а не быть рабом своих пороков позволяет человеку избежать ограничения свободы по своей вине, а значит победить себя, а в себе неизбежное. «*Никто не может иметь все, чего захочет, – зато всякий может не хотеть того, чего не имеет, и с радостью обойтись тем, что под рукой. Кроткий и привыкший терпеть дурное обращенье желудок – немалый залог свободы*»[9]. В первом же письме он призывает война Луцилия отвоевать себя у себя самого, т.о. в обладании собой заключена свобода.

Этические взгляды Сенеки нашли продолжение в философии Эпиктета. Мысли Эпиктета содержатся в трактате «В чём наше благо?». Эпиктет считает, как и Сенека, что свободный человек должен управлять собой. Так он говорит, что «*Не удовлетворением своих праздных желаний достигается свобода; но, наоборот, избавлением себя от таких желаний»*[10]**.** По его мнению, потенциал этого избавления находится в самом человеке и это его естественное состояние, которое надо вспомнить и вернуться к нему: «*Если он хочет избавиться от всех своих бед и несчастий, пусть он опомнится. Пусть он узнает, в чем истинное благо жизни. Пусть он на каждом шагу своей жизни поступает согласно законам правды и добра, начертанным в его душе, и он обретет истинную свободу»*[11]. Т.о. можно утверждать, что в восприятии свободы Эпиктет видел определяющее значение нравственного разума, как внутренней осознанной человеческой склонности к добру, что говорит о гуманистическом понимании проблемы свободы Эпиктетом. От имени Бога он говорит: «*Я не хотел даровать тебе полной свободы делать все, что тебе вздумается, но Я вселил в тебя божественную частицу Себя Самого. Я даровал тебе способность стремиться к добру и избегать зла; Я вселил в тебя свободное разумение. Если ты будешь прикладывать свой разум ко всему тому, что случается с тобою, то ничто в мире не будет служить тебе препятствием или стеснением на том пути, который Я тебе назначил; ты никогда не будешь плакаться ни на свою судьбу, ни на людей; не станешь осуждать их или подделываться к ним»*[12]. Эпиктет стремился выработать нравственную позицию, дарующую независимо от жизненных обстоятельств внутреннюю духовную свободу бытия. Она, если вникнуть в его мысли в умении управлять своей жизнью, в подавлении страхов, пороков и желаний того, что от человека не зависит. *«Истинный борец – тот, кто борется со своими порочными помыслами. Борись, братец, и не давай себя завлекать в болото. Борьба эта святая и приближает тебя к Богу. От успешности ее зависит твоя свобода, – зависит спокойствие и счастье твоей жизни»*[13]. Но кроме борьбы для достижения свободы необходимо и понимание жизни, понимание сущности и назначения борьбы, чтобы быть свободным от неправильных желаний, управлять собой в мире. Для этого все вещи призывал делить на зависящие и независящие от человека. *«Свободный человек распоряжается только тем, чем мож-*

но распоряжаться беспрепятственно. А распоряжаться вполне беспрепятственно можно только самим собою. И потому если ты увидишь, что человек хочет распоряжаться не самим собою, а другими, то знай, что он не свободен: он сделался рабом своего желания властвовать над людьми»[14]. Путь к осознанию и принятию этого по Эпиктету открывает философия и добродетель (благо). Известно его высказывание, о том, *«что разумный человек свободен»*[15]. Для достижения свободы он призывал взирать на подлинно свободных людей, по его мнению, философов Диогена и Сократа, потому что они освободили себя от всего порабощающего человека, прежде всего от жажды жизнь и страха расстаться с ней. «*Вот почему я назову свободным только такого человека, который поступает по своей совести, не боясь никаких напастей и мук, ни даже самой смерти»*[16]. Свобода, по мнению Эпиктета, не могла служить пороку, удовлетворению низких страстей, в т.ч. и власти над другими людьми, а наоборот есть побудитель к нравственному возрастанию. *«Если свобода есть благо, то свободный человек не может быть и подлецом»*[17].

Г.Г. Майоров в своей статье «Судьба и дело Боэция», даёт следующую оценку представлениям Боэция о свободе воли: «Кто живет только по законам божественного Провидения, свободен. Его свобода состоит в добровольности принятия того порядка, который действует в мире; она состоит в сознательном соучастии в мировом процессе, направляемом Богом, в радостном признании, что все идет к лучшему. Преодоление необходимости судьбы достигается у Боэция через специфическое понимание ее как волеизъявления благого Провидения, в котором концентрируется абсолютная свобода Бога»[18]. Одна из основных тем его философии – теодицея через призму отношения свободы человеческой воли и Божественного предопределения. К этой проблеме он обращается в своём главном философском труде «Утешение философией», где в частности задаётся вопросом о самой возможности свободы воли. По его мнению, она существует для всех существ обладающих разумом. Бог предвидит будущее, и знает не только причину, но и результат действия, но это предвидение не налагает безусловной необходимости на событие в силу действия предвиденья в вечности, а событий во времени. Свобода включённости в событие предполагает одновременно и активную волю человека и Божественное участие в нём, через его предвидение. «*Предзнание существует, но не сообщает вещам и событиям необходимости, тогда, полагаю, сохранится в неприкосновенности абсолютная свобода человеческой воли»*[19]. Это становится возможным, благодаря временности истории. В вечности свободы человеческой воли нет, а во времени она, несомненно, присутствует и реализуется в действительном и добровольном участии человека в истории. «*Руководствоваться его законами и повиноваться его правосудию есть высшая свобода»*[20]. Время существует лишь в действии, равно как и само действие во времени приобретает смысл. Времени без действия нет иначе действие не могло бы состоятся, но история – это не просто время и действие, а осознанное действие в осознанном времени. Основной вопрос истории: «Что было?», где **что** указывает на событие, а **было** на время, а их **сочетание** на осознанность проблемы. «*Мы свободны в своем выборе, пока не выбрали, а когда уже выбрали, наша свобода перешла в необходимость и канула в вечность. Но все-таки и возможность выбора, и способность управлять своими стремлениями у человека сохраняется, даже если то, что мы изберем и что пожелаем, заранее известно Богу, ибо от того, что кто-то наблюдает за моими действиями, они не перестают быть моими, а наблюдает за нами и опекает нас сам Бог, создавший нас разумными, а значит, и свободными но своему образу и подобию. Из всего этого следует, что человек предопределен к свободе, и поэтому сам творит свою судьбу, и ничто не может сделать его несчастным, если он живет по правде и творит добро»*[21]. Таким образом, Бог определяет через свои законы последствия событий, но выбор путей к ним оставляет за человеком. Построение этого настолько продуманно и отлажено, что в нашем временном восприятии времени наше существование в свободе воли не диссонирует вселенскими ритмами Божественного разума, положившими в её основание свою совершенную волю. И Боэций делает такой вывод: «*Остается в неприкосновенности свобода воли смертных, и справедливы законы, определяющие меру наград и наказаний, так как человеческие желания не связаны необходимостью*».

Таким образом, можно заключить, что моральный аспект свободы в указанный период

истории философии находит различные варианты решения. Так Эпикур видит в ней на ряду с атараксией результат правильной жизни, Сенека – высшую нравственную ценность (добродетель), заключённая в осознанном подчинении высшему благу, Эпиктет в свободе видел внутреннюю склонность человека к добру, Боэций одним из первых поднял тему оправдания добра и роли свободы воли в проблеме нравственного выбора.

Примечания

[1] *Эпикур.* Фрагменты // Философия от античности до современности. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2003. – С. 1149.

[2] История философии в кратком изложении: пер. с чеш. И.И. Богута. – М.: Мысль, 1991. – С. 169.

[3] *Эпикур.* Фрагменты // Философия от античности до современности. – С. 1065.

[4] *Сенека.* О счастливой жизни // Философия от античности до современности. – С. 5764.

[5] Там же. – С. 5797.

[6] *Сенека.* Письма к Луцилию. Письмо XXXVII.

[7] «Потому что само рабство у философии есть свобода». Письмо VIII.

[8] *Сенека.* Указ. соч. Письмо XXXII.

[9] *Сенека.* Указ. соч. Письмо CXXIII.

[10] *Эпиктет.* В чём наше благо? // Философия от античности до современности. – С. 5932.

[11] Там же. – С. 5914.

[12] Там же. – С. 5895–5896.

[13] Там же. – С. 5858.

[14] Там же. – С. 5916.

[15] Там же. – С. 5908.

[16] Там же. – С. 5912.

[17] Там же. – С. 5915.

[18] *Майоров Г.Г.* Судьба и дело Боэция // Боэций «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: Наука, 1990. – С. 411.

[19] *Боэций.* Утешение философией // Философия от античности до современности. – С. 7102.

[20] Там же. – С. 6960.

[21] *Майоров Г.Г.* Указ. соч. – С. 414.

[22] *Боэций.* Указ. соч. – С. 7120.

С.Г. Гусева

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ ДОСТАТКА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Несходство духовной природы западной и восточной обусловлено, по В.О. Ключевскому, двумя различными культурными течениями – римско-католическим и византийско-православным. Наша культура с более слабыми предпосылками прагматического мировоззрения.

В России сложилось иное, чем на Западе отношение к деньгам и богатству. По понятиям православия, кумир богатства всегда включает представления о духовных благах и нематериальных ценностях. Русская общинная духовность не могла позволить, чтобы один был сыт и доволен, а другой голодал, в отличие от представителя западной культуры.

Система нравственных ценностей на западе, преодолевшем азиатизм, центрирована вокруг автономной личности, не связанной определенно с какими-то социальными структурами. Протестант, буржуазный человек живет ради дела, «служит себе», в лучшем случае своей семье, утешаясь, что тем самым служит Богу, или для атеистов – обществу. Традиции, ритуалы, идеи и ценности, не сопрягающиеся с выгодой и эффективностью, теряют свое значение.

Для западного человека свобода олицетворяется в деньгах, для русского человека – свобода – это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие свободы к степени возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги, русский видит в этой «свободе» форму кабалы, опутывающей его душу и обедняющую жизнь.

В России отсутствовала глубокая духовная основа капитализма. Богатство скорее порицалось, чем одухотворялось и оправдывалось. Как гласит русская пословица: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Религиозное сознание не могло до конца принять идею благости личного обогащения.

Принципы православия привели к формированию определенной этики, основными постулатами которой являются:

1) учиться жить в скудости. При ухудшении материальных условий остается место для оптимистического, жизнерадостного отношения к

© С.Г. Гусева, 2006

жизни. Важнейшим является душевное здоровье и равновесие;

2) спектр физиологических потребностей не так уж широк. У человека есть только простые потребности – еда, одежда, жилье;

3) нет места культу холодной справедливости («Суди по совести, а не по закону»);

4) нестрогая прибыльность рыночного обмена. Сущность этого принципа состоит в отказе от требований жесткого торга с обязательным извлечением выгоды, получение прибыли любым путем несвойственно русским людям.

Таким образом, под влиянием двух величайших течений христианства, прививались различные черты в экономической культуре общества. Протестантизм: *индивидуализм, частная собственность, приоритет материальных стимулов труда, практический рационализм, хозяйственный эгоизм, материальное благополучие как выражение совершенства и высшего благоволения, «индивидуальный разум» как носитель истины.* Православие: *«общее житие», корпоративность, коллективные формы владения и хозяйствования, важнейшая роль социально-духовных стимулов труда, одухотворенность поведения, наличие общественного идеала, почитание духовных ценностей выше материальных, приоритет «соборного разума» (соборность – это добровольное объединение людей для общих действий независимо от имущественного, индивидуального, сословного неравенства).*

Под влиянием экологических (т.е. экономических в аристотелевском смысле), религиозных и этических факторов сложился определенный российский этнос. Усвоенные правила поведения составляют основное отличие его членов от другого. Выделить главные черты российского этноса очень сложно, так как доказательства существования этих черт проверяют только историей. Смелость описать эти черты берут на себя немногие исследователи. Например, Н. Я. Данилевский выделил такие черты, которые подтвердила история:

– неуважение к казенной собственности;
– склонность к утопическому мышлению;
– природное долготерпение;
– совестливость;
– нравственный максимализм.

И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Д.С. Лихачев считали, что русский народ является исключительным явлением всемирной истории, поскольку обладает чертами, отсутствующими у других народов, – сознательным предпочтением личным, индивидуальным интересам народных, государственных, общих; а интуитивные способы понимания преобладают над всеми формами логического анализа.

Особенность русской жизни в ее созданном «вторичном историческом хаосе»[1], о котором писал Г.В. Флоровский; ее разрывы, измены, отречения, крайности, соблазны, отсутствие решимости и воли сделать выбор и принять ответственность, роковая впечатлительность, медиумическая зачарованность и пренебрегающая логической дисциплиной и трезвостью чрезмерная отзывчивость – все это, так или иначе, отражается и на отношении русского человека к вещам, шире – к имуществу, собственности, выгоде, достатку.

Эти отношения во многом странны и не выяснены и определяются двумя установками: вещь – ничто (пропади она пропадом!; не в вещах, деньгах счастье) и вещь – все! Это обстоятельство являлось и тормозом и спецификой русской культуры.

В противовес Западу В. Зомбарт характеризует дух хозяйственной жизни России, как в основном антикапиталистический. Исходной точкой хозяйственной деятельности русского человека явилась его естественная потребность в благах. Сколько благ он потреблял, столько и должно быть произведено. В. Зомбарт называет такую форму хозяйства расходным хозяйством, где господствует приоритет потребности.

Русский хочет работать столько, чтобы заработать свое пропитание. В России никогда не было в природе человеческого стремления заработать как можно больше, сделаться как можно богаче. Здесь отсутствовал предпринимательский дух в смысле жажды денег, склонности к счету и осмотрительности.

Для национальной психологии русского человека характерно понимание греховности богатства, если оно рождается не трудом, а за счет капитала. Материальное обогащение не почиталось в народе в качестве одной из важнейших ценностей. «У русских первые движущие силы – любовь и вера. Без любви русский человек становится лентяем и мотом, красиво прозябающим существом, без веры – безразличным резонером. Русскую нацию всегда мучили вечные духовные вопросы, материальное преуспевание никогда не было главной целью»[2].

Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели. Традиционная в России мораль с опаской смотрела на успех и богатство.

В народной среде царило убеждение, что предпринимательство – разновидность мошенничества. Поэтому большая коммерческая удача знаменовалась среди русских купцов возведением храмов.

Мечтой жизни большей части русских предпринимателей было желание построить храмы. Последние возводились на добровольные пожертвования купцов и промышленников. Так своеобразно выражалась идея искупления за богатство, которое, как считалось, всегда было связано с грехом.

Народы Запада своими благодетелями прикованы к земной жизни и земным благам. Православная русская культура «одержима человечным», а потому для нее ни одна конкретная вещь и форма не является идеалом. На Западе сильна сращенность человека с вещественным миром, вещи как посланники внутреннего мира человека, поэтому культура Запада – вещностная.

У большинства россиян и сегодня предпринимательство стоит вне нравственных законов. Это чувствуют и наши бизнесмены. Поэтому общинность вынуждает их ориентироваться на то, чтобы оправдать себя благотворительностью в глазах людей. При этом, как отмечает В.П. Кожевников, все это происходит в условиях, когда предприимчивость, как человеческое свойство вообще, – одна из характерных черт русских.

Перечисленные выше черты, свойственные именно для русского этноса, определяют специфику формирования экономической культуры в целом, и в частности, такого понятия, как достаток.

На формирование экономической культуры оказывают влияние также природно-географические особенности жизни. Генезис категории достатка в русском сознании имеет свои существенные особенности, заключенные, прежде всего, в природно-климатических и геополитических условиях.

Специфические географические реалии России – равнинный характер местности, ее широта и многочисленные природные данные (огромные леса, поля, реки, полезные ископаемые и т.п.) сформировали в сознании русского человека понятие богатства, причем богатства общего пользования (т.е. «ничейного»), а не частного, следовательно, не нуждающегося в частной заботе. Обширность территории страны и малая плотность населения, а также богатства ее природных ресурсов обусловили возможность ведения экстенсивного хозяйства. Обширность внутреннего рынка создала предпосылки замкнутости на собственное экономическое пространство. Все это привело, в отличие от западных стран, к позднему развитию рыночных отношений.

Отсюда же возникла и манера расточительности, а вечный недостаток времени и суровые природные условия, часто сводящие на нет результаты труда, не способствовали культивированию привычки к тщательности и аккуратности в работе. При этом возникают истоки дурной склонности относиться к делу «на авось», без особой рачительности и строгости.

С другой стороны, преобладающим типом хозяйства было натуральное, сельскохозяйственное производство. Российский крестьянин находился в тяжелых условиях: худородные почвы, суровый климат, короткий цикл сельскохозяйственных работ. Средняя урожайность в России была низкой, а трудовые затраты исключительно высокими. Такие крайне тяжелые условия труда русского землевладельческого населения наложили опечаток на особенности формирования понятия достатка. Это выразилось, прежде всего, в способности россиян к крайнему напряжению сил, к долготерпению и привычке жить в скудости.

Большое влияние на специфику формирования русской цивилизации оказали географические условия расселения славянских и других народов, организация их самоуправления, причем с самых первых шагов и на протяжении всей истории, созданию общинных, групповых структур управления, коллективных, часто артельных форм организации труда, заложили основы последующего развития кооперации. Через культуру как носителя исторической памяти народа подобная организация входила в систему представлений и ценностей, определяя и выбор строя экономической мысли.

Экономически Россия была единственной страной в мире, которая приближалась к автаркии, то есть имела такой хозяйственный уклад, который позволял ей самостоятельно и полнокровно существовать независимо от иностранного ввоза и вывоза. На Руси сложился уникальный экономический механизм, обеспечивавший население страны всем необходимым и почти полностью независимый от других стран. Сфор-

мировалась система замкнутого самодовлеющего хозяйства, главными чертами которого была самодостаточность и самоудовлетворенность. Такая система экономического уклада целой страны проецировалась на отдельные хозяйства.

Открытость и отсутствие естественных границ Российского государства не позволяли населению быть защищенным от нашествий, набегов, вторжений и войн. Последствия этих нашествий – постоянные поборы и дани, что формировало в сознании русского человека потребность оставить «что-то про запас», «в закромах», «на черный день». Так рождались такие качества, как расчет, дальновидность и предусмотрительность.

В русском сознании достаток – это, с одной стороны, щедрость и широта размаха в тратах; с другой, автаркия, самоудовлетворенность, самодостаточность, без излишеств, «крепкое» хозяйство, наличие «загашника».

На основе русской моральной традиции в конце XIX начале XX столетия в России складывались образцы хозяйственного деятеля и экономического поведения применительно к условиям рыночного хозяйства. Православно-христианские корни русской традиции сделали невозможными для нее принципиальное неприятие частной собственности. Ибо, как известно, христианство полагает собственность священной. Поэтому достаток, частная собственность не отвергается безусловно. Однако для русской моральной традиции характерно крайне чувствительное отношение к использованию богатства для попрания личного достоинства других людей.

Таким образом, формирование понятия достатка в своих истоках имеет обусловленную различными факторами основу:

– религиозно-мировоззренческую, основанную на православии, характеристики традиций которого сформировали отличную от протестантизма экономическую культуру;

– этническая принадлежность определяет специфику формирования изучаемого понятия в сравнении с другими национальностями;

– природно-климатические и геополитические условия обеспечили выработку определенных человеческих качеств, существенно повлиявших на содержание категории достатка.

Достаток историческая категория и с течением времени претерпела существенные изменения.

Уже в середине XVIII в., с «открытием окна» в Европу и ориентацией на западный тип культуры, тенденция «приобщения к цивилизации» и светскость усиливаются и почти сводят в верхах на нет понятие достатка (как самообеспечивающееся хозяйство), заменяя его понятиями *роскошь, изобилие, вычурность* (что нашло свое отражение в искусстве – стиль барокко). Большое значение приобретает образованность, особенно заграничная. Иметь образование – значит, быть человеком с достатком, который может себе позволить выучиться.

С середины XIX в. помещичье сельское хозяйство стало повсеместно приходить в упадок, что отразилось на помещичьих имениях. Представитель знатного рода (а, значит, богатого, по ранним представлениям) мог быть весь в долгах, жить взаймы, при этом вынужден был не экономить и демонстрировать роскошь на занятые деньги.

При Александре III начался промышленный рост, и появился знаменитый российский червонец. При нем переболело страстью к наглой, безрассудно-вызывающей роскоши российское купечество.

Примером может служить описание быта купечества г. Саратова: «Любимым развлечением у купеческих семейств были катания на санях по праздничным дням от Рождества до последнего дня Масленицы. Они ездили от Никольской церкви по Московской и Сергиевским улицам до полицейского управления и обратно. Только на этих катаньях и можно было увидеть купеческих дочерей, которые сидели в хороших экипажах, запряженных прекрасными лошадьми, с богатой упряжью. Они были одеты в пышные наряды, собольи шубы или салопы, увешаны жемчужными снизками. Набелённые и нарумяненные, они сидели как куколки, закрыв глаза, будто ни на кого не смотрят»[3].

Во второй половине XIX в. купечество уже превзошло дворянство в богатстве и роскоши нарядов, но не в образовании своих потомков. Вот что пишет современник: «...купцы щеголяют экипажами, лошадьми, упряжью, наёмной прислугой и имеют вместо кухарок поваров; детей своих они учат танцам, музыке, пению и иностранным языкам. Живут с большим комфортом и для славы своей не жалеют ничего»[4]. В купеческой среде достаток – это *зажиточность* и *позерство*. Демонстрация доходов становится чуть ли не визитной карточкой.

В это же время достаток, счастье, благополучие понимались простым народом, как *покой*, *богатство*, *честь*.

К концу XIX – началу XX вв. произошел переход к образу «достаток – деньги». Как отмечает В.И. Ленин в своей брошюре «К деревенской бедноте»: «Деньги теперь везде стали главной силой»[5]. «Нищета народа происходит во всех современных государствах оттого, что работники изготавливают всякие предметы на продажу и рынок. Фабрикант и мастеровой, помещик и зажиточный крестьянин производит те или иные изделия, выращивает скот, сеет и собирает хлеб для продажи, для выручки денег…На деньги можно купить все, что хочешь… Из-за денег чуть ли не все помещики позакладывали свои имения в банке»[6].

Эта тенденция отразилась на общественном сознании. Достаток сузился до образа *денег*, *ассигнаций*, *ценных бумаг*. Крупные хозяйства, поместья с отменой крепостного права и, соответственно, не стабильности, потеряли свою значимость.

По наблюдению Л.П. Карсавина, у русских двигаться к идеалу шаг за шагом, осуществлять его постепенным «муравьиным трудом охоты нет». Энергия и вера в осуществимость абсолютного идеала, по его мнению, порождает «активный большивизм».

До Октябрьской революции 1917 года Россия была многоукладной страной. После победы большевизма началась кардинальная ломка вещных прав, проводимая во имя социальных целей, и осуществлялась методами насильственного отчуждения объектов частной собственности.

Предполагать, что социализм имеет в виду только равное разделение, – значит, не понимать существа социализма. Социализм добивается полной реорганизации, как потребления, так и производства. Опыт пролетарских революций, – отмечает В. Чернов, – вспыхнувших после войны, прежде всего, показал, что, по поверке опытом, современное человечество вовсе не столь богато, как то казалось многим на первый взгляд. Оказывается, что никакого безграничного изобилия благ не существует, что блага, накопленные буржуазией, отнюдь не годятся для полного освобождения рабочих, что раздел отнюдь не решает проблемы бедности.

Эпоха социализма – новый этап в формировании понятия достатка в нашей стране. Сбылась мечта утопистов и вся собственность стала общей, не стало ни буржуев, ни пролетариев. Советский Союз – страна всеобщего равенства, сплошного благоденствия. Все живут в трудовом достатке, но смысл самого понятия был размыт и постепенно стирался. Люди, которые имели чуть больше (лучше квартира, машина, дача, гараж) все равно не считались богатыми, исчезло понятие зажиточность. В общественном сознании было закреплено негативное отношение к нетрудовому богатству, частной собственности, вещизму.

Стойкое понимание того, что богатство – это плохо, привело к тому, что в обществе с трудовым доходом иметь что-то излишнее стало признаком чего-то дурного, нехорошего. Достаток, таким образом, стал восприниматься именно как *не достаток*.

Таким образом, финансовая сторона жизни выполняет важную идеологическую функцию. Изначально российская экономика был построена на принципах раздаточной системы: раздаточная владетельность господствовала с XIV века. В советское время вся собственность стала собственностью государства, и носить общественный характер и не подлежала раздаче отдельным лицам.

Основой просоциалистического строя в России была идеология, важнейшим компонентом которой являлась анти-частнособственническая составляющая. На основе этой идеологии формировалось такое понимание достатка, в основе которого лежало презрение к имуществу. Такая идеология была очень близка христианскому пониманию достатка, когда смысл его заключается в обеспечении себя самым необходимым, а именно: сытость, которая достигалась обязательным трудом, трудоустроенность, жилье. Все эти необходимые элементы обеспечивало государство. Таким образом, советская концепция достатка сводилась к всеобщему трудовому обеспечению необходимых потребностей.

«Только коммунистическое общество уничтожает социальное неравенство людей фактически, в действительности и претворяет в жизнь пролетарское требование полного экономического равенства. Социализм означает упразднение частной собственности, уничтожение эксплуатации человека человеком. Только экономическое равенство разрушает все социальные перегородки между людьми, создает возможности возникнуть действительной общности, действительному единству всех членов общества»[7].

Наиболее ярко представления о «пролетарском достатке» могут быть отображены в бытовой сфере того времени.

Бедность и теснота придают вещам валентности, принуждают их к полифункциональнос-

ти, например, стулья используются как столы или полки, утюги и стопки книг – как груз, старые газеты – как скатерть, банки – как вазы. Если кто-то берется разобрать свои вещи, нередко какие-то предметы он предлагает соседям в качестве подарка. Это может быть старый предмет мебели или сломанный телевизор (его ведь еще можно починить).

Жизненный цикл вещей при таких условиях проживания расширяется и продлевается. Тем более что починка старого всегда доступнее покупки нового, отчего ценится искусство чинить вещи (и мужское, и женское – применительно, соответственно, к технике и к одежде).

Еще одна составляющая понимания достатка того времени – улучшение благосостояния собственными стараниями. У экономной хозяйки вещи служат не одну жизнь, чинятся, перешиваются, сберегая средства на другие цели. Можно привести несколько примеров «изворотливости» в сберегании вещей: «если старая вещь выцвела, полиняла, ее лучше перелицевать», «из женских или мужских брюк можно сшить брюки меньшего размера или четырехшовную юбку», «если лиф платья стал коротким, его удлиняют за счет пояса»[8]. Современному «человеку-потребителю» и в голову не придут подобного рода занятия. На сегодняшний день достаток достигается совсем иными способами, а переделкой и починкой вещей занимаются люди с доходом ниже среднего.

Такой подход остается актуальным, когда достаток заключается в обеспечении самыми необходимыми предметами, а для современного благополучия используются имиджевые методы. Значимость передается человеку-вещи, человеку-бренду. На сегодняшний день достаток – это имидж, бренд.

Американская модель «общества массового благосостояния» с его доктриной монетаризма стала ориентиром для российского общества. Сегодня в России произошел революционный переворот, как в начале XX в., но вместо промышленного, мы наблюдаем духовный переворот.

Можно провести параллель между социальными слоями начала и конца XX в.: сегодня роль аристократии занимают «олигархи», буржуазии и купечества – «новые русские», а роль пролетариата заняла интеллигенция. Необеспеченным, нищим «классом» сегодня стали люди духа, интеллигенция, на долю которой выпало испытание, проверка со стороны господствующей власти денег.

Вследствие этого сегодня возникает конфронтация храма и рынка. Христианизация европейских и русских государств способствовала тому, что в них соединялись материально-природные факторы и духовно-моралистические ценности, и местом такого соединения стал христианский храм.

По мере развития цивилизации наряду с храмом выросло другое пространство – рынок. Если в храме люди объединялись на основе сострадания и прощения, то рынок формировал автономных конкурирующих индивидов и разъединял их. Ценности рынка и храма распались. Однако в Западной Европе удалось согласовать эти два пространства, в то время как у нас они были попросту разрушены. Так, М. Вебер описывает капитализм как совпадение религиозных и экономико-политических ценностей. Цивилизованный капиталист меньше всего похож на карикатурную фигуру с животом.

Сегодня система морального долга и внутренней цензуры стала стремительно разрушаться. Причиной является изменение порядка повседневности. Аскетизм, самоотречение, солидарность, альтруизм, экономия и ограничение потребления сегодня являются устаревшими добродетелями, так как современный порядок строиться на основе не экономии, а траты.

Трата выступает эффективной формой протеста против современного порядка, основанного на обмене. Общество потребления уже не ограничивает, а управляет потребностями. Расчет и дальновидность, предусмотрительность и осторожность перестали культивироваться на индивидуальном уровне и уже не составляют основу экономической культуры.

Сегодня в развитых странах имеет место излишек вещей, и это привело к изменению стратегий управления желаниями. Запад объединяет людей системой вещей – комфортом, здоровьем, отдыхом. Различные варианты жилья и мебели, увлекательные поездки, приятное времяпрепровождение – так создается плотный мир повседневности, который формирует общую основу взаимодействия людей. Однако, внешнее проявление достатка имеет зачастую некультурные формы.

При этом нельзя отрицать положительной оценки исследуемой категории, но должна быть выработана культура достатка. Это благо и он не должен уничтожать в человеке человеческие качества (сопереживание, сострадание). История показывает, что ненависть к достатку демонст-

рируют только недостаточные индивиды, не скорректированные с достаточностью души, поэтому, люди, обладающие капиталом, в аристократическое время стремились к внутреннему достатку. Главное, чтобы не было пропасти между человеком и его деньгами. Достаток призван обеспечивать гармонию внутренней и внешней стороны бытия.

Примечания

[1] *Флоровский Г.В.* Пути русского Богословия. – Вильнюс: Б. и., 1991. – С. 500.

[2] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Лексика, 1994. – С. 8.

[3] *Овсянников Ю.М.* Картины русского быта. – М.: АСТ-Пресс; ГАЛЛАРТ, 2000. – С. 73.

[4] Там же. – С. 74.

[5] *Ленин В.И.* Избранные сочинения: в 10 т. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 7. – С. 142.

[6] Там же. – С. 144.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – М.: Наука, 1955. – Т. 7. – С. 378.

[8] Энциклопедия быта. – Ростов-на-Дону: Профит, 1994. – С. 489.

В.Ю. Крутецкий

О ПОПЫТКАХ ОСМЫСЛЕНИЯ СУДЬБЫ МАКСИМА ГРЕКА В КОНЦЕ XVI В.

Изучение биографии Максима Грека исключительно важно для понимания его творчества. Обстоятельства судьбы писателя в огромной степени повлияли на его литературную деятельность: с ними был связан выбор тем его произведений в различные периоды творчества, они определили замысел и состав созданных им собраний собственных сочинений, от них зависели круг и уровень его общения, что отразилось на эпистолярном наследии ученого грека.

Первые попытки осмыслить судьбу святогорца, выявить связь её драматических событий с творчеством были предприняты в конце XVI в., когда интерес к наследию писателя значительно возрос в связи с учреждением патриаршества. Именно в это время появляются первые биографические сочинения о Максиме Греке, переписываются и изучаются материалы его судного дела, а в состав собраний его сочинений – Синодального и Музейного – включаются комплексы текстов, характеризующих важнейшие этапы его судьбы.

Эти комплексы близки по составу, но не совпадают. Порядок текстов в них различен. В Синодальном собрании «биографический» комплекс образуют: гл. 95 – «Того же послание о смирении к бывшему митрополиту Даниилу»; гл. 96 – «Послание инока Максима Грека к святеишему митрополиту Макарию всеа Русии»; гл. 97 – грамота Александрийского патриарха Иоакима к Ивану IV с просьбой об освобождении Максима Грека (4 апреля 1545 г.); гл. 98 – грамота Константинопольского патриарха Дионисия к Ивану IV с аналогичной просьбой (июнь 1546 г.); гл. 99 – Разрешительная грамота Константинопольского патриарха Иеремии II Максиму Греку.

Первые два послания (митрополитам Даниилу и Макарию) отнесены историком Церкви к «отделу» сочинений «апологетических», т.е. написанных Максимом Греком «в защиту себя и совершенного им исправления церковных книг» [4, с. 359].

Послание к Даниилу относится либо к 1539 г. [4, с. 154; 1, с. 170], либо к более позднему времени. Н.В. Синицына полагает, что оно создано в 1547–1548 гг., незадолго до перевода Максима Грека из Твери в Троицу [5, с. 156]. Главная тема послания – тема суда над Максимом Греком. Обращаясь к своему давнему оппоненту и обвинителю на процессах 1525 и 1531 гг., он доказывает собственную невиновность в ереси и «порче» священных текстов, напоминает о своих трудах против «главнейших лжеучений».

Основанием датировки Послания Максима Грека к митрополиту Макарию 1542-м годом служило имеющееся в тексте указание автора на то, что он 17 лет лишен причастия (т.е. с 1525 г., когда состоялся первый судебный процесс), однако допускалась и возможность более поздней датировки [5, с. 154 (примеч. 47)], что представляется более вероятным.

Обращаясь к митрополиту Макарию с просьбой о возвращении в Святую Гору, Максим Грек напоминает «молитвы» и «слезы» о нём, Максиме, святогорских «преподобных отцов» и «братии», а также «моление» вселенского патриарха, т.е. говорит о грамоте Дионисия июня 1546 г.

© В.Ю. Крутецкий, 2006

Остается либо допустить существование более ранней грамоты (до 1542 г.) с аналогичной просьбой, либо, если указание на 17 лет лишения причастия ошибочно, датировать послание 1545–1546 гг. [5, с. 154 (примеч. 47)].

Далее следуют грамоты Иоакима и Дионисия (гл. 97, 98). Заключает комплекс Разрешительная грамота Максиму Греку (гл. 99), данная Константинопольским патриархом Иеремией II во время его пребывания в России в 1588–1589 гг. [2, с. 126–130].

Расположение текстов внутри комплекса, по-видимому, отражает стремление составителей представить биографию Максима Грека в виде ряда последовательных этапов. Однако в первом тексте комплекса (Послание Даниилу) оценка, которую дает писатель собственным трудам, в целом имеет общий характер. Указания на конкретные события начального периода творчества немногочисленны (автор упоминает об «описках», допускавшихся им в переводе, и об отказе переводить для митрополита Даниила книгу блаженного Феодорита).

Следующее далее Послание Макарию отражает более поздний период жизни писателя, связанный с пребыванием в Тверском Отроче монастыре. Находясь в Твери, Максим Грек счел возможным напомнить церковным властям о своем положении и попросить об освобождении. Надежда на успех его обращения к новому митрополиту, Макарию, по-видимому, была связана как с сочувственным отношением к нему Макария, так и с ходатайством за него вселенского патриарха.

Расположение грамот патриархов Иоакима (1545 г.) и Дионисия (1546 г.) к Ивану IV после Послания Макарию согласуется с любой из предложенных датировок послания. Наличие дат в грамотах и косвенного датирующего признака в Послании (гл. 96) давало возможность расположить документы в хронологической последовательности.

В случае, если датирующий признак, имеющийся в Послании, по какой-либо причине не был принят во внимание составителями и под «молением» вселенского патриарха подразумевалась грамота Дионисия, то помещение её после Послания могло быть вызвано иными соображениями. Указание Максима Грека на «моление» патриарха содержится в самом конце Послания (гл. 96). Возможно, составителям показалось логичным присоединить к этому указанию и сами грамоты патриархов. Грамоты в таком случае явились бы своеобразным приложением, призванным документально подтвердить обоснованность ссылки на позицию патриарха.

Материалы «биографического» комплекса в Синодальном собрании характеризуют отношение к Максиму Греку руководства русской и восточных церквей. Выбор материалов (документы исключительно церковного характера, в том числе официальные) и их систематизация в соответствии с этапами биографии писателя отражают замысел составителей собрания.

«Биографический» комплекс в составе Музейного собрания включает: гл. 103 – «Послание инока Максима Грека к святеишему Макарию, митрополиту всеа России»; гл. 104 – грамота Александрийского патриарха Иоакима Ивану IV; гл. 105–106 – грамота Константинопольского патриарха Дионисия Ивану IV (гл. 106 составляют подписи митрополитов, присоединившихся к обращению патриарха); гл. 107 – «Того же Максима Грека послание о смирении к бывшему митрополиту Даниилу, уже извержен Даниил с митрополии»; гл. 108 – послание Максима Грека к великому князю Василию III в связи с завершением перевода Толковой псалтыри. Приведенный перечень демонстрирует различия в составе «биографических» комплексов в обоих собраниях. В Музейном собрании за пределами комплекса оказалась Разрешительная грамота Максиму Греку, она помещена в другой части собрания (гл. 88). Один из текстов «биографического» комплекса Музейного собрания (Послание к Василию III) отсутствует в «биографических» материалах Синодального (гл. 95–99).

Послание к Василию III относится к числу наиболее ранних сочинений Максима Грека (декабрь 1522 г. или несколько позднее) [9, с. 132–133]. Написанное в связи с окончанием перевода Толковой псалтыри, оно включено в некоторые её списки в качестве предисловия. В Послании сообщается об окончании работы по переводу книги, которой автор «предпосылает» «несколько слов» для объяснения её «достоинства и значения» и рассказывает о её составителях. В заключительной части Послания Максим Грек напоминает Василию III о своих русских сотрудниках, участвовавших в переводе книги, и обращается с просьбой «даровать» ему и его спутникам скорейшее возвращение в Святую Гору. Просьба о возвращении выражена настойчиво

и аргументированно. Здесь же автор выражает надежду на помощь Василия III в освобождении своей родины от власти «нечестивых» – турок.

Включение Послания в «биографический» комплекс вполне обоснованно: в нем находится первое из известных обращений Максима Грека к властям об отпуске на родину. Благодаря Посланию освещение получал очень важный для понимания судьбы писателя начальный период его пребывания в России (до 1525 г.). А.И. Иванов, относивший Послание к разряду сочинений, посвященных вопросу о государственной власти (в начале послания помещено короткое рассуждение об отношении «священства» и «царства»), отмечал, что оно «имеет большую важность и для биографии Максима Грека». Просьбой о возвращении в Святую Гору, по словам А.И. Иванова, «опровергаются все суждения о том, что Максим Грек прибыл в Россию как агент константинопольского патриарха, с поручением последнего втянуть Россию в войну с Турцией для освобождения Греции и добиться восстановления юрисдикции константинопольского патриарха над русской церковью» [1, с. 147].

В «биографических» комплексах Музейного и Синодального собраний имеется совпадение: в обоих за посланием митрополиту Макарию следуют грамоты патриархов Иоакима и Дионисия. Расположение Послания Даниилу различно. В Синодальном оно предшествует данной группе текстов, в Музейном – помещено после неё. Далее в Музейном собрании находится Послание к Василию III, отсутствующее в соответствующей части Синодального. Расположение «биографических» материалов в Музейном собрании не соответствует хронологии их появления и не отражает последовательности этапов биографии Максима Грека.

В Музейном собрании с комплексом собственно «биографических» материалов соседствуют тексты иной тематики. Их содержание указывает на существование логической связи между ними и «биографическими» материалами. За Посланием к Василию III (гл. 108) находится второе послание Максима Грека Ф.И. Карпову против предсказательной астрологии (гл. 109), датируемое 1523–1524 г. [7, с. 115]. Помимо общности жанра, эти сочинения сближает принадлежность к начальному периоду творчества писателя. По-видимому, данному посланию (гл. 109) отводилась роль документа, характеризующего начальный этап литературной деятельности Максима Грека в России, в частности, важные для понимания его творчества отношения с одним из самых известных его современников и корреспондентов – Ф.И. Карповым.

Перед началом «биографического» комплекса находится «Слово пространее излагающе со жалостию нестроения и бесчиния цареи и властелеи последняго века сего» (гл. 102), относящееся к числу наиболее известных «обличительных» произведений писателя. В нем рассматриваются вопросы внутренней политики, содержится критика «злоупотреблений и бесчинств представителей центральной и местной власти в период правления Елены Глинской» [5, с. 218]. В этом сочинении, по словам Макария (Булгакова), «Максим хотел выразить собственную жалобу на современных властителей». Следует заметить, что критика властей в Слове преподносится в аллегорической форме и имеет довольно абстрактный характер, конкретные действия власти не упоминаются.

В объединении Слова с «биографическими» материалами можно усмотреть намек на связь драматических обстоятельств судьбы писателя с внутриполитической обстановкой в стране и действиями светских властей. Об этом же свидетельствует включение в состав комплекса и Послания к Василию III – единственного из числа посланий, адресованных Максимом Греком высшим представителям светской власти. С периодом правления Василия III связаны наиболее значимые события в жизни писателя: начало переводческой деятельности и создание первых оригинальных произведений (допущенные в них «описки» и высказанные мнения послужат обвинительным материалом), Церковные Соборы 1525 и 1531 гг., и наиболее тяжелая часть его заключения (в Иосифо-Волоколамском монастыре). К Василию III, причем именно в этом послании, Максим Грек впервые обратился с просьбой о возвращении на родину.

Можно предположить, что, включая Послание в «биографический» комплекс, составители собрания хотели подчеркнуть роль, сыгранную в судьбе Максима Грека Василием III. По-видимому, она представлялась им значительной. Показательно, что в «биографический» комплекс не были включены послания Ивану IV, хотя и в них писатель касался вопросов, связанных с собственной судьбой.

Стремлением составителей доказать политическую лояльность писателя московским властям, вероятно, объясняется введение в гл. 110 Слова благодарственного о победе на крымского хана, написанного святогорцем по поводу отражения нападения крымских татар в 1541 г.

Рядом с текстами «биографического» комплекса помещены два сочинения, в которых затрагивается проблема автокефалии русской Церкви (гл. 111 и 113). Главу 111 составляет «Написание, чесо ради Великаго Новагорода архиепископи на главах своих носят белыи клобук, а не яко же прочии митрополити и епископи, лета 6845 года», известное как Повесть о новгородском белом клобуке. В пространной редакции Повести, представленной в Музейном собрании, имеется предсказание о даровании Русской земле «патриаршего чина». Н.В. Синицына приняла предложенную Я.С. Лурье датировку данной редакции Повести концом XVI в. [3] и сделала вывод о том, что создание памятника явилось «откликом» на учреждение патриаршества. Текст предсказания об учреждении патриаршества «не оставляет сомнений ни в том, что оно создано после 1589 г., ни в том, что автору был известен …текст Уложенной грамоты 1589 г.» [8, с. 295–296].

В гл. 113 помещено «Того же инока Максима сказание ко отрицающимся на поставлении, кленущимся своим рукописанием рускому митрополиту и всему священному собору, еже не приимати поставлениа на митрополию и на владычьства от римскаго папы латыньскиа веры и от цареградскаго патриарха, акы в область безбожных турков поганаго царя и поставленаго от них не приимати». В нём Максим Грек выразил и обосновал критическое отношение к практиковавшемуся на Руси избранию митрополитов без санкции Константинопольского патриарха как находящегося в области «безбожных турков поганаго царя». Данное сочинение заслуживает особого внимания. Время его создания неизвестно. Вероятнее всего, оно было написано в 1522 г. в связи с поставлением на митрополию Даниила. Известно, что Максиму Греку, заинтересовавшемуся правовой основой поставления, было заявлено о существовании «благословенной грамоты» константинопольских патриархов, дающей право русскому Собору самостоятельно выбирать митрополитов. В действительности такого документа не существовало. Вместо него Максиму Греку, по-видимому, показали Дополнение к чину избрания и поставления епископа (или какой-то близкий ему текст): Сказание повторяет фразеологию Дополнения и прямо направлено против изложенной в нем концепции отказа от поставления в Константинополе [8, с. 114].

Сочинение могло быть написано и позднее, при создании писателем систематизированных собраний своих сочинений, представляющих развернутый ответ по всем пунктам предъявленных ему обвинений. Уместно напомнить, что критическое отношение к практике поставления русских митрополитов являлось одним из немногих обвинений, признанных Максимом Греком в 1531 г. Объяснить свою позицию по данному вопросу было для него особенно важно. Очевидно, поэтому Сказание было включено в состав прижизненных систематизированных собраний сочинений писателя, притом, как подчеркивает Н.В. Синицына, в центральную их часть (глава 44 собрания в 47 глав).

Подготовка учреждения патриаршества и последовавшие за этим события вызвали острый интерес к проблеме церковной автокефалии, отношение к которой высказывал в своих произведениях и Максим Грек. Позиция писателя, заявлявшего о «неканоничности» существовавшей на Руси практики поставления митрополитов, не разделялась его русскими современниками и послужила главной причиной осуждения. С учреждением в 1589 г. патриаршества автокефалия русской Церкви обрела «правовую основу», что полностью соответствовало взглядам Максима Грека и устраняло источник противоречий: проблема была решена «в духе его настояний» [6, с. 199]. Включение в состав собрания Сказания (гл. 113), бесспорно, отражало желание составителей представить позицию писателя по вопросу об автокефалии. События 1589–1593 гг., определившие и официально закрепившие правовой, канонический статус русской Церкви, вполне соответствовали этой позиции. Подчеркнуть это, вероятно, и стремились составители, помещая рядом Сказание (гл. 113) и пространную редакцию Повести о белом клобуке (гл. 111). Соответствие правового характера реально осуществившейся автокефалии взглядам Максима Грека доказывало правоту писателя, означало торжество высказанных им взглядов.

Состав «биографического» комплекса и характер примыкающих к нему текстов указывают на то, что выступления по вопросу о церков-

ной автокефалии рассматривались составителями собрания в качестве фактора, сыгравшего важную роль в судьбе святогорца. Можно предположить, что отношение составителей Музейного собрания к Максиму Греку было сочувственным, а созданный ими «биографический» комплекс имел, в частности, «апологетическое», оправдательное назначение.

Библиографический список

1. *Иванов А.И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. – Л.: Наука, 1969.

2. *Крутецкий В.Ю.* Максим Грек и учреждение патриаршества (разрешительная грамота патриарха Иеремии II Максиму Греку, июнь 1588 г.) // IV Centenario dell'istituzione del Patriarcato in Russia. (400-летие учреждения патриаршества в России.). – Roma, 1991. – С. 115–130.

3. *Лурье Я.С.* Повесть о белом клобуке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л-Я. – Л., 1988. – С. 214–215.

4. *Макарий (Булгаков)*, митр. История русской Церкви. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 4. – Ч. 1.

5. *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. – М.: Наука, 1977.

6. *Синицына Н.В.* Исайя Каменец-Подольский и Максим Грек: (из истории русской культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988. – С. 195–208.

7. *Синицына Н.В.* Проект издания сочинений Максима Грека // Offprint from *Cyrillomethodianum* XVII–XVIII. – Thessalonique, 1993–1994. – С. 93–141.

8. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). – М.: Индрик, 1998.

9. *Синицына Н.В.* Из истории полемики против латинян в XVI веке (о датировке и атрибуции некоторых сочинений Максима Грека) // Отечественная история. – М., 2002. – С. 115–144.

В.В. Медвидь

АБСОЛЮТНЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Для России в её историко-культурном развитии проблема нравственности, духовности всегда имела особый смысл, определяемый как своеобразием становления её государственности и формирования социума, так и глубоким влиянием национальных традиций, в том числе святоотеческих. Так сложилось исторически, что современное гуманитарное знание наряду с философскими, психологическими, культурологическими учениями о человеке включает в себя и христианскую антропологию, призванную ответить на вопрос, как стать нравственным, как пробудить и сохранить в себе то высшее, что даровано человеку Богом.

Сегодня проблема духовности наиболее остро представлена в образовательной среде, где закладывается фундамент общего развития человека. Возрастающий прагматизм школьного и вузовского образования приводит к оскудению духовного начала взрослеющей личности. Современная молодёжь, попавшая в зону социального риска (на фоне нестабильности во всех областях жизни общества, множественности противоречий, затянувшихся демократических преобразований, круговерти посредственных развлекательных программ), всё больше отличается падением уровня воспитанности, подражанием не самым лучшим образцам чужих культур (образа жизни, стиля поведения), всё чаще обходится без правовых норм и нравственных идеалов. Вот почему философская и педагогическая мысль конца XX – начала XXI века выдвинула принципы ценности и гуманизации образования в центр национальной образовательной доктрины[1].

Социально-философский аспект рассматриваемых проблем, задачи нравственного воспитания предполагают прежде всего обращение к отечественной философской традиции, в основе которой лежит понимание системообразующей роли духовности в процессе формирования личности и её преемственности в национальной системе образования. Русская философия как учение и жизненная мудрость формировалась в атмосфере диалога художественной литературы и политики, философско-этической мысли и религии, устремленности культуры к вечности, к Богу, к абсолютным моральным ценностям. На

 © В.В. Медвидь, 2006

языке духовной культуры такое мировоззрение называлось «нравственной философией».

В формировании нравственной философии в России как особого способа духовного освоения и видения мира, человека и человечества центральную роль сыграли Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьёв. Им принадлежит решающее значение в утверждении особого типа нравственно-философской религиозной мысли, опирающейся на национальную почву и душевно-духовный склад русского человека и народа и вобравшей в себя лучшие достижения западноевропейской мысли. Однако самым глубоким выразителем тех начал, которые должны лечь в основание национальной нравственной философии в России рубежа Х1Х – ХХ веков, В. Соловьёв называл Достоевского, сыгравшего исключительную роль в развитии религиозно-философской мысли в России, в нравственном возрождении человека и гармонизации общества. Непреходящее значение наследия Достоевского во многом определяется этицизмом философской мысли, более того – этическим максимализмом его религиозно-философской антропологии, обоснованием абсолютных моральных ценностей и идеала.

В восстановлении духовной культуры современной России опыт писателя-философа необходим. Мы всё время, как заметил А. Битов, «попадаем» в Достоевского. Поиски ответов на многие вопросы (о путях развития страны, о национальной самобытности и всечеловеческой отзывчивости, о смысле жизни, о бессмертии, о мировой гармонии) в условиях ломки привычных взглядов, крушения незыблемых авторитетов, глобальной переоценки ценностей приводят нас к напряжённому диалогу с ним. Сегодня мы сталкиваемся с теми же проблемами, в которых пытался разобраться Достоевский: индивидуализм и прагматизм, отчуждение и всеобщее обособление, беспочвенность интеллигенции и отсутствие «скрепляющей идеи», бездуховность и поглощение исключительно земным устроением жизни, стремление к обогащению и «воля к власти».

Феномен Достоевского, по определению И. Гарина, в том, что его творчество стало «открытием утрат». Достоевский жил в такое переходное время, когда старые святыни уже разрушались, а новых ещё не возникло. Утрата ценностей, неверие в человека невольно утверждали духовную смерть личности, а в итоге – гибель цивилизации[2]. Вот почему в кризисную для гуманизма эпоху наш соотечественник с христианской сострадательностью задумался над судьбой человека и человечества. Писатель заглянул в глубины человеческой природы, человеческого сознания и подсознания, показал метафизику добра и метафизику зла в человеке, двусмысленность человеческого естества, двусмысленность красоты и трагизм «естественной» свободы, которая неизменно и неотвратимо ставит человека перед проблемой нравственного выбора.

Достоевский осознал, что зло лежит в тёмных глубинах бытия, что все «мировые идеи», не учитывающие этого, опасны для человека и человечества. В ренессансном гуманизме, как и в гуманизме «демократическом», он распознал отрицание глубины человеческой природы и свободы человеческого духа. Писатель, считает Гарин, потому и «недолюбливал абстракции гуманизма», что видел в них «завлекательные ловушки зла»[3]. Абстрактный гуманизм возлагал ответственность за зло мира на внешние условия существования, делал человека, по выражению Достоевского, игрушкой обстоятельств. Писатель же возлагал ответственность на каждого человека как персонального носителя зла. Не случайно В. Зеньковский утверждал, что «философское мировоззрение Достоевского есть прежде всего персонализм, окрашенный, правда, чисто этически, но зато достигающий в этой окраске необычайной силы и глубины»[4].

С исключительной едкостью Достоевский высмеивал натурализм в антропологии («Записки из подполья»), поверхностный интеллектуализм в понимании человека, которые нашли своё выражение в теоретических построениях позитивизма и утилитаризма. Для него аморализм, скрытый в глубине человека, есть явление духовного, а не «биологического» порядка. Достоевский понимал, что стремление достичь общечеловеческой гармонии «извне», с помощью ограниченных и не до конца продуманных теорий при отсутствии внимания к изначальному внутреннему несовершенству человека, приводит к практическому банкротству этих теорий. Об этом он предупреждал в «Дневнике писателя»: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекарясоциалисты, что в никаком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят от нее самой и что, наконец, законы духа чело-

веческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет еще ни лекарей, ни даже судей *окончательных*…»[5].

По Достоевскому, подлинное в человеке и состоит лишь в его нравственной жизни, в его духовной природе, в его духовной свободе. Основная тайна человека в том, что он есть существо этическое, что он неизменно стоит всегда перед дилеммой добра и зла, от которой он не может никуда уйти: кто не идет путем добра, тот непременно становится на путь зла. Достоевский отвергал упрощенный взгляд на человека как на существо легкомысленное, рассудочное или благоразумное, так как натура человеческая действует вся целиком – сознательно и бессознательно. Самое дорогое для человека – свое собственное, вольное и свободное хотение, свой собственный, хоть бы и дикий каприз, самое дорогое и важное для человека – «по своей глупой воле пожить».

Проблематика свободы в человеке есть вершина идей Достоевского в антропологии. Герои Достоевского проходят испытание свободой, и вместе с ними проходит это тяжелейшее испытание и сам автор. Однако свобода, полагает Зеньковский, не есть последняя правда Достоевского о человеке, ибо эта правда определяется этическим началом в нём. В свободе может быть «семя смерти» и саморазрушения, но она же может вознести человека на высоты преображения. Есть диалектика зла в движениях свободы, но и есть диалектика добра в них. Достоевский, по мнению В. Зеньковского, примыкает к исконно христианской антропологии, потому что вскрывает в человеке не только грех, порочность, эгоизм, «демоническую» стихию, но не менее глубоко вскрывает движение правды и добра в человеческой душе, «ангельское» начало в ней[6].

Антропология Достоевского прежде всего посвящена «подполью» в человеке. Писатель последовательно показывает, как формируется в его романах «подпольный» характер, что есть «подполье», как укореняется в нём человек и каковы типы «подпольного» человека. «Подполье» Достоевского А. Криницын называет особым духовным пространством (символическим, психологическим и философским), где формируются характеры и генерируются идеи героев. В онтологическом контексте оно представляет собой ситуацию глубочайшего раскола человека и мира на фоне «всеобщей шатости понятий», потери религиозных и нравственных устоев («почвы»)[7]. По Достоевскому, подполье – болезнь всего русского образованного общества, вызванная уничтожением веры в общие правила («Нет ничего святого»)[8]. Однако, при видимом ожесточении и отчаянии, у всех «подпольных» героев гораздо сильнее, нежели у «благополучных» людей, обострено ощущение прекрасного и тоска по идеалу. Потребность в нем испытывают даже те из них, кто считает себя законченным атеистом и нигилистом: «душа, успокаивающая себя полным отрицанием, может быть, всего более жаждет положительного подтверждения»[9].

Достоевский убедительно показывает, что долгое пребывание в полной безысходности подполья невозможно и требует некоего разрешения. Тогда-то у его героев и рождается последняя мечта, с которой они связывают обретение смысла жизни и которую они называют своей главной или «высшей» идеей. По утверждению самого Достоевского, «без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация», поэтому главным героем своих романов писатель избирает идеолога. Своеобразие антропологического «опыта» Достоевского в подробном исследовании причин зарождения идей, прослеживании «жизни» идей и изображении отличия между *идеей* и *верой.* Вместе с героями «пятикнижия» проходит духовную эволюцию и сам писатель, имеющий опыт «страстного» увлечения социалистической идеей как общественным идеалом. Таким образом, постижение универсальной философской истины в процессе личностных идейно-нравственных исканий становится основной проблематикой романов писателя. На первое место он выдвигает вопрос о нравственной ответственности человека за всё, что происходит в мире.

Н. Бердяев, назвавший Достоевского «великим антропологом», исследователем глубин и тайн человека, был убежден: никто, кроме него, с такой гениальностью не раскрыл таинственную глубину человеческой природы, антиномичность сознания, безысходный трагизм судьбы. Все страстно в человеческих отношениях («экстатический вихрь», «поток раскаленной лавы»), так как писатель «открывает новую мистическую науку о человеке» («вихревую антропологию»). Именно в общении более всего и раскрываются его герои. Своеобразие же антропологических «опытов» Достоевского, уточняет Бердяев, кроется в том, что глубина человека всегда остается у него до

конца необъяснимой и невыявленной. Писатель показывает душу человека во всей ее реальной глубине, объемности, неисчерпаемой сложности, неоднозначности, противоречивости[10].

Не только Бердяев, но и Зеньковский утверждал, что для Достоевского нет «ничего дороже и значительнее человека, хотя, быть может, нет и ничего страшнее человека». Человек – загадочен, соткан из противоречий, но он является в то же время – в лице даже ничтожного человека – абсолютной ценностью. Только истинный диалектик, психолог и гуманист мог поставить на такую высоту человеческую личность. Разгадывая загадку о человеке, писатель проводит своих героев через опыт добра и зла, через «бытие в Боге и бытие вне Бога», через увлечение разрушительной идеей и обретение веры. По Зеньковскому, в изображении сложности и непредсказуемости характера героев, в обнажении хаотичности души, её дисгармоний, крайних проявлений и добра и зла, в исследовании глубин сатанинских и высот ангельских нет равных Достоевскому как в русской, так и в мировой литературе.

Заслуга Достоевского и в том, что он предостерегал русских либералов и учеников Руссо об опасности «чистой доски» (tabula rasa) в деле воспитания детей, полагая, что «дети – граждане мира», был против «понижения уровня образования, наук и талантов». Достоевский пророчествовал о грядущем превращении человека в «штифтик», в «фортепианную клавишу» и неистово протестовал против подчинения «арифметике», против того, что «в стаде должно быть равенство». Как и Киркегор, он был обеспокоен тем, что «человеку грозит гибель социальная: растворение индивидуальности в общественности, уничтожение личности в массе». Однако уникальность Достоевского в том, что в его сознании сосуществуют соборность с личностностью, коммунитарность с персонализмом. С одной стороны, он бескомпромиссно защищает свободу человека, с другой – человеческий универсализм[11].

Следует сказать, что при всём многообразии мировых, национальных (почвенных) идей и проблем центральной проблемой нравственной философии Достоевского является проблема обоснования высших моральных ценностей и идеала. Попытка антропологического обоснования морали привела писателя к неразрешимому противоречию своеволия и нравственного закона, природного и духовного в человеке. По Достоевскому, абсолютные основания морали, без которых мораль не действенна, возможны лишь в рамках религиозного сознания, ибо единственной преображающей человека силой может быть религиозная вера. Христос или человек, сумевший победить свою греховную природу, – вот идеал истинно прекрасного в нравственной философии Достоевского. Христос для него становится «всечеловеческим» идеалом, нравственность которого невозможно превзойти. Христос завершил задачу откровения, дав человечеству возможность осуществить непосредственное единение с Богом, открыв истину о том, что они определены к высшему бытию, что они должны стремиться к этому бытию. Зеньковский убедительно доказывает, что в формуле Достоевского о спасении мира через красоту «дана не апология искусства, а дана религиозная идея – спасения мира через святость, через восстановление образа Божия в нас». Христос, при всей Его трансцендентной запредельности, призывает к норме, возвращает человека к его подлинной неиспорченной природе, вселяет веру в бесконечность души человеческой. «Изо всех религий, – говорил Вл. Соловьёв, – одно христианство рядом с совершенным Богом ставит *совершенного человека* <…> и это показал нам Достоевский в своих любимых типах»[12].

Поиски в человеке его божественной природы и составляет главное в творчестве художника. И потому он исследует своих героев в различные моменты богооставленности, когда они по разным причинам теряет грань между Добром и Злом. Идеи страдания, покаяния, искупления и спасения очень сильны в художественном мире Достоевского. Лишь немногие его герои достигают веры, ибо нелёгок путь к вере, путь сомнения и борения духа. Многие стороны творчества художника в соотношении с православным учением о мире и человеке могут раскрыть неведомые ранее глубины религиозной мысли Достоевского. К примеру, он поставил глубочайшие проблемы бытия Божия, бессмертия души и смысла жизни в их неразрывной связи с православным учением о человеке.

Антропология Достоевского касается последних глубин человеческого духа («тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»). Лишь через страдания и часто через преступление освобождается человек от соблазнов зла и вновь обращается к Богу. И все же *вера в чело-*

века торжествует у Достоевского над всеми его «открытиями» хаоса и смрадного «подполья» в человеке, ибо антропология писателя-философа пронизана лучами пасхальных переживаний, столь существенных для Православия и его основной тональности.

Этический максимализм религиозно-философской антропологии Достоевского заключается в том, что он утверждал абсолютную ценность каждой человеческой личности; показал двойственность души человека (тайну добра и тайну зла); поставил человека перед проблемой выбора между добром и злом; искал ненасильственный путь к справедливому миру, увидел в христианстве единственно верные основания для жизни; полагал, что любой поступок человека должен быть нравственно обоснован и оправдан («всеобщее счастье» не должно достигаться ценой даже «слезинки ребенка»); уверовал в то, что чувство любви должно распространяться на весь мир, что мораль должна быть нравственной, а любовь деятельной.

Страстная напряженность этических исканий придает глубину и значительность художественным образам писателя. Этический максимализм у Достоевского получает исключительно яркое и сильное выражение в романе «Братья Карамазовы». Весь бунт Ивана Карамазова против Бога определяется именно этическим максимализмом, не принимающим мира потому, что его «будущая гармония» имеет в основе страдания. Именно в Достоевском этический максимализм достигает наиболее глубокого и сильного выражения и входит важным элементом в этические построения последующих мыслителей. Однако никто (ни до, ни после Достоевского) не достигал такой глубины, как он, в анализе «двух бездн» в душе человека – бездны добра и бездны зла, то есть в анализе моральной психологии человека.

Таким образом, Достоевский с его антропологическими открытиями и откровениями, со свойственной ему силой и напряжённостью нравственного сознания, поиском абсолютных ценностей оказывается незаменимым в современном гуманитарном знании, а также в контексте размышлений о будущей судьбе нашей многострадальной России. Ведь вопрос о «качестве человеческого материала» представляется сегодня решающим в процессе политического и экономического обновления страны, ибо главным разрушением за многие годы стало разрушение человека. Выводы писателя о том, что «всякий из нас перед всеми во всём виноват», что жизнь и её значение в том, чтобы «быть человеком между людьми и остаться им навсегда», а в несчастьях «не уныть и не пасть», что всякий, кто грешен, должен быть терпим к прегрешениям своих ближних, что даже в самой обездоленной душе тайно живёт потребность в молитве, покаянии и любви, призывают нас к нравственной ответственности за восстановление в человеке человека.

Примечания

[1] См.: Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Официальные документы в образовании. – 2000. – № 21; Учительская газета. – 2000. – 17 октября; Концепция структуры и содержания общего среднего образования; Федеральная программа развития образования в России на 2000–2005 гг. // Народное образование. – 2000. – № 2.

[2] *Гарин И.И.* Многоликий Достоевский. – М.: ТЕРРА, 1997. – С. 100.

[3] Там же. – С. 148.

[4] *Зеньковский В.* История русской философии. – М.: Академический Проект; Раритет, 2001. – С. 403.

[5] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя: Избранные страницы. – М.: Современник, 1989. – С. 19.

[6] *Зеньковский В.* История русской философии. – С. 407–408.

[7] *Криницын А.Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 8.

[8] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 16. – С. 330.

[9] Там же. – Т. 1. – С. 334.

[10] См.: *Бердяев Н.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Русская мысль. – 1918. – Март–апрель.

[11] *Гарин И.И.* Многоликий Достоевский. – С. 5–7.

[12] О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. – М.: Мол. гвардия, 1992. – С. 64.

Н.В. Седова

СОКРАТ – ВЕЛИЧАЙШИЙ ДОХРИСТИАНСКИЙ УЧИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЕГО ИДЕИ ДЛЯ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Русская педагогика на протяжении своего развития старалась бережно относиться к прогрессивному наследию прошлого. Сегодня, когда особенно значимым становится создание и расширение диалогичного пространства, ученые и практики обращаются к идеям прошлого. Мысли Сократа как нельзя лучше способствуют тому, чтобы выстроить собственные идеи понимания, проникновения в проблему, индивидуального и совместного поиска ее решения и др. Обратимся и мы к идеям величайшего дохристианского учителя человечества, чтобы поразмышлять о настоящем и будущем.

Благороднейшим представителем Древней Греции был Сократ (469–399 гг. до н.э.). Он родился в Афинах в простой семье: отец Софрониск – ремесленник-ваятель, мать Финарета – повивальная бабка. Любой человек в мире слышал это имя. В имеющихся энциклопедиях мы читаем краткую справку:

Сократ, древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов – так называемого сократического метода. Был обвинен в «поклонении новым божествам» и «развращении молодежи» и приговорен к смерти (принял яд цикуты). Излагал свое учение устно; главный источник сведений о нем – сочинения его учеников Ксенофонта и Платона. Цель философии – самопознание как путь к постижению истинного блага; добродетель есть знание, или мудрость. Для последующих эпох Сократ стал воплощением идеала мудреца.

Сократ – античный философ, учитель Платона, воплощенный идеал истинного мудреца в исторической памяти человечества. С именем Сократа связано первое фундаментальное деление истории античной философии на до- и послесократовскую. Это деление отражало интерес ранних философов 6–5 вв. («досократики») к натурфилософии, а последующего поколения софистов 5 века к этико-политическим темам, главная из которых воспитание добродетельного человека и гражданина.

Источниками для изучения биографии и учения Сократа служат: диалоги Платона, «Воспоминания» Ксенофонта. Кроме этих сочинений также имеются: фрагменты и свидетельства о содержании «сократических диалогов» других сократиков – Эсхина, Федона, Антисфена, Евклида, Аристиппа, ряд замечаний Аристотеля, глава о Сократе у Диогена Лаэрийского, «О Демоне Сократа» Плутарха и др. Из этих источников работы Платона и Ксенофонта – наиболее важные, но они показывают существенные расхождения во взглядах на Сократа.

Ксенофонт старался дать фотографически верный снимок с облика философа, но в действительности, вероятно, принижал Сократа; Платон идеализировал его и вкладывал в его уста идеи, принадлежащие ему самому. Сократ, слушая чтение диалога молодого Платона, как-то воскликнул: «сколько этот юноша налгал на меня!» Вопрос о том, какому источнику следует более доверяться при изображении Сократа, рассматривался часто и решался по-разному. Одни ссылались на мнение Ксенофонта, и с этим можно согласиться, если речь идет о внешнем облике философа и его учении; самый дух сократической философии, пожалуй, лучше представлен в диалогах Платона.

Смысл и значение философии Сократа понимались различно, но уже древность смотрела на него как на истинного родоначальника философии, с которого началось развитие главнейших философских систем в Греции. Цицерон называл Сократа «отцом философии» и в особенности родоначальником нравственной философии. В теории и особенно в гносеологических воззрениях, Сократ был реформатор знания. Другое воззрение на Сократа утверждает, что он был, главным образом, социальным реформатором и теоретической философией пользовался лишь как орудием воздействия на умы, с целью подготовки нравственного возрождения. Защитники этого воззрения опираются на воспоминания Ксенофонта. В русской литературе этот взгляд на Сократа был представлен в статье Н. Маркова «Значение Сократа, как философа-педагога» (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1871). Деятельность Сократа имела целью нравственное возрождение общества.

© Н.В. Седова, 2006

Учение Сократа было устным. Все свободное время он проводил в беседах с приезжими софистами и местными гражданами, политиками и обывателями, друзьями и незнакомыми на темы, ставшие традиционными для софистской практики: что есть добро и зло, что прекрасно, а что безобразно, что такое добродетель и порок, можно ли научиться быть хорошим и как приобретается знание.

Его ученик и жизнеописатель Ксенофонт утверждал: Сократ был так «благочестив, что ничего не делал без совета богов; так справедлив, что никогда никого не обидел и в малейшем; так господствовал над собой, что никогда не ошибался в решении о лучшем и худшем; словом, он был наилучшим человеком, какой только и мог быть». Поэтому его справедливо называют не только учителем учителей, но и величайшим дохристианским учителем человечества.

В период высшего политического и умственного развития в Афинах были распространены разные философские учения, поэзия и красноречие. Преподавателей, которые в кружке любознательных юношей и взрослых людей разъясняли те или другие философские воззрения на разные предметы государственной и гражданской жизни, называли софистами, т.е. мудрыми. Многие софисты прославились разработкой специальных отраслей знаний, так Протагор разработал учение о добродетели; Продик – о грамматике; Эвтидем – о военном искусстве и др. Их деятельность имела большое значение в истории просвещения. Переходя из города в город по всей Греции, они пробуждали интерес к просвещению и знанию. Они были ходячими аудиториями для среднего и высшего образования самой широкой публики. Приятные и увлекательные собеседники, ловкие в спорах и убеждении, оживлявшие речи мифами и забавными парадоксами, они личным примером, без всякого принуждения увлекали молодежь к образованию, пробуждали разносторонние умственные интересы. Своими занятиями в разных областях они положили начало разработке новых наук (преимущественно наук о человеке и человеческом обществе – политике, этике, философии права; также и в исследованиях природы), в частности, относящихся к формам человеческого мышления и слова (диалектики, грамматики и риторики), которые составляли видную часть в составе образования. Их деятельность подготовила почву для Сократа. Они первые стали касаться вопросов о человеке, его деятельности и ее целях, что составляло предмет философии Сократа. В связи с общим интересом к человеку и его жизни, софисты первые подошли к постановке вопросов о воспитании, о его силе и важности, при всем значении природы воспитываемых.

Обратимся к сочинениям учеников Сократа, чтобы понять его мысли о человеке, воспитании и образовании.

Сократ целью деятельности считал – сделать слушателей «лучшими», т.е. хотел сделать «лучших людей» в безотносительном смысле, лучших «в самих себе», в отличии от софистов, которые под «лучшими» понимали людей, годных и ловких в житейских и политических делах. Суть учительства Сократа состояла в поиске этого пути, причем, прежде всего, нужно было узнать, что такое человек, в чем его сущность, т.е. «что такое мы сами по себе» и что может сделать нас лучшими людьми. Поэтому надпись «Дельфийского храма» – «познай самого себя» становится основным девизом его учительства.

Для Сократа суть человека – душа, она источник его совершенства и счастья, делает его лучшим; богатства, красота, почести, успехи – это внешние блага. Поэтому в людях надо пробуждать внутреннее стремление к духовному совершенству, к мудрости или добродетели путем самоанализа, самоиспытания. Эта приобретаемая божественная мудрость служит для человека основой его единства с самим собой или внутренней гармонии.

Интересны его рассуждения о сущности добродетели и путях ее приобретения. Обличая запутанность взглядов софистов по этому вопросу, Сократ считал нужным уяснить, что такое добродетель. В ходе бесед он обращается не к отдельным, эмпирическим видам или моментам добродетели, а стремится найти признаки, присущие всем видам добродетели. Так как добродетели и разные их виды – суть предметы переживания глубин души, то их уяснение невозможно без самоуглубления, без самопознания. На этом пути человеку открываются общие свойства добродетели: мудрость, рассудительность, мужество, справедливость и святость. Добродетель есть некоторое знание, знание о «лучшем», о совершеннейшей жизни. Если искать общее название для всех ее видов, то это – мудрость. Ксенофонт говорил, что «справедливость и всякую другую добродетель Сократ почитал мудростью, и кто, …не имеет мудрости, тот не умеет совершить ничего доброго и похвального».

Но мудрость эта особого рода: она не психологическая, природная одаренность ума, и не достояние науки. В «Меноне» Сократ говорит, что добродетель «не получается от природы, и не приобретается учением, …дается тому, кому дается». На вопрос: кому дается добродетель – Сократ не отвечает. Как будто беседы Сократа не доходят до самого конца, оставляют невыясненным самый важный, последний вопрос: как получить добродетель. Но ответ был и не нужен. Если бы мы, захваченные речью Сократа, стали вникать, в чем существо человека, в чем наше благо, размышлять о добродетели, то на этом пути самопознания и самоиспытания нашли бы, как получить добродетель, и почувствовали бы ее приобретение. Один из его собеседников говорил: кто поближе поговорит с Сократом, тот непременно вынужден будет отдать себе отчет, как он жил прежде и живет теперь, и позаботиться о следующей жизни. Обращая взор человека к его душе, потребностям, добродетели, Сократ тем самым побуждал человека искать и находить дар добродетели или мудрости. Кто не чувствовал этого побуждения от беседы с философом, тому был бы напрасен ответ, как получить добродетель. А кто его чувствовал – тому этот ответ был излишен.

На основании различных свидетельств (предпочтение отдается «Апологии Сократа» и ранним диалогам Платона), обычно указывают три особенности сократовской философии: ее разговорный («диалектический») характер; определение понятий путем индукции; этический рационализм, выражаемый формулой «добродетель есть знание».

Разговорный характер учения Сократа, общительного по своей натуре, имел следующее обоснование: Сократ утверждал, что сам он «ничего не знает» и чтобы стать мудрым расспрашивает других. Свой метод собеседования он называл майевтикой («повивальным искусством», как искусство своей матери), имея в виду, что только помогает рождать знания из себя. Сам Сократ не считал, что является источником знаний, так как не вопрос, а ответ является положительным утверждением, а потому «знающий» – отвечавший на вопросы собеседник. Обычные приемы ведения диалога у Сократа: опровержение через приведение к противоречию и ирония – притворное неведение, уход от прямых ответов. Сократ делал вид, что в беседе сам желает учиться, что предмет беседы для него самого не ясен и, в противоположность софистам, утверждавшим, что они знают все, он любил повторять «я знаю только то, что я ничего не знаю». Согласно платоновской «Апологии», на самом деле Сократ, говоря «чистую правду» о своем незнании, хотел указать на ничтожность всякого человеческого знания по сравнению с божественной мудростью.

Сократ помогал своим слушателям искусством ставить вопросы, которыми он доводил собеседника до намеченной мысли, до истины. Рядом вопросов собеседник был вынужден или признать в известном вопросе свое невежество, или отказаться, исправить, пополнить свое недостаточное суждение, причем собеседнику неизменно открывалась необходимость более углубленного самопознания, более тщательной проверки, просмотра принятых взглядов. В искусстве ставить вопросы Сократ был непревзойден, и вопросной форме беседы отдавал предпочтение. При ней яснее всего представляется предмет, о котором идет речь, и слушающий или отвечающий как бы сам себя учит.

Искусство Сократа выражалось в том, что, ставя вопросы, касаясь в них самых различных областей человеческой жизни, чтобы сделать собеседнику понятным предмет, он никогда не терял руководящей нити, основной темы беседы. И невольные и намеренные уклонения собеседника в сторону он властно вводил в намеченное русло, как бы ему иногда не хотелось избежать сократовской логики. Трактуя высокие, трудные для понимания предметы, Сократ умел найти для них вопросы понятные, упрощающие предмет, сопоставляющие отвлеченную вещь с самой простой, житейской. Благодаря этому, его беседы наглядны и выразительны, и вся обыденная жизнь как бы привлекается, чтобы поднять человеческую мысль к высшим понятиям и вопросам.

Для выяснения общих понятий о добродетели, мужестве, прекрасном, он учил собеседников получать их анализом конкретных примеров или индукцией. В ходе своих бесед Сократ обыкновенно прибегал к методу «наведения»: начиная с самых привычных и обыденных примеров, он старался подвести собеседника к определению обсуждаемого понятия, то есть ответить на вопрос: «что есть?». От красивых вещей он предлагал перейти к обсуждению того, что есть красота, от мужественных поступков – к тому, что есть мужество и т. д. Как правило, темы его бесед относились к этической проблематике.

Самое характерное положение этики Сократа заключалось в утверждении тождества знания и добродетели и в сведении различных добродетелей (мудрости, храбрости, умеренности и справедливости – четыре основных добродетели общенародного греческого сознания) к одной основной мудрости, в этом положении выразился общий рационалистический характер греческой философии, ценившей в человеке разум выше всего.

Итак, правильное поведение и истинное знание не могут быть отделены друг от друга: невозможно поступать мужественно или благочестиво, не зная, что такое мужество или благочестие. Поступок только тогда имеет моральный смысл, когда человек совершает его осознанно и по внутреннему убеждению. Если человек ведет себя хорошо, потому что, например, «все» так делают, то, если «все» станут вести себя плохо, у него не будет причин быть добродетельным. По Сократу, не только истинно моральное (благо) всегда сознательно, но и сознательное – всегда хорошо, а бессознательное – плохо. Если кто-то поступает плохо, значит, он еще не знает того, как следует поступать (зло – всегда ошибка суждения), и после того, как его душа будет очищена от ложных предрассудков, в ней проявится природная любовь к добру.

В применении своих этических принципов к государственной жизни Сократ был вполне последователен. Он настаивал на необходимости знания и требовал, чтобы правителями были люди знания, т. е. высказал требование, которое Платон развил в своем идеальном государстве. Сократ смотрел на государство, как на порядок, обоснованный божественным планом, не являющийся продуктом эгоистического произвола. Испытывал особое уважение к работе и физическому труду.

Из сократовского положения о единстве знания и добродетели вытекали два существенных вывода:

– никто не зол по доброй воле, а лишь по незнанию; знающий, не может поступать дурно;

– всякий может стать добрым, приобретя знание, развивши свой интеллект (диалог Платона «Протагор»).

Великое значение принципа Сократа, столь противоположного нашему миропониманию, заключалось в духовной свободе, которая была провозглашена этим принципом, в возможности для каждого человека освободиться от темного природного основания. Действительно, нельзя не усмотреть в этом торжества разума над неразумной волею. Сократ постоянно настаивал, что человек должен властвовать над своими страстями, подчинять их разуму, не избегая, впрочем, наслаждений, так как наслаждения составляют существенный элемент человеческого счастья. Сократ никогда не дозволял страстям брать верх над разумом, поэтому именно он стал идеалом мудреца.

После смерти Сократа возникло множество так называемых Сократических школ, основанных его близкими учениками, появился жанр сократического диалога, персонажем которого неизменно являлся Сократ, были написаны «воспоминания» о Сократе. Ученики хотели рассказать о личности Сократа людям, не имевшим возможность его знать при жизни, и понять, какое значение может иметь его жизнь для тех, кто его никогда не видел. В этой литературе облик Сократа, хотя исторически малодостоверен, зато чрезвычайно интересен как уникальный, историко-культурный миф, к которому обращались все новые поколения философов. «Сократ первый показал, что во всякое время и во всяком возрасте, что бы с нами ни происходило, и что бы мы ни делали, – в жизни всегда есть место философии», – писал Плутарх. «Ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека», утверждал Сократ.

Таким образом, Сократ пробуждал в людях внутреннее стремление к мудрости или добродетели путем самопознания, самоуглубления. Девизом «самопознания» определялся метод учительства Сократа – диалог. Он ничего не давал слушателям от себя в готовом виде, а побуждал их все находить в себе. Призвание свое Сократ видел в исследовании себя и других людей.

Сократ первый указал, что образование должно исходить и строиться на познании человека или его души. Истинное образование к мудрости, которое может усовершенствовать человека, должно исходить изнутри человека, иметь своей основой самопереработку имеющихся в душе впечатлений и знаний. Истинно образующее обучение то, которое возбуждает к самодеятельному размышлению. Воспитывающее к мудрости обучение должно помогать обучаемому – самому формировать свои знания. Лучший метод для этого эвристический или вопросный, с обращением к нравственному самосознанию детей, побуждающий людей все находить в самих себе, идти путем самопознания и самоуглубления.

Д.М. Раева

СОВЕТСКАЯ МОДА 20–30-Х гг. XX ВЕКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ И ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

В течение последнего десятилетия российское общество претерпело ряд весьма значительных социально-культурных изменений, связанных как с появлением новых политических институтов, экономических моделей, так и новых культурных образцов и ценностных ориентаций. Однако тема советского общества на современном этапе все еще явно присутствует в структуре массового сознания и повседневных практиках людей. При этом уже достигнутая историческая дистанция и необходимость осмысления ряда культурных феноменов советского социокультурного пространства являются основой активного исследовательского интереса со стороны специалистов самых различных наук (историков, социологов, культурологов, антропологов, психологов и т.д.) к теме советского человека и его культурного пространства.

Одним из стереотипов восприятия «советского» является распространенное не только в обывательской, но и в научной среде мнение о том, что в Советском Союзе (особенно в довоенный период) моды не было. Как науке известно с давних пор, объект исследования может просуществовать века, прежде чем стать предметом исследования. В случае с советской модой необходимо провести анализ существовавшего феномена с целью ввести его в поле научного рассмотрения в качестве предмета исследования. Несмотря даже на тот факт, что с 1923 года в СССР начинают издаваться иллюстрированные модные журналы, мода всячески обличалась и отвергалась советской публицистикой вплоть до второй половины 30-х годов XX века в качестве объективно существующего феномена в самой Советской России. Между тем, советская мода 20–30-х гг. XX века представляет собой весьма интересный и значимый феномен мировой культуры, образец высокого уровня проектной культуры и дизайна. Ведь мода – это не только воплощенное, но и (даже прежде всего) – проектируемое. Как пишет известный исследователь моды А.Б. Гофман, «…“в моде” не платье само по себе, а его ношение для женщины или его проектирование для дизайнера одежды»[1]. Таким образом, идеально-образная составляющая моды приравнивается по значимости к материально-воплощенной. А в случае с советским обществом 20–30-х гг. XX века даже имеет преимущественное значение в силу особого контекста эпохи, характеризующегося направленностью советской культуры в будущее. Так же, как, например, для мифологической культуры характерна постоянная обращенность в прошлое, для советской культуры 20–30-х гг. XX века – сущностная апелляция к будущему. Советское общество этих лет целиком сосредоточено на построении принципиально нового социокультурного пространства. Планы «развитого социализма», пятилетки, стахановские подвиги – всё это усиливает доминанту движения вперед, опережения настоящего, жизни будущими достижениями. Сам «идеально-проектный» характер исследуемой нами культуры определяет большую роль предполагаемого как должное, будущего, проектируемого, нежели имеющегося в конкретно-материальном наличии. И в проектном плане советская мода 20–30-х гг. XX века была одним из мировых лидеров, что подтвердили призы и гран-при, полученные советскими модельерами на международных художественно-промышленных выставках в эти годы. Безусловно, прозодежда, разработанная Поповой и Экстер не получила повсеместного распространения. Однако идея прозодежды получила массовое признание и сама по себе составила феномен моды. В этом плане, уместно подчеркнуть, что модным является тот объект, пусть и в проекте, который максимально востребован конкретным социумом в данном контексте.

Для того, чтобы обосновать наличие советской моды 1920–1930-х гг. как реального феномена, обратимся к неизменным элементам моды как социокультурного целого и выделим их в данном историко-культурном контексте.

Итак, первый и наиболее явный элемент моды – это то, что «входит в моду» и «выходит» из нее: конкретные образцы и способы поведения (в нашем случае – ношения одежды), которые со временем сменяют друг друга – модные стандарты. При этом, модный стандарт состоит и в отказе от использования каких-либо некогда модных объектов, например, отказ от ношения галош или головного убора, зонта, муфты, восприятия каких-либо художественных произведений, что имеет место непосредственно в рассмат-

© Д.М. Раева, 2006

риваемом периоде. Так, в начале 1920-х в советском обществе наблюдается категорический отказ от ярких цветов мужских костюмов, отделки женских платьев кружевами и рюшами, шляп и портфелей[2]. В это время ошибочно отождествляя понятие моды с дореволюционной, либо западной манерой одеваться, советская пропаганда демонстративно отказывалась от нее как социокультурного феномена. Между тем, модные стандарты в качестве разновидности культурных образцов, реализующихся посредством модных объектов – вещей, идей, слов, художественных произведений и т.п., – явно присутствовали в начале 1920-х в советском обществе. К основным модным стандартам этого периода следует отнести отказ от нефункциональных элементов одежды; стремление к предельной практичности в проектировании костюма; внедрение спортивных тенденций в повседневный гардероб.

Отметим: определенные стандарты и объекты становятся модными лишь тогда, когда они обладают модными значениями, иначе говоря, выступают в виде знаков моды, указывают на ценности, являющимися доминантными в данном социуме в конкретный период.

Рассмотрим теперь более внимательно основные сущностные ценности моды в тенденциях проектирования, ношения и отношения к одежде в качестве доказательства функционирования механизма моды в советском социуме указанных лет. К ним относят: современность, универсальность, демонстративность и игру.

Итак, современность – фундаментальная ценность в структуре моды. В этом плане необходимо разграничить два различных аспекта, в контексте которых действовала эта ценность в советской моде 1920-х годов. В идеально-проектном контексте ценность современности воспринималась как выработка кардинально новых модных стандартов, не имеющих ничего общего со всей предшествующей практикой социума в этой сфере – нового по отношению к культурной традиции в целом. В плане же реальной практической разработки, художники-модельеры зачастую обращались к предшествующей культурной традиции (например, к русскому народному костюму), однако ценность современности здесь выразилась в создании модных стандартов принципиально отличных от предшествующих (в данном случае, буржуазных).

Следующая ценность моды – диффузность (или универсальность), – приобретает оттенок нивелированности в условиях построения советского бесклассового и бессословного общества. Как известно, если в добуржуазную эпоху определенные культурные образцы были строго и неподвижно закреплены за конкретными сословиями, этническими и религиозными группами, то впоследствии они становятся более текучими, подвижными; переходят от одной социальной группы к другой, испытывая при этом определенные трансформации. В советской моде на место сословиям приходит якобы единое и нивелированной общество. На деле же, свойство диффузности продолжает функционировать среди профессиональных и статусных групп. Так, кожанка, сначала известная как одежда шоферов, стала весьма популярной формой одежды среди комиссаров в армии и руководителей рабочих организаций, а изначально распространившаяся среди интеллигенции, мода на толстовку, в начале 1920-х годов в несколько усовершенствованном виде постепенно была усвоена рабочими.

Одним из выражений универсальности является тот факт, что модные тенденции преодолевают любые межгосударственные границы, какими строгими и неприступными формально они не казались бы. Несмотря на то, что советская публицистика рассматриваемого нами периода зачастую бранила западноевропейскую школу моделирования одежды и пыталась категорически отмежеваться от зарубежной моды в целом, художники по костюму на практике привлекали опыт других стран, их разработки соответствовали общемировым тенденциям (тенденция к удобству, прочности и функциональности – общеевропейское направление развития моды на одежду с конца XIX века и вплоть до 30-х годов XX века), участвовали в международных выставках, издавались специальные журналы с демонстрацией объектов зарубежной моды.

Третья внутренняя ценность моды – демонстративность. В советской моде эта ценность с самых первых шагов становится доминантной. Причина этого в том, что в послереволюционный период, годы гражданской войны и годы непосредственно спустя обозначенные события, костюм становится не просто частью материальной культуры, не просто одеждой, но знаком отличия «своих» от «чужих». Следует заметить, что демонстративность в моде отнюдь не подразумевает стремление быть замеченным. Это, скорее, стремление соответствовать, вызывать адекватное восприятие своей социальной роли и личностной позиции. В связи с этим, даже если участник моды следует ей из конформных побуж-

дений (что весьма характерно для рассматриваемой нами эпохи), хочет не выделяться, а, напротив, быть незаметным, он всё равно должен каким-либо образом эту «незаметность» продемонстрировать. Однако если для советского общества начала 20-х гг. XX века характерна тенденция к демонстрации конформности, то с конца 1920-х – в 1930-е годы появляется иная направленность – на демонстрацию «достойного» образа жизни во внешнем облике. С конца 1930-х гг. выпуск разнохарактерных фасонов, сама ценность демонстративности в моде трактовалась с позиций естественного выражения заботы государства о человеке.

К сущностным ценностям моды относится также игра. Французский социолог Р. Кайуа выделил четыре различных вида игры: основанные на случайности; состязательные; имеющие в своей основе притворство и маскарад и «головокружительные»[3]. Что касается советского общества 20–30-х годов XX века, то здесь уместно говорить о состязательном виде игры, который особенно ярко проявил себя во второй половине 1930-х годов, когда результаты соцсоревнований и стахановских подвигов стали получать непосредственное выражение в количестве и нарядности одежды ударников и ударниц. Рассматривая ценность игры, остановим внимание на вопросе о соотношение модного и полезного. Отметим, что советская мода 20–30-х годов XX века – яркий пример «полезной моды»: функциональное начало, мода на хорошее здоровье, спорт – ее основа. А идея спортивного типа новой одежды с первых послеоктябрьских лет получает наиболее широкое распространение и большую популярность в советском обществе. В этом проявляется стремление оторваться от старых нефункциональных форм костюма, сковывавшего тело человека, стеснявшего его движения. Здесь можно говорить о желании освободиться духовно, которое получает внешнее выражение прежде всего в сфере наиболее «близкой» в буквальном смысле к человеку – в одежде.

Итак, мы проследили специфическое выражение в советской моде указанного периода всех внутренне присущих, атрибутивных ценностей моды как феномена культуры.

За атрибутивным уровнем ценностей следует денотативный. Это внешние ценности моды, являющие собой ни что иное, как истолкование и выражение ее атрибутивных ценностей. Содержание денотативного ценностного уровня определяется различными аспектами: основными социальными институтами, структурой общества, традициями и т.д. В рассматриваемом нами случае денотативный уровень определяется: в начале 1920-х – потребностью в обозначении принадлежности к определенной социальной группе и четкой общественно-знаковой демаркации, середине 1920-х – стремлением к созданию принципиально новых форм костюма в соответствии с принципами рационального функционализма нового общества; в годы нэпа – повышением привлекательности своего «Я», погоней за западными тенденциями, статусностью и престижем; в 1930-е – милитаризацией общества и доминированием спортивного направления в общественной жизни. В целом, трансформация советской повседневности в плане милитаризации и гендерном аспекте, породила две яркие тенденции. С начала 1920-х по середину 1930-х годов – это демонстративная гендерная унификация, мода на прозодежду и униформу в силу стремления женщин во всём «догнать» мужчин. Этой линии соответствует геометрически-механистический стиль, ярко выражающий суть культурного контекста рассматриваемых лет: человек-функция – как часть единого механизма-общества в стремлении к максимальной обороноспособности государства. Со второй половины 1930-х годов – это линия на гуманистический подход к моде: нарядная и разнохарактерная по фасонам одежда – как достойная награда за ударный труд. В связи с тем, что женская мода открывает несравнимо большие возможности для подобной демонстрации по сравнению с мужской, появляется курс на женственность, отход от сугубо спортивного стиля.

Таким образом, советская мода 1920–1930-х гг. – часть общемировой моды этих лет, хотя и обладает своей яркой и интересной спецификой. А это позволяет нам отчасти преодолеть изолированность советской культуры из общемирового контекста, преодолеть занавес в восприятии, не утрируя отдельные черты (ведь стремление к изолированности в целом присутствовало) увидеть советское общество несколько иначе через призму отдельного феномена – моды.

Примечания

[1] *Гофман А.Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – С. 14.

[2] *Стриженова Т.К.* Из истории советского костюма. – М.: Советский художник, 1972. – С. 21.

[3] *Caillois R.* Les jeux et les homes. – Paris, 1976. – P. 45–91.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ю.М. Абидова

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА И РОЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В результате отделения местного самоуправления от государственного управления и децентрализации экономики произошло выделение муниципальной собственности, как особой формы собственности. В соответствии с действующим законодательством муниципальная собственность выступает основополагающим признаком муниципальных образований и играет важную роль в механизме регулирования социально-экономических отношений на территориях муниципальных образований. В этой связи исследование сущности муниципальной собственности, определение ее места и роли в системе форм собственности имеет важное научно-практическое значение. При этом под формой собственности следует понимать форму присвоения материальных благ в зависимости от субъекта присвоения.

Долгое время относительно понимания места муниципальной собственности в системе форм собственности среди исследователей не было единого мнения. Одни исследователи рассматривали муниципальную собственность как особую разновидность государственной собственности (наравне с федеральной собственностью, собственностью республик, краев, областей), исходя из многоуровневого характера последней[1]. Их концепция была обусловлена расплывчатостью трактовок соотношения данных форм собственности в законах, изданных в первый период становления института муниципальной собственности[2]. Причем, отнеся муниципальную собственность к разновидности государственной, они ограничивались констатацией данного положения, не анализируя и не аргументируя его в своих работах.

Другие исследователи развивали в научной литературе концепцию о самостоятельном характере муниципальной собственности, которая в процессе разгосударствления выделилась из государственного сектора экономики, но в настоящее время не является таковой[3]. Аналогов муниципальной собственности не существовало в условиях плановой экономики. Подобная точка зрения отражена в основных законодательных актах Российской Федерации.

В Российской Федерации согласно Конституции признаются и защищаются, равным образом, частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности[4]. Гражданское законодательство воспроизводит данное положение Конституции, не раскрывая понятия формы собственности, а лишь указывая на субъектов, осуществляющих единое для всех по содержанию право собственности, к которым относятся: граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования[5]. Исходя из смысла данной нормы гражданского законодательства, под формой собственности в юриспруденции, также как и в экономике, следует понимать отношения принадлежности имущества на праве собственности гражданам и юридическим лицам. Соответственно, при частной форме имущество принадлежит отдельным гражданам или юридическим лицам, при государственной – Российской Федерации или субъектам Российской Федерации, а при муниципальной – муниципальным образованиям.

В системе форм собственности Российской Федерации муниципальная собственность занимает достойное место. Как особой форме собственности муниципальной собственности присущ целый ряд специфических особенностей.

Муниципальная собственность, также как и собственность, вообще, возникает как явление сначала в сфере экономики и только затем в качестве юридического понятия закрепляется в нормах права. Действительно, объекты муниципальной собственности – это или результаты затрат человеческого труда (муниципальный жилищный фонд, объекты культуры, образования, здравоохранения и др.) или вещества природного свойства (муниципальные земли, природные

© Ю.М. Абидова, 2006

ресурсы), отчуждение или присвоение которых осуществляется в реальных или превращенных формах: денежные средства, товары, услуги. Они, в свою очередь, требуют трудовых усилий человека, т.е. производства. Производство, как известно, и есть материальная база хозяйствования и возникновения экономических отношений. Следовательно, сферой возникновения, существования и реализации отношений муниципальной собственности является, прежде всего, экономическая деятельность людей.

Муниципальная собственность не является разновидностью государственной формы собственности. Данная особенность является следствием конституционной нормы, согласно которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти[6]. Все законодательные акты трактуют местное управление исключительно как самоуправление, употребляя эти термины не как синонимы, а вкладывая в них принципиально противоположное содержание. При этом, местное самоуправление определяется как «форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом его исторических и иных местных традиций»[7].

Причинами обоснования негосударственного характера органов местного самоуправления являются следующие факторы: во-первых, муниципальные органы власти действуют не от имени государства, а в интересах населения соответствующего территориального сообщества; во-вторых, в системе этих органов отсутствует строгая иерархия и соподчиненность, характерные для построения государственного механизма; и, в-третьих, материально-финансовую базу органов местного самоуправления составляют муниципальная собственность и муниципальный бюджет.

Именно обособление органов местного самоуправления повлекло за собой создание соответствующей системы хозяйственных отношений, которая явилась экономической основой этой формы народовластия. Местное самоуправление, выведенное за рамки системы государственной власти, получило право на самостоятельное обеспечение владения, пользования и распоряжения муниципальной формой собственности, в связи с тем, что его назначение состоит в обеспечении наиболее полного, адекватного учета интересов местного населения, приоритетности этих интересов по сравнению с интересами государства, а также в ограничении вмешательства всех вышестоящих уровней государственной власти в деятельность местных органов по управлению муниципальной собственностью.

В основу выделения муниципальной собственности в обособленную, законодательно институциализированную собственность положено не стремление противопоставить ее собственности федеральной, а необходимость оптимального распределения общественной собственности по уровням и специфике присвоения.

Отличие муниципальной собственности от собственности государственной состоит, прежде всего, в плоскости решаемых при управлении этими видами собственности задач. Если задачи, решаемые в процессе управления государственной собственностью, носят глобальный характер (оборона, национальная безопасность), то в процессе управления муниципальной собственностью решаются в основном более «приземленные» задачи практически-хозяйственного характера.

Отличительным признаком муниципальной собственности является ее публичный характер. Данная особенность, вопреки указанному выше признаку, роднит муниципальную форму собственности с государственной в силу следующих причин: во-первых, муниципальная собственность отражает ориентацию на совместное (коллективное, а не частное) присвоение результатов функционирования объектов собственности; во-вторых, особая природа муниципальной собственности как материальной основы производства общественных благ предполагает, с одной стороны, неделимость объектов собственности, т.е. невозможность выделения доли каждого конкретного члена территориальной общности и возмещения ее в денежном эквиваленте; а с другой стороны, – неприбыльный характер функционирования системы собственности, нацеленной на непосредственное удовлетворение потребностей населения, развитие и совершенствование объектов собственности.

Государство и муниципальные образования являются особыми субъектами гражданско-пра-

вовых отношений в силу специфики своей природы – природы властных публичных институтов, а не хозяйствующих субъектов. Наделение их гражданской правоспособностью необходимо в силу того, что решение задач, стоящих перед публичной властью, невозможно без участия в хозяйственной жизни, без вступления в некоторые гражданско-правовые отношения. И государство, и муниципальные образования обладают не общей, а специальной гражданской правоспособностью, которая связана непосредственно с решением тех вопросов, которые отнесены к компетенции соответствующего уровня этой власти. В этом – ее принципиальное отличие от гражданской правоспособности частных лиц.

Целевое назначение социальной природы данных форм собственности дает основание рассматривать государственную и муниципальную формы собственности как разновидности публичной (общественной) по отношению к частной собственности. Однако признание общественной природы муниципальной собственности не означает отрицания ее самостоятельного характера.

Анализ системы управления муниципальной собственностью обнаружил, что в теории и практике управления собственностью многие проблемы, связанные с разграничением собственности на государственную и муниципальную, остаются не урегулированными, несмотря на огромное количество нормативно-правовых актов, принятых по данному вопросу. Ситуация усугубляется тем, что федеральные и региональные органы власти и органы местного самоуправления продолжают выполнять несвойственные им функции в хозяйственно-экономической сфере.

Муниципальной собственности, как и другим видам публичной собственности, присуща определенная особенность, которая заключается в отдаленности собственника от собственности. Данный факт подчеркивает необходимость создания и совершенствования эффективного механизма управления муниципальной собственностью.

Муниципальная собственность не является частной формой собственности. Отличия муниципальной собственности от частной носят принципиальный характер и заключаются, прежде всего, в разных целях формирования и управления. Муниципальная собственность, как разновидность общественной, собственником которой выступают все граждане местного сообщества, создается с целью реализации публичного (общего) интереса, а частная – частного. Поэтому деятельность публичного собственника, в отличие от частного, который действует исключительно в собственных интересах и управляет имуществом, руководствуясь общими принципами гражданского законодательства, направлена на реализацию общего интереса и осуществляется в соответствии с нормой специального закона.

Имущество, находящееся в муниципальной собственности, в силу специфики своего предназначения, не может служить источником доходов. Поэтому целью управления имущественным комплексом муниципальных образований является не получение прибыли, как при частной собственности, а создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения. При этом надо иметь в виду, что иногда принесение максимальной пользы жителям муниципальных образований связано с получением максимальной прибыли, поэтому в некоторых случаях муниципальная собственность может служить источником доходов собственника, которые поступают в местный бюджет.

Учитывая специфику общественной природы муниципальной собственности, ее принадлежность всему населению муниципального образования, особую значимость отдельных объектов собственности для нормального функционирования муниципального образования, ее следует рассматривать как основной инструмент социальной защиты и поддержки населения территории. Муниципальная собственность способствует укреплению позиций местного самоуправления и позволяет формировать для жителей данного территориального сообщества тот набор доступных благ и льгот, который не будет ущемлять их гражданские свободы и поддерживать приемлемый уровень жизни на данной территории.

Обеспеченность муниципальным жильем, функционирование детских и образовательных учреждений, местные льготы в оплате коммунальных услуг, целевая поддержка нуждающихся и малообеспеченных позволяют поддерживать определенные социальные стандарты жизни людей на территории муниципального образования. Следовательно, муниципальная собственность выступает необходимым условием защищенности отдельных членов территориальной общности и выступает гарантией демократически организованного государства.

Таким образом, муниципальная собственность является, наравне с частной и государственной, самостоятельной формой собственности, по своей сущности входящей в состав общественной собственности, и представляет собой совокупность регулируемых нормами права экономических отношений, связанных с системой управления субъектом права муниципальной собственности группой объектов муниципальной собственности, которые в своей совокупности составляют имущественный комплекс муниципального образования.

Примечания

[1] Экономика переходного периода / Под ред. В.В. Радаева, А.В. Бузгалина. – М., 1995; Теория переходной экономики. Т. 2. Макроэкономика / Под ред. Е.В. Красниковой. – М., 1998; Управление государственной собственностью / Под ред. В.И. Кошкина, В.М. Шупыро. – М., 1997.

[2] Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – №30. – Ст. 416; Закон РСФСР от 6.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – №29. – Ст. 1010; Постановление Верховного Совета РФ от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – №3. – Ст. 39.

[3] *Абалкин Л.И.* Многообразие видов собственности и управления // ЭКО. – 1996. – №1; Собственность в экономической системе России. – М., 1998.

[4] Конституция Российской Федерации. – М., 1993. – Ст. 8, п. 2.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации. 1994. Ч. I от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 212 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 410.

[6] Конституция Российской Федерации. – М., 1993. – Ст. 12.

[7] Федеральный закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Ст. 49, п. 1.

В.В. Береговой

ПРАВОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ ПРИВАТИЗАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Понятие приватизации появилось относительно недавно. Термин «приватизация» был впервые введен американским исследователем Робертом Пулом в 1976 году в одной из публикаций, подготовленных для периодического бюллетеня «Reason Foundation»[1].

Уэбстер в своем словаре понятие «приватизация» определяет как «преобразование общественной формы правления или собственности отдельного предприятия или отрасли в частную» (от лат. privatus – «частный»)[2].

Российской юриспруденции понятие приватизации не было известно до конца 80-х годов XX века. Практика отчуждения государственного имущества в частную собственность существовала издавна, однако особым правовым режимом такое отчуждение не наделялось.

В отечественном законодательстве впервые приватизация как правовое явление была предусмотрена Основами законодательства СССР и союзных республик об аренде от 23.11.89, статьей 10 которых арендаторам государственного имущества было предоставлено право его выкупа[3]. Термин «приватизация» впервые появился в Законе РФ от 31.10.90 № 293-1 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР»[4].

Юридическое оформление понятие приватизации получило в Законе СССР «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий»[5]. Однако различия понятий «разгосударствление» и «приватизация» данным Законом проведено не было. В литературе высказывались различные мнения о соотношении этих двух понятий – от их идентичности до различного режима этих процессов. В законодательстве

© В.В. Береговой, 2006

понятие «приватизация» было впервые раскрыто в Законе РСФСР от 24.12.90 «О собственности в РСФСР», в соответствии со ст. 25 которого предприятия, имущественные комплексы, здания, сооружения и иное имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, могут быть отчуждены в частную собственность граждан и юридических лиц в порядке и на условиях, установленных законодательными актами РСФСР и республик, входящих в Российскую Федерацию, актами местных Советов народных депутатов, изданными в пределах их полномочий. Далее легальное понятие приватизации было сформулировано в статье 1 Закона РФ от 03.07.91 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации»[6].

В экономическом смысле под приватизацией понимается преобразование отношений собственности путем передачи или продажи на различных условиях государственной и муниципальной собственности частным и коллективным хозяйствующим субъектам. В.А. Виноградов, С.Я. Веселовский под приватизацией предприятия понимают инициированный государством и оформленный соответствующими законодательными органами процесс ограничения правомочий государства как субъекта собственности, хозяйствования или управления; под приватизацией экономики – происходящий в рамках национальной хозяйственной системы процесс сокращения масштабов государственного сектора, а также структурное перераспределение прав собственников в пользу частного капитала за счет уменьшения удельного веса государства в производстве валового национального продукта[7].

Приватизацию можно рассматривать в организационно-техническом аспекте как особый вид управленческой деятельности, представляющей собой совокупность взаимосвязанных и целенаправленных действий субъектов приватизации по передаче объектов государственной и муниципальной собственности в частную собственность, осуществляемых по решению и при непосредственном участии специальных органов государства и муниципальных образований в установленных порядке и формах[8].

Юридическое понятие приватизации значительно уже экономических определений. Целесообразно согласиться с В.С. Белых, что «с юридической точки зрения, приватизация должна иметь строго очерченные законом границы (понятие приватизации в узком смысле слова, основные ее цели, круг регулируемых отношений и т.д.)»[9].

К числу форм приватизации в широком смысле следует отнести предоставление производственных мощностей в аренду, субподряд на управление предприятием и передачу предприятия в частный сектор. Классифицируя формы приватизации, С. Гафуров и А. Славич выделяют три общие ее разновидности[10]:

– дерегулирование и продажа, когда государственные предприятия продаются частному сектору или же в сектора, зарезервированные для общественного сектора, допускаются частные предприятия;

– контрактирование, когда частный сектор согласно договорам с правительством предоставляет услуги или товары, которые ранее предоставлялись государством;

– «возникновение с нуля», когда частный сектор создает, владеет и управляет предприятиями, которыми ранее владело бы или управляло бы государство.

Приватизация связана с многочисленными социальными трудностями, формирующими негативное к ней отношение определенных слоев населения[11].

Важным представляется и то обстоятельство, что в общем случае приватизация не связана напрямую с проблемой формы собственности. Понятие собственности имеет два значения. С юридической точки зрения, собственность – это владение имуществом или, в обыденном смысле, само имущество. С другой стороны, в экономическом смысле понятие собственности включает в себя всю совокупность экономических отношений общества. Собственность как общественное отношение не только дает определенные права, но и накладывает обязательства на собственника по отношению к обществу и предполагаемому выразителю его интересов – государству. Отношения собственности никак не ограничиваются формальной передачей ее из рук государства в руки негосударственных структур или частных лиц. Например, можно говорить о приватизации земли в условиях как наличия, так и отсутствия понятия юридической частной собственности на землю[12].

Собственность как экономическая категория есть система взаимосвязи субъектов общественного производства. Н. Иванов в связи с этим от-

мечает, что только «взаимодействие механизма рынка, институтов гражданского общества и правового государства, базирующегося на моральных традициях, и образует систему прав частной собственности»[13].

«Бесплатное (или почти бесплатное) распределение собственности, – указывает В. Гутник, – по существу, вообще не создает институт частной собственности, поскольку в процессе приватизации не возникает отношений договорного типа между обществом и собственниками, включающих обязательства и имущественную ответственность последних»[14].

Приватизация не обязательно является и процессом, направленным против обобществления производства в широком смысле. В общем виде она касается только форм такого обобществления и механизма его осуществления, который просто принимает непрямые формы. Примером этого является арабские страны.

Хорошо известно определение приватизации как процесса продажи или передачи частному сектору, т.е. физическим и негосударственным юридическим лицам полностью или частично имущества (активов) государственных предприятий. В определенном смысле синонимом такой трактовки приватизации является понятие «денационализация». Эта трактовка наиболее характерна для идеологии, пронизывающей, например, российскую модель приватизации. Некоторые исследователи включают в это определение также и процесс модификации управленческой модели госпредприятия без отчуждения имущественных прав – то есть на основе подряда, аренды, контрактов, полного либо частичного изменения юридического или финансового статуса госпредприятия. Синонимом такой трактовки может являться понятие «разгосударствление».

Таким образом, на основании рассмотренных подходов к определению правовой дефиниции приватизации, можно сформулировать наиболее общее ее определение: приватизацией государственного и муниципального имущества является комплекс правовых мер, направленных на прекращение статуса собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований имущества путем его отчуждения в пользу физических или юридических лиц (частную собственность) на возмездной либо безвозмездной основе.

Примечания

[1] Экономика: учебник / Под ред. А.С. Булатова. – М., 1997. – С. 755.

[2] *Чечетов М.* Приватизация 2005: приостановка или реверс? // http://www.versii.com/telegraf/material.php?id=3655&№omer=247.

[3] Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1989. – № 25. – Ст. 481.

[4] Ведомости ВС РСФСР. – 1990. – № 22. – Ст. 260.

[5] Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. – 1990. – №30. – Ст. 416.

[6] Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – №27. – Ст. 927.

[7] *Виноградов В.А., Веселовский С.Я.* Приватизация в глобальном контексте. – М., 1998. – С. 14–15.

[8] *Камышанский В.П.* Правовое регулирование приватизации государственных и муниципальных предприятий и его эффективность: Автореф. дис. … канд. наук. – С. 12.

[9] *Белых В.С.* Приватизация государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: экономико-правовые вопросы // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 28.

[10] *Гафуров С.З.* Опыт сравнительного анализа приватизации и формирования рынка корпоративных ценных бумаг в развивающихся и постсоциалистических странах (на примере России и Египта). 1991–1996 // http://text.marsu.ru/ECONOMY/gafur/L_LIB_GAFUR_1.HTML.

[11] Материалы о расцвете экономики. Приватизация государственных предприятий. Серия докладов по экономическому процветанию. Подготовлено Центром международного частного предпринимательства. – Вена, 1995. – С. 15.

[12] *Еремин А.* Теория и практика собственности в современной экономике // Экономист. – 1994. – №10. – С. 5.

[13] *Иванов Н.* Российская приватизация и альтернативные модели общественного развития // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – №2. – С. 90.

[14] *Гутник В.П.* Рыночные институты и трансформация российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – №7.

Ю.А. Дятлов

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВОРЕАЛИЗУЮЩЕГО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО РИСКА

Одной из характерных тенденций общественного развития является все большее возрастание роли и влияния факторов стихийности, стохастичности, неопределенности и случайности. Последние создают благоприятную основу для возникновения ситуаций риска в общественных отношениях. Современное общество характеризуется наличием самых разнообразных рисков. Оказывая значительное влияние на развитие практически всех сфер общественной жизни, феномен риска исследуется в рамках различных отраслей научного знания.

В рамках юридической науки рисковая проблематика привлекла внимание исследователей во второй половине XX века, когда появились работы, посвященные анализу творческого риска[1], производственного риска в уголовном праве[2], риска в гражданском праве[3]. В условиях плановой экономики и господства в юридической науке догматизированного положения о жесткой детерминированности общественного бытия, когда считалось что при социализме риску нет места, эти работы стали смелой попыткой обратить внимание на социально-правовой феномен, не вписывавшийся в официально признанную картину правовой жизни.

Проблема риска в праве весьма плодотворно разработана на уровне отраслевых исследований. Так, исследованию риска посвящали свои работы представители наук гражданского[4], уголовного[5], уголовно-процессуального права[6].

В тоже время, отраслевые исследования риска направлены на решение проблем конкретной отрасли законодательства и затрагивая отдельные стороны, грани правореализующего риска не позволяют составить целостное представление о нем.

В общей теории права специальных монографических исследований правореализующего риска, нет. Отдельные его аспекты, главным образом, проблема детерминированности правоприменительным решением, затрагивались в работах, посвященных анализу правоприменительного риска[7]. Вместе с тем, правореализующий риск отличается от последнего в той же мере, в какой отличается правоприменение как правообеспечительная деятельность, от элементарных форм реализации права непосредственными адресатами юридических норм.

Таким образом, феномен правореализующего риска в общей теории права пока достаточного научного осмысления не получил.

Рассмотрение сущности правореализующего риска предполагает раскрытие его характерных черт и сторон. Следует отметить, что последние обусловлены, с одной стороны, особенностями социального риска вообще, а с другой – своеобразием процесса правореализации.

Понятие «социальный риск» выступает в качестве родового по отношению к правореализующему риску. Поэтому вполне возможно утверждать, что те свойства и качества, которые присущи социальному риску, в определенной степени характерны и для риска в правореализации. Среди них следует отметить: связь с неопределенностью, опасностью, случайностью, вероятностью, альтернативностью, вариантностью, новаторством, творчеством, противоречивость.

Термин «реализация права» отражает сложное, многоаспектное явление. В сущности реализации права выступает как процесс и результат воплощения в поведении субъектов права – физических и юридических лиц, непосредственно им адресованных запретов, дозволений и позитивных обязываний, выраженных в субъективных правах и юридических обязанностях.

Понятие «риск» вне предметной человеческой деятельности лишено смысла. В.В. Мамчун отмечает, что «правоприменительный риск, как и риск вообще, проявляется только в человеческой деятельности, в процессе творческого преобразования окружающего мира. В этом процессе риск становиться одним из способов такого преобразования»[8]. Наиболее перспективным для изучения риска в правовой сфере является деятельностный подход. В связи с этим следует в общих чертах определить, что представляет собой правореализующая деятельность.

Считаем возможным под правореализующей деятельностью понимать не какую-то особую разновидность человеческой деятельности – одну из ее структурных единиц, а специфическую (юридическую) форму производственной,

© Ю.А. Дятлов, 2006

предпринимательской, социально-политической, духовной деятельности, в ходе которой происходит реализация экономических, политических, социальных и духовных интересов и удовлетворение соответствующих индивидуальных, коллективных и общественных потребностей.

Принимая во внимание многоаспектность проявлений риска в различных сферах общественных отношений, считаем целесообразным рассматривать правореализующий риск как правовую форму, как специфическое проявление социального риска.

В связи с тем, что реализация и применение права тесно взаимосвязаны (в общей теории права Правоприменение обычно рассматривается в качестве особой формой реализации права), то вполне очевидно, что сущность правореализующего риска во многих чертах сходна с сущностью правоприменительного риска. В то же время, наряду с наличием ряда общих черт, следует говорить и о наличии ряда особенных свойств и качеств.

Первый аспект, на который хотелось бы обратить внимание, заключается в том, что существование, как правоприменительного, так и правореализующего риска, в конечном счете имеет своим основанием особенности объективной действительности: отсутствие фатальной предрешенности, неизбежности наступления конкретного явления, события; наличие объективно существующей неопределенности.

Как известно, законы общественного развития, в отличие от законов природы, носят не динамический, а статистический характер. Различие между данными видами законов обнаруживается в том, что если динамические законы характеризуют такие изменения системы, при которых предшествующие состояния системы однозначно определяют ее последующие состояния. Вероятностно-статистические же закономерности указывают на то, что в сложной системе предшествующие состояния определяют последующие неоднозначно[9]. Таким образом, в каждый конкретный момент времени существует целая совокупность потенциальных возможностей развития объективной действительности. Реализация конкретной возможности зависит от действия множества факторов. Именно «веер» возможностей позволяет говорить о некоторой степени вероятности выбора одной из них. Вероятность является мерой развитости возможности, характеризует ее «параметры», осуществимость, реализуемость. При этом степень вероятности выражает количественное отношение между абстрактной и реальной возможностью.

Правильное понимание сущности риска предполагает отграничение его от неопределенности.

Анализируя сущность правоприменительного риска, В.В. Мамчун пишет, что данный риск проявляется в «ситуациях риска». При этом ситуации риска сходны с неопределенными ситуациями, однако от последних ситуации риска отличаются тем, что в них у субъекта правоприменительной деятельности имеется объективная возможность количественно и качественно оценить вероятность предполагаемых событий. Иными словами неопределенность в ситуациях риска не абсолютная, а относительная[10].

Представляется, что риск присутствует тогда, когда *есть возможность определить вероятность исходов имеющихся альтернатив* или, по крайней мере, *качественно оценить их*. Отсюда, видимо, следует, что риск более рационален, чем принятие решения в ситуации полной неопределенности.

Такие свойства как альтернативность и вариантность указывают на соперничество подходов, многовариантность анализа, учет разнообразия условий, из которых нужно исходить при принятии решений, выбор рациональных альтернатив для эффективного использования ресурсов, умение предвидеть варианты развития событий, просчитывать как положительные, так и негативные последствия рискованных действий. «Альтернативность как черта правоприменительного риска, проявляется в том, что предполагает необходимость выбора из двух или нескольких возможных вариантов, решений направлений действий. Отсутствие выбора исключает риск»[11].

Характерной чертой правоприменительного риска является то, что деятельность субъекта правоприменения при риске носит сознательно творческий, активный характер[12]. В целом данное суждение справедливо и для правореализационного риска, но следует иметь в виду и наличие ряда особенных черт.

Так представляется, что творческий характер деятельности в условиях правореализационного риска имеет не всеохватывающий характер. В частности, формами реализации права принято считать соблюдение, исполнение и использование. Соответственно говорить о творческом

характере в рамках такой формы, как соблюдение, предполагающей, что субъект воздерживается от определенного варианта поведения, – наверное, было бы бессмысленно. Что касается других форм реализации, то и в отношении них творческий характер применим лишь в условной степени, поскольку подходить «творчески» к реализации прав и обязанностей возможно лишь в рамках той модели общественного отношения, которая получила свое текстуальное выражение в той или иной правовой норме. Выход за рамки данной модели, как правило, расценивается в качестве нарушения права и, соответственно, уже не может рассматриваться как реализация права.

В целом же и правоприменительный и правореализующий риск является отражением *сознательного волевого поведения*. Правореализующая деятельность есть активность субъекта – носителя субъективного права или юридической обязанности, направленная на достижение юридически значимых (правовых) целей и представляет собой воплощение в его поведении вариантов возможного и должного поведения, предусмотренных юридической нормой и имеющая своей целью реализацию правоохраняемых интересов управомоченого субъекта. Она сопряжена с выбором определенных альтернативных вариантов правореализующего поведения. Юридические нормы определяют цель правореализации – различные имущественные и неимущественные блага и определяют внешние границы возможного и должного поведения, в результате которого возможно достижение этих благ. В пределах этих границ, в процессе достижения цели, субъект самостоятельно избирает определенный вариант правореализующего поведения, и в процессе его осуществления возникает вероятностное сочетание положительных и отрицательных исходов. Своими действиями субъект может усиливать положительные вероятности, однако и в этом случае объективно существуют и вероятности отрицательного порядка (возможность гибели, утраты имущества, финансовых потерь, возникновения деликтных обязательств, причинения вреда жизни и здоровью рискующего субъекта и др.).

Общим и для правоприменительного, и для правореализующего риска является то, что и в том, и в другом случае существует некоторые возможности – альтернативы поведения. Выбор той или иной альтернативы осуществляется в условиях относительной неопределенности и носит вероятностный характер, т.е. отсутствует неизбежность в отношении наступления конкретного результата – предполагаемый положительный результат может и не наступить. Более того, наличие риска говорит не только о возможности не достижения желаемого результата, но также и о возможности возникновения различного рода неблагоприятных, нежелательных последствий. В последнем случае речь идет о связи риска и опасности.

Следует отметить, что опасность возникновения неблагоприятных последствий (вред жизни и здоровью, убытки, ущерб) выступает лишь в качестве *одной из возможностей* дальнейшего развития ситуации, в результате принятия рискованного решения.

По мнению ряда авторов, риск может выступать так же и как *результат деятельности*. Под этим углом зрения риск представляет собой возможные неблагоприятные последствия: потери, убыток, травмы и т.п. В таком понимании риск рассматривается, прежде всего, в предпринимательстве, бизнесе, в банковском деле, в страховой практике, а так же в ряде отраслей права – прежде всего, в гражданском праве, уголовном, уголовно-процессуальном и т.д. Например, Ю.В. Баулин полагает, что риск есть «объективное состояние возникновения опасности причинения вреда, при котором неизвестно, наступит этот вред или нет»[13]. По мнению А.А. Собчака, «риск – это всегда опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет»[14].

В качестве одного из аспектов, позволяющих разграничить правоприменительный и правореализующий риск является общее понимание риска как цели деятельности. В данном случае речь идет о так называемом «надситуативным риском». Под ним понимается особая форма проявления активности индивида. Надситуативный риск является следствием существования «надситуативной ситуации», представляющей собой способность субъекта подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи. Если надситуативная активность направлена на достижение общественно-полезных целей и при этом соблюдаются определенные юридическими нормами условия обоснованности риска, то он является

правомерным. При этом от правомерного надситуативного риска следует отличать риск гедонистический. При совершении которого лицо испытывает чувство удовлетворения от испытанной опасности[15]. Гедонистический риск – это «риск ради риска».

Если в рамках правоприменения гедонистический риск по большому счету выступает в качестве социально опасного, и при наличии общественно-опасных последствий расценивается как противоправный, то в рамках правореализации – несколько иная картина. В последние годы все большее распространение приобретает т.н. «экстремальный туризм»: «рафтинг» (спуск по горным рекам), «дайвинг» (погружение с аквалангом), спуск на лыжах и «сноубордах» при отсутствии лыжных трасс с горных вершин и др. Подобные виды отдыха – субъективное право конкретного человека. С этой точки зрения гедонистический риск, возникающий в результате использования данного права, не может расцениваться в качестве социально опасного, и соответственно не может расцениваться в качестве противоправного.

Риск также может пониматься и как средство достижения цели. В данном случае риск становиться содержанием деятельности, делая ее рискованной. «В данном контексте риск можно рассматривать либо как действие (бездействие), в том или ином отношении создающее опасность для правоохраняемых отношений, либо же, как ситуацию выбора между двумя возможными вариантами действия»[16].

Понимание риска как средства достижения цели приемлемо как по отношению правоприменительного, так и правореализующего риска. Общим для обоих видов риска является то, что состояние риска, характеризующее правоприменение и правореализацию, локализовано во времени, т.е. оно длится с момента начала правореализующих действий и возникновения вероятности положительных и отрицательных исходов и до момента наступления одного из них.

Правореализующий риск сочетает в себе субъективные и объективные элементы. Субъективная его сторона связана с выбором вариантов правореализующего поведения, с осознанием существования как положительных, так и отрицательных вероятностей, с оценкой возможных юридически значимых последствий. Объективная сторона риска выражена предпринимаемыми субъектом правореализующими действиями и их последствиями, которые не зависят от воли и сознания правореализующего субъекта.

Юридически значимые последствия риска для субъекта правореализации могут носить как положительный характер (возникновение права на определенную денежную сумму в результате выигрыша в лотерею или пари, приобретение права на прибыль в результате коммерческой деятельности, исполнение принятых на себя субъектом обязательств перед другими лицами и др.), так и отрицательный (возникновение у субъекта обязанности принять на себя убытки, несение финансовых или имущественных потерь, возникновение деликтных обязательств, утрата права собственности на конкретное имущество, в результате его гибели, возникновение у иных лиц обязанностей и прав и т.п.).

С учетом этого, представляется возможным рассматривать правореализующий риск в качестве разновидности правового состояния и предложить следующее рабочее его определение: *сочетание субъектно-объектных обстоятельств в определенный момент времени, характеризующееся вероятностным распределением положительных и отрицательных исходов реализации избранного варианта правореализующего поведения и осознанием его возможных юридических последствий*.

Нельзя не отметить, что содержательная сторона данного понятия исследована нами не в полной мере, настоящая работа раскрывает лишь отдельные аспекты проблемы, связанной с понятием «правореализующий риск», поэтому считаем, что данный правовой феномен нуждается в дальнейшем всестороннем изучении.

Примечания

[1] См.: *Омельченко А.И.* Творческий риск, его государственно-правовая охрана. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955.

[2] См.: *Гринберг М.С.* Проблема производственного риска в уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1963.

[3] См.: *Ойгензихт В.А.* Проблема риска в гражданском праве. (Часть общая). – Душанбе: Ирфон, 1972.

[4] См.: напр.: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – М., 2001; *Меркулов В.В.* Гражданско-правовой договор в механизме регулирования товарно-денеж-

ных отношений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1994; *Плотников В.А.* Соотношение категорий «вина» и «риск» в гражданском праве // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. – 1993. – №6; *Агапеев В.Е., Розанцева Д.Н.* Риск как основание защиты имущественных интересов граждан – участников дорожно-транспортных происшествий // Права и свободы советских граждан и роль милиции в их обеспечении. – М., 1981.

[5] См. напр.: *Келина С.Г.* Профессиональный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Сов. юстиция. – 1988. – №22; *Самороков В.И.* Риск в уголовном праве // Государство и право. – 1993. – №5; *Ильюхов А.А.* Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2001 и др.

[6] См.: *Бедняков Д.И.* Проблема риска в правоприменительной практике // Правовые и социальные средства охраны социалистической собственности. Харьков, 1989; *Кабанов П.* Риск при расследовании преступлений // Соц. законность. – 1989. – №2; *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. – М., 1991, *Осипов Ю.Ю.* Деятельность следователя в условиях тактического риска: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1992 и др.

[7] См.: *Мамчун В.В.* Правоприменительный риск: Проблемы теории. – Владимир, 2001.

[8] Там же. – С. 23.

[9] Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. – М., 1991. – С. 142.

[10] См.: *Мамчун В.В.* Указ. соч. – С. 23.

[11] Там же. – С. 29.

[12] Там же. – С. 31

[13] *Баулин Ю.В.* К вопросу о профессиональном и хозяйственном риске в проекте Основ уголовного законодательства // Правовое государство: Проблемы правотворчества. Вып. 1. – Тарту, 1989. – С. 227.

[14] *Собчак А.А.* О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. – 1968. – №1. – С. 55.

[15] См.: *Мамчун В.В.* Указ. соч. – С. 51–52

[16] Там же. – С. 25.

А.А. Кулакова

РОЛЬ ЖЕРТВЫ В ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ПРЕДПРЕСТУПНОЙ СИТУАЦИИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Прогрессирующий рост преступности, серьезные качественные изменения в ней, усиление криминализации общества заставляют сконцентрировать внимание на вопросах предупреждения совершения преступлений. Государственная и общественная политика предупредительного воздействия на преступность нуждается в коренных новациях, преобразованиях на основе комплексности и системности. В этой связи виктимологическое направление предупредительного воздействия на преступность – исключительно перспективный вид противодействия преступным проявлениям[1].

Особое значение приобретает виктимологическая профилактика преступлений, совершенных против сотрудников правоохранительных органов и связанных с исполнением ими служебных обязанностей, в частности против сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). Многие сотрудники УИС погибают или получают ранения при исполнении своего служебного долга. Опросы показывают, что нередко в опасных для жизни и здоровья ситуациях сотрудники проявляют непрофессионализм, неосторожность, беспечность, демонстрируют недостаточную подготовленность к действиям в подобных ситуациях, не обладают умениями разрешать конфликты психологическими средствами, порой ведут себя агрессивно, провокационно, проявляют ненужную жестокость. Подобные действия укладываются в рамки виктимного, уязвимого поведения и требуют его изучения, выработки психологических рекомендаций по снижению виктимности сотрудников органов, исполняющих наказания.

Виктимное поведение будущей жертвы в этих случаях постепенно формирует личность преступника, готовность лица совершить преступление. И поэтому такое поведение жертвы следует именовать виктимологическим фактором, т.е. причиной совершения преступления, порожденной жертвой[2]. Анализ многих преступлений показывает, что действия преступника, казалось бы, не спровоцированные поведением потерпевшего в предпреступной ситуации, в действитель-

© А.А. Кулакова, 2006

ности являются в большей или меньшей (иногда решающей) степени результатом вклада лица, которому причинен вред, в формирование личности преступника. Очевидно, уже здесь проявляется «социальная связь, которая подразумевает поведение, сознаваемое всеми участвующими сторонами и осознанно ориентирующее их на действия других лиц»[3]. Существует много вариантов виктимного поведения – от самых малозначительных до решающих[4].

Таким образом, чтобы ответить на вопрос, какова роль потерпевшего в механизме конкретного преступления, необходимо установить:

а) в какой мере ситуация, оказавшаяся не нейтральной в отношении создания у преступника решимости совершить преступление или содержащая условия, способствующие совершению преступления, сложилась за счет поведения потерпевшего;

б) каким было объективное содержание «давящей» ситуации и насколько адекватно потерпевший воспринял причинение вреда;

в) каким образом и в какой степени потерпевший оказал влияние на формирование личностной установки преступника, реализовавшейся во взаимодействии с ситуацией в причинении вреда;

г) какие личностные качества потерпевшего делали его в большей степени уязвимым для преступника.

Дело заключается не только в том, явилось ли поведение потерпевшего причиной преступления или условием, способствовавшим его совершению. Важно принципиальное положение о зависимости поведения преступника от поведения потерпевшего.

По данным Г.М. Миньковского, механизм конкретного преступления связан с личностью и поведением жертвы в каждом 2–3 бытовом преступлении, в каждом 3-м случае изнасилования, в двух из пяти случаев автотранспортного преступления, в восьми случаев из десяти при совершении мошенничества[5]. По данным западных исследователей, субъективно-объектные отношения между жертвой и преступником характерны для 80% убийств и 70% случаев нанесения телесных повреждений и половых преступлений[6]. В пенитенциарных преступлениях, согласно проведенных нами исследований, механизм конкретного преступления связан с личностью и поведением жертвы в 63,4% случаев. Более того, респонденты считают, что в 54% случаев виновное поведение жертвы стало главной причиной преступления, совершенного против нее. 45,5% респондентов сообщили, что потерпевший сотрудник сам создал благоприятные условия для совершения преступления против своей личности, другие 38,9% считают, что это происходило, но не во всех известных им случаях либо затрудняются ответить на данный вопрос, и только 15,6% респондентов уверены, что жертва не создавала условий для преступления. Простое математическое действие показывает, что количество жертв пенитенциарных преступлений, создавших условия для их совершения, соотносятся с жертвами, не показавших такой вариант поведения, как 3 к 1.

Данные многих исследований свидетельствуют, что именно поведение жертвы нередко служит толчком к совершению преступления[7]. Действия потерпевшего могут быть различны в плане их правовой оценки: противоправными, правомерными, безразличными с точки зрения права, а иногда и с точки зрения морали. В частности, противоправные или аморальные действия потерпевшего могут выражаться в нападении, грубом обращении, обмане, оскорблении, провокации, подстрекательстве и других подобных действиях, направленных на будущего причинителя вреда и создавших ситуацию, реализовавшуюся в причинении вреда потерпевшему.

Изучая вопрос о правомерности действий сотрудников УИС, ставших жертвами пенитенциарных преступлений, мы поставили перед респондентами несколько контролирующих вопросов. На прямой вопрос по поводу правомерности поведения сотрудников 80,6% респондентов заявили о допускаемом законом поведении жертв, только 19,4% посчитали, что поведение потерпевшего противоречило нормам права.

Ниже мы попросили респондентов отметить формы противоправного поведения сотрудников УИС – жертв пенитенциарных преступлений. Ответы на этот вопрос были получены уже от 71,6% респондентов, из которых 37,3% говорили об оскорбительном отношении к личности объекта деяния, 20,5% – о проявлении неуважения к общественному порядку, в частности к своим служебным обязанностям, 13,8% – о применении физического либо психического насилия к будущему преступнику или его близким.

Причины несоответствия в ответах на близкие по содержанию вопросы анкеты объясняются, по-видимому, боязнью скомпрометировать коллег, корпоративной солидарностью, желанием скрыть

негативные проявления в уголовно-исполнительной системе. Принимая во внимание результаты других исследований, мы склонны более доверять в данном случае ответам на косвенный вопрос.

Интенсивность воздействия обстановки на преступника подчас настолько высока, что, как свидетельствует судебно-следственная практика, в ряде случаев приводит лиц, не имеющих антиобщественной установки, к совершению преступления. Следовательно, в этой крайней точке соотношения ситуации и личности преступника реализуется возможность совершения преступления субъектом, у которого отсутствует антиобщественная установка личности.

В научной литературе поведение потерпевшего в ситуации, предшествовавшей преступлению, и непосредственно в ситуации преступления делится на положительное, нейтральное и негативное[8]. Это разделение не отражает в полной мере объективной значимости поведения в механизме преступления, а скорее указывает на правовую и моральную оценку действий потерпевшего. Однако оценка поведения как положительного или негативного не исключает учета его значения в плане противодействия или способствования преступнику с позиций включения в причинные связи в качестве обстоятельства, влияющего на возникновение и динамику ситуации преступления. Поэтому мы, вслед за Д.В. Ривманом и В.С. Устиновым, рассматриваем не просто положительное или негативное, но толчковое (одна из причин преступления), создающее обстановку, способствующую совершению преступления, и нейтральное поведение. Результаты нашего изучения потерпевших от пенитенцираных преступлений показали следующее:

а) нейтральное поведение, т. е. такое, которое не способствовало и не препятствовало преступнику, составляет 20,7% от общего числа жертв;

б) положительное поведение, затруднявшее совершение преступления, – 35,2%;

в) негативное поведение, способствующее возникновению и развитию преступного деяния – 44,1%.

Сравнительный анализ данных, полученных нами, с результатами исследований Д.В. Ривмана и В.С. Устинова[9] показывает, что негативное положение жертв преобладает над положительным. Интересно, что доля положительного поведения сотрудников УИС значительно больше, чем у потерпевших от насильственных преступлений, что с нашей точки зрения объясняется особенностями изучаемой категории потерпевших: большая часть сотрудников имеют достаточные юридические знания, система профессиональной подготовки развивает навыки безопасного поведения.

Если изменить критерии оценки характеристик поведения жертвы и принимать во внимание их правовую и моральную оценку наравне со стимулирующей или тормозящей процесс совершения преступления, то данные исследования меняются. Попытаемся проследить взаимосвязь между возрастом потерпевших от пенитенциарных преступлений и характеристиками их поведения в криминогенной ситуации. В молодом возрасте (до 25 лет) и в возрасте после 40 лет респонденты оценивают все поведенческие акты жертв-сотрудников уголовно-исполнительной системы как негативные, более того, на эти возрастные периоды приходится половина ярковыраженных агрессивных актов поведения жертвы. С нашей точки зрения это можно объяснить с одной стороны закономерностями возрастных этапов жизни человека. Так молодой возраст предполагает некоторую неосторожность, максимализм, стремление к первенству, необдуманность, часто, в связи с отсутствием жизненного и профессионального опыта, следование стереотипам поведения, в возрасте после 40 лет человек, как правило, приобретает излишнюю уверенность в себе и своем поведении, набирается опыта далеко не всегда положительного, что не может не сказаться на недостатках в его поведении, которые при этом крайне тяжело корректируются.

Возрастное распределение преступности объясняют влиянием как биологических, так и социальных факторов, таких как изменение физической силы или поведенческое экспериментирование в период формирования личной идентичности[10]. Но существует мнение, что возрастное распределение инвариантно относительно времени, культуры, половой принадлежности, расы, оно отражает распределение совершенных преступлений, а не криминальных или виктимных наклонностей, которые характеризуются устойчивостью и причины их возникновения являются одинаковыми для всех возрастных уровней[11].

С другой стороны, всплеск негативного поведения жертв в зрелом возрасте (с 26 до 40 лет) можно объяснить игнорированием опасности стать жертвой пенитенциарного преступления, которая сопутствует сотруднику правоохранитель-

ных органов, имеющему дело, в силу исполнения им профессиональных обязанностей, с большим количеством людей, осужденных за ранее совершенное преступление, и, находящихся в негативном эмоциональном состоянии, связанном с фактом осуждения и лишения свободы.

Исследование зависимости стажа службы в уголовно-исполнительной системе и характеристик поведения жертв приводит к подобным же результатам. Процент неопытных сотрудников (до 3 лет выслуги), ставших жертвами пенитенциарных преступлений, невелик (7,2%), на эту категорию сотрудников приходится и относительно малая часть негативного поведения (16,9% всех случаев, описанных в анкетном опросе), но она значительно увеличивается после 3 лет работы и практически не снижается до 10 лет службы.

Анализ данных также свидетельствует о наличии прямопропорциональной зависимости между количеством жертв той или иной категории по сроку службы и ростом доли негативно окрашенного в правовом и моральном смысле поведения сотрудников. В этой связи целесообразно ставить вопрос о способности жертвы оценить возникшую ситуацию и преступника.

По оценкам респондентов 75,4% жертв были способны адекватно оценивать опасность ситуации, но по тем или иным соображениям пренебрегли мерами личной безопасности; 20,3% были не способны правильно оценить опасность ситуации, предшествующей преступлению; 4,3% респондентов не оценивали эту способность. Оценка преступника жертвой делит сотрудников, потерпевших от пенитенциарных преступлений, на 2 практически равные части: 50,6% имеют адекватную оценку, 49,4% – неадекватную. Сотрудники 26–40 лет вновь является группой риска, т.к. более остальных склонны к неадекватной оценке опасности ситуации и личности преступника.

Определяя роль жертвы в механизме конкретного преступления виктимологи рассматривают вопрос о степени сопротивления жертвы преступнику. Исходя из социально-демографической характеристики жертв 95,7% потерпевших от пенитенциарных преступлений имели физическую возможность защищаться. Вне зависимости от способности защищать себя во время опасных ситуаций стоит психологическая готовность сделать это. Опрос показал, что 59,3% респондентов в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, безопасности семьи и собственности готовы защищаться вплоть до принятия крайних мер (применение оружия и т.д.), 43,9% респондентов считают, что так поступило бы большинство сотрудников УИС. В рамках, разрешенных законодательством мер (не превышающих рамок необходимой обороны) готовы защищаться 15,2% сотрудников лично, а говоря о коллегах, так утверждают 46,3% опрошенных; на силу слова, а не на силу мышц рассчитывают соответственно 8,5% и 4,9% сотрудников, 17% же считают, что их действия будут во многом зависеть от ситуации, и возможно они не станут сопротивляться сами, так же как и 4,9% всех сотрудников.

Тем не менее, 38,3% респондентов уверены, что преступления могло и не быть, а начавшееся – окончиться безрезультатно, если бы предполагаемая жертва проявила предусмотрительность и дала надлежащий отпор потенциальному преступнику. Значительное количество сотрудников, 56,7%, считают, что это возможно, и лишь 5% опрошенных уверены, что такая вероятность слишком мала и не стоит предпринимать меры по этому поводу.

Для психологической характеристики жертвы пенитенциарного преступления важен тип ее поведения в предпреступной и преступной ситуации. Подавляющее большинство респондентов (75,4%) считают, что повышенному риску стать жертвами преступлений подвергаются лица в связи с исполняемыми ими служебными обязанностями сотрудников УИ, только 15,9% респондентов утверждают, что такого риска не существует или он не сильнее, чем в любой другой специальности, 8,7% затруднились ответить на этот вопрос. Для выяснения того, каким образом ведет себя жертва пенитенциарных преступлений мы полагали приемлемым использовать социально-психологическую типологию жертв преступлений, предложенную Д.В. Ривманом[12]:

– агрессивный тип – когда жертва сама намеренно создает конфликтные ситуации;

– активный – тип поведения, при котором пострадавший сам причинял себе вред или убеждал других лиц сделать это, например, членовредительство;

– инициативный – тип поведения, при котором жертва преступления пыталась ликвидировать социально опасную ситуацию и получила при этом вред;

– некритичный – тип поведения, при котором жертва преступления ведет себя неосмотрительно, неправильно оценивает ситуацию;

– нейтральный – положительное поведение, которое не вызывало преступных действий и не способствовало им.

Опрос дал следующие результаты. К агрессивному типу респонденты относят 8,7% потерпевших от пенитенциарных преступлений, к активному – 1,4%, инициативными считают 23,2%, а некритичными и нейтральными 47,8% и 14,5% соответственно.

Под «виновное», «провоцирующее» поведение жертвы подходят агрессивный, активный и некритичный типы поведения, т.о. оно составляет 57,9%. Только в 42,1% случаев поведение жертвы было нейтральным или «непровоцирующим».

Говоря о качествах личности сотрудника, приведших к тому, что против него было совершено пенитенциарное преступление, респонденты в 33,8% случаев выделяют агрессивность; в 30,2% – неосторожность; в 22,3% – корысть; в 9,3% – распущенность; в 1,4% – недостаточную требовательность, а в 0,7% случаев – глупость и робость. Только 1,4% респондентов затруднились назвать отрицательные качества жертв.

Анализ перечисленных качеств позволяет сделать вывод о преобладании отрицательных, социально осуждаемых качеств личности потерпевших. По мнению респондентов лишь малая их часть не обладала ярко выраженными отрицательными качествами. Эти данные совпадают с исследованиями жертв насильственных преступлений в республике Дагестан, проведенными А.А. Гаджиевой[13]. Д.В. Ривман также считает, что, к примеру, ярко выраженная насильственная установка личности, его агрессивность делают человека не только более опасным, но и более уязвимым[14].

Анкета предполагала также перечисление тех качеств, наличие которых помогает избегать совершения преступлений против личности. Респонденты считают, что такими качествами потенциальной жертвы являются:

– высокие когнитивные способности (69,5%);

– ответственность (13,7%);

– смелость (11,8%).

Резюмируя исследования данного вопроса, отметим, что жертва преступления играет определенною роль в развитии предпреступной ситуации. Жизненная ситуация, оказывающая основное влияние на преступника, связана с поведением потерпевшего от преступления, она может выступать в качестве обстоятельства, в значительной и даже решающей степени определяющего криминальное развитие событий[15]. Это обстоятельство истинно и для пенитенциарных преступлений.

Состояние виктимологической безопасности представляет собой особый вид защищенности виктимных категорий граждан, в данном случае сотрудников пенитенциарных учреждений, от криминальной угрозы. Изменение отрицательных свойств и качеств жертв пенитенциарных преступлений и характеристик их поведения, снижение воздействия на них криминальных факторов и ситуаций, может быть достигнуто активным внедрением и применением мер, выработанных криминальной виктимологией для борьбы с преступностью.

Виктимологический аспект профилактики пенитенциарных преступлений может быть реализован работой собственно пенитенциарных служб (оперативных отделов, отделов кадров, отделов по работе с личным составом, психологических служб и т.д.), а также органами внутренних дел и другими правоохранительными органами.

Примечания

[1] См.: *Исаев Н.В.* Виктимологическое направление предупредительного воздействия на преступность: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003. – С. 3.

[2] См.: *Устинов В.С.* Криминология. Общая часть: Учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. – С. 140.

[3] *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002. – С. 94.

[4] См.: Там же. – С. 94.

[5] См.: *Миньковский Г.М.* Причины, условия, механизм конкретного преступления // Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М., 1998. – С. 153.

[6] См.: Криминология. Словарь-справочник. – М., 1998. – С. 25.

[7] См.: *Ривман Д.В.* Указ. соч. – С. 96.

[8] См.: *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Виктимология. – СПб., 2000. – С. 127.

[9] См.: *Ривман Д.В., Устинов В.С.* Указ. соч. – С. 234.

[10] См.: *Блэкборн Р.* Психология криминального поведения. – СПб., 2004. – С. 68–69.

[11] См.: Там же. – С. 69.

[12] *Ривман Д.В.* Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – Л., 1975. – С. 99–105.

[13] См.: *Гаджиева А.А.* Виктимология как криминологическое учение: Учебное пособие по спецкурсу. – Махачкала, 2001. – С. 44.

[14] См.: *Ривман Д.В.* Указ. соч. – С. 241.

[15] См.: *Ривман Д.В.* Указ. соч. – С. 94.

Р.Н. Сучков

ИСТОРИЯ БОРЬБЫ СО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВОМ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО УК РСФСР 1922 ГОДА

Проблема взяточничества в России имеет глубокие исторические корни и социальную подоплеку. Чиновничество в России никогда не отличалось законопослушанием, а законодательная сфера всегда была недостаточно разработанной. На протяжении всей истории становления и развития государства российского четко прослеживается стремление чиновников различных уровней использовать занимаемую должность в качестве источника недозволенного обогащения. При этом интересы людей, которым чиновники должны служить, отходят на второй план, а часто и напрямую ими нарушаются. «Несытая алчба корысти до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия сделались торжищей» – отмечалось в высочайшем Указе императрицы Елизаветы Петровны еще в 1760 году[1]. Характерно, что уже тогда в качестве причины коррупционных нарушений признавалось то, что чиновники «свою беззаконную прибыль присяге, долгу и чести предпочитали»[2].

Не секрет, что успех воздействия на какое-либо правовое явление складывается из детального изучения исторического законодательного опыта, его анализа и стремления спроецировать все те лучшие и наиболее эффективные моменты на современный этап развития юридических норм. Несмотря на всю казуистичность и мелочную детализацию, присущую законодательству прошлого, не стоит забывать, что эти законы отражали степень экономического и политического развития общества того периода. При этом существовали и положительные законодательные моменты, частично перекочевавшие в современное законодательство, а также необоснованно забытые и исключенные из правоприменительной практики нормы.

С 1 июня 1922 г. на территории Российской Федерации стал действовать первый Уголовный кодекс, разработка которого началась еще в 1918 г. Он представлял собой совокупность норм, четко оговаривавших такие вопросы, как пределы его действия и основания наступления уголовной ответственности, выделявших стадии совершения преступления, которые давали понятие соучастия. Важнейшим принципом Кодекса стало построение Особенной части по системе, имеющей в своей основе объект преступного посягательства. Это имело большое практическое значение, так как ориентировало карательные органы относительно степени общественной опасности того или иного деяния. Анализ построения Особенной части УК РСФСР 1922 г. показывает, что по степени общественной опасности взяточничество, входящее в систему должностных (служебных) преступлений, занимает второе место после государственных преступлений и опережает такие общественно опасные деяния, как убийства, имущественные и воинские преступления. Отметим, что из приведенных выше нормативных актов, изданных в период с октября 1917 г. до принятия Уголовного кодекса 1922 г., следовало, что объектом посягательства взяточничества и других корыстных злоупотреблений по службе являлись интересы революции. Из анализа работы В.И. Ленина «Очередные задачи советской власти» следует, что объектом взяточничества в период после 1922 г. является управление Россией. «Это указание вождя революции является ключом к познанию истории развития советского уголовного законодательства по борьбе со взяточничеством»[3].

Должностным (служебным) преступлениям в УК РСФСР 1922 г. была посвящена глава 2. При создании норм данного Кодекса было выполнено указание В.И. Ленина, которое он дал для осуществления борьбы со взяточничеством и которое оказало довольно сильное влияние на готовящийся документ, сутью которого являлось следующее: Государственное политическое управление может и должно бороться и карать расстрелом по суду[4].

При изучении уголовного законодательства о борьбе со взяточничеством периода 1922 г. следует отметить, в первую очередь, что система должностных преступлений была разработана с гораздо большей тщательностью, чем это имело место в предшествующем законодательстве. Прежде всего, заслуживает внимания примечание к ст. 105 УК, в котором сформулировано понятие должностного лица: «Под должнос-

© Р.Н. Сучков, 2006

тными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющие по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, профессиональных и других общегосударственных задач». Эта формулировка уточняла понятие должностного лица, приведенное в Декрете «О взяточничестве» от 18 мая 1918 г., распространяя его не только на постоянных, но и на временных работников указанных органов, а также раскрывало содержание функций, присущих должностным лицам, указанным в примерном перечне. Это нововведение создавало более благоприятные условия для активизации борьбы с должностными преступлениями.

Ст. 114 УК РСФСР 1922 г. воспроизвела те основные положения, которые были выработаны в предшествующий период относительно признаков такого тяжкого должностного преступления, как взяточничество, и четко сформулировала его состав, предусматривая уголовную ответственность за дачу и получение взятки, посредничество во взяточничестве и прикосновенность ко взяточничеству. Понятия получения, дачи взятки и посредничества во взяточничестве в тот период уже настолько утвердились, что стало возможно без каких-либо существенных изменений включить их в последующие кодексы.

Принятие взятки наказывалось лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой. При совершении этого преступления при отягчающих вину обстоятельствах, а именно: а) особые полномочия служащего; б) нарушение служащим своих обязанностей; в) вымогательство взятки; г) принадлежность виновного к имущему классу и использование взятки для сохранения или приобретения привилегий, связанных с правом собственности, – предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не ниже трех лет вплоть до высшей меры наказания с конфискацией имущества. Дача взятки, посредничество во взяточничестве и прикосновенность к взяточничеству наказывались лишением свободы на срок до трех лет.

Несовершенство ст. 114 УК РСФСР 1922 г. выразилось в том, что различные по своему составу и тяжести формы взяточничества были объединены в одной статье. Это было замечено законодателем, и через пять месяцев после введения ее Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 9 октября 1922 г. норма была разделена на две части. Часть первая предусматривала ответственность за принятие взятки без квалифицирующих обстоятельств, а часть вторая – при наличии таковых. К квалифицирующим признакам наравне с существовавшими ранее дополнительно были отнесены: а) нанесение или возможность нанесения материального ущерба в результате получения взятки; б) наличие судимости за взяточничество; в) неоднократность получения взятки.

Тем же Декретом была введена в действие и ст. 114-а УК РСФСР, которая содержала совершенно новый состав преступления, дополнявший предыдущие: непринятие мер противодействия взяточничеству, то есть попустительство[5].

Особый интерес вызвала ч. 2 ст. 114-а, согласно которой лица, виновные в получении взятки, даче взятки, посредничестве во взяточничестве, оказании какого-либо содействия, или непринятии мер противодействия взяточничеству, могли быть освобождены судом от наказания «лишь в случае: а) если они добровольно и немедленно заявят о вымогательстве взятки и б) если своевременными показаниями и донесениями окажут содействие раскрытию дела о взяточничестве».

Характерно, таким образом, что правом освобождения обладал только суд, а не следственные органы. Профессор Б.В. Волженкин заостряет внимание на том обстоятельстве, что это было именно право, а не обязанность суда, и что освобождены от наказания могли быть все лица, имевшие отношение ко взяточничеству, в том числе и взяткополучатели[6].

Девятого октября 1922 г. Народный комиссар юстиции и Прокурор Республики Д.И. Курский направил «всем нарсудам, ревтрибуналам и чинам прокурорского надзора» циркуляр №97 «Об объеме понятия взятки». Образование частных и кооперативных предприятий, контор, фирм, акционерных обществ и товариществ сопровождалось распространением совместительства, когда эти фирмы и конторы принимали на работу служащих советских организаций, добиваясь таким образом благосклонного к себе отношения[7]. По существу это было скрытой формой взяточничества. Поэтому циркуляр предлагал «подводить под понятие взятки» целый ряд деяний, например: 1) получение должностным лицом, несущим какие-либо контрольные и ре-

визионные функции в данном учреждении или предприятии, каких-либо видов материального довольствия, не предусмотренных законом, от подотчетных ему учреждений единовременно или периодически; 2) получение по незаконному совместительству в двух государственных учреждениях или хотя бы в одном государственном, а в другом частном, в денежном или ином виде вознаграждения или довольствия, если установлено, что оба эти учреждения находятся между собой в отношениях взаимных услуг, и если установлено, что данное лицо принимало лично или через посредников участие в выполнении этих операций или услуг; 3) получение теми же лицами, и в тех же случаях «комиссионных», «наградных», «организационных» или «за содействие». Аналогично предлагалось расценивать и ряд других случаев[8].

Более развернуто различные формы незаконного совместительства, квалифицируемые как взяточничество, излагались в постановлении СНК от 21 декабря 1922 г. «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях»[9]. Как писал профессор А.А. Жижиленко, «во всех этих случаях речь идет о чисто формальных нарушениях, так что в отдельных случаях не требуется установление ближайшей цели деятельности виновных лиц; их корыстная цель в этих нарушениях всегда предполагается»[10].

Однако, несмотря на все предпринимаемые усилия, взяточничество как одна из форм корыстных злоупотреблений по службе имело устойчивую тенденцию роста. Так, в первом полугодии 1923 г. факты осуждения за взяточничество составили 23% от общего объема должностных преступлений, во втором полугодии того же года – 34%, а в первом полугодии 1924 г. – уже 40%[11].

Как свидетельствует анализ периодической литературы и архивных материалов того времени, одной из важнейших причин использования служебного положения в корыстных целях является бедственное положение государственных служащих. Например, из-за многомесячной невыплаты денежного содержания работникам суда один судья по деревням собирал милостыню[12]. В еще более тяжелом положении находились сотрудники милиции[13]. Эти данные, однако, не свидетельствуют о снижении числа других видов должностных преступлений; стремительный рост взяточничества вызвал резкое увеличение уровня всей должностной преступности.

На рост взяточничества также влияли:

– сложившаяся на протяжении столетий система взяточничества в сфере государственной власти и управления, связанный с нею порядок обязательного «вознаграждения» чиновников за выполнение ими служебных обязанностей;

– неэффективный контроль за заключением различных договоров между государственными учреждениями и предприятиями и частными предпринимателями. «И это несмотря на всяческий контроль, который был фактически бесконтрольностью, безответственностью»[14]; отсутствие публичного контроля за порядком использования государственными органами частного посредничества.

Еще одним крайне важным вопросом являлась провокация взятки. Взяточничество буквально захлестнуло государственный аппарат в связи с переходом к НЭПу. На XI съезде РКП(б) серьезно обсуждался вопрос: может ли коммунист давать взятку? ЦК упрекали за то, что он не предоставил по этому поводу разъяснений. В ответ на это председатель ЦИК заявил: «Если какого-нибудь товарища смущает – можно ли в данном случае дать взятку или нет, он должен пойти в организацию и спросить, как ему поступить в данном случае, и вообще, взятку-то дай, но устрой так, чтобы тот, который получил взятку, получил бы соответствующее возмездие. Потому что если хлеб надо привезти, то нужно сделать, чтобы он был привезен. Это вопрос целесообразности»[15]. Здесь следует, пожалуй, обратить внимание на два обстоятельства: отсутствие даже намека на правовую оценку явления – оценку с позиций законности, а также на непосредственную тональность обсуждения вопроса, свидетельствующую о том, что взятка стала неотъемлемым атрибутом повседневной жизни.

Наибольшего размаха проявления взяточничества и других должностных злоупотреблений достигли к лету 1922 г.: хозяйственные договоры между государственными промышленными предприятиями часто заключались через частных посредников[16]. Широкое распространение подобная практика получила и на транспорте. Началась решительная борьба со взяточничеством, в которой некоторая часть должностных лиц советского государственного аппарата приняла провокационную тактику. Для борьбы с такого рода общественно опасными действиями должностных лиц в Уголовный кодекс РСФСР

1922 г. и была введена ст. 115. Она формулировала состав провокации взятки как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки в целях последующего изобличения дающего взятку». Согласно диспозиции данной статьи уголовной ответственности подлежали лишь должностные лица и лишь за провокацию взятки. Санкция ст. 115 УК РСФСР предусматривала суровую ответственность должностных лиц, виновных в провокации взятки: лишение свободы с изоляцией на срок не ниже трех лет или высшая мера наказания. В соответствии с комментариями к УК РСФСР 1922 г. провокация взятки характеризуется: а) умыслом лица в отношении деяния; б) созданием должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки; в) целью изобличения дающего взятку.

Более подробно эти положения выглядели так:

1. Деяние провоцирования взятки должно быть совершено непременно умышленно, что вытекает из прямого указания статьи 115 на заведомое создание должностным лицом соответствующей обстановки и условий. Умысел будет в том случае, когда виновный знал, что путем создания такой обстановки он может побудить другого к даче взятки, и желал этого.

2. Преступление должно состоять в создании известных обстановки и условий. Эта обстановка и эти условия должны быть таковы, что они могут повлиять на частное лицо в смысле создания у него представления о том, что от него требуется дача взятки. С момента создания этой обстановки или соответственных условий преступление считается выполненным.

3. Существенным для состава преступления является то, что преступная деятельность виновного предпринимается им с целью последующего изобличения дающего взятку, для того, чтобы предать его в руки правосудия[17].

Несмотря на принимаемые меры, должного результата достигнуть все же не удавалось. Должностные преступления продолжали процветать и принимать новые формы; непрерывно изменялась и правовая действительность. Это вынуждало непрерывно совершенствовать законодательную базу борьбы с преступностью.

1 сентября 1922 г. под грифом «Совершенно секретно» увидело свет постановление Совета Труда и Обороны (СТО)[18], подписанное А.И. Рыковым, В. Смоляниновым и М. Гляссер, которое предусматривало широкий спектр мер по борьбе со взяточничеством. Для проведения этих мер в жизнь была создана комиссия по борьбе со взяточничеством. Эта кампания была одним из первых мероприятий чистки органов по борьбе с преступностью, проведенных в сфере экономики Советского государства[19]. Комиссии при СТО вменялось в обязанности усиление репрессивных мер в пределах действующего законодательства путем придания им «характера массовых, систематических и неослабно проводимых, в целях… судебного преследования… взяток». Комиссия при СТО имела право организовывать показательные процессы по обвинению во взяточничестве, а также рассматривать дела в порядке упрощенного производства. Если суд установит, что улик для признания привлекаемых виновными недостаточно, но «тем не менее, однако, будет установлена их социальная опасность по роду занятий и связи с преступной средой», предполагалось использовать статью УК по административной высылке[20] с запрещением проживания в определенной местности на срок до трех лет.

В первую очередь увольнению подлежали «уже опороченные в этом отношении по суду», а затем «лица, кои при тщательном наблюдении и проверке окажутся неблагонадежными». Они (даже те, в отношении которых состоялся оправдательный приговор суда) должны были заноситься в особые секретные списки, «централизуемые» в комиссии при СТО, с тем чтобы этих людей не принимали на службу в другие ведомства.

В целях усиления борьбы 4 октября 1922 г. СТО принял постановление о премировании лиц, содействующих раскрытию взяточничества. При этом 10% суммы от оценки конфискованного имущества (после вступления в силу приговора суда) передавались заявителю, а другая часть оставалась у органа, принявшего заявление о взяточничестве. По итогам кампании на 1 июля 1923 г. под проверку попали 879914 человек, из которых 13260 были уволены, 4636 – уволены с занесением в секретные списки, 3466 – преданы суду[21]. Всего к сентябрю 1923 г. в 355 местах заключения РСФСР содержались 79947 заключенных, 8% из которых были осуждены за различные должностные преступления, в том числе и за взяточничество.

«В результате проведенной кампании по борьбе со взяточничеством число преступлений, предусмотренных ст. 114 и ст. 114-а УК, резко

сократилось»[22]. Между тем, эта хроническая болезнь была не вылечена, а лишь приглушена и продолжала существовать. Довольно широко распространилось такое явление, как покровительство «своим людям», относящееся к категории труднодоказуемых взяток. Возникло новое явление – так называемые «скрытые взятки», которые до введения НЭП в правоохранительной и судебной практике страны практически не встречались[23]. Таким образом, речь шла о коррупции (в современном понимании этого слова), т.е. явлении гораздо более широком в уголовно-правовом смысле, чем взяточничество. В этой связи представляют интерес порядок и методы проверок по каждому ведомству, указанные в Краткой инструкции СТО. Ведомственные комиссии по борьбе со взяточничеством должны были проверить личный состав «с точки зрения благонадежности данного лица в отношении взяточничества, хищничества и бесхозяйственности». Так, при проверке сотрудников Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) главное внимание предписывалось уделять следующим моментам: «где фактически протекает работа сотрудника; имеет ли постороннее занятие и заработки, какие именно, совместительствует ли, где; получал ли из подконтрольных учреждений какие-либо индивидуальные, денежные и материальные выдачи, пользовался ли от них квартирой, транспортом и средствами, где, давал ли какие-либо консультации подконтрольным учреждениям за особую плату, исполнял ли какие-либо работы подконтрольным учреждениям; не подвергался ли за время службы в РКИ каким-нибудь судебным, административным и дисциплинарным взысканиям, выговорам и т.д.». Рассматривая причины создавшегося положения, Ф.Э. Дзержинский указывал в качестве основной причины высокого уровня взяточничества необеспеченность должностных лиц. Мысль Дзержинского была поддержана помощником прокурора Республики В. Зенькович. Основываясь на анализе материалов уголовных дел, возбужденных в отношении работников суда в период 1921–1922 гг., он сделал вывод, что основной причиной взяточничества среди этой категории осужденных являлась материальная необеспеченность. Размеры взяток и их характер описываются так: «Полуголодный или вовсе голодный работник суда, например, за полфунта черного хлеба… берется передвинуть дело вне очереди или изменить меру пресечения, смягчить приговор, вынести условное осуждение».

Примечания

[1] См.: *Кувалдин В.* Как русские цари боролись с лихоимством // Чистые руки. – 1999. – №1. – С. 79.

[2] Там же.

[3] *Кучерявый Н.П.* Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву. – М., 1957. – С. 12.

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. – С. 196.

[5] См.: СУ РСФСР. – 1922. – №63. – С. 808.

[6] См.: *Волженкин Б.В.* Служебные преступления. – М.: Юрист, 2000. – С. 35.

[7] См.: *Эстрин А.* Взяточничество и уголовная репрессия // Еженедельник сов. юстиции. – 1922. – №39–40. – С. 9.

[8] Официальное приложение // Еженедельник сов. юстиции. – 1922. – №37–38. – С. VI.

[9] СУ. – 1923. – №1. – Ст. 8.

[10] *Жижиленко А.А.* Должностные (служебные) преступления. 2-е изд. – М., 1924. – С. 63.

[11] *Эстрин А.* Должностные преступления. – М., 1928. – С. 52.

[12] Еженедельник советской юстиции. – 1923. – №2. – С. 51.

[13] *Лаптев А.* Милиция и суд // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – №42. – С. 7.

[14] *Дзержинский Ф.Э.* Доклад на XII съезде РКП(б) в секции по организационному вопросу 25 апреля 1923 г. // Правда. – 1923. – 28 апр. (цит. по: Избранные произведения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1977. – С. 341).

[15] Одиннадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. – М., 1961. – С. 202–206.

[16] Так, один из руководителей текстильного треста писал в августе 1922 г. в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции: «Ни одна сделка невозможна и не проходит без заинтересованности либо непосредственных представителей учреждения, либо действующих, конечно, от имени посредников или просто подставных лиц. При такой системе развращаются даже честные сотрудники, и сама деятельность сотрудников расценивается с точки зрения их приспособленности к этой системе и их умению вовремя и кому следует дать взятку». Цит по: *Голанд Ю.* Лекарство от казнокрадства // Сегодня. – 1996. – 31 июля.

[17] *Жижиленко А.А.* Должностные (служебные) преступления (ст. 105–118 УК): Практический комментарий к УК РСФСР. – М., 1923.

[18] ГАРФ, д. 19, л. 119, 119а.

[19] *Епихин Е.П.* Борьба со взяточничеством и коррупцией в России в начале 20-х годов: уроки и опыт // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – С. 192–195.

[20] В арсенале репрессивных мер высылка всегда занимала особое место, имея две разновидности: наказание по суду; наказание во внесудебном порядке. С 1917 по 1922 годы высылка временно «выпала» из арсенала карательной политики государства. В УК РСФСР 1922 г. уже была введена ст. 49, узаконившая применение высылки. Цит по: *Красильников С.А.* Ссылка в 20-е годы // Минувшее. Исторический альманах. – 1997. – №21. – С. 175–240.

[21] ЦОА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 1, пор. 740, л. 13.

[22] Еженедельник советской юстиции. – 1924. – №14. – С. 329.

[23] *Епихин А.Ю.* История и зарубежный опыт борьбы с коррупцией. Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – С. 189.

В.В. Федоров

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО (ГРАЖДАНСКОГО) КОНТРОЛЯ

Сегодня совершенствование политической системы по-прежнему остается важной задачей для Российского государства и общества. Особую актуальность и остроту при этом, приобретают вопросы, связанные с формированием механизма, обеспечивающего диалог общества с властью.

В п. 1 ст. 3 Конституции РФ содержится принципиально важное положение о том, что многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в России. Однако, нетрудно обнаружить, что «единственный источник власти» практически не участвует в процессе властеобразования, учреждения институтов государственной власти. Порядок формирования судебных органов (назначение судей), органов исполнительной власти, в том числе в регионах, не совсем согласуется с положением вышеупомянутой статьи. «Можно, конечно, – пишет Т.Н. Радько, – путем различных умозаключений связать волю народа с этими властями (народ избирает президента, который в свою очередь назначает правительство, судей и т.п.). Однако, это довольно слабый аргумент. Если народ уже «отодвигается» от законодательной власти при отсутствии императивного мандата, то при невозможности какого-либо влияния на исполнительную и судебную власть народ удален от нее на весьма внушительное расстояние…»[1] Отчасти это можно объяснить и тем, что государство (публичная власть) не тождественно обществу.

Однако, даже при такой модели общество, как учредитель власти может и должно иметь четкое представление о том, чем занимается власть, какие успехи и просчеты сопровождают ее функционирование. И, пожалуй, самое главное, общество должно быть способным воздействовать на власть в случае выявления каких-либо отклонений. В этой связи, вопрос об общественном контроле становится более чем актуальным, тем более, если принять во внимание необходимость совершенствования политической системы общества, построения правового, демократического государства.

Весной 2005 г. в России принят, а с 1 июля 2005 г. вступил в силу Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации»[2]. С момента принятия закона и формирования Общественной палаты РФ (далее – ОП РФ) в России появляется реальная возможность для формирования действенной системы общественного контроля.

Стоит отметить, что сегодня в России имеются предпосылки для формирования системы общественного контроля. Во многих нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность так называемых «силовых» ведомств (Вооруженные Силы, МВД, УИС и др.) содержатся положения, предусматривающие возможность контроля за деятельностью вышеуказанных структур со стороны органов местного самоуправления и общественных организаций. Однако, до сих пор законодательная основа реализации общественного контроля по-прежнему не создана.

Единственным исключением можно считать вышеупомянутый Федеральный закон «Об Общественной палате Российской Федерации». Однако, и в нем содержатся положения, ставящие под сомнение действенность общественного кон-

© В.В. Федоров, 2006

троля в России. Так, в соответствии с п. 4 ст. 4 данного закона, Общественная палата РФ осуществляет контроль за деятельностью Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, и органов местного самоуправления.

Из смысла данной статьи вытекает то, что институт не вправе контролировать деятельность иных ветвей власти: Президента, судебных органов, контрольно-надзорных структур. Безусловно, функционирование исполнительной власти представляет наибольший интерес для общества, поскольку фактически занимает доминирующее положение в системе разделения властей. Однако, контроль за деятельностью главы государства и иных органов государства также должны входить в компетенцию Общественной палаты РФ.

Безусловно, никто не говорит о том, что Общественная палата РФ в любую минуту может поставить под сомнение решение главы государства или скажем Верховного Суда РФ. Вместе с тем, наделение этого института хотя бы элементарными возможностями диалога с названными органами вполне логично.

Еще об одной проблеме, имеющей на наш взгляд самое непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. Речь идет о том, что должен представлять из себя общественный контроль, какими должны быть его пределы и объем на современном этапе развития российского государства.

Прежде всего, отметим, что в содержание понятия «общественный контроль» должен вкладываться несколько иной смысл, нежели в понятие «государственный контроль». Дело в том, что государственный контроль представляет собой деятельность государства по обеспечению нормального, эффективного, целесообразного функционирования социально-политических институтов посредством установления фактического выполнения социальных (прежде всего, правовых) норм и сдерживания выявляемых отклонений[3].

Подобная трактовка контроля не в полной мере подходит к понятию «общественный контроль», поскольку общество весьма ограничено в своих возможностях по реализации мер государственного принуждения. Вместе, с тем, общественный контроль вполне может и должен стать партнерским институтом контролю государственному. Общественные организации и институты местного самоуправления ближе к самым насущным проблемам не только самого общества, но и государства. Поэтому вполне обоснованным видится формирование цельной системы контроля на основе партнерства субъектов государственного и общественного контроля.

Безусловно, формирование данной системы потребует решения такой проблемы как разграничение компетенции и пределов осуществления контрольных полномочий. Вместе с тем, наличие данной трудности не должно ставить под сомнение необходимость создания подобной модели. В современной России, Общественная палата вполне могла бы стать центром аккумуляции контрольной «энергии» на уровне муниципалитетов и субъектов федерации.

Однако, здесь сразу возникает другая проблема. А именно – какими реальными полномочиями наделить данный социально-политический институт. Полномочия, которыми Общественная палата наделена действующим законодательством, весьма скудны. Они, в большей степени, сообщают контрольной деятельности данной структуры характер имитации, поскольку если Общественная палата и оказывает определенное воздействие на власть, (неуставные отношения в армии, события в подмосковном Бутово и др.) то это только благодаря авторитету и видимо связям отдельных ее членов.

Представляется, что Общественная палата сегодня нуждается в увеличении объема полномочий, которые позволили бы ей стать реальным центром всей системы общественного контроля в России. Нельзя, однако, забывать о том, что этот общественно-политический институт для России является инновацией, он довольно «молод». В современных условиях практика ее деятельности пока не окрепла и не устоялась, Более того, можно говорить даже о том, что и практики как таковой (если не принимать во внимание отдельные случаи) еще и нет. В связи с этим, предпринимать кардинальные меры по оптимизации статуса Общественной палаты сегодня преждевременно. Расширение ее полномочий, сфер деятельности, да и в принципе любое реформирование без накопленного опыта нецелесообразно.

Вместе с тем, опора на один лишь опыт – не самый удачный вариант. В этом случае деятельность Общественной палаты обречена на трудный путь проб и ошибок. Избежать его можно только лишь при условии соответствующего на-

учно-теоретического осмысления роли и места этого социально-политического института в общественной и государственной жизни и использования уже накопленного теоретико-методологического багажа по анализу проблем социального контроля и других аспектов взаимодействия гражданского общества и государства.

Примечания

[1] *Радько Т.Н.* Теория государства и права. – М., 2004. – С. 125–126.

[2] Рос. газ. – 2005. – 7 апреля.

[3] См.: *Пожарский Д.В.* Функции государства и государственный контроль в их системе. – М., 2005. – С. 30.

М.А. Шерменёв

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Необходимость выработки новых подходов к решению проблемы профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) обусловлена рядом обстоятельств и, в первую очередь, тем, что ее последствия представляют опасность не только для государства и лиц, в отношении которых исполняется уголовное наказание в виде лишения свободы, но и для всего общества. Поиск новых путей минимизации и преодоления этого пагубного явления необходим и в связи с тем, что в условиях становления правовой государственности и перехода к рыночным отношениям условия несения службы не только усложнились, но и в значительной степени образом изменились.

Реформирование УИС, находящее отражение в изменении приоритетов в ее деятельности, трансформация из репрессивно-карательного придатка государственного механизма в элемент правоохранительной системы, функционирующий на основе принципов уважения прав и свобод человека, законности и т.п., как это ни парадоксально усугубляет риск негативных изменений в профессиональном правовом сознании субъектов уголовно-исполнительной деятельности. Между тем монографические исследования, посвященные исследованию данной проблемы на общетеоретическом уровне, до настоящего времени отсутствуют, что, по нашему мнению, негативно влияет на анализ различных ее аспектов.

Осуществление такого исследования, в свою очередь, невозможно без обобщения наличных знаний об основных феноменах, определяющих понятие «деформация профессионального правосознания» и, если правосознанию различных групп юристов было уделено достаточно большое внимание в трудах Н.Я. Соколова, П.П. Баранова, Н.Л. Гранат, Е.А. Лукашовой В.П. Сальникова и др., то правосознание сотрудников УИС и различные стороны его деформации изучены явно недостаточно.

Относительно деформации следует отметить, что не вполне четко поставлены и определены основные вопросы, решение которых крайне необходимы для уяснения сущности, значения и видов данного явления.

На основе анализа специальной литературы, считаем возможным утверждать, что разрешение данных вопросов возможно лишь при учете ряда важных моментов. Укажем лишь на некоторые из них.

1. Для осмысления понятия «деформация профессионального правосознания» необходимо уяснение базового понятия «деформация».

а) Представляется, что не все ясно с самим употреблением данного слова, т.к. заимствованное из области механики и обозначающее изменение формы тела или его частей[1], оно используется в основном для характеристики неживых объектов и механических процессов и, несмотря на вполне успешное «освоение» его гуманитарными науками, в числе которых следует назвать, прежде всего, психологию, в смысле точности и полноты не совсем пригодно для передачи сути обозначаемого им явления применительно к правосознанию. Не случайно, описывая изменения, искажения правового сознания дореволюционные российские и советские ученые употребляли различные синонимы: «дефекты» и «недуги»[2], «кризис»[3], «порочные установки»[4] и др.

б) Сущность деформации не может быть правильно понята без учета ключевой, по нашему мнению, мысли, высказанной П.П. Барановым:

© М.А. Шерменёв, 2006

«деформация предполагает наличие изначального запаса правовых взглядов, знаний, установок, которые в силу различных причин превратились в какие-то иные неправовые конструкции или же остались правовыми лишь номинально или частично»[5]. В связи с этим нельзя согласиться с тем, что зачастую с деформацией правосознания отождествляют незнание некоторых норм, неправильное понимание нравственных и правовых принципов и т.д., т.к. то, чего не существует, не может быть изменено или искажено.

в) Поскольку деформация правосознания означает искажение, последней, то исследование этого явления невозможно без связи с анализом негативных изменений его структурных элементов: правовой психологии и идеологии.

г) Термин «профессиональная деформация» широко применяется в психологии, означая негативное изменение личностных черт и качеств, сотрудника правоохранительных органов, приводящее к искажению общественной и моральной направленности его профессиональных действий и других поведенческих актов»[6]. В этой области научного знания вполне приемлемо мнение о том, что это явление объективно, вызвано условиями работы и может быть «полезно», как гипертрофия необходимых для работы качеств и свойств личности. В противовес этому утверждению важнейшим положением общетеоретического исследования деформации профессионального правосознания является ее однозначно отрицательная оценка. Поскольку она означает нечто явно негативное, требующее восстановления или исправления, ее изучение целесообразно проводить во взаимодействии и сопоставлении с положительным (позитивным) правосознанием.

д) В максимальной степени эффективные результаты исследования деформации правосознания сотрудников УИС могут быть получены только при сочетании различных подходов: философском, социологическом, психологическом и общетеоретическом. Особенно важны социологические исследования. Представляется, что целесообразно проведение анкетирования и опросов сотрудников пенитенциарной системы с целью выявления основных тенденций и проявлений деформации, аналогичных работам, осуществленным в свое время Н.Я. Соколовым и П.П. Барановым.

е) Исходя из того, что наиболее общие причины деформации правосознания субъектов уголовно-исполнительной деятельности находятся в непосредственной связи с процессами, происходящими в обществе, для ее преодоления следует определить всю совокупность обстоятельств, оказывающих воздействие на ее возникновение и развитие, т. е. экономических, политических, демографических, социально-правовых и др. социальных факторов. В связи с вышеизложенным считаем возможным предположить, что определенный круг одних и тех же, но разнонаправленных социальных факторов, оказывает воздействие как на формирование профессионального правосознания, так и на его деформацию.

В связи с этим, важное значение приобретает не только выявление всей совокупности явлений и процессов, которые должны быть учтены, но и измерение силы их влияния и направленности при помощи метода факторного анализа. Принципиальное значение имеет и выявление перечня факторов, провоцирующих изменение их положительного значения на отрицательное.

2. Плодотворное исследование деформации правосознания сотрудников УИС возможно только при учете его специфики, обусловленной содержанием и характером их деятельности, в том числе ее двойственно социально-юридической природой.

а) С одной стороны, будучи средством достижения социально-значимых целей, она позволяет осуществлять позитивные социальные преобразования, и относится к такому типу человеческой деятельности, которая подразумевает «обработку людей людьми». С другой – она урегулирована правом, направлена на достижение правовых целей, и связана с использованием правовых средств и непосредственно направлена на исправление лиц, совершивших правонарушение.

б) Сущность деятельности уголовно-исполнительной системы заключается в организации и практическом обеспечении процесса государственного принуждения в отношении лиц, совершивших уголовные преступления. Эта деятельность характеризуется наличием собственных целей, задач, субъектным составом, компетенцией субъектов, определенным набором правовых средств и методов, объектов.

в) Специфика профессионального правового сознания сотрудников УИС выражается и в том, что оно, под определенным углом зрения представляет собой идеологическую форму пра-

вового опосредования целей, задач, характера и содержания уголовно-исполнительной деятельности.

г) Сотрудники УИС чаще и более тесно, чем другие граждане контактируют с преступной средой, осуществляя профессиональную деятельность в экстремальных условиях. Выполнение ими функциональных обязанностей связано с повышенной ответственностью за свои действия, недостаточной определенностью ролевых функций, психическими и физическими перегрузками, необходимостью общаться с разнообразным специфическим контингентом лиц. Это осужденные за преступления, либо обвиняемые в их совершении. Как правило, это носители криминальной субкультуры и криминального менталитета. Их правосознание связано преимущественно с нигилистическим отношением к праву. Влияние данного фактора на формирование правосознания и его деформацию вследствие объективной невозможности его полного устранения или нейтрализации нельзя недооценивать.

Таковы, в самом общем виде параметры решения проблемы деформации правосознания сотрудников УИС.

Примечания

[1] См.: Энциклопедический словарь / Брокгауз фон А. Т.Х., Ефрон А. – СПб., 1893. – С. 504–506.

[2] См.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Собр. соч. Т. 4. – М., 1994. – С. 156, 186; *Он же.* Основные задачи правоведения в России // Родина и мы. – Смоленск, 1995. – С. 164.

[3] См.: *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. – М., 1999. – С. 20.

[4] См.: *Лукашова Е.А.* Социалистическое правосознание и законность. – М., 1973. – С. 295.

[5] См.: *Баранов П.П.* Профессиональное правосознание работников ОВД. Теоретические проблемы. – М., 1991. – С. 82.

[6] *Ежова О.Н., Маслов В.В., Ощепкова О.В.* Профилактика и коррекция профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы: Учебно-методическое пособие. – Самара, 2005. – С. 5.

ЧТО. ГДЕ. КОГДА.

А.М. Белов

К ВЫХОДУ В СВЕТ ИЗБРАННЫХ СОЧИНЕНИЙ В.Л. МИЛОВИДОВА

Летом 2006 г. вышли из печати «Страницы российской истории: избранные статьи и очерки», охватывающие полувековую общественную и педагогическую деятельность, научные исследования замечательного историка, профессора Костромского госуниверситета, доктора исторических наук Владимира Леонидовича Миловидова.

Книга содержит несколько разделов, которые отражают разнообразный профессиональный интерес, «вехи», пути ученого, его обращение к ключевым событиям жизни России, Костромского края, к различным сюжетам, а также именам, оставившим заметный след в развитии страны, нашего университета и самого Владимира Леонидовича. Конечно, это исследование не одного года и даже десятилетия. В университете В.Л. Миловидов долгие годы возглавлял кафедру, диссертационный совет, в разное время руководил крупными коллективами ученых по написанию «Истории Костромского края», был научным редактором многотомной «Книги памяти» по Костромской области, одного из разделов энциклопедии по истории Костромы, автором монографий, посвященных государственным и военным деятелям, внесшим важный вклад в историю России и нашего края. Статьи и очерки ученого не только представляют плод кропотливого исследования, они пережиты и глубоко прочувствованы автором.

Книгу открывает раздел «Мысли о России и ее истории». Здесь представлены очерки о выдающемся ученом Н.Я. Данилевском, а также филологах, географах и историках С.В. Трубецком, П.Н. Савицком, Г.В. Вернадском и других приверженцев евразийства. В содержательном отношении они отражают переживание научной интеллигенции прошлого и настоящего времени, поиск ответов на извечные вопросы нашего бытия: «Кто мы?», «Какова наша роль в этом мире?», «Каково наше будущее?» (с. 23). Логически продолжают этот раздел статьи В.Л. Миловидова, связанные с важнейшими вехами истории страны – 300-летием создания российского флота, а также работы, появившиеся в последние годы, посвященные непопулярной советско-финляндской войне и до сих пор ставший предметом немногих исследований сюжет о повороте к сотрудничеству между советским государством и Русской православной церковью в годы Великой Отечественной войны.

Важной составляющей научного наследия В.Л. Миловидова стал раздел «Костромской край в истории России». В тематическом отношении исследуются такие поворотные события в истории края, как выборы в Учредительное собрание, трансформация местной власти в переходные 1917–1919 годы. Новым сюжетом в истории Гражданской войны стало обращение историка к крестьянским выступлениям на территории Костромской губернии в 1918–1921 гг. Исторический опыт, замечает В.Л. Миловидов «предупреждает о недопустимости насилия над крестьянством, требует учитывать его менталитет в выработке и осуществлении государственной политики» (с. 118). Выявление всей совокупности фактов, стремление к научной объективности, обращение к недоступным ранее источникам придают особый вес исследованиям ученого, открывающим новые направления изучения нашего края и истории страны в целом. Последние статьи этого раздела В.Л. Миловидов посвящает Великой Отечественной войне. Великая война затронула судьбы миллионов советских людей. Своим долгом перед поколением людей, спасших Родину от фашизма историк считает активное участие в составлении «Книги памяти» научным редактором и ведущим автором статей которой он и является. 8 томов областной «Книги памяти» становятся замечательным печатным памятником костромичам, отдавшим свои жизни для победы в Великой Отечественной войне. «По существу – пишет В.Л. Миловидов – каждая семья, жившая в области найдет в ней имена погибших родных и близких, узнает об их судьбе и почувствует свою причастность к великому подвигу народа» (с. 159). Органично вписываются в тематику раздела и другие статьи, в том числе посвященные «малой родине» и землякам автора: «Чухломичи в годы военного лихолетья» (с. 143–151).

Наиболее значимые результаты профессора В.Л. Миловидова в русле проблемы «Интелли-

© А.М. Белов, 2006

генции и общества» представлены в третьем разделе книги. Ключевой в понимании взглядов автора является статья «Российская интеллигенция: взгляд сквозь годы». Как считает историк, в определении понятия «интеллигенция» «при акценте на социологический подход жизнь все-таки требует не предавать забвению и нравственно-этический» (с. 170), воспринимать обе составляющих в диалектическом сочетании и взаимном обогащении, поскольку они отражают и противоречие этого сложного социального феномена. При всем этом не только авторской позицией по спорным вопросам изучения российской интеллигенции привлекательна эта работа. Во всем чувствуется настоящий историзм, опора на факты, рассмотрение российской интеллигенции в общественно-политических процессах России в XX веке – вот характерные черты почерка, авторского стиля В.Л. Миловидова. «Обозревая путь, пройденный российской интеллигенцией, – считает историк, – нельзя не видеть ее заслуг перед обществом. Но в то же время есть поводы для ее критики. Реформы 1990-х раскололи некогда «единую» советскую интеллигенцию. Ратуя за эти преобразования, либерально настроенная часть интеллигенции направила свою критику против советской истории, достижений прошлых лет. И все это сопровождалось идеализацией дореволюционной истории и восхвалением западного опыта. Цена реформ, двигателем которых была либеральная интеллигенция, оказалась слишком высокой для части общества». Тем не менее, историк чутко улавливает перемены в настроениях интеллигенции последнего времени: «во имя каких идеалов должно сплотиться современное российское общество? Какова его национальная идея?» Как считает автор «Эти вопросы все больше начинают волновать различные группы интеллигенции, вынужденные корректировать свои взгляды. Все громче звучат идеи патриотизма, державности. Оживились споры и о преемственности при всех различиях постсоветской, советской и дореволюционной интеллигенции, об известной преемственности исторического развития российского общества». «Уроки этого опыта, – пишет в заключении В.Л. Миловидов, – призывают государство и политические партии к внимательному отношению ко всем группам интеллигенции, к использованию ее богатого интеллектуального и духовного потенциала на благо всего общества» (с. 170–171).

Важной частью научно-педагогической деятельности профессора В.Л. Миловидова было изучение истории политических партий, результаты которого представлены в 4-м разделе книги. Владимир Леонидович в инициативном порядке вместе с коллегами и учениками разрабатывает программу общего и специального курсов по истории политических партий России и уже долгие годы успешно преподает на историческом факультете. Характерными чертами научного и педагогического подхода ученого является разработка методологической базы изучения партий, в том числе привлечение методов других наук, стремление включать в анализ множество фактов, и, наверное, самое главное: отказ от одностороннего подхода, желания видеть только негатив в истории советского времени. Взвешенность позиции, умение найти ту разумную середину, отойти от пристрастного анализа – в этом просматривается не только квалификация ученого, но и весь опыт жизненного пути профессора В.Л. Миловидова.

В заключительном, 5-м разделе книги представлены портреты государственных деятелей нашей страны. В очерках о Н.К. Козлове, Б.М. Волине, П.А. Бляхине, Н.А.Филатове исследователь воссоздает социально-политические и психологические портреты активных участников исторического процесса первой половины XX века в центре и провинции. Через яркие очерки читатель сможет понять «человеческое измерение» эпохи, мотивы поведения людей, их личные качества, накладывавшие отпечаток, либо определявших разворот исторических событий.

Органично вписываются в этот раздел биографические зарисовки В.Л. Миловидова о современниках, коллегах и товарищах: Е.Я. Лебедев, В.А. Тупиченков, М.И. Синяжников, М.Н. Белов, Б.Н. Годунов, А.К. Шустов – военные, общественные деятели, ученые с кем в разное время сотрудничал и продолжает работать автор. Их жизнь, – пишет Владимир Леонидович, – яркий пример служения Отечеству и науке.

Неотъемлемой частью книги являются комментарии, из которых можно узнать как рождались очерки и статьи, чем они были вызваны, кто принимал в этом участие, где впервые публиковались, какие отклики получили.

Продуманная структура, прекрасное типографское исполнение придают изданию солидность. Безусловно книга профессора Костромского государственного университета В.Л. Миловидова является важным историографическим событием в жизни отечественной науки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБИДОВА Юлия Михайловна, соискатель каф. государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического ин-та ФСИН России.

АМОСОВА Оксана Сергеевна, канд. юрид. наук, старший преподаватель каф. государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического ин-та ФСИН России.

АФАНАСЬЕВ В.В., д-р пед. наук, проф. каф. педагогики Московского гос. областного ин-та.

БАРЫШЕВ Александр Александрович, д-р биол. наук, проф., зав. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЕЛОВ Андрей Михайлович, д-р ист. наук, проф., декан исторического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЕЛЯЕВА Юлия Владимировна, канд. экон. наук, доц. каф. экономической теории, докторант КГУ им. Н.А. Некрасова.

БЕРЕГОВОЙ Владимир Владимирович, аспирант каф. государственно-правовых дисциплин Владимирского гос. пед. ун-та.

БРАТЧИКОВ Алексей Николаевич, аспирант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

БУХМАСТОВА Галина Алексеевна, канд. филол. наук, доц. Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого.

БЫКОВА Илона Игоревна, аспирант лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского гос. ун-та им. Витуса Беринга.

ВАУЛИНА Лидия Николаевна, проректор по международным связям КГУ им. Н.А. Некрасова

ВИНОГРАДОВА Инна Евгеньевна, преподаватель каф. истории и теории музыки КГУ им. Н.А. Некрасова.

ВОЛКОВА С.Н., аспирант ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

ГУСЕВА Анна Викторовна, аспирант каф. финансов и кредита КГУ им. Н.А. Некрасова.

ГУСЕВА Светлана Геннадьевна, аспирант Нижегородского гос. пед. ун-та.

ДАЙЛИДЕНОК Андрей Алексеевич, аспирант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

ДОМАХИНА Надежда Михайловна, старший преподаватель каф. теории и методики преподавания изобразительного искусства, черчения и ДПИ КГУ им. Н.А. Некрасова.

ДУМАРЕВСКИЙ Дмитрий Борисович, канд. филос. наук, доц. каф. философии и социальных наук Волжской гос. академии водного транспорта.

ДЯТЛОВ Юрий Александрович, старший научный сотрудник ВЮИ ФСИН России.

ЕМЕЛЬЯНОВА Анна Валерьевна, старший преподаватель каф. немецкой филологии Ивановского гос. ун-та.

ЗЫКОВ А.А., канд. экон. наук, доц. каф. финансов и экономики туризма Владимирского гос. ун-та.

ИВАНОВ Николай Николаевич, д-р филол. наук, проф. ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

КАЛИНИН Александр Александрович, аспирант каф. всеобщей истории Вятского гос. гуманитарного ун-та.

КИМОВ Рашад Султанович, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка, докторант каф. общего языкознания КБГУ.

КОЛОБОВА Юлия Игоревна, аспирант Вятского гос. гуманитарного ун-та.

КОМАРОВ Антон Станиславович, аспирант каф. философии и политиологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КОЧУРОВА Л.И., канд. экон. наук, доцент Кемеровского ин-та (ф-л) ГОУ ВПО РГТЭУ.

КРИВОШЕИН Владимир Владимирович, докторант каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

КРУТЕЦКИЙ Владимир Юрьевич, старший преподаватель каф. отечественной истории ЯГТУ.

КРЫЛОВА Ольга Юрьевна, соискатель каф. лингвистического образования детей младшего школьного возраста Шуйский гос. пед. ун-та.

КУЗИЦЫН Геннадий Михайлович, проф., зав. каф. социально-культурной деятельности Пермского гос. института искусства и культуры, Заслуженный работник культуры РФ.

КУЛАКОВА Анна Александровна, старший преподаватель каф. пенитенциарной педагогики и психологии Владимирского юридического ин-та ФСИН РФ.

ЛАВРОВА Наталия Владимировна, доц. каф. агрохимии, почвоведения и защиты растений КГСХА, докторант каф. сельскохозяйственной биотехнологии РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева.

ЛОЦМАН Елена Сергеевна, аспирант Карельского гос. пед. ун-та.

ЛУТКОВА Любовь Александровна, ветеринарный врач, соискатель каф. зоогигиены с основами проектирования Вятской гос. сельскохозяйственной академии.

ЛЫСЯК Владимир Леонидович, соискатель каф. философии и политологии Нижегородского гос. архитектурно-строительного ун-та.

МАЛОЗЕМОВА Любовь Юрьевна, соискатель каф. экономики и управления Костромского технол. ун-та.

МАТВЕЕВА Галина Степановна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. Санкт-Петербургского гос. аграрного ун-та.

МЕДВИДЬ Валентина Васильевна, старший преподаватель каф. словесности и культурологии Нижегородского ин-та развития образования.

МОРОЗОВ Николай Георгиевич, канд. филол. наук, проф. каф. литературы КГУ им. Н.А. Некрасова.

МОРОЗОВА Наталья Юрьевна, аспирант кафедры литературы КГУ им. Н.А. Некрасова

МУРАДОВА Людмила Владимировна, канд. сельскохозяйственных наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

НАЗАРОВ П.В., канд. экон. наук, соискатель СПбГУЭФ.

НАУМОВ Александр Рудольфович, начальник управления научно-исследовательской деятельности КГУ им. Н.А. Некрасова, директор проекта АНО СИОИ.

НЕРОБЕЕВ Андрей Борисович, соискатель каф. социальной работы КГУ им. Н.А. Некрасова.

НИКОЛАЕВ Александр Валерьевич, канд. сельскохозяйственных наук, ученый секретарь ГНУ Костромской НИИСХ.

НОВОТОРЦЕВА Анна Михайловна, зав. кабинетом каф. логопедии ЯГПУ им. КД. Ушинского.

ПАНКРАТОВА Анна Александровна, аспирант каф. ботаники и физиологии растений Костромской ГСХА.

ПЕВЗНЕР Александр Абрамович, канд. техн. наук, нач. управления научной работы Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского.

ПЕВЗНЕР Лев Абрамович, д-р геолого-минералогических наук.

ПИСКУНОВА Христина Алексеевна, канд. сельскохозяйственных наук, ст. научный сотрудник ГНУ Костромской НИИСХ.

ПРИСТУПА Елена Николаевна, канд. пед. наук, доц. каф. психологии филиала Российского гос. социального ун-та в г. Дедовске.

РАДОМСКАЯ Татьяна Игоревна, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

РАЕВА Дарья Михайловна, аспирант кафедры культурологии НГПУ.

РЯБУХА Людмила Александровна, аспирант каф. внутренних незаразных болезней, хирургии и акушерства Костромской ГСХА.

САБЕЦКАЯ Г.Р., старший преподаватель Кемеровский ин-та (ф-л) ГОУ ВПО РГТЭУ.

САФОНОВА С.В., Современная гуманитарная академия (г. Москва), руководитель сектора.

СЕДОВА Нелли Владимировна, д-р пед. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена.

СИРОТИНА Марина Валерьевна, канд. биол. наук, доц. каф. зоологии КГУ им. Н.А. Некрасова.

СНЕЖКОВА Елена Александровна, ассистент каф. теории и истории музыки КГУ им. Некрасова.

СУЧКОВ Роман Николаевич, преподаватель каф. уголовного права и криминологии Владимирского юридического института ФСИН РОССИИ.

ТАРАСОВА Ольга Михайловна, аспирант каф. всемирной литературы Нижегородский гос. пед. ун-тет им. М. Горького.

ТЮРИН Алексей Владимирович, аспирант каф. теории и практики перевода Челябинского гос. ун-та.

ФЕДОРОВ В.В., соискатель каф. государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического ин-та ФСИН России.

ЧЕРНАВСКИЙ Михаил Юрьевич, канд. филос. наук, доц., докторант каф. философии Московского гос. пед. ун-та.

ЧУДАКОВА Марина Станиславовна, канд. ист. наук, доц. каф. истории и философии Ярославской гос. мед. академии.

ШАКИРОВА Наиля Хайдаровна, соискатель каф. татарского языка и методики преподавания Набережночелнинского гос. пед. ин-та.

ШЕВЧЕНКО Константин Владимирович, аспирант каф. автоматизации производственных процессов Северо-Западного заочного гос. техн. ун-та.

ШЕРМЕНЁВ Михаил Александрович, начальник отдела по внедрению и использованию технических средств обучения Владимирского юрид. ин-та ФСИН России.

ШТЕФАН Ольга Анатольевна, аспирант каф. финансов и кредита КГУ им. Н.А. Некрасова.

ЮСОВА Ольга Борисовна, Нижегородский гос. университет.

ЯКОВЛЕВ Виталий Юрьевич, канд. филос. наук, доц. каф. философии Костромского гос. технол. ун-та.

ЯРОШЕНКО Ольга Николаевна, старший преподаватель каф. английского языка Челябинского гос. ун-та.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ

Журнал «Вестник КГУ» публикует оригинальные исследования по естественным, гуманитарным и социальным наукам.

Размер статей не должен превышать 10 страниц текста, включая библиографию и подписи под рисунками. Количество рисунков не должно превышать 6, в кратких сообщениях – 2.

Статьи, заказываемые редколлегией для обзора работ в одной из научных областей, могут иметь объем до 1 п.л.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в 1 экземпляре с дискетой (формат MS Word 7.0, рисунки в формате (*.bmp), (*.tif), (*.jpg), (*.psd), (*.pcx)). Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующие требования: кегль 14 через 1,5 интервала; поля 25 мм со всех сторон.

Материал должен быть тщательно отредактирован.

2. Построение статьи:

2.1. Название статьи (аббревиатура в названии недопустима). Сведения об авторе (фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, должность).

2.2. Преамбула, объясняющая цель работы, актуальность проблемы.

2.3. Выводы.

2.4. Литературные ссылки.

3. Все страницы рукописи должны иметь сплошную нумерацию.

В тексте статьи необходимо дать ссылки на все рисунки и таблицы, которые, в свою очередь, должны быть озаглавлены.

Единицы измерения даются в соответствии с международной системой единиц (СИ).

Библиографический список помещается в конце статьи, авторы указываются в алфавитном порядке.

Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками.

Порядок оформления ссылок:

– Статья в журнале: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. От–до.

– Статья в сборнике трудов: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Город, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.)

– Монография или книга: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (или число страниц в книге __с.).

– Авторские свидетельства и патенты: А. с. номер. Название.

– Автореферат: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

4. Работы, опубликованные в других изданиях, не принимаются.

Статьи следует направлять по адресу:

156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14, Костромской государственный университет, корпус «В», кабинет 1.

vestnik@ksu.kostroma.net

Не принятые к публикации статьи возвращаются.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 21.07.2006
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 25,2
Тираж 1000 экз.
Изд. № 240

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(0942) 31-65-61**, факс: **(0942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.kostroma.net**

Цена свободная